Могилёвская старина.
В. 3

Дозволено цензурою 15 октября 1903 г. Вильна.

Могилевская Старина.

СБОРНИКЪ
СТАТЕЙ
„Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей"

под редакціей Е. Р. Романова.

Выпускъ III.

Годы 1902—1903.

Могилевъ на Днѣпрѣ.

1903.
Типографія губернскаго правленія.

МОГИЛЕВСКАЯ СТАРИНА.

Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени[1].

Проф. Е. Ѳ. Карскаго.

Основой для опредѣленія границъ Бѣлорусской области у насъ исключительно служитъ языкъ; вслѣдствіе этого, напр., тѣ литовцы виленской губерніи, которые въ настоящее время говорятъ только по-бѣлорусски, у насъ отнесены къ бѣлоруссамъ, а тѣ обитатели калужскаго и орловскаго Полѣсья, которые говорятъ по-южновеликорусски, отнесены къ южновеликоруссамъ, хотя предки ихъ, несомнѣнно, были бѣлоруссы. Такимъ образомъ, очерченная ниже область скорѣе принадлежитъ бѣлорусскому нарѣчію, нежели племени.

Границы области, въ которой раздается бѣлорусская рѣчь, легче всего опредѣляются на западѣ, такъ какъ здѣсь сосѣдями бѣлоруссовъ оказываются нерусскія племена, сначала даже и неславянскія.

Самымъ сѣвернымъ пунктомъ, до котораго достигаютъ бѣлоруссы на западѣ, является, примѣрно, станція Корсовка с.-петербургско-варшавской жел. дор. (56,8° сѣверной широты. Ср. этнограф. карту Европейской Россіи, Риттиха, и его же карту западныхъ и южныхъ славянъ) въ люцинскомъ уѣздѣ витебской губерніи. Отсюда граница бѣлорусскихъ поселеній направляется сначала къ юговостоку и идетъ, верстахъ въ 10—5 недостигая себежскаго уѣзда. Дойдя до р. Синюхи, она рѣзко поворачиваетъ на западъ, а отъ озера Черза—даже на сѣверозападъ: затѣмъ дугообразно направляется почти до границы рѣжицкаго уѣзда, а отсюда ломанной линіей она снова поворачиваетъ къ юговостоку до границы люцинскаго уѣзда съ себежскимъ и дриссенскимъ. Насколько можно судить по картѣ № 1ᵃ въ атласѣ Биленштейна (Atlas der Ethnologischen Geographie des heutigen und des praehistorischen Lettenlandes St. Petersb. 1892), въ указанныхъ мѣстахъ люцинскаго уѣзда бѣлоруссы живутъ въ перемежку съ латышами, но преобладаютъ первые. Затѣмъ граница бѣлорусскаго нарѣчія идетъ къ югозападу, примѣрно по линіи, раздѣляющей уѣзды люцинскій, рѣжицкій и двинскій отъ дриссенскаго, по направленію къ Друѣ; далѣе на западъ по правому берегу Западной Двины до самаго Двинска; здѣсь къ югу отъ Двины у Биленштейна указано лишь незначительное пространство, заселенное латышами; весь же остальной юговосточный отрѣзокъ иллукстскаго уѣзда курляндской губерніи заселенъ бѣлоруссами.—На всемъ указанномъ протяженіи сосѣдями бѣлоруссовъ сначала съ запада, а затѣмъ и съ сѣвера являются латыши, въ курляндской губерніи переходящіе даже, какъ мы видѣли, Западную Двину.

Отъ Двинска граница бѣлорусскаго нарѣчія идетъ сначала по курляндской губерніи*), а затѣмъ по ковенской направляется къ югу, къ оз. Дрисвяты, захватывая часть новоалександровскаго уѣзда (мнѣ извѣстны записи изъ с. Дукштъ, м. Слободки, с. Илюсь, д. Павловщины). Отъ оз. Дрисвятъ граница бѣлоруссовъ идетъ къ виленской губерніи: здѣсь сначала пограничная черта виленской и ковенской губерніи будетъ и границей бѣлоруссовъ: затѣмъ отъ р. Дисны граница бѣлорусскаго нарѣчія идетъ по свенцянскому уѣзду нѣсколько ломанной линіей на югъ и западъ около литовскихъ волостей Тверечь, Годуцишекъ (на востокъ отъ нихъ), Свенцянъ (къ югу отъ нихъ), оставляя къ югу бѣлорусскія волости Комай, Лынтупы, Кемелишки; затѣмъ, перейдя р. Жемойтянку, граница кривой линіей идетъ по виленскому уѣзду на западъ почти до

*) По Географическо-статистическому словарю Россійской Имперіи П. Семенова, т. II (С.-Пб. 1865), 860 стр., въ Курляндіи бѣлоруссовъ 700 чел.; теперь, почти черезъ 40 лѣтъ количество ихъ, несомнѣнно, значительно увеличилось. Въ «Матеріалахъ» покойнаго П. В. Шейна (т. I, ч. I) есть даже записи и[з] данной мѣстности въ окрестн. м. Улукштъ» [...] 513); въ указателѣ (стр. XXII) это мѣсто р[...] «окр. Охукшты». Ни того ни другого мѣста я не нашелъ.

[1]) Изъ №№ 8 и 9 „Могилев. Губ. Вѣдом.“ 1902 г.

Кернова, оставляя къ сѣверу литовскія волости— Янишки, Гедройцы, Ширвинты, Мусники, а къ югу бѣлорусскія волости—Нѣменчинъ, Подберезье, Корву, Мейшаголу. У Кернова бѣлорусская граница переходитъ на лѣвый берегъ р. Виліи и идетъ въ южномъ направленіи, захватывая въ бѣлорусскую область волость Евье, Троки, Межирѣчье, почти до ст. Рудишки пет.-варш. ж. д., а затѣмъ на востокъ и юговостокъ, примѣрно къ ст. Порудоминъ полѣсск. ж. д., а отсюда по границѣ трокскаго и виленскаго уѣзда почти до пограничной черты лидскаго уѣзда, оставляя къ сѣверу бѣлорусскую волость Солечники; далѣе она идетъ по границѣ ошмянскаго и лидскаго уѣздовъ къ югу до поворота этой границы на востокъ (это по 20-верстной картѣ Ильина), а по другимъ свѣдѣніямъ—это будетъ уже ошмянскій уѣздъ, причемъ литовская область съ запада захватываетъ Бипякони, Конвалишки, Девенишки, Гермашишки (волость Седлиско), имѣя на сѣверѣ, какъ уже отмѣчено, бѣлорусскую волость Б. Солечники, а съ юга—Гераноны. Далѣе граница идетъ по сѣверной части лидскаго уѣзда: отъ Гераноњ къ югозападу почти до ст. Бастунъ полѣсск. ж. д.; отсюда граница идетъ на западъ, оставляя къ сѣверу литовскую волость Радунь; затѣмъ граница рѣзко поворачиваетъ на сѣверовостокъ, захватывая Начу и Ейшишки въ бѣлорусскую область. Отъ Ейшишекъ граница идетъ на югозападъ къ трокскому уѣзду, далѣе къ пограничной чертѣ гродненской губерніи до впаденія рѣчки Ротничанки у Друскеникъ въ р. Нѣманъ.

Настоящая граница бѣлоруссовъ въ виленской губерніи установлена по статьѣ Анонима: «Obszar języka litewskiego w gub. Wileńskiej» (Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydawane staraniem komisyi antropologicznej akademii umiejętności w Krakowie. T. III, 1898), составленной по матеріаламъ, собраннымъ въ виленской губерніи сельскими старшинами по распоряженію предводителя дворянства виленской губерніи гр. Адама Плятера. Въ этихъ матеріалахъ указано, какія волости ...ершенно не имѣютъ литовскаго населенія и ...кихъ оно смѣшано съ бѣлорусскимъ. Кри... для такого дѣленія служитъ языкъ. Изъ ...ъ волостей бѣлорусскими я посчиталъ тѣ, гдѣ значительное большинство бѣлоруссовъ; такъ что кое-гдѣ бѣлорусскія поселенія попадаются и въ литовской области и наоборотъ— литовскія въ бѣлорусской.

Въ прежнихъ работахъ, напр., у А. Коревы (Виленская губернія. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. С.-Пб. 1861 г.), Киркора (Живописная Россія. III, 13), И. Недешева (Русскій Фил. Вѣстникъ, XII), П. Чубинскаго (Труды этнографическо-статистич. экспедиціи въ западно-русскій край, т. VII, карта)—со словъ Нарбута граница виленскихъ бѣлоруссовъ опредѣлялась очень неточно: возлѣ Вильны ихъ совсѣмъ не оказывалось, тогда какъ здѣсь они сидятъ сплошною массой. Уже больше мѣста удѣлено бѣлоруссамъ въ этнографическихъ картахъ Риттиха. Въ картѣ, приложенной къ литовской грамматикѣ Ф. Куршата (Grammatik der littauischen Sprache, Halle, 1876), бѣлорусская граница отнесена значительно дальше на западъ (къ западу отъ Рудишковъ, возлѣ Ейшишекъ съ востока). Но у Э. Вольтера (Zur kunde der wilnaer litauischen Dialekte. II. Die litauer von Ośmena. Mitteilungen der litt. liter. Geselschaft, Heft 20), наоборотъ, еще указано много мѣстъ, заселенныхъ литовцами даже къ юговостоку отъ указанной границы, напр., въ волостяхъ седлиской, девенишской, лугомовичской, вратишской и бакштанской. Очевидно, во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ литовцы живутъ въ перемежку съ бѣлоруссами.

Западными сосѣдями бѣлоруссовъ, какъ можно было видѣть изъ предыдущаго, въ ковенской и виленской губерніяхъ являются уже литовцы. Около Друскеникъ бѣлорусская рѣчь переходитъ въ сувалкскую губернію—сначала въ сейнинскій, а затѣмъ въ августовскій уѣздъ. Въ сувалкской губерніи сосѣдями бѣлоруссовъ съ сѣверозапада и запада уже являются поляки. Разграничивать бѣлоруссовъ и поляковъ значительно труднѣе, такъ какъ бѣлоруссы-католики съ интеллигентнымъ лицомъ здѣсь стараются говорить по-польски; но домашнимъ обиходнымъ языкомъ служитъ чисто бѣлорусскій, съ нѣкоторымъ лишь запасомъ полонизмовъ въ словарѣ; но въ фонетикѣ полонизмовъ нѣтъ: нельзя слышать носовыхъ ą—ę, формъ неполногласныхъ, въ родѣ głowa, krowa, broda, вмѣсто—голова, корова, борода, шипящаго rz: brzeg вм. берегъ, dz вм. *ж* и с

вм. *ч*: miedza вм. межа, noc вм. ночь, ударенія на предпослѣднемъ слогѣ.

По сувалкской губерніи граница бѣлорусскаго племени идетъ отъ р. Нѣмана на Копцёво къ Августовскому каналу; затѣмъ по системѣ канала до г. Августова и далѣе по р. Нетѣ до границы съ гродненской губерніей. Отмѣченную границу по сувалкской губ. прошлымъ лѣтомъ мнѣ удалось установить лично. Къ такимъ же выводамъ придемъ и на основаніи книги Э. А. Вольтера: «Списки населенныхъ мѣстъ сувалкской губерніи». С.-Пб. 1901 г.

И въ гродненской губерніи западными сосѣдями бѣлоруссовъ являются поляки. И здѣсь католики-бѣлоруссы въ своемъ словарѣ имѣютъ много полонизмовъ, такъ что проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ ихъ рѣчь называетъ даже бѣлорусско-польской (сравни его записи въ краковскомъ изданіи: «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», XVI и XVIII). Такъ же называетъ эти говоры и М. Федеровскій въ книгѣ: «Lud białoruski na Rusi litewskiej». T. I. W Krakowie. 1897, XI—XII; у него же указываются и границы этихъ говоровъ.—Съ поляками гродненской губерніи бѣлоруссы граничатъ въ сокольскомъ и бѣлостокскомъ уѣздахъ. Тутъ граница идетъ въ южномъ направленіи на Суховоль, Кнышинъ, Бѣлостокъ, не доходя до послѣдняго верстъ на 10 съ запада; потомъ она идетъ на Суражъ до р. Нарева. За этой рѣкою къ югу уже малоруссы.

Малорусская рѣчь представляетъ много сходства съ бѣлорусскою въ звукахъ, формахъ и словарѣ, такъ что для лицъ, не знакомыхъ научнымъ образомъ съ тѣмъ и другимъ нарѣчіемъ, разграниченіе бѣлоруссовъ и малоруссовъ на первый взглядъ кажется затруднительнымъ. Это затрудненіе увеличивается еще отъ того, что смѣшанные сѣверно-малорусскіе говоры часто знаютъ *дз* вм. *д* мягкаго, *ц* вм. *т* мягкаго, *р* твердое, что нѣкоторымъ кажется въ данномъ случаѣ типичной бѣлорусской чертой. Но дѣло въ томъ, что *р* твердое вм. мягкаго спорадически встрѣчается во всѣхъ сѣверно-малорусскихъ говорахъ; остается *дз* и *ц* мягкое вм. *д* и *т* мягкихъ, но и они не типичны, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ могутъ быть объясняемы, какъ заимствованія малоруссами у бѣлоруссовъ. Правда, малоруссы очень не любятъ дзекающаго произношенія: въ своихъ насмѣшкахъ надъ бѣлоруссами они подчеркиваютъ именно эту черту: «хыба лыхо озмэ лытвына, щобъ тильо дзекнувъ».—Единственно вѣрнымъ критеріемъ, по моему мнѣнію, для различенія малоруссовъ отъ бѣлоруссовъ здѣсь служитъ, кромѣ чисто антропологическихъ особенностей, а затѣмъ быта, то или другое произношеніе общерусскихъ *е* и *ѣ*, а въ связи съ ними и предшествующихъ имъ согласныхъ: у бѣлоруссовъ эти звуки (или ихъ замѣнители) всегда мягки, вслѣдствіе чего они смягчаютъ предшествующіе имъ согласные, тогда какъ у малоруссовъ эти звуки всегда тверды. Бѣлоруссъ скажетъ—ведзевъ, милы, бици, а малоруссъ—ведэшъ, мылы, быты. Понятно, что малоруссы не знаютъ и *дз—ц* мягкихъ передъ общерусскими *е—ѣ* и ихъ замѣнителями, но въ смѣшанныхъ говорахъ малоруссы знаютъ *дз* и *ц* мягкіе передъ *е* и *і* изъ общерусскаго *ѣ*, которые у нихъ бываютъ мягкими, напр., дзівуля, дзевчина; возможны *дз—ц* у нихъ еще на концѣ передъ стариннымъ *ь*: ходиць. Еще въ смѣшанныхъ говорахъ слѣдуетъ обращать вниманіе на то, есть ли въ нихъ аканье, т. е. произношеніе, въ родѣ в*а*да, н*я*су, или нѣтъ: акаютъ только бѣлоруссы. Такимъ образомъ, при разграниченіи бѣлоруссовъ и малоруссовъ слѣдуетъ обращать вниманіе на произношеніе общерусскихъ *е* и *ѣ*: бѣлоруссы никогда не произносятъ ихъ твердо, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ (*сэрце, уздэчка*, формы на *эй* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ *злэй*). Если при этомъ еще окажется *дз—ц* мягкое и *р* твердое, то говоръ несомнѣнно бѣлорусскій, хотя бы остальныя черты и были малорусскія, напр. дифтонги *уо* *ю* *іе* и под.

Держась указанныхъ принциповъ, южную границу бѣлоруссовъ проведемъ слѣдующимъ образомъ: рѣкою Наревомъ, по бѣльскому уѣзду гродненской губ., бѣлорусская граница идетъ до Бѣловѣжской пущи, прорѣзываетъ ея сѣверную часть до м. Новый Дворъ волковыскаго уѣзда. Впрочемъ у Шейна (т. II) приводятся записи и изъ болѣе южныхъ мѣстностей (Шерешовъ, Буда), но Федеровскій (Lud białoruski, I т., IX, вын.) не считаетъ эти матеріалы бѣлорусскими. Отъ Новаго Двора граница въ юговосточномъ направ-

ленія по р. Ясельдѣ въ пружанскомъ уѣздѣ идетъ почти до Картузъ-Березы; отсюда почти паралельно варшавско-московскому шоссе направляется къ р. Щарѣ, затѣмъ по послѣдней переходитъ въ минскую губернію. Здѣсь отъ р. Щары бѣлорусская граница идетъ въ юговосточномъ направленіи къ м. Лунино (при пересѣченіи полѣсскихъ ж. дорогъ), захватывая въ бѣлорусскую область деревни Хотиничи, Малковичи. Здѣсь, значитъ, мы заходимъ въ сѣверную часть пинскаго уѣзда (ср. Памятную книжку виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 годъ, С.-Пб. 1868, стр. 63, ст. Быковскаго). Далѣе, граница спускается къ р. Припяти, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже проникая на правый ея берегъ, особенно клиномъ въ восточной части мозырскаго уѣзда до границы съ волынской губерніей. Припятью граница идетъ по уѣздамъ мозырскому и рѣчицкому и достигаетъ до самаго Днѣпра.

За Днѣпромъ мы уже переходимъ въ область черниговской и могилевской губерній. Вся могилевская губернія населена бѣлоруссами; малорусскій элементъ сказывается лишь въ рѣчи населенія нѣкоторыхъ мѣстъ южной части гомельскаго уѣзда; зато бѣлорусскія особенности сильно замѣтны въ сѣверныхъ уѣздахъ черниговской губерніи, такъ что граница бѣлорусскихъ говоровъ, переходя за Днѣпръ изъ минской губерніи, должна быть проведена сначала по Днѣпру къ сѣверу приблизительно до с. Радуни, верстъ за 15 до устья р. Сожа. Есть даже свидѣтельства, что бѣлорусскія особенности встрѣчаются въ сѣверной части черниговскаго уѣзда (Русск. Филолог. Вѣстникъ, XI, 118). Отъ Радуни граница идетъ по городнинскому уѣзду на западъ, захватывая Красковское, къ р. Снови; затѣмъ по этой рѣкѣ и по границѣ уѣздовъ новозыбковскаго и сосницкаго, далѣе по новгородъ-сѣверскому уѣзду до р. Десны, оставляя уѣздный городъ къ югу. За Десной бѣлорусскую рѣчь можно отмѣтить въ с. Юриновкѣ; далѣе граница идетъ по Деснѣ до орловской губерніи. Малоруссы «всѣхъ живущихъ къ сѣверу отъ Десны вообще называютъ задесенцами и считаютъ ихъ литвинами, несмотря на то, что въ такъ называемомъ Стенкѣ сосницкаго уѣзда преобладаетъ чисто южнорусскій типъ». (Календарь черниговской губ. на 1887 г. (Ср. А. И. Соболевскаго: Опытъ русской діалектологіи, 69 стр., вып.). Если судить по описанію этихъ говоровъ у Чубинскаго (VII, 491), они бѣлорусскіе. Конечно, въ сѣверныхъ уѣздахъ черниговской губ. (особенно въ городахъ) мѣстами слышится и малорусская рѣчь.

Въ орловской, калужской, смоленской, тверской и псковской губерніяхъ бѣлоруссамъ приходится сосѣдить съ великоруссами, больше съ южновеликоруссами. Какъ извѣстно, бѣлорусская рѣчь имѣетъ много общаго съ южновеликорусскими говорами, такъ что здѣсь опять представляется немало трудностей при разграниченіи тѣхъ и другихъ. Тутъ прежде всего слѣдуетъ различать бѣлоруссовъ по образу жизни: они селятся въ мѣстностяхъ лѣсистыхъ и болотистыхъ; великоруссы поэтому и называютъ ихъ полѣхами, а мѣстность ихъ Полѣсьемъ. «Водораздѣльные лѣса стали одинаково племенною границею здѣсь (въ орловской, калужской и смоленской губ.) на востокѣ Бѣлоруссіи, какъ не перестаютъ быть межою подобные же густые лѣса на югѣ, востокѣ, сѣверѣ обширнаго Бѣлорусскаго края съ племенами малорусскимъ, литовскимъ, латышскимъ и опять великорусскимъ» (Живописная Россія, III, 435, ст. С. Максимова). Далѣе, міровоззрѣніе и народная поэзія у бѣлоруссовъ часто не сходятся съ великорусскими; наконецъ, что особенно важно, у бѣлоруссовъ много словарныхъ особенностей, часто неизвѣстныхъ великоруссамъ-сосѣдямъ. Въ фонетикѣ и морфологіи можно отмѣтить слѣдующія исключительно бѣлорусскія черты: 1) *дз*—*ц* мягкіе вм. *д* и *т* мягкихъ (но иногда этихъ свистящихъ звуковъ и не бываетъ), напр. дзѣци (ср. С. Максимовъ: Обитель и житель. Древняя и новая Россія 1876 г., № 8, стр. 299—300); 2) появленіе ў краткаго намѣстѣ *у* безударнаго, стоящаго передъ согласными: ўмёръ; намѣстѣ предлога *въ*: ўкипу ў мѣхъ, и что особенно характерно—на мѣстѣ *л* въ прошедшемъ времени и нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ: быў, пропросиў, поўны; 3) удвоеніе согласныхъ передъ j: Илля, свиння; 4) появленіе слоговъ *ы*j—*і*j вм. великорусскихъ *о*j—*е*j: мый, мыю, шій, шія, злый. Къ этимъ особенно существеннымъ чертамъ еще прибавимъ: 5) смѣшеніе *р* твердаго и *р* мягкаго: цара, я—радъ; 6) появленіе *дж* вм. *ж*: гляджу; 7) смягченіе *г*, *к*, *х* въ склоне-

ненія словъ: на дузѣ, на лацѣ, у стрѣсѣ; 8) множественное число при 2—4 въ мужескомъ родѣ: два вауки, и возможность двойственнаго при женскомъ и среднемъ родахъ: три бядзѣ, два силѣ; 9) возможность звательнаго падежа: сынку, чалавѣче; 10) особый видъ повелительнаго со звукомъ *е* изъ стараго *ѣ* передъ окончаніемъ: хадземъ, купеця. Не стану перечислять другихъ бѣлорусскихъ особенностей, не извѣстныхъ великоруссамъ (ихъ можно найти въ спеціальныхъ пособіяхъ по бѣлорусскому нарѣчію), такъ какъ и приведенныхъ достаточно, чтобы отличить рѣчь бѣлоруса отъ рѣчи великоруса. Принимая во вниманіе указанныя особенности бѣлорусскихъ говоровъ, границу ихъ съ великорусскимъ нарѣчіемъ въ орловской губерніи можно провести приблизительно въ трубчевскомъ уѣздѣ по правому берегу р. Десны, далѣе въ брянскомъ уѣздѣ по р. Деснѣ и ея притоку Болвѣ. Жители брянскаго и трубчевскаго уѣздовъ орловской губерніи извѣстны подъ именемъ полѣховъ (Очерки Россіи, Пассека, IV. Цитата взята у Соболевскаго: Опытъ русской діалектологіи. 15, 4 вып.). С. Максимовъ отмѣчаетъ ихъ дзеканье. (Древняя и новая Россія, 1876 г., № 8, 299—300, 306). Брянскій, сѣвскій, трубчевскій и карачевскій уѣзды орловской губ. относитъ къ Бѣлоруссіи и де-Ливронъ (ср. Живописная Россія, III, 250). С. Максимовъ также раздвигаетъ орловское и калужское Полѣсье и на лѣвый берегъ Десны (Живоп. Россія, III, 432, 436).

Далѣе граница бѣлорусской области переходитъ въ жиздринскій уѣздъ калужской губерніи. Въ «Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи. Калужская губ., ч. II. С.-Пб. 1864. Составилъ М. Попроцкій», стр. 183, читаемъ: «Жители калужской губерніи говорятъ великорусскимъ языкомъ, но въ произношеніи весьма многихъ словъ жителями масальскаго и западной части жиздринскаго уѣздовъ замѣтно сосѣдство Бѣлоруссіи. По нѣкоторымъ оттѣнкамъ въ языкѣ и нѣкоторымъ обычаямъ, жители западной части масальскаго уѣзда разнятся нѣсколько отъ жителей восточной его половины: первые и понынѣ слывутъ подъ именемъ полѣховъ, а послѣдніе подъ именемъ полянъ». Изслѣдованію языка западныхъ калужскихъ говоровъ посвящены три работы: академика А. А. Шахматова (Рус. Фил. Вѣстн., XXXVI), Караулова (тамъ же, XLIII) и особенно А. Никольскаго (тамъ же, XLVI—XLVIII, работа продолжается). Разсматривая особенности языка этихъ полѣховъ, приходимъ къ заключенію, что жители западной части жиздринскаго и масальскаго уѣздовъ, дѣйствительно, бѣлоруссы, но только принявшіе немало особенностей и южновеликорусскихъ говоровъ. У нихъ между прочимъ уже и дзеканья нѣтъ и твердаго *р*. Имѣя въ виду обыкновеніе бѣлоруссовъ селиться по низменнымъ мѣстамъ и по рѣкамъ, я думаю, что приблизительно границу ихъ здѣсь можно провести, придерживаясь теченія р. Болвы, не достигая Жиздры, и затѣмъ къ верховьямъ р. Угры и дальше къ границѣ ельнинскаго уѣзда смоленской губерніи.

Въ смоленской губерніи граница бѣлорусскаго племени идетъ по межѣ между уѣздами дорогобужскимъ и бѣльскимъ, съ одной стороны, и юхновскимъ, вяземскимъ и сычевскимъ—съ другой; при чемъ большая часть губерніи населена бѣлорусскимъ племенемъ и лишь четыре восточные уѣзда (юхновскій, вяземскій, сычевскій и гжатскій) принадлежатъ южновеликорусскому нарѣчію. По сообщенію С. Максимова (Живоп. Россія, III, 442) наибольшая часть бѣльскаго уѣзда—восточная—населена великоруссами.

Въ тверской губерніи бѣлорусскія поселенія съ нѣкоторыми особенностями даже сѣверновеликорусскихъ говоровъ (взаимная мѣна *ч* и *ц*) начинаются у г. Зубцова, далѣе тянутся по правому берегу Волги (Молодой Тудъ), гдѣ живутъ тудовляне, заходя иногда даже и на лѣвый ея берегъ (по р. Итомлѣ въ ржевскомъ уѣздѣ и р. Кошѣ въ осташковскомъ); затѣмъ граница бѣлорусскихъ говоровъ подходитъ къ истокамъ Волги и Зап. Двины. Бѣлорусское дзеканье, по Далю, слышится въ Корчевѣ и Торжкѣ.

Въ восточной части псковской губерніи бѣлоруссы не простираются дальше Зап. Двины. Затѣмъ граница бѣлорусской области идетъ приблизительно по сѣверной границѣ витебской губерніи. Нѣкоторыя отдѣльныя бѣлорусскія особенности можно встрѣчать и въ южной части псковской губерніи и въ другихъ мѣстахъ. М. Колосовъ (Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варшава. 1878. стр. 147, вып. 2) отмѣчаетъ бѣлорус-

сэзъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ псковской губерніи (великолуцкій, опочецкій*) и холмскій) и даже московской (рузскій, волоколамскій и можайскій).

Вслѣдствіе разныхъ войнъ Москвы съ Литвой и Польшей бѣлоруссы нерѣдко попадали въ плѣнъ и бывали поселяемы на окраинахъ русскаго племени по сосѣдству съ инородцами; таковы, вѣроятно, ситкари на р. Сити. притокѣ Мологи. въ ярославской губ. (ср. С. Максимовъ: Обитель и житель. Древняя и новая Россія 1876 г., № 8, 300). Въ XVIII вѣкѣ иногда выселяли бѣлоруссовъ на пожалованныя вотчины: таковы. напр., паны, бутаки, занимающіеся добываніемъ поташа изъ золы, майданнымъ промысломъ, въ лукояновскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи (ср. Б. М. Ляпуновъ: Нѣсколько словъ о говорахъ лукояновскаго уѣзда ниж. губ. С.-Пб. 1894, 13—16, отд. от. изъ «Живой Старины»). Тѣми же обстоятельствами, вѣроятно. вызваны незначительныя поселенія бѣлоруссовъ въ херсонской и пензенской губ. (Живоп. Россія, III, 250). Въ послѣднее время бѣлоруссы въ качествѣ колонистовъ-переселенцевъ попали въ многія отдаленныя мѣста Сибири и Средней Азіи. И здѣсь они остались вѣрны себѣ: селятся въ мѣстахъ богатыхъ лѣсами и водными бассейнами. По свидѣтельству М. Ковалевскаго (Экономическій строй Россіи. Переводъ съ французскаго. С.-Пб. 1900), бѣлоруссы составляютъ $^{5}/_{6}$ населенія богатаго указанными особенностями природы Уссурійскаго края.

Такимъ образомъ, бѣлорусская рѣчь въ той или другой степени раздается въ губерніяхъ: витебской (большая часть), курляндской (незначительная часть), ковенской (незначительная часть), виленской (большая часть), гродненской (половина), сувалкской (одинъ уѣздъ), минской (большая часть), могилевской (вся губернія), черниговской (значительная часть на сѣверѣ), орловской (западный уголъ), калужской (незначительная часть), смоленской (большая часть), тверской (незначительная часть).

Бѣлорусскую рѣчь знаютъ слѣдующіе уѣзды (расположимъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ):

Августовскій сувалк. г.
Бобруйскій минск. г.
Борисовскій минск. г.
Брянскій орловск. г.
Быховскій могил. г.
Бѣльскій гродн. г.
Бѣльскій смолен. г.
Бѣлостокскій гродн. г.
Велижскій витеб. г.
Виленскій вилен. г.
Вилейскій вилен. г.
Витебскій витеб. г.
Волковыскій гродн. г.
Гомельскій могилев. г.
Горецкій могил. г.
Городнинскій черн. г.
Городокскій витеб. г.
Гродненскій гродн. г.
Дисненскій вилен. г.
Дорогобужскій смол. г.
Дриссенскій витеб. г.
Ельнинскій смол. г.
Жиздринскій калуж. г.
Зубцовскій тверск. г.
Игуменскій минск. г.
Иллукстскій курлянд. г.
Климовичскій могил. г.
Краснинскій смол. г.
Лепельскій витеб. г.
Лидскій вилен. г.
Люцинскій витеб. г.
Мглинскій черниг. г.
Минскій минск. г.
Могилевскій могил. г.
Мозырскій минск. г.
Масальскій калуж. г.
Мстиславскій могил. г.
Невельскій витеб. г.
Новгородъ-Сѣверскій черн. г.
Новоалександровскій ковен. г.
Новогрудскій минск. г.
Новозыбковскій черн. г.
Оршанскій могил. г.,
Осташковскій тверск. г.
Ошмянскій вилен. губ.
Пинскій минск. г.
Полоцкій витеб. г.
Порѣчскій смол. г.
Пружанскій гродн. г.
Ржевскій тверск. г.
Рогачевскій могил. г.
Рославльскій смол. г.
Рѣчицкій минск. г.
Свенцянскій вилен. г.
Себежскій витеб. г.
Сейнскій сувалк. губ.
Слонимскій гродн. г.
Слуцкій минск. г.
Смоленскій смолен. г.
Сокольскій гродн. г.
Стародубскій черниг. г.
Суражскій черниг. г.
Сѣнненскій могил. г.
Трокскій вилен. г.
Трубчевскій орлов. г.
Чаусскій могил. г.
Чериковскій могил. г.

*) Въ этомъ уѣздѣ отмѣчаетъ бѣлоруссовъ и Максимовъ (Живоп. Россія III, 448).

II. Реликвіи Лѣснянскаго боя.

Недавно священникъ с. Рабовичъ о. Андруцкій доставилъ мнѣ нѣсколько реликвій извѣстной битвы подъ Лѣсной, происходившей 28 сентября 1708 года.

Въ «Мог. Губ. Вѣд.» уже неоднократно говорилось объ этой битвѣ, и читателямъ болѣе или менѣе извѣстны подробности пораженія, нанесеннаго здѣсь Петромъ I Левенгаупту.

Если я напомню, что битва эта продолжалась съ утра и до ночи и въ ней шведовъ пало до **8000** чел., а нашъ уронъ доходилъ до **3966** человѣкъ, то станетъ понятнымъ, что Лѣснянское поле почти сплошную было усѣяно пулями, ядрами, картечью, ружьями, саблями и т. п. Все это въ самый день боя было засыпано снѣгомъ и оставалось въ землѣ до сороковыхъ годовъ XIX столѣтія, когда на это поле обратила свое вниманіе мѣстная помѣщица и собрала съ него всѣ крупнѣйшіе предметы.

Теперь они вѣроятно въ краковскомъ музеѣ, подобно многимъ другимъ предметамъ старины нашего края.

Но еще и теперь, при распашкѣ поля битвы и послѣ дождей, на немъ дѣлается много находокъ, главнымъ образомъ—пуль и картечи.

Въ числѣ реликвій, любезно доставленныхъ мнѣ о. Андруцкимъ, имѣются слѣдующія:

1. Чугунное ядро, вѣсомъ 3 ф., въ діаметрѣ $5\frac{1}{4}$ в., уже долго употреблявшееся лѣснянскими бабами при бученьѣ бѣлья.

2. Осколокъ бомбы, пустой внутри.

3. Семь картечныхъ пуль. Изъ нихъ три чугунныхъ, величиною въ малый грецкій орѣхъ, двѣ свинцовыхъ парныхъ, соединявшихся проволокою, и одна свинцовая большая, вѣсомъ въ 1 фунтъ. Всѣ сферическія. Одна свинцовая, цилиндрическая, съ желѣзнымъ стержнемъ внутри.

4. Три ружейныя пули свинцовыя, сферическія, въ томъ числѣ одна нѣсколько измятая и покрытая густымъ краснымъ налетомъ.

5. Ружейная пуля такая же, но совершенно потерявшая форму, повидимому—отъ удара въ кость.

6. Ружейная пуля свинцовая, цилиндрическая, съ придаткомъ сверху.

7. Двѣ ружейныя свинцовыя пули, сферическія, съ такими же придатками.

При одномъ изъ моихъ посѣщеній поля битвы я лично находилъ подобныя пули, при чемъ въ этихъ придаткахъ (пуля имѣетъ видъ кувшинчика) сохранились еще щетины, имѣвшія повидимому цѣлью растравленіе раны.

8. Ружейный замокъ и курокъ отъ кремневки.

9. Метательное трубчатое копье, повидимому, русской кавалеріи,—можетъ быть участвовавшихъ въ бою калмыковъ. Длина копья съ трубкою 4 вершка, а длина остраго трехграннаго стержня $2\frac{3}{8}$ вершка.

10. Кавалерійское трубчатое копье, очень тонкой работы, повидимому, шведское. Общая длина его $6\frac{1}{4}$ в., въ томъ числѣ длина трубки $2\frac{1}{2}$ в. Трубка имѣетъ правильную восьмигранную форму. Въ ней три отверстія для гвоздей и на краю желобокъ для проволоки. Стержень имѣетъ четыре грани: двѣ широкія, какъ и у современнаго копья, и двѣ низкія, находящіяся на противоположныхъ сторонахъ.

Никакихъ знаковъ и буквъ за ржавчиной незамѣтно. Копья подобной формы, насколько извѣстно, представляютъ большую рѣдкость.

Е. Романовъ.

III. Къ исторіи могилевскаго Іосифовскаго собора[1].

(Новые архивные матеріалы)

I.

Отношеніе Бѣлорусскаго вице-губернатора Θеодора Богдановича Энгельгардта къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода князю Василію Алексѣевичу Хованскому, отъ 11-го февраля 1799 года, изъ Витебска[2]):

«Сіятельнѣйшій князь, Милостивый Государь! Въ городѣ Могилевѣ строилась по высочайшему соизволенію казеннымъ иждивеніемъ церковь святаго Іосифа.—Подрядчикъ былъ неисправенъ[3]). За отрешеніемъ коего досталась достройка поручителю, господину дѣйствительному статскому совѣтнику Маковецкому, который нынѣ и достроилъ съ великою для его тягостію и разореніемъ. Онъ-же человѣкъ небогатый и много семейственный. Я долго служа симъ[4]) знаю его съ хорошей стороны, но за неприемомъ сей церкви Могилевскимъ архіереемъ Анастасіемъ без повеленія Правительствующаго Синода на его представленіе с рукъ его Маковецкаго еще не принимается, и онъ поноситъ отъ того новыя и невозвратныя издержки.—Ваше сіятельство всепокорнѣйше прошу, чтобъ Синодъ наслалъ незамедлительно повеленіе о приемѣ сей церкви.—А тѣмъ самымъ обяжете и мѣня пребывающего на всегда съ истиннымъ высокопочитаніемъ и таковою-же преданностію Вашего Сіятельства, Милостиваго Государя, покорнѣйшимъ слугою. Өедоръ Энгельгардтъ. 11 февр. 1799 г. Витебскъ[5]).

II.

Наблюдавшій за постройкой Іосифовской церкви архитекторъ Виссаріонъ Михайловичъ Павловъ 5-го ноября 1799 года подалъ въ бѣлорусско-могилевскую духовную консисторію прошеніе о томъ, чтобы ему выдана была выпись: «когда Іосифовская церковь по доставленіи отъ бѣлорусской казенной палаты прилежащихъ свѣдѣній и требуемыхъ оной церкви рисунковъ принята въ вѣдѣніе духовной греко-россійской консисторіи и котораго мѣсяца и числа отрапортовано о принятіи въ правительствующій синодъ и дано знать Бѣлорусской казенной палатѣ?» Выпись была выдана[6]).

III.

Староста Іосифовской церкви Евфимій Гортынскій въ ноябрѣ 1799 г. просилъ преосвященнаго Анастасія, епископа бѣлорусскаго и могилевскаго, «удержать при церкви бывшихъ при ней во время постройки караульныхъ изъ инвалидныхъ солдатъ, такъ какъ въ ней «даже около оконъ нѣтъ рѣшетокъ и никакихъ заставъ и укрѣпленій»[7]).

IV.

Въ мартѣ 1802 года, по частному запросу, преосвященный Анастасій писалъ: «плана Іосифовской церкви ни у меня ни въ консисторіи нѣтъ; а есть въ витебской казенной палатѣ и въ с. синодѣ[8])».

V.

Отношеніе могилевскаго и витебскаго архіепископа Анастасія Братановскаго оберъ-прокурору святѣйшаго синода, князю Александру Николаевичу Голицыну, отъ 2-го октября 1805 года, въ С.-Петербургѣ[9])

«Въ губернскомъ городѣ Могилевѣ во время высочайшаго чрезъ оный въ 1780 году проѣзда въ Бозѣ почивающей Государыни Императрицы Екатерины Вторыя, заложена на случай свиданія Ея Величества съ римскимъ Императоромъ Іосифомъ Вторымъ церковь во имя святаго Іосифа. По окончаніи оныя церкви изъ казны совершенною отдѣлкою отдана она въ духовное вѣдомство. Почему и представлялъ я Святѣйшему Синоду[10]) о учрежденіи ея по коштовной ея отдѣлкѣ и мѣстоположенію на публичномъ мѣстѣ соборною; но Святѣйшій Синодъ, имѣя разсужденіе, что она сооружена на мѣсто бывшей въ томъ самомъ мѣстѣ приходской Воскресенской церкви, которая потомъ перенесена на кладбище, повелѣлъ оставить ее приходскою, съ приключеніемъ къ ней отъ той кладбищной Воскресенской церкви прихожанъ и перенесеніемъ изъ оныя колоколовъ, ризницы и утвари, съ тѣмъ, чтобы прихожане имѣли впредь объ ней попеченіе. Въ теченіи времени открылись въ ней нѣкоторыя поврежденія, кои прихожанскимъ попеченіемъ при всемъ ихъ усердіи никакъ исправлены быть не могли, а доставшаяся ей приходская ризница и малая, и убогая, и ветхая. Сіи обстоятельства заставили бывшаго Бѣлорусскаго Господина военнаго Губернатора Генерала отъ инфантеріи и Кавалера Римскаго-Корсакова по настоянію моему учинить начальству представленіе о учрежденіи ея соборною.

Святѣйшій синодъ, по истребованіи отъ меня свѣдѣній о сей церкви, представлялъ Его Императорскому Величеству докладъ, чтобы Іосифовскую церковь обратить въ катедральный соборъ и отпустить на починку ея 1200 рублей съ производствомъ впредь на починки и умноженіе ризницы ежегодно по 200 рублей[11]). При таковомъ обращеніи ея въ соборъ, нѣсколько священническихъ облаченій велѣлъ я выдать изъ катедральнаго дому моего ризницы, а потомъ изъ отпущенной суммы искуплены нужнѣйшія изъ утвари вещи и постепенно за собственнымъ моимъ присмотромъ сдѣлано на соборное служеніе нѣсколько священническихъ ризъ[12]); но при всемъ томъ скудость и бѣдность въ облаченіяхъ еще знатно не отвѣчаютъ великому памятнику великія Основательницы онаго. —Въ сей крайности прибѣгая къ предстательству Вашего Сіятельства[13]), покорнѣйше прошу исходатайствовать у высокомонаршаго престола всемилостивѣйшее повелѣніе объ отпускѣ на оный соборъ откуда-либо приличной ризницы.»

При отношеніи представленъ былъ слѣдующій «Реестръ нужнымъ въ Могилевскій каѳедральный соборъ облаченіямъ: Ризъ священническихъ съ полнымъ къ нимъ приборомъ, т. е. подризниками, епитрахилями, поручами и поясами, восемь (8). Стихарей діаконскихъ съ орарями четыре (4). Воздуховъ для покрытія сосудовъ, большихъ и малыхъ по двѣ перемѣны. Напрестольное одѣяніе одно».

О просьбѣ преосвященнаго Анастасія княземъ Голицынымъ «докладывано (было) въ С.-Петербургѣ (Его Величеству) 15 декабря (1805 г.). (Государь Императоръ) высочайше указать соизволилъ дать ризницу не изъ богатыхъ, изъ казенной товарной.

При отношеніи князя Голицына отъ 22 января 1806 года на имя преемника преосвященнаго Анастасія, могилевскаго и витебскаго епископа Варлаама Шишацкаго, ризница отправлена была въ Могилевъ. Ящикъ съ ризницей и пакетъ съ отношеніемъ сданы были на почту въ С.-Петербургѣ 25 января 1806 года. Отъ 31 августа того-же года преосвященный Варлаамъ увѣдомлялъ князя Голицына, что «за прибытіемъ (его) 24 августа въ Могилевъ (изъ города Острога, волынской губ.) ризница получена вся въ цѣлости и Іосифовскаго собора протоіерею (М. П. Богуславскому) и ключарю (І. Стратоновичу) консисторіею по порядку поручена».

Въ Могилевѣ были очень польщены царской милостью и рѣшились просить для собора пожалованія и утвари. Бѣлорусско-могилевскій гражданскій губернаторъ Михаилъ Михайловичъ Бакунинъ запиской представилъ оберъ-прокурору св. синода кн. А. Н. Голицыну: «Въ Іосифовскій соборъ прислана ризница, утварь-же осталась прежняя, весьма бѣдная, неприличная прочему великолѣпію и пышнѣйшему наименованію сего храма («каѳедральный соборъ»). Въ приходѣ жъ обыватели весьма неимущія». Ходатайство губернатора не имѣло успѣха. О немъ «докладывано (было) въ С.-Петербургѣ 4 августа 1806 г. Высочайшаго соизволенія не послѣдовало». «Поелику», объяснялъ князь Голицынъ въ своемъ отношеніи отъ 11 августа 1806 г. М. М. Бакунину, «уже въ сей храмъ пожалована ризница: прочія-же украшенія церкви Государь Императоръ предоставляетъ доброхотнымъ дателямъ».[14])

VI.

Первымъ настоятелемъ Іосифовской церкви былъ протоіерей Михаилъ Прокофьевичъ Богуславскій. Уроженецъ онъ былъ малороссійскій, сынъ священническій, родился въ 1751-мъ году. Въ семинарію (переяславскую) онъ поступилъ почему-то лишь въ 1771-мъ году, (двадцати лѣтъ отъ роду. Здѣсь онъ обучался латинскому языку съ низшихъ классовъ по философію. Въ 1777 г. Богуславскій перешелъ въ кіевскую академію и обучался тамъ богословіи чрезъ три года и еврейскому языку два года. По окончаніи курса М. П—чъ женился на дочери протоіерея города Сорочинцевъ (полтавской губ.) Романа Конисскаго—Екатеринѣ Романовнѣ, родной племянницѣ знаменитаго могилевскаго святителя Георгія, а затѣмъ (въ 1781 г.) былъ рукоположенъ во священника въ помощь своему тестю. Но въ томъ-же 1781 году г. Богуславскій былъ вытребованъ дядею, преосвященнымъ Георгіемъ, изъ переяславской въ бѣлорусскую епархію и опредѣленъ тогда-же въ городѣ Могилевѣ къ Дальневоскресенской церкви настоятелемъ, въ духовную консисторію присутствующимъ

и экзаменаторомъ ставленниковъ. А между тѣмъ, былъ чрезъ четыре года въ семинаріи реторики учителемъ и префектомъ, произведенъ въ 1792 году къ могилевскимъ городскимъ церквамъ въ протопопа; наконецъ 1795 года переименованъ соборнымъ протопопомъ, въ коемъ званіи будучи, получилъ изъ числа установленныхъ для бѣлаго священства почестей крестъ, изъ Св. Синода 1798 г. декабря отъ 30 дня при указѣ присланный. Съ 1804 г. о. Богуславскій управлялъ благочиніемъ церквей, въ вѣдомствѣ могилевской протопопіи находившихся. 4 мая 1806 г. награжденъ былъ (Государемъ) фіолетовой бархатной камилавкой.[15]) Съ 3-го декабря 1813 г. по 19 августа 1814 г. протоіерей Богуславскій былъ также ректоромъ могилевской духовной семинаріи[16]).

Первымъ ключаремъ Іосифовскаго собора былъ родной братъ епископа Анастасія, протоіерей Василій Семеновичъ Братановскій. Родился онъ въ 1771 году; въ александроневской семинаріи въ С.-Петербургѣ обучался философіи и богословіи. По окончаніи курса былъ учителемъ исторіи и географіи въ вологодской семинаріи и грамматики и ариѳметики въ кирилловской. 8 ноября 1791 г. В. С—чъ рукоположенъ былъ въ діакона къ церкви Входа Господня въ Іерусалимъ, что у Лигова канала, въ С.-Петербургѣ; 17 іюля 1794 г. переведенъ къ церкви Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, что на Васильевскомъ островѣ, а 24 декабря 1795 г. произведенъ къ сей же церкви во священника. Въ 1800 году преосвященный Анастасій вызвалъ брата въ Могилевъ и 12 іюля опредѣлилъ его ключаремъ къ каѳедральному Спасо-Преображенскому собору,[17]) затѣмъ назначилъ его учителемъ французскаго языка въ семинаріи, а 2 ноября того же 1800 года—присутствующимъ въ консисторіи;[18]) 17 марта 1801 г. возвелъ его въ протоіерея,[19]) а въ октябрѣ 1802 г. опредѣлилъ ключаремъ новаго Іосифовскаго собора.[20]) 27 октября 1803 г. о. Василій скончался отъ наслѣдственной въ родѣ Братановскихъ чахотки.[21]) Послѣ него осталась вдова Марья Ивановна съ тремя сиротами: двумя дѣвочками и мальчикомъ Андреемъ.[22]) Преосвященный Анастасій отдавалъ братовой на содержаніе и воспитаніе дѣтей свой пансіонъ по ордену св. Анны и завѣщалъ ей нѣкоторый капиталъ. 3 января 1808 г. М. И. Братановской, въ уваженіе службы преосвященнаго Анастасія (9 дек. 1806 г.), Высочайше пожалованъ былъ по смерть пенсіонъ изъ Кабинета по 120 рублей въ годъ.[23]) Случай исключительный.

Преемникомъ В. Братановскаго по ключарству былъ Іоаннъ Стефановичъ Котовичъ, съ 18 ноября 1803 г.[24]) 12 октября 1805 г. могилевской духовной консисторіей получено было изъ С.-Петербурга отъ владыки Анастасія слѣдующее предложеніе отъ 30 сентября того же года: «Какъ Могилевскаго каѳедральнаго Іосифовскаго собора ключарь, вдовый священникъ Іоаннъ Котовичъ, присутствовавшій и въ оной консисторіи, изъ Могилевской епархіи выбылъ и по желанію его опредѣленъ въ число братства Александро-Невской лавры[25]) для того на мѣсто его ключаремъ собора быть того жъ собора священнику Іоанну Стратоновичу».[26])

О. Стратоновичъ, сынъ священника с. Герасименокъ оршанск. у., род. въ 1778 г. Кромѣ преподаваемыхъ въ низшихъ классахъ на латинскомъ языкѣ предметовъ, коимъ началъ учиться съ 1792 г. въ могилевской семинаріи, обучался поэзіи, риторикѣ, философіи и богословіи, притомъ—исторіи, географіи, ариѳметикѣ, началамъ врачебной науки, да языкамъ: нѣмецкому, французскому и греческому. По окончаніи ученія 1803 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ рукоположенъ къ могилевскому Іосифовскому собору во священника. 1804 г. въ январѣ опредѣленъ по свѣтскимъ присутственнымъ мѣстамъ увѣщателемъ колодниковъ, въ каковой должности находился четыре года. Въ мартѣ 1807 г. назначенъ присутствующимъ въ консисторію, въ декабрѣ—благочиннымъ могилево-градскихъ и нѣкоторыхъ сельскихъ церквей; въ январѣ 1808 г. префектомъ семинаріи. Въ іюнѣ 1808 г. о. Стратановичъ уволился отъ должности благочиннаго.[27]) Въ 1813 г. исправлялъ должность ректора семинаріи.[28])

Платонъ Горючко.

16 (2) января 1902 г. Рига.

[1]) Здѣсь имѣется въ виду статья (О. А. Жудро)—„Могилевскій каѳедральный Іосифовскій соборъ", составляющая прибавленіе къ календарю для духовенства могилевской епархіи на 1900 годъ. Могилевъ на Днѣпрѣ. 1899.

[2]) Документъ этотъ печатается съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

[3]) Покровителемъ былъ петербургскій купецъ О. И. Чирьевъ. Въ 1798 г. велѣно было... отказывая его въ ... съ ... работами". Архивъ могилевской духовной консисторіи (А. М. Д. К.). Синодскіе указы 1798 г. № 68, отъ 13 мая.

[4]) О. Б. Энгельгардтъ былъ раньше (въ 1795 г.) предсѣдателемъ могилевской уголовной палаты. Въ бабиновицкомъ округѣ у него была деревня Запорье. А. М. Д. К., 1795 г., д. № 1. Маковецкій былъ предсѣдателемъ могилевскаго верхняго земскаго суда. „Календарь", стр. 260.

[5]) Архивъ канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода въ С.-Петербургѣ (хранится въ синодскомъ архивѣ), дѣло № 1831 (1799 г.).

[6]) А. М. Д. К., 1799 г. связка дѣлъ съ №№ 180—314, д. № 204.

[7]) Тамъ-же д. № 217.

[8]) А. М. Д. К., 1802 г., предмета 3-го дѣло № 135. Въ архивѣ св. синода (1799 г. д. № 159) ..., дѣйствительно, имѣется.

[9]) Съ конца іюля 1805 г. архіеп. Анастасій присутствовалъ въ св. синодѣ.

[10]) Рапортъ отъ 16 августа 1799 г. А. С. С. 1799 г. д. № 159.

[11]) Архивъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, д. № 2279.

[12]) Преосв. Анастасій, повидимому, интересовался первоначальнымъ... Въ 1804 г. онъ взялъ „на свое разсмотрѣніе" устроить „школы для рукодѣльнаго образованія дѣтей духовенства могилевской епархіи. А. М. Д. К., 1804 г., предм. 16-го д. № 149.

[13]) Князь А. Н. Голицынъ былъ очень внимателенъ къ преосвященному Анастасію Братановскому.

[14]) Архивъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, д. № 2964. А. М. Д. К., 1806 г. предм. 3-го д. № 399, въ связкѣ дѣлъ 1805—9 гг. съ №№ 117—131, д. № 118.

[15]) Архивъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, д. № 2765.

[16]) „Могилев. Епарх. Вѣд." 1895 г. № 4: М. А. Лобова—„Ректоры могилев. дух. семинаріи", стр. 56, ср. 57.

[17]) А. М. Д. К., 1800 г. предм. 1-го д. № 146.

[18]) Тамъ же, предм. 6-го д. № 31.

[19]) А. М. Д. К., 1801 г. предм. 1-го д. № 302.

[20]) А. М. Д. К., 1802 г. пр. 3-го д. № 134.

[21]) А. М. Д. К., 1803 г. предм. 2-го д. № 198.

[22]) Тамъ же д. № 200.

[23]) Архивъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, д. № 3451.

[24]) А. М. Д. К., 1803 г. пр. 2-го д. № 198. О Котовичѣ см. „Исторію могилев. дух. семинаріи" М. А. Лобова („Могилев. Еп. Вѣд." 1896 г. № 26—27 стр. 495, 37). А. М. Д. К., 1803 г. предм. 1-го д. № 840; 1804 г. предм. 9-го д. № 249.

[25]) А. М. Д. К., 1805 г. предм. 1-го д. № 1447.

[26]) Тамъ же, д. № 1453.

[27]) Архивъ комиссіи духовныхъ училищъ (хранится въ синодскомъ архивѣ въ С.-Петербургѣ), 1809 г. д. № 67.

[28]) „Исторія могилев. дух. семинаріи" М. А. Лобова („Могилев. Епарх. Вѣд." 1896 г. № 454.).

IV. Эпизодъ изъ сношеній могилевской духовной семинаріи съ общественнымъ управленіемъ города Могилева въ 1798—1800 гг.*)

Архіепископъ Георгій Конисскій († 1795 г.) оставилъ по себѣ два зданія для могилевской семинаріи: сохранившійся доселѣ главный классный корпусъ, сооруженный въ 1785 г., и двухэтажный каменный домъ для помѣщенія учителей и учениковъ, стоявшій направо отъ входа съ Вѣтреной улицы, почти на одной линіи съ нынѣшней консисторіей.[1]) 20 декабря 1797 г. во епископа богоспасаемаго града Могилева, что на Днѣпрѣ, посвященъ былъ членъ святѣйшаго правительствующаго синода, архимандритъ Анастасій Братановскій, извѣстный проповѣдникъ екатерининскаго вѣка. Въ это время, въ царствованіе Павла Петровича, подъ вліяніемъ просвѣщеннаго санктпетербургскаго митрополита Гавріила Петрова, принимались разныя средства къ возвышенію православнаго духовенства, къ подъему его умственнаго и нравственнаго уровня. Обращено было, между прочимъ, усиленное вниманіе на духовно-учебныя заведенія, семинаріи. Отпускавшіяся на содержаніе ихъ средства были увеличены; курсъ наукъ расширенъ. Преосвященный Анастасій прибылъ въ Могилевъ 31 января 1798 г. какъ разъ во время этихъ реформъ и дѣятельно проводилъ ихъ въ своей епархіи.

Указомъ 11 февраля 1798 г. епархіальнымъ архіереямъ, св. синодъ, между прочимъ, запрашивалъ: «гдѣ находятся училищные домы? сколько потребно людей для отправленія службъ? сколько находится учителей? изъ какого (они) званія и впредь ко обученію... способны-ли»?[2]) Преосвященный Анастасій отвѣчалъ, что «Бѣлорусская (могилевская) семинарія находится близъ архіерейскаго дома; но» (наличныхъ помѣщеній недостаточно, почему) «для учениковъ, на казенномъ коштѣ состоящихъ и живущихъ въ отдаленности, (пред)полагается пристроить новый двухэтажный каменный домъ, на который по смѣтѣ положено четыре тысячи пять

*) Изъ №№ 13, 14 и 16 „Мог. Губ. Вѣд." 1902 г.

сотъ рублей». Владыка просилъ отпустить эти деньги изъ суммъ св. синода.[3]) а между тѣмъ дома занялся изысканіемъ мѣстныхъ средствъ.

I.

Съ 1789 г. верхній этажъ семинарскаго классическаго корпуса занятъ былъ главнымъ народнымъ училищемъ. Городъ обязанъ былъ за это уплачивать семинаріи по двѣсти рублей въ годъ, но дѣлалъ это неисправно: къ марту 1798 г. семинарія не получила еще арендной платы за 1796 и 1797 годы. По приказанію преосвященнаго Анастасія бѣлорусская (могилевская) духовная консисторія требовала отъ могилевской городской думы взноса въ семинарское правленіе за занятіе народнымъ училищемъ семинаріи верхняго этажа по двѣсти рублей за годъ. Сообщеніемъ отъ 18 марта 1798 г. за подписью городскаго главы Кирилы Торочкова дума отвѣчала, что уплатить долга семинаріи она не можетъ, такъ какъ «положена великая сумма» на довольствіе квартирующихъ въ городѣ полковъ и оныхъ гошпиталей; ктомуже дума обременена другими долгами. Тѣмъ не менѣе о претензіи семинаріи дума донесла бѣлорусскому (витебскому) губернатору Семену Семеновичу Жегулину.[4]) Съ своей стороны преосвященный отношеніемъ отъ 23 марта 1798 г. просилъ губернатора велѣть думѣ слѣдуемыя отъ нея семинаріи деньги, «яко нужныя къ обращенію на семинарскую бурсу», въ домъ его взнесть.

Въ отвѣтъ на сообщеніе думы консисторія требовала немедленно взнесть деньги и очистить семинарскій этажъ переведеніемъ народнаго училища въ другое какое мѣсто, поелику таковой (этажъ) необходимо есть нужнымъ для занятія на семинарію. Дума 15 іюля 1798 г. отвѣчала, что за неполученіемъ отъ губернатора въ резолюцію повелѣнія уплатить денегъ не можетъ; «относительно жъ о переводѣ изъ семинаріи училища въ другое мѣсто, то какъ отъ губернатора думѣ послѣдовало предписаніе о перестройкѣ городского дома для училища, каковое уже началось и когда возымѣетъ окончаніе по надлежащему, въ то время дума не преминетъ училище перевесть въ оной». Преосвященный 20 іюля опять написалъ губернатору о нежеланіи думы исполнить требованія семинаріи съ присоединеніемъ просьбы помочь пріобрѣсти отъ города смежный съ семинаріей участокъ земли въ обмѣнъ на архіерейскую землю.

С. С. Жегулинъ отъ 23 іюля 1798 г. изъ Витебска отвѣчалъ: «Исполняя требованіе вашего преосвященства, во всепочтеннѣйшемъ писаніи вашемъ отъ 20-го сего іюля подъ № 1669-мъ изъясненное, предписалъ я могилевской городской думѣ всю слѣдующую сумму за помѣщеніе народнаго училища въ семинарскомъ домѣ немедленно заплатить, а училище вывесть въ другой городской или казенный домъ.—Поелику вышнее начальство требуетъ всегда вѣрнаго отчета въ городскихъ расходахъ и собственности градскіе почитаетъ наравнѣ съ казенными, то по сей причинѣ не могъ я собою рѣшиться на уступку земли градской, думѣ принадлежащей; но однакожъ и въ томъ не отказываюсь вашему преосвященству, потому что вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія въ будущемъ августѣ мѣсяцѣ долженъ я обозрѣть ввѣренную мнѣ губернію и буду имѣть щастіе лично видѣть ваше преосвященство, а въ то-же время и не преминуу стараться изобресть всевозможное средство удовлетворить желаніе вашего преосвященства относительно до обмѣна земли»[5]).

На сообщеніе объ этомъ консисторіи дума 10 августа 1798 г. отвѣтила, что уплатить слѣдуемыя семинаріи деньги за 1796, 1797 и половину 1798 г., всего пятьсотъ рублей. Домъ для училища городомъ еще не оконченъ. Изъ казеннаго же строенія, гдѣ предъ симъ помѣщались бывшіе могилевскіе: (губернское) правленіе и казенная палата (до 1797 г.), находились (комнаты) для помѣщенія училища до времени, пока городской домъ окончится перестройкою. По общему (мнѣнію) думы съ господиномъ директоромъ (народныхъ училищъ) Цвѣтковскимъ, (комнаты. помѣщенія эти) оказались способными; но какъ во ономъ строеніи находится могилевскаго коменданта господина полковника и кавалера Экеспера полка шпальня, то о переводѣ оной въ другое мѣсто и о дозволеніи оныхъ занять училищемъ къ господину коменданту сообщено». Заслушавъ это сообщеніе, по докладѣ о немъ преосвященному, консисторія постановила: для принятія суммы (500 р.) отправить въ думу семинаріи супер(ъ)интендента, архидіакона Захарію Полонскаго[6]).

II.

Благодаря содѣйствію губернатора Жегулина, могилевская семинарія получила отъ города недоимку и вмѣстѣ съ тѣмъ освободилась отъ стѣснявшаго ее народнаго училища. Благосклонному участію того же губернатора семинарія обязана пріобрѣтеніемъ отъ города смежнаго участка земли съ стоявшими на немъ постройками. 14 октября 1798 г. изъ Витебска С. С. Жегулинъ писалъ преосвященному Анастасію: «имѣю честь препроводить здѣсь планъ подписанной мною о мѣстѣ, которое по желанію вашего преосвященства могилевскою городскою думою уступается къ архіерейскому дому, равно и тому, которое по соизволенію вашему, милостивый архипастырь, въ замѣнъ отдается думѣ. Предложеніе о семъ думѣ здѣсь-же включаю». По приказанію владыки, консисторія просила думу отвести по утвержденному губернаторомъ плану землю, «равно какъ и находящемуся на отводимой землѣ ветхому строенію благоволила бы дума положить оцѣнку». 28 октября 1798 г. дума отвѣчала, что нужныя для этого распоряженія ею сдѣланы: отписано губернскому секретарю, архитектору Виссаріону Михайловичу Павлову и комендаnту Бистрому.

Четыре съ половиною мѣсяца дѣло это оставалось безъ движенія, быть можетъ, по винѣ архитектора Павлова, мстившаго духовному начальству за уклоненіе отъ пріема изъ его рукъ Іосифовской церкви.[7]) Какъ бы то ни было, 13 марта 1799 г. преосв. Анастасій просилъ коменданта Бистрома произвести поскорѣе оцѣнку строеній на переходившей къ семинаріи землѣ.[8]) Комендантъ 16-го марта отвѣчалъ, что представилъ объ этомъ бѣлорусскому (витебскому) губернатору Матвѣю Симоновичу Бѣлокопытову (преемнику С. С. Жегулина).[9]) Этотъ начальникъ, повидимому, не имѣлъ желанія оказывать услуги духовенству. 11 мая 1799 г. онъ писалъ преосвященному Анастасію: «Могилевскіе городовой магистратъ и дума отъ 29-го истекшаго апрѣля доносятъ мнѣ рапортомъ, что онѣ, имѣя въ общемъ собраніи разсужденіе, опредѣлили: за каменный домъ и за два деревянные при немъ возвратить (вамъ) городу издержанныя на оные четыре тысячи рублей».

Городская оцѣнка показалась преосвященному «несоразмѣрной и весьма увеличенной». На отношеніи губернатора Бѣлокопытова владыка написалъ: «Получено маія 18 дня. Сообщить (т. е. въ формѣ «сообщенія» отнестись) въ думу обще съ магистратомъ о положенной цѣнѣ за домы, на какомъ оная основаніи положена и не будетъ-ли уступки—дабы рѣшительно послѣ представить, куда слѣдуетъ». 27 мая дума отвѣчала консисторіи, что оцѣнка сдѣлана «умѣренна» и потому уменьшить назначенную цѣну дума не можетъ. Между тѣмъ оказалось, что магистратъ и дума «безъ публичной оцѣнки назначили цѣну»; каменный домъ «не отъ города строенъ и ему вовсе не нуженъ»: городъ купилъ его «единственно съ приказанія бывшаго губерніи начальника» (П. Б. Пассека?) у секретаря Манюгевича за цѣну не болѣе двухъ тысячъ рублей. Преосвященный 10 іюня написалъ объ этомъ М. С. Бѣлокопытову съ сообщеніемъ, что двѣ тысячи онъ согласенъ заплатить. Владыкѣ отвѣчалъ смѣнившій Бѣлокопытова губернаторъ Петръ Ивановичъ Северинъ[10]); отъ 23 іюня 1799 г. онъ извѣщалъ Анастасія, что приказалъ думѣ избрать присяжныхъ оцѣнщиковъ. Преосвященный съ своей стороны распорядился: «Быть при оцѣнкѣ дѣятельнымъ отцу намѣстнику (архіерейскаго дома, игумену Александру Корженевскому) или отцу префекту (семинаріи, протоіерею Андрею Якимовичу Пригоровскому)».

Оцѣнка происходила 12 іюля 1799 года. Представителями города были два христіанина и два еврея, отъ преосвященнаго депутатами были игуменъ Александръ и префектъ А. Пригоровскій. Домъ съ прочимъ строеніемъ и землею оцѣнили въ двѣ съ половиной тысячи. Хотя и эту цѣну владыка находилъ ненастоящей, тѣмъ не менѣе онъ согласился заплатить городу 2500 р., но въ три срока.

12 августа 1799 г., въ счетъ слѣдовавшихъ городу денегъ по отношенію губернатора Северина, уплачена была тысяча рублей вдовѣ полковника Маргаритѣ Ушаковой, которой дума должна была по векселямъ.

16 августа 1799 г. состоялась передача городомъ уступленнаго семинаріи участка земли съ находившимися на

немъ постройками. Представители города выдали при этомъ слѣдующій документъ:

«Указомъ Его Императорскаго Величества, отъ могилевской градской думы и могилевскаго городоваго магистрата сего августа 16-го дня подъ № 270-мъ намъ даннымъ, будучи мы назначены къ отдачѣ городскаго каменнаго дома съ внутреннимъ его украшеніемъ и съ протчіимъ при томъ домѣ деревяннымъ строеніемъ и двухъ еще деревянныхъ не въ отдаленномъ за онымъ каменнымъ домомъ къ валу построенныхъ домовъже и земли подъ тѣми домами и при нихъ находящейся незастроенной, по смежности съ двухъ сторонъ отъ земли, катедрѣ могилевской принадлежащей, съ третьей отъ самаго валу, а съ четвертой отъ улицы Вѣтреной[11]),—упомянутою думою и магистратомъ означенной катедрѣ для семинаріи за двѣ тысячи пятьсотъ рублей безвозвратно по желанію преосвященнѣйшаго Анастасія. епископа Бѣлорусскаго и Могилевскаго и ордена святыя Анны перваго класса Кавалера, уступленныхъ, сегожъ августа 16-го дня той катедрѣ въ вѣдѣніе намѣстника и Оршанскаго Кутеенскаго монастыря игумена Александра отдали, съ тѣмъ, что объявленные дума и магистратъ въ оные домы и земли вѣчно уступаться и никакого притязанія къ онымъ чинить не станутъ; а предоставляется полная свобода и право его преосвященству и катедрѣ всѣмъ прописаннымъ владѣть и обратить оное такъ, какъ угодно покажется его преосвященству.

Данъ сей подавчій листъ 1799-го года августа шестагонадесять дня въ Бѣлорусскомъ городѣ Могилевѣ.

Въ чемъ всемъ своеручно и подписуемся: могилевскаго магистрата ратманъ[12]) Игнатій Цыбикъ. Могилевской городской шестигласной думы и гильдейской гласный Иванъ Пушкаревичъ.

1799 года августа 17-го дня сей подавчей листъ въ могилевской городовой полиціи явленъ и въ книгу подъ № 84 записанъ»[13]).

За полученный отъ города домъ духовное вѣдомство должно было заплатить, кромѣ отданной г-жѣ Ушаковой тысячи, еще 1500 рублей. Между тѣмъ въ консисторіи открыли, что за могилевскими управами числится 1170 рублей долгу духовному вѣдомству. Въ городовомъ положеніи сорокъ третьей статьей о управномъ въ церковную казну платежѣ установлено: «Управа долженствуетъ внести въ городовую церковную казну изъ ремесленной казны ежегодно пять рублей на содержаніе церквей и церковниковъ». Со времени открытія могилевской думы въ 1786 году таковаго платежа взносимо не было, почему до 1799 г. ко взысканію въ церковную казну всей суммы причиталось за 13 лѣтъ по 5 р. съ управы, или цеха. Консисторія рѣшила воспользоваться этимъ.

9 августа 1799 года секретарь консисторіи Петръ Соловьевъ написалъ въ думу: «Бѣлорусской духовной консисторіи изъ могилевскаго городоваго магистрата потребно свѣдѣніе: сколько въ здѣшнемъ городѣ цеховъ находится?» Восемнадцать, отвѣтили, а именно: кравецкій, ковальскій, купперскій,[14]) пирожницкій, рѣзницкій, кожевницкій, римарнецкій,[15]) злотницкій, сапожницкій, плотницкій, блехарскій, стекольщицкій, шмухлерскій,[16]) алейницкій, рѣжчицкій, слесарскій, столярскій и гончарскій. 18 × 5 × 13 = 1170 рублей.

По докладу консисторіи отъ 16 августа 1799 г. 23-го числа того же мѣсяца послано было отъ имени преосвященнаго Анастасія губернатору П. И. Северину отношеніе, чтобъ повелѣлъ онъ магистрату и думѣ принадлежащее число за уступленный отъ города къ семинаріи домъ доплатки (1500 р.) оставить за отъ ремесленныхъ управъ слѣдуемую сумму, которую магистратъ съ думою могутъ и должны выручить сами отъ тѣхъ же управъ,—да и по другимъ городамъ въ церковную казну деньги отдавать изъ цеховъ. Губернаторъ 28 августа (1799 г.) изъ Витебска отвѣчалъ, что имъ сдѣланы желательныя духовному начальству распоряженія. Но цехи отказались уплатить приписанный имъ консисторіей долгъ, утверждая, что на церковныя нужды ими истрачено больше, чѣмъ требовалось закономъ[17]). Тогда преосвященный попытался добиться того, чтобы оставшійся за семинаріей долгъ не былъ взыскиваемъ городомъ.

22 ноября 1799 года въ бѣлорусское (витебское) губернское правленіе послано было слѣдующее отношеніе: «Указами велѣно и долгъ есть пастырей имѣть попеченіе о семинаріяхъ. Согласно чему бѣлорусскій грекороссій-

скихъ церквей епископъ Анастасій, приложа къ лучшему прежняго семинаріи своей устройству, но между прочимъ обзаведеніемъ, находя зданіе ея къ помѣщенію всѣхъ классовъ, а особливо умножающихся сиротъ и другихъ бѣдныхъ на казенный коштъ воспитанниковъ и самихъ жительствомъ тутъ учителей, крайне невмѣстительнымъ, имѣя же въ виду близъ самой семинаріи градскій каменный домъ, стѣснявшій оную и деревянными своими ветхими службами безобразившій публичное мѣсто, старался пріобрѣсть тотъ домъ къ семинаріи, предполагая, срывъ деревянныя пристройки, обратить самое только каменное зданіе въ общественную пользу къ помѣщенію казеннаго содержанія питомцовъ;[18]) но не могши снискать уступки того городу безполезнаго и вовсе ненужнаго дома, для семинаріи безденежно, принужденъ согласиться заплатить за оный по оцѣнкѣ 2500 рублей и въ то число отдалъ уже тысячу рублей; а остальные полторы тысячи по немалому числу казенныхъ воспитанниковъ и по причинѣ возвысившейся въ здѣшнемъ краѣ на все дороговизнѣ уплатить городу изъ семинарской по штату положенной суммы нѣтъ возможности;[19]) почему вышеозначенный преосвященный Анастасій проситъ предпринять мѣры показанный городу долгъ, въ благотворительство училищному общественной пользы мѣсту, сложить изъ семинаріи безъ взысканія».[20])

Эта просьба не имѣла успѣха; поэтому 10 мая 1800 года владыка предписалъ: «Предлагаемъ консисторіи нашей прилагаемый при семъ государственнаго вспомогательнаго банка пятисотнаго достоинства билетъ подъ № 35363-мъ[21]) въ могилевскую городскую думу въ уплату слѣдуемыхъ ей за купленный для семинаріи городской домъ остальныхъ денегъ при своемъ отношеніи отправить и квитанцію въ полученіи тѣхъ 500 рублей отъ ее истребовать». Распоряженіе преосвященнаго исполнено было на слѣдующій день. Въ полученіи 500 р. къ прежней тысячѣ руб. городской голова Кирила Торочковъ 12 мая 1800 г. далъ росписку.

24 мая 1800 г. дума напомнила консисторіи, что за купленный домъ духовное вѣдомство должно уплатить еще тысячу.[22]) Консисторія въ отвѣтъ (въ іюнѣ 1800 г.) требовала отъ думы, чтобы по вычетѣ за купленный для семинаріи домъ доводящихся думѣ тысячи рублей остальные 260 рублей, щитая отъ всякой ремесленной управы по пяти рублей отъ 1786 года по 1-е генваря 1800 года были въ консисторію доставлены, а при доставленіи этихъ денегъ возвращено бъ было завѣрительное о уплатѣ за домъ семинарскій двухъ тысячъ пятисотъ рублей, какъ уже сполна уплаченныхъ, консисторское отношеніе, также въ принятіи суммы прислана бъ была въ консисторію квитанція».[23])

Консисторія считала свой искъ къ цехамъ вполнѣ законнымъ,—отговорки, ссылки ихъ на понесенныя ими издержки признавала недоказанными и даже ложными. Въ свою очередь дума, не получая церковнаго долга съ цеховъ, считала себя вправѣ требовать и дѣйствительно требовала отъ консисторіи уплаты тысячи рублей.[24]) Такъ дѣло тянулось почти десять лѣтъ. Остальная тысяча уплачена была думѣ 3 мая 1809 года, по приказанію преосвященнаго Варлаама Шишацкаго, архіепископа могилевскаго и витебскаго, вопреки мнѣнію консисторіи, продолжавшей настаивать на уплатѣ цехами церковнаго долга. Процессъ этотъ продолжался еще послѣ разсчета семинаріи съ думой въ 1809 году.[25])

Платонъ Горючко.

---

[1]) Въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки при св. синодѣ въ С.-Петербургѣ подъ № 86-мъ имѣются „планы и фасады строеніямъ могилевской семинаріи“ 1806 и 1830 годовъ. Планъ 1806 г. сдѣланъ губернскимъ архитекторомъ Зраженскимъ. Для историка это важное пособіе при опредѣленіи мѣста и вида построекъ. Консисторія въ то время помѣщалась въ нынѣшней квартирѣ секретаря. На мѣстѣ нынѣшняго присутствія консисторіи находилась зимняя церковь. Гдѣ домъ, занимаемый теперь правленіемъ и экономомъ семинаріи, тамъ стояла каплица. Вмѣсто нынѣшняго семинарскаго переулка существовалъ тогда земляной валъ, пересѣкавшій современный Муравьевскій бульваръ.

[2]) Полное собраніе законовъ россійской имперіи (первое), т. XXV, № 18369.

[3]) Отпущено было всего полторы тысячи (13 августа 1798 г.). Архивъ св. синода въ С.-Петербургѣ, 1798 г. д. № 675.

[4]) Съ 12 декабря 1796 года по 9 сентября 1801 г. нынѣшнія могилевская и витебская губерніи составляли одну „бѣлорусскую“; губернскимъ городомъ былъ Витебскъ. П. С. З. XXIV. 17634; XXVII. 20162.

[5]) Преосвященный Анастасій въ августѣ—октябрѣ 1798 г. также обозрѣвалъ часть своей епархіи. Съ губернаторомъ Жегулинымъ владыка видѣлся въ Чаусахъ 22 сентября. Архивъ св. синода, 1798 г. д. № 619.

[6]) Архивъ могилевской духовной консисторіи, 1798 г. связка №№ 12—160, д. № 87.

[7]) См. «Календарь для духовенства могилевской епархіи на 1900 годъ», стр. 263 и слѣд.

[8]) «1799 года марта 13-го дня въ журналѣ бѣлорусской (могилевской) духовной консисторіи записано: докладывано, что согласно Высочайшему повелѣнію о благоустройствѣ духовныхъ училищъ его преосвященство при учрежденіи по здѣшней семинаріи дальнихъ распорядковъ, находя въ протчемъ отъ пріумноженія уча-

щихся и самихъ учителей домъ семинарскій невмѣстительнымъ, хотя истребовалъ уже отъ здѣшней общественной думы нѣкоторой извѣстной части принадлежащей къ семинаріи городской земли въ замѣнъ на катедральную къ постройкѣ новаго зданія (стоявшаго на мѣстѣ нынѣшнего лѣваго флигеля), „но и засимъ еще въ распространеніи самонужнаго для семинаріи строенія крайнее есть въ мѣсторасположеніи стѣсненіе“. Отношеніе къ комендатну заканчивалось воззваніемъ: „окажите, милостивый государь, содѣйствіване къ споспѣшествованію благонамѣренности“... Архивъ могилев. дух. семинаріи 1802 г.

⁹) Указъ сенату отъ 12 декабря 1798 г. „Сартовскому вице-губернатору д. с. с. Бѣлокопытову быть бѣлорусскимъ гражданскимъ губернаторомъ“. А. М. Д. К., синод. указы 1799 г. № 27, отъ 24 февр. 1799 г. Могилевскіе гражданскіе историки не дали до сихъ поръ даже простого списка начальниковъ губерніи. С. неполный и ошибочный перечень ихъ въ „Опытѣ описанія могилевской губерніи“ А. С. Домбовецкаго (кн. 1 стр. 161).

¹⁰) Указъ сенату отъ 3 іюня 1799 г. генералъ-лейтенанта Северина переименовавъ въ наши тайные совѣтники, всемилостивѣйше повелѣваемъ ему быть Бѣлор. гражд. губернаторомъ А. М. Д. К., синод. указы 1799 г., отъ 25 іюня.

¹¹) Упоминаемый здѣсь домъ существуетъ досслѣ, хотя и въ измѣненномъ видѣ (надстроенъ деревянный этажъ)—въ немъ помѣщаются служители, инспекторъ и ректоръ семинаріи. На мѣстѣ земляного вала находится теперь семинарскій переулокъ. Вѣтреная улица оффиціально зовется нынѣ Большой Садовой.. Пора Могилеву, по примѣру другихъ городовъ, возвратить своимъ улицамъ и частямъ историческія имена: Днѣпровскій проспектъ долженъ называться Шкловской ул., Московское предмѣстье (?!)—Луполовомъ и т. д. (Пособіемъ къ рѣшенію этого вопроса можетъ служить имѣющаяся въ библіотекѣ могил. дух. семинаріи рукопись хроники Трубницкаго (даръ Н. Г. Гортынскаго) съ ея приложеніями: планами, рисунками и прочимъ).

¹²) Der Rathmann—совѣтникъ.

¹³) Архивъ могилевской духовной консисторіи, 1799 г. связка №№ 180 314 д. № 269

¹⁴) Своряжный.

¹⁵) Шорницкій.

¹⁶) Бахромный.

¹⁷) Архивъ могилевской дух. консисторіи, 1799 г. связка №№ 34—66, д. № 54.

¹⁸) Деревянные дома не были сломаны: они стояли вдоль вала: въ ближайшемъ домѣ къ нынѣшнему ректорскому корпусу находилась «трапеза», въ другомъ помѣщались казенные воспитанники.

¹⁹) На семинарію съ двумя училищами (въ Невелѣ и Гомелѣ) въ то время отпускалось 3500 р. Могилевская гимназія по штатамъ отъ 17 марта 1803 г. получала 5750 рублей.

²⁰) Архивъ могилевской дух. семинаріи 1802 г.

²¹) Билетъ этотъ былъ пожертвованъ.

²²) Архивъ могилевской дух. консисторіи, 1799 г. д. № 269.

²³) Тамъ же дѣло № 54.

²⁴) Въ 1801 году магистратъ и дума Могилева, тронутые милостивымъ манифестомъ императора Александра Павловича отъ 14 апрѣля, коимъ ихъ городу прощена была недоимка въ 4053 р. 26 к. выдали изъ городскихъ доходовъ на сиротъ при семинаріи пятьдесятъ (50) рублей. Преосвященный Анастасій по этому случаю распорядился: «Сію благодарную признательность думы и магистрата употребить на бѣдныхъ казенныхъ воспитанниковъ на самыя ихъ необходимѣйшія нужды. О здравіи Высочайшемъ отправить молебенъ въ соборѣ преображенскомъ вамъ отцу ректору (архимандриту Іоасафу). Въ думу же и магистратъ заготовить отъ семинаріи благодарное письмо» Архивъ мог. дух. семинаріи 1801 года.

²⁵) Архивъ могилевской дух. консисторіи, 1807 года предмета 13-го дѣло № 312.

V. По поводу замѣтки г. Дѣдлова*).

Въ № 14 «Мог. Губ. Вѣд.» была помѣщена замѣтка г. Дѣдлова по поводу варшавскихъ памятниковъ кн. Паскевича и Мицкевича слѣдующаго содержанія:

«Неподалеку отъ собора стоятъ два монумента двумъ моимъ землякамъ-бѣлоруссамъ, Паскевичу и Мицкевичу. Первый—могилевецъ, второй уроженецъ минской губерніи. Оба—одной крови, оба—земляки, но оба такъ враждебны другъ другу, что и теперь стоятъ, хотя и рядомъ, но раздѣленные стѣнами промежуточнаго дома. Что они думаютъ, застывъ въ неподвижной бронзѣ?» Да,—думаетъ могилевецъ Паскевичъ,—я знаменитый полководецъ, я взялъ Варшаву, я вернулъ Россіи то, что стоило ей потоковъ крови, то, чѣмъ Польша расплатилась съ Россіей за 612 годъ, за Бѣлоруссію, за Малороссію, за святой Кіевъ; но зачѣмъ меня поставили здѣсь! Мнѣ тутъ холодно, сиротливо. На меня никто не смотритъ, а если и взглянетъ, то недобрымъ взглядомъ. Я взялъ Варшаву—я кончилъ свое солдатское дѣло. Мнѣ на смѣну должны притти школа, храмъ, литература, искусства. Пустите меня къ моимъ солдатамъ въ цитадель. Тамъ и до сихъ поръ поютъ о томъ, какъ «графъ Паскевичъ Эриванскій подъ Аршавою стоялъ.» Право, тамъ мнѣ будетъ лучше. И вообще будетъ лучше...

Мысли минчука Мицкевича должны быть посложнѣе. «По ночамъ, размышляетъ онъ, на оградѣ вокругъ моего памятника появляются терновые вѣнки. Вѣнки маленькіе, величиною съ крупный баранокъ, но это не отъ недостатка усердія, а потому, что такой вѣнокъ можно принести подъ полой. Но приносящіе не знаютъ, что составляетъ мои главные терніи. Просвѣтленный по ту сторону гроба, я начинаю думать, что не люди, а рокъ вплели терніи въ мой вѣнокъ. Этотъ рокъ меня, русскаго по крови, по складу ума, по свойствамъ таланта, заставилъ говорить попольски и служить чуждому моей природѣ польскому дѣлу. Я жилъ въ великое время пробужденія моего триединаго

*) Изъ №№ 18, 19 и 20 Мог. Губ. Вѣдом. 1902 г.

великорусско-малорусско-бѣлорусскаго народа, когда народная стихія, какъ нѣкогда морская волна—богиню, родила національное искусство, а съ нимъ вмѣстѣ и національную мысль. Великая Русь дала Пушкина. Малая—Гоголя. Я былъ сыномъ Бѣлой Россіи, но рокъ передалъ меня Польшѣ. Здѣсь мнѣ поставили памятникъ, здѣсь мнѣ приносятъ вѣнки, но ихъ терніи больно меня колютъ. Здѣсь я такой же сирота, какъ и мой землякъ Паскевичъ, и я тоскую о Пушкинѣ, о Гоголѣ... Неужели же и о Москвѣ, гдѣ стоитъ бронзовый Пушкинъ, ожидающій своего младшаго брата Гоголя?!

Люди часто говорятъ: если бы можно было начать жить сызнова! Быть можетъ бронзовый Мицкевичъ думаетъ: если бы сызнова началась исторія! Быть можетъ также, что онъ недоволенъ своимъ памятникомъ. И въ этомъ случаѣ онъ правъ. Памятникъ и не красивъ, и не выразителенъ, и натянутъ; его дѣлали на-спѣхъ, желали удивить Европу необычной быстротой, съ которой собрали деньги, сдѣлали и открыли монументъ.»

Мнѣ кажется, что «Мог. Губ. Вѣдомостямъ», какъ русскому органу, выходящему въ Западномъ краѣ, нельзя обойти молчаніемъ эту замѣтку, и я позволю себѣ набросать по ея поводу нѣсколько строкъ.

Подъ шуточной формой въ замѣткѣ этой кроется весьма серьезное содержаніе. Не въ отношеніи Паскевича, конечно. Князю Варшавскому такъ же необходимъ памятникъ въ Варшавѣ, какъ Александру I въ Гельсингфорсѣ, Екатеринѣ II въ Западной Россіи, Потемкину Таврическому въ Тавридѣ, Муравьеву Виленскому въ Вильнѣ и т. д.

Тутъ не можетъ быть и вопроса.

Мнѣ хотѣлось бы сказать свое слово о Мицкевичѣ. Это тѣмъ болѣе мнѣ кажется умѣстнымъ и необходимымъ, что замѣтка г. Дѣдлова вызвала горячую, но неосновательную и даже въ достаточной степени наивную, отповѣдь на страницахъ «С.-Пет. Вѣдом.», которыя въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, приняли подъ свою особую защиту интересы нашихъ инородцевъ. Забыли «С.-Пет. Вѣд.», что на инородцевъ у насъ никто не нападаетъ, и что напротивъ отъ нападеній инородцевъ русскому человѣку сплошь и рядомъ приходится защищать свои исконныя позиціи, свои самые завѣтные идеалы. Забыли «С.-Пет. Вѣд.», что Русь наша такъ велика и такъ могуча, что намъ, русскимъ, рѣшительно не надо ничего чужого; но вмѣстѣ съ тѣмъ конечно намъ не слѣдуетъ и отдавать кому-либо свое, русское.

Забыли это «С.-Пет. Вѣд.» и, къ стыду ихъ, отдали свои страницы въ кабалу «писателямъ» изъ «юркихъ» зоновъ, берговъ, баумовъ и К°.

Въ сущности, споръ о Мицкевичѣ—споръ очень старый, споръ, возникшій еще до политической уніи Литвы съ Польшею, задолго до 1569 года, и продолжающійся доселѣ.

Никто не можетъ отрицать, что населеніе государства Литовскаго никогда не чувствовало особыхъ симпатій къ полякамъ. Не чувствуютъ ихъ и теперь потомки этого населенія—бѣлоруссы, литовцы, жмудины, даже независимо отъ исповѣданія: православные не могутъ простить Польшѣ страданій, причиненныхъ ею, въ поразительной политической слѣпотѣ, ихъ прадѣдамъ за вѣру; католики не могутъ простить ей своего разочарованія, такъ какъ за свое національное и религіозное ренегатство ожидали отъ нея великихъ и богатыхъ милостей, а взамѣнъ того получали и получаютъ доселѣ со стороны «короняжей» одно лишь плохо скрываемое презрѣніе.

Какъ извѣстно, католики-бѣлоруссы и католики-литовцы все еще оскорбляются, если ихъ называютъ ренегатами.

Но это и понятно. Положеніе ихъ поистинѣ печально. Оторвавшись отъ родной вѣры и отъ русской народности и встрѣченные презрительно поляками, они не чувствуютъ почвы подъ собою, и всякое напоминаніе объ исторической правдѣ выводитъ ихъ изъ себя.

Хотя казалось бы,—что можетъ быть обиднаго для потомковъ знаменитыхъ могилевцевъ Сапѣгъ и Друцкихъ, гродненцевъ Ходкевичей, витеблянъ Огинскихъ, Корсаковъ, Тихоновецкихъ, виленцевъ Радивиловъ, Солтановъ и tutti quanti, имъ же имя легіонъ,—знаменитыхъ строителей нашихъ святынь, нашихъ обителей супрасльской, марковской, черейской, варкалабовской и т. д.,—что можетъ быть обиднаго въ томъ, что эти столпы западнорусскаго народа рухнули подъ невыносимымъ гнетомъ Польши? Кто можетъ сказать, что ими руководила только корысть, а

не желаніе своею гибелью спасти хоть что нибудь для своего народа? Потомкамъ этихъ отступниковъ, казалось бы, естественнѣе всего оставить чуждую, навязанную имъ, вѣру, чуждую цивилизацію и вновь вернуться въ лоно родной православной церкви, вновь примкнуть къ родному русскому народу.

Такъ, къ чести ихъ, и поступаютъ нѣкоторые знаменитые потомки знаменитыхъ предковъ. Но ихъ, къ глубокому сожалѣнію западнорусскаго народа, очень мало...

Воинствующій католицизмъ, дѣйствовавшій въ краѣ болѣе 300 лѣтъ, не могъ не оставить слѣдовъ своихъ, и наши братья сторонятся насъ. Въ минуты особаго разгара политическихъ страстей ослѣпленные потомки населенія бывшей Литвы—католики идутъ не къ намъ, а къ полякамъ. Такъ было въ эпоху Костюшки, и въ 1831 году, и въ 1863. Такъ вышло и съ памятникомъ Мицкевича.

Католики-бѣлоруссы въ фанатическомъ ослѣпленіи отдали его полякамъ, чтобы не отдать намъ, а тѣ приняли его съ распростертыми объятіями, опять таки только для того, чтобы онъ не достался намъ.

Но вѣдь, строго говоря, происхожденіе Мицкевича не можетъ вызывать никакихъ сомнѣній.

Онъ уроженецъ нынѣшняго новгородскаго уѣзда минской губерніи (въ 17 вѣкѣ переименованнаго въ новогрудскій да, къ стыду нашему, такъ и оставшагося съ этой кличкой).

Край этотъ издревле населенъ восточными славянами, но не поляками и даже не литовцами. Возьмите самаго безпристрастнаго свидѣтеля—языкъ земли—и вы убѣдитесь, что здѣсь ничего нѣтъ ни польскаго, ни литовскаго въ названіяхъ урочищъ и селеній, за исключеніемъ позднѣйшихъ, которымъ демонстративно давались чуждыя названія, какъ у насъ въ могилевской губерніи Маріавиль, Свенскополье, Скрыдлево и т. д.

Мнѣ скажутъ, что могла быть позднѣйшая колонизація края поляками. Но послушайте, что говоритъ объ этой колонизаціи мѣстный изслѣдователь Е. Р. Романовъ въ своемъ трудѣ «Матеріалы по исторической топографіи витебской губерніи».

«Больное мѣсто въ опредѣленіи народностей витебской губерніи составляетъ, говоритъ Е. Р. Романовъ, вопросъ о поляках, имѣющій весьма важное и практическое значеніе, хотя съ нимъ, по моему мнѣнію, давно бы пора покончить.

Въ 1864 г. Эркертъ[1]) типичнымъ признакомъ польской народности въ краѣ считалъ католичество.

Взглядъ этотъ, конечно, не выдерживаетъ критики въ глазахъ всякаго, кто мало-мальски знакомъ съ исторіей Западнаго края.

Въ самомъ дѣлѣ:

Новѣйшія изслѣдованія показали, что поляки (въ собственномъ значеніи) заселяютъ лишь Вислу, въ среднемъ ея теченіи, и слѣдовательно, никоимъ образомъ не могли заселить нынѣшнюю витебскую губернію.

Изъ поучительной исторіи Холмской Руси видно, что, несмотря на преслѣдованія и на многовѣковой матеріальный гнетъ, поляки не смогли полонизировать (въ національномъ смыслѣ) русскаго племени, живущаго въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ними. Близкая къ нынѣшней (административной) Польшѣ губернія гродненская также подвергалась сильной полонизаціи, уже по одному географическому положенію своему, какъ этапный пунктъ между Варшавой и Вильной, бывшій къ тому же нерѣдко резиденціей королевскаго двора.

И однако же губернія эта по національному и вѣроисповѣдному составу населенія—русская и православная.

Такимъ образомъ, если поляки были безсильны[2]) полонизовать Холмщину и гродненскую губернію, тѣмъ менѣе, кажется мнѣ, сколько нибудь значительныя колоніи ихъ могли появиться въ такихъ отдаленныхъ областяхъ, какъ витебская и могилевская.

Затѣмъ, съ другой стороны:

Никто конечно не станетъ утверждать, чтобы поляки явились въ Западномъ краѣ до конца 14 вѣка. Ядвига привезла съ собою единицы, не болѣе.

Вспомнивъ ревнивое оберегательство своей родины, которое проявляло доблестное нѣкогда бѣлорусско-литовское дворянство какъ въ политическомъ отношеніи такъ и въ національномъ и религіозномъ, нельзя удивляться тому, что Поссевинъ въ 1581 г.

[1]) Взглядъ на исторію и этнографію западныхъ губерній Россіи.
[2]) Малочисленность ихъ играла, конечно, тутъ главную роль.

напелъ въ Витебскѣ только одного ксендза—другого не было ни въ Витебскѣ, ни въ его окрестностяхъ,—и что Баторій въ 1579 г., къ удивленію своему, не нашелъ ни одного костела въ Полоцкомъ воеводствѣ[3]). Исторія, затѣмъ, не даетъ никакихъ указаній на колонизацію края поляками, за исключеніемъ переселенія Сапѣгами мазуровъ въ свое имѣніе Варкляны въ первой половинѣ 17 вѣка, число коихъ въ настоящее время доходитъ до 300 душъ обоего пола.[4]). Ибо нельзя, разумѣется, считать поляками Огинскихъ—строителей витебскаго Маркова монастыря, или Ходкевичей—основателей Супрасльскаго монастыря, Масальскихъ—разгонявшихъ въ Вильнѣ католическія процесіи, Четвертинскихъ—православныхъ епископовъ еще въ 18 в., Черторыйскихъ, Друцкихъ и тысячи другихъ бѣлоруссовъ и литовцевъ, отказавшихся отъ присяги въ 1569 году, заключившихъ союзъ противъ притязаній католицизма въ 1599 г., протестовавшихъ противъ уніи въ 1617, 1619 гг. Не поляки противодѣйствовали въ Полоцкѣ и Витебскѣ злополучному ренегату Кунцевичу, какъ не они же топтали въ грязь и образъ Казимира въ 1643 году въ Полоцкѣ. Нельзя видѣть поляковъ въ потомкахъ тѣхъ бѣлоруссовъ, которые измѣнили православію уже въ 18, или даже въ 19 вѣкахъ—при Черторыйскомъ и при присоединеніи уніатовъ.[5])

Тѣмъ менѣе можно считать поляками бѣлорусскій народъ католическаго исповѣданія. По мѣткому и совершенно вѣрному заявленію митрополита Сѣмашки, западнорусскіе крестьяне перешли въ католичество уже во время россійскаго правленія.

Акты витебскаго центральнаго архива до 16 в. указываютъ только трехъ земянъ католиковъ, пріобрѣвшихъ имѣнія въ предѣлахъ нынѣшней витебской губерніи покупкою[6]) и свидѣтельствуютъ, что до того времени въ витебскомъ воеводствѣ существовалъ только одинъ костелъ.

Все это факты, отрицающіе всякую возможность допущенія польской колонизаціи края, и игнорировать которые рѣшительно невозможно.

Правда, вымороченныя имѣнія считались королевщинами и могли способствовать полонизаціи края, но, съ другой стороны, имѣнія такія считались единицами, а съ другой—они отдавались королями лишь во временное пользованіе, на извѣстный срокъ. Были случаи отнятія имѣній у русскихъ землевладѣльцевъ и отдачи ихъ полякамъ[7]) послѣ той или другой войны, но опять таки случаи такіе были очень немногочисленны.[8])

Съ другой стороны, сохранились письменныя доказательства интересныхъ фактовъ, что такіе колонизаторы «сами добровольно поддавались москалямъ и на ихъ вѣру крестились».[9])

При чтеніи «Витебскихъ Актовъ» и «Витебской Старины», можно сдѣлать и еще одно интересное открытіе: «польскія» войска, дѣйствовавшія здѣсь въ 16 и 17 столѣтіяхъ, состояли почти всецѣло изъ западноруссовъ. Поляки—опять только единицы.

Русскій языкъ въ Западномъ краѣ употреблялся даже въ офиціальной перепискѣ до 1697 года.

До 1655 г. въ предѣлахъ витебской губерніи, несмотря на несомнѣнную ревность правительства, было лишь 11 костеловъ. Наконецъ, сохранилась весьма интересная жалоба полоцкаго магистрата уже отъ 1725 г. на то, что у него «съ римской стороны—мало католиковъ, а съ греческой—мало уніатовъ»[10]), вслѣдствіе чего къ должностямъ пришлось допустить православныхъ, вопреки закону.

Очевидно, что о полякахъ, въ смыслѣ націи, здѣсь не можетъ быть и рѣчи».

А минская губернія—родина Мицкевича—не могла составлять въ этомъ отношеніи какого либо исключенія.

Скажутъ, что языкомъ Мицкевича былъ польскій языкъ. Да, былъ. Но это ровно ничего не

[3]) Вит. Стар. Сапунова 1,603.

[4]) По доставленнымъ мнѣ въ маѣ 1897 года офиціальнымъ свѣдѣніямъ, переселены не мазуры, а бѣлоруссы, вѣроятно изъ гродненской губ. бѣлостокскаго уѣзда. Среди нихъ даже не сохранилось воспоминаній о переселеніи и сами себя они считаютъ бѣлоруссами.

[5]) Вѣтрино, Горяны, Полодовичи, Дубровка, Ичня, Боконь, Бедрица и др. 1814 г. (Вит. Акты, т. XXI и др.). А Дорловичи, напримѣръ, дриссенскаго уѣзда—1852 г. (Вил. Акты, т. XVI, №№ 205—314).

[6]) Вит. Акты, т. XX, XXIV.

[7]) Например: Вит. Акты, т. XXI, 274, 365.

[8]) Въ 25 томахъ Вит. Актовъ ихъ указано 11 (въ томъ числѣ одно имѣніе было возвращено снова прежнему владѣльцу, три даны мѣстнымъ жителямъ).

[9]) Напр. Вит. Акты, т. XXV, стр. 221, 229.

[10]) Вит. Стар. Сапунова, V. 355.

доказываетъ. Въ виленской губерніи вы и теперь еще встрѣтите семьи православныхъ священниковъ, гдѣ старое поколѣніе говоритъ попольски. Но они не поляки же?

Вопросу этому цитируемый нами авторъ посвящаетъ слѣдующія строки:

«Ближайшія изслѣдованія показываютъ, что языкъ не всегда можетъ служить точнымъ показателемъ національности.

По отношенію къ витебской губерніи, мѣрка эта въ особенности не примѣнима къ мѣстностямъ, пограничнымъ для двухъ народностей, напримѣръ, въ люцинскомъ уѣздѣ; здѣсь православное населеніе говорятъ дома полатышски, будучи заброшено въ среду латышскаго племени, и католическое порусски, живя въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ населеніемъ русскимъ. Шляхта, историческое происхожденіе которой все еще составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ вопросительный знакъ.[11]) конечно не можетъ причисляться къ полякамъ, несмотря на языкъ свой, такъ какъ послѣдній мѣняется сообразно языку коренного населенія той или другой мѣстности: въ католическихъ приходахъ дриссенскаго уѣзда онъ польскій, въ могилевской и югозападныхъ губерніяхъ съ православнымъ населеніемъ—онъ русскій, — независимо отъ исповѣданія шляхты.

Бывшіе дворовые въ мѣстечкахъ Креславкѣ, Освеѣ, Корсовкѣ, Посинѣ и др., прислужники ксендзовъ и ихъ присныхъ, также говорятъ на quasi-польскомъ языкѣ. Но кто же рѣшится назвать ихъ поляками?

Крестьяне дерновичскаго прихода, совратившіеся, подъ вліяніемъ матеріальнаго гнета со стороны помѣщиковъ—католиковъ, въ 1852 году въ католичество, въ силу присущаго народу консерватизма, употребляютъ доселѣ—въ особенности поколѣніе современное совращенію — польскій языкъ, какъ языкъ молитвы. Считать ихъ за это поляками?

«Въ западно-русской этнографіи продолжаетъ авторъ, констатированъ фактъ, что при совершеніи обрядовъ, однѣ изъ обрядовыхъ пѣсенъ поются на русскомъ языкѣ, другія на польскомъ. Нечего и говорить, что на основаніи этого факта невозможно считать населеніе польскимъ, зная, что въ силу тяжелыхъ историческихъ условій, польскій языкъ въ краѣ [12]) сдѣлался языкомъ аристократическимъ, который—какъ таковой—и употребляется въ торжественныхъ случаяхъ (напр. въ нѣкоторые моменты свадьбы).

Для меня не составляетъ загадки и обиліе полонизмовъ въ текстахъ произведеній бѣлорусской народной словесности, записанныхъ польскими этнографами, даже въ записяхъ вполнѣ добросовѣстныхъ. Я знаю по собственному опыту, что бѣлорусскій пѣвецъ или сказочникъ большія усилія прилагаетъ къ тому, чтобы передать произведеніе языкомъ вполнѣ доступнымъ и понятнымъ его слушателю, и вслѣдствіе этого съ великоруссомъ говоритъ порусски, съ полякомъ, якобы, попольски, «съ паномъ попански» и т. д. Стремленіе это до такой степени сильно, что даже собирателю—бѣлоруссу—являющемуся въ глазахъ разсказчика все же «паномъ»—приходится зорко слѣдить за языкомъ произведенія, во избѣжаніе испещренія его формами и словами, несвойственными бѣлорусскому языку. Поэтому, приступать къ выводамъ на основаніи подобныхъ записей слѣдуетъ съ большою осторожностью, иначе можетъ получиться такой нежелательный фактъ, что за языкъ народа будетъ принятъ тотъ невозможный жаргонъ, который измышленъ авторомъ или записывателемъ[13]).

Принявъ во вниманіе всѣ перечисленные факты, я не нахожу основаній видѣть въ католической массѣ населенія витебской губерніи поляковъ, какъ націю, и допускаю ихъ только какъ позднѣйшій пришлый элементъ.

Поляками въ витебской губерніи, мнѣ кажется, можно считать: 1) потомковъ тѣхъ немногихъ[14]) выходцевъ изъ Польши, которые пріобрѣли здѣсь имѣнія покупкою; 2) тѣхъ поляковъ, которымъ короли и воеводы отдавали здѣсь имѣнія русскихъ владѣльцевъ[15]); 3) ремесленниковъ, техниковъ, торговцевъ, новобращевъ и т. п. изъ при-

---

[11]) Теперь, послѣ изданія витебскимъ центральнымъ архивомъ древнихъ инвентарей, этотъ вопросъ разъяснился. Нынѣшняя шляхта составляетъ потомковъ бывшихъ замковыхъ и путныхъ бояръ. См. Вит. Ак. томъ XXVIII, инв. Чечерска. Также «Мог. Губ. Вѣд.» 1901 г. № 91--92 Ред.

[12]) Такъ же, какъ и пресловутая „польская вѣра".

[13]) Сличи. напр. брош. «Выбирайтеся упрочки! Скарэй у Томскъ! «Pieśni białoruskie z powiatu dziśnieńskiego», А. Чернаго и т. п.

[14]) По «Вит. Актамъ»—три.

[15]) По тѣмъ же Актамъ—семь.

вселянскаго края, число коихъ не превышаетъ двухъ тысячъ человѣкъ, и наконецъ, 4) немногихъ ксендзовъ [16]).

Изслѣдованіе свое авторъ заканчиваетъ такъ: «Вопросу этому я, вообще, придаю чрезвычайную важность и, въ видахъ окончательнаго его выясненія, приглашаю витебскихъ католиковъ представить факты—конечно, sine ira et studio,—которые опровергли бы мое мнѣніе»...

На сколько я знаю, факты эти доселѣ не представлены.

Не представлены потому, конечно, что ихъ нѣтъ.

Мицкевичъ родился въ совращенной въ католичество шляхетской семьѣ, жившей среди населенія, тоже совращеннаго въ католичество, и потому языкъ его былъ польскій.

Но и только.

Возьмите самую фамилію Мицкевича. Она доказываетъ, что Мицкевичи—потомки какого-то земянина или путнаго боярина М и ц к о (и Миско), то есть Митьки, (по бѣлорусски—Мицьки)—Д и м и т р і я. Но извѣстно, что въ католическихъ святцахъ даже нѣтъ имени «Димитрій» и оно перешло отъ грековъ только къ православнымъ. Справьтесь и съ существующими славянскими именословами, и вы убѣдитесь, что имя Мицко въ 16 в. употреблялось въ западной Россіи и встрѣчается въ кіевскихъ актахъ (т. III. Арх. югозап. Рос. VI и т. п.).

Наконецъ, фамилія Мицкевичъ, Мицкевичъ, Мискевичъ, какъ уже указывалъ г. Романовъ въ «Нов. Вр.», распространена и теперь въ средѣ православнаго духовенства минской и витебской губерніи и среди народныхъ учителей виленскаго учебнаго округа. Въ виленской губерніи имѣется и теперь учитель М и ц ь к о, въ неприкосновенности сохранившій ту фамилію, которую носили предки Мицкевича. Учитель этотъ конечно бѣлоруссъ и православный.

Ясно послѣ этого, что Мицкевичъ н е п о л я к ъ, и не литвинъ, а родной сынъ Бѣлой Руси.

[16]) Главный контингентъ ксендзовъ въ вит. губ. доставляютъ крестьяне ковенской губ. (жмудь) и мѣщане виленск. губ.; минская и могилевская дали лишь нѣсколько человѣкъ; одинъ ксендзъ—полѣчанинъ.

Въ отповѣди г. Дѣдлову «С.-Пет. Вѣдом.» говорятъ еще, что признать Мицкевича бѣлоруссомъ такъ же нельзя, какъ Костюшку.

Увы, я долженъ и въ этомъ разочаровать органъ инородцевъ. Мнѣ даже нѣтъ надобности для этого пользоваться русскими свидѣтельствами, считающими Костюшку происходящимъ изъ духовной семьи гродненской губерніи. Я приведу источникъ, который по меньшей мѣрѣ нельзя заподозрить въ особомъ пристрастіи ко всему русскому. Я возьму словарь Эфрона.

И что же мы находимъ тамъ? На стр. 420 тома 16 совершенно категорически говорится во первыхъ, что родина Костюшки тотъ же новогрудскій уѣздъ минской губерніи; что Костюшка, какъ и Мицкевичъ, былъ сынъ небогатаго шляхтича; что родъ Костюшекъ, К.—Валюжиничей и др. вѣтвей ведетъ начало отъ рода дворянъ волынской земли р у с с к а г о п р о и с х о ж д е н і я.

Послѣ этого излишни, конечно, какіе бы то ни было коментаріи, и я добавлю только, что Костюшки (и даже Косцюшки) доселѣ настоятельствуютъ въ церквахъ могилевскаго и чаусскаго нашихъ уѣздовъ, что православные Валюжиничи доселѣ здравствуютъ въ Оршѣ, Климовичахъ, Чериковѣ и Гомелѣ—гдѣ эту фамилію носятъ даже крестьяне и мѣщане.

Да! скажу я вмѣстѣ съ Дѣдловымъ: если бы можно было начать жить сызнова!

Если бы можно было начать жить сызнова,—былъ бы памятникъ Мицкевичу не въ Варшавѣ, а въ Москвѣ, и мы имѣли бы второго Пушкина; если бы можно было начать жить сызнова—Костюшка сражался бы не съ Россіей, а за Россію, и рядомъ съ фельдмаршалами-могилевцами Паскевичемъ и Гуркою мы можетъ быть имѣли бы фельдмаршала-мядчука Костюшку...

Но мое письмо разрослось, и я ставлю точку.

Такъ вѣками тенденціозно нагромождавшіеся историческіе предразсудки разсыпаются въ прахъ при одномъ прикосновеніи безпристрастной исторической критики...

—Ъ.

VI. Изъ міра народныхъ легендъ.

Недавно въ словарѣ Брокгауза появилось сообщеніе г-жи Литвиновой о томъ, что въ Малороссіи доселѣ существуетъ архаическій обычай убиванія стариковъ.

Сообщеніе это вызвало цѣлую бурю, и въ печати появилось множество статей, пытающихся опровергнуть утвержденіе г-жи Литвиновой.

Произошло все это отъ нашего незнанія народной жизни и отъ полнаго незнакомства съ народною литературою. Будь мы сколько-нибудь знакомы съ произведеніями народной словесности, не было бы и причинъ волноваться изъ-за сообщенія словаря, такъ какъ преданія и легенды объ обычаѣ убиванія стариковъ имѣютъ всемірное распространеніе.

Распространены онѣ и у насъ въ Бѣлоруссіи, и я считаю нелишнимъ познакомить съ ними читателей, пользуясь для этого текстами моего «Бѣлорусскаго Сборника», въ настоящее время неимѣющагося въ продажѣ.

О существованіи этого обычая у нашихъ старообрядцевъ говоритъ слѣдующее п р е д а н і е, записанное лично мною въ вылевской волости гомельскаго уѣзда, на югѣ нашей губерніи.

«Ты вотъ говоришь про лоповщину. Слухай-ка суды, я табѣ што скажу. Мнѣ вотъ тяперака, гляди-тка, годовъ семдесятъ, да ище й съ хвостикомъ семдесятъ: ну, а якъ мнѣ було такъ годовъ двинатцать, дакъ дѣдъ мой покойный расказававъ намъ, дятямъ, што зъ яго дѣдомъ—пращуромъ уже значитца нашимъ, бывъ такій злучай.

«Ѣхавъ я, кажа, разъ зъ Вѣтки у Зыбкую, везъ товаръ на три конііі. Ну, везъ, везъ,—дѣло уже къ повдню потхода, кони позаморилисъ. А тогды жъ ня то, што тяперъ, усюдахъ свѣтъ вольный ставъ; тогды жъ такія пущи у насъ были што Божа, Божа![1]) Вотъ ёнъ, дѣдъ, думая сабѣ: проѣду ще трохи, тутъ знакомыи москаль живе, коло яго и попасу. Звѣстно боязно; ну да й думая—зайду квасу попрошу, размочу скорынку хлѣба, самъ трохи попащусь. Тяперака, слухай-ка суды, проѣхавъ ёнъ тамъ кольки, пріяжжая къ той силитьби. Отпрогъ коній, спутавъ, усё якъ треба, и пошовъ у хату,—такъ побочь дороги стояла. Приходя ёнъ значитца у хату, атамъ гробъ стоитъ, корыто зъ дубовой колоды, якъ во и тяперака у нихъ дѣлаютъ. Перадъ богами свѣчка восковая горитъ; а Максимъ, хозяинъ, значитца, стоитъ на уколѣнцахъ и Богу молитца. А зазади два сыны яго стоятъ: одному годовъ, знать, съ пятьдесятъ, а другому, такъ, годовъ сорокъ. И одинъ довбню держа.

Вотъ дѣдъ пришовъ и ставъ у порози. А Максимъ усё Богу молитца, усё Богу молитца.

Тыя сыны ждали ждали, ды говоратъ: «ну, батюнъ, кончай!»

Той номоливея, уставъ; ставъ зъ дѣдомъ здраствоватца: «ахъ слава Богу, говора, што тябе Богъ нанесъ!»

— Ну, зачимъ? што тутъ у васъ?

— А ты хиба ня бачинъ? сыны кажатъ: яму у лоповщину пора,—уже восемдесятъ годовъ прожилъ!

— «Ахъ, сынки мое, кажа старикъ той: я жъ работаю!

— Ну, да! што съ твое работы? Мы во якъ бьёмся, а ни на насъ, ни у насъ! Пора, пора, батюнъ! Ты на свѣти нажився, дай людямъ жить!.. Да и за довбню.

«Ахъ, сынки мое, говора, дорогія: мнѣ жъ еще двухъ годовъ нема до восемдесятъ!—Братъ Пятрокъ, на дѣда кажа: поговори ты имъ, можа тябе послухаютъ!»

Правды, тутъ и дѣдъ умѣшався: «што вы это, кажа: старикъ ще жить хоча, а вы у лоповщину. Гляньтя на Бога: ёнъ жа жъ тыки кормивъ васъ, поивъ! Ну, хоть два годы дайтя строку, нехай до восемдесятъ доживе!»

Такъ—сякъ, такъ—сякъ, стали уговаравать—и уговорили тыки.

«Ну, кажа, батюнъ: моли Бога за Петрока,—даемъ табѣ строку два годы. Ну тольки коли не помрешъ самъ, тогды уже не просись!»

Сычасъ домовину тую вонъ, довбню вонъ, утихомирились и ничого. И жить стали.

Правды, што дѣдъ у тыхъ сторонахъ уже ня бывъ боли, не привялось.

Дакъ во яна якая лоповщина!»[2])

---

[1]) Еще на нашей памяти край этотъ славился разбойничествомъ.

[2]) Б. Сб. IV. 181. [3]) Ibid. 182.

Объ этомъ же обычаѣ сдѣлана запись, носящая уже легендарный характеръ, и на сѣверѣ могилевской губерніи—въ расвянской волости сѣнненскаго уѣзда, хотя существованіе убійства стариковъ пріурочено въ легендѣ не къ данной мѣстности, а къ какой то далекой чужой сторонѣ.

Вотъ начало этой легенды:

„Живъ кравецъ. И пошовъ ёнъ, отъ пановъ уцекъ, дужа далеко, у чужую сторону. А тамъ была такая мода, што покуль жанитца, дыкъ сиюдь молодзенцу боты, а молодуси черавики; и якъ вѣнчаютца, насылюдь новыя боты и черавики пяску, и повѣсюдь. И што уперадзи поцядедь—ци ботъ, ци черавикъ, того тоды у труну живого кладудь и вязудь на саночкахъ у такій ровъ, што вылѣзьци никакъ ня можно, и ставюдь яго тамъ. И прилетаець туды такая птушка, што якъ лизнедь, дыкъ отразу и душу и грудзи вылижедь.» [2])

— —

Относительно причинъ прекращенія этого архаическаго обычая бѣлоруссы знаютъ три легенды. Первую мы приводимъ здѣсь цѣликомъ.

«Вотъ значитца, такъ то було здавну, спочатку, у старину: што якъ выйдя чаловѣку восемдесятъ годовъ, или семдесять, и ёнъ уже значитца стаця отдрагелъ, работать ня здолѣя—дакъ яго за яго?—дакъ яго треба уже у лоповищину. Звали, бувало, якого грамотнаго, отправляли напахвиду.—отчитаютъ, значитца, молитвы надъ головой,—усе дно, да й у лобъ.

А съ чаго яно перакратилось, дакъ вотъ съ чаго:

Такъ живъ сабѣ одинъ старый, и два сына у яго. И сыны милосьливыя у яго. И яны его дѣло оставили, лоповищину ету, значитца. И здѣлали яму склепъ. «штобъ нашъ батька—будемъ питать его, покудова помре своёй смертю. Ёнъ жа жъ тыкіи нашъ батька!» Ну, издѣлали склепъ ему и посадили туды, штобъ общество—громада не знали, и питаять.

И такъ значитца годовъ съ десять держали яго. И случилося имъ тапераka, братяцъ ты мой, выходи такое то дѣло—рахуба, о—нещастя вялікое, пнуроснай хлѣба. И такое, братяцъ ты мой, худолѣтья було, што ни уродило жита а ни кустика. Ну, што жъ: люди кору ѣли зь ильма, папороть, липовый листъ рвали да товкли, и изъ етаго хлѣбъ пякли. И до того, братяцъ ты мой, дошило, што хлѣба нечимъ сѣять, нема сѣмяновъ, нечимъ чаго, ни Божа мой. Таперака, яны пошли якъ батьку у склепъ: «што намъ таперака, татулька, дѣлать, такъ и такъ, такое и такое дѣло,—нечимъ намъ сѣять поля, сышлось съ плода жито?» Ну, ёнъ имъ сычасъ отвятивъ: «оритя, мое сыны, толоку усю! Што Господи сошле, то я выдумаю!» И вылѣзъ ёнъ орать поля усё чисто.

Ну, пограли яны поля усё чисто, приходить къ ему:

— «Ну, што, тать: якъ скажешъ?»

— А вотъ што, мое сынки: дяритя крыши и съ хатъ, солому, и съ хлявовъ, усю чисто, и возитя на поля. Таперака услучай, мое сыны, зовитя своихъ дятей и жонъ, гонитя на поли, и кладитя солому у борозну и приворуйтя зямлёй. Што Господи дасть, тое и будя!».

Ну, таперака, яны узяли ето, позвали, и давай ето орать: а яны давай ето у межи класть. Таперака, такъ имъ Господь давъ—къ восини такое жито! Здѣлалося съ тые соломы жито такое, што Божа мой! Тяперъ, уздивилися люди, которые сусѣди, и сельскіе мужики, што ни у кого нема ни колоса, а у ихъ жито такое. И здѣлали притясненію на ихъ: «хто вамъ показавъ ето? скажитя, да скажитя!» И боялись яны отвѣтить ето слово,—што протчихъ стариковъ усихъ прибрали, а нашъ десятокъ годъ лишнихъ живе: ти будя имъ за ето штрафъ, ти нѣ? Отъ яны узяли, да у томъ слови и повинилися,—вызвалися обчаству: «ну, што жъ, говорять, господа громада! Мы вамъ винуемся: нашъ старый, батька, значитца, живъ еще; мы яго, значитца, оставили на прокормленіе,—и ёнъ ето намъ выдумавъ. И таперака мы благодаримъ свойму старику до вѣку вѣкомъ!»—А гдѣ жъ ёнъ?—«А у склепи у насъ!» Приходять къ яму: ти ты ето выдумавъ? Я! Мнѣ Господи такъ давъ!». Ну, съ тыхъ поръ, развилось опять жито на зямлѣ.

Дойшло дѣло ето, дальше, да дальше—до сэнота. Разобравъ санотъ, што именно у стариковъ—якъ яны много живутъ—именно выходятъ хорошія слова и выдумки. Составили совѣтъ своимъ санотомъ, што оставлять стариковъ до свое естинныя смерти, покуля Богъ прибяре яго душу, а у лоповщину не отправлять.»

——

Легенда эта записана мною въ с. Кормѣ гомельскаго уѣзда. Аналогична съ нею и вторая, записанная въ сѣнненскомъ уѣздѣ. Она начинается такъ:

——

«Гэто, кажуць, бувало, людзи дужа по много жили. Дыкъ вотъ состаріетца бацька, ничого ня робиць, а пиць плохая зъ-нестари была—Божа, Божа: отъ колоса до колоса ня чуць чаловѣччаго голоса—ну, дыкъ што зъ имъ дзѣлаць, весь старымъ? Дыкъ сынъ возьмець, ды на санычки яго, завязець, ды й укинець туды. А ровы были дужо тогды глубокія. Дыкъ ёнъ оттуль ня вылѣзець, помрець тамъ.

Ну, дыкъ одзинъ сынъ дужа любивъ свойго бацьку. Дыкъ якъ пришли тыя годы, ёнъ узявъ, бацьку посадзивъ у склепъ, а санычки завёзъ порожнія ды у ровъ и укинувъ, кабъ сусѣдзи гэтаго не знали. Ну, бацька тэй сядзиць у склепи, ёнъ яму ѣсьци носиць туды: и сусѣдзи гэтаго не знаюць».

———

Третья же объясняетъ дѣло иначе.

«Бувало, говоритъ эта легенда: бувало, гето ще посли Адама, якъ свѣтъ починався, нихто гэтаго ня помниць, тоды, якъ людзи по много жили, дыкъ людзей такъ не хували, якъ цяперъ. А бувало возьмуць—якъ ужо здзѣлаетца старъ ёнъ, ня можець работаць ужо, ни ѣсьци—дыкъ возьмуць санычки, ды на санычки, яго посодзюць, ды завяжуць у большей ровъ, ды й пусьцюць съ санычками туды. Ёнъ покуль доляциць, дыкъ и забьетца. А тамъ яго птушки разнясуць и вода знясець.

Усё гэдыкъ сыны возили бацькѣвъ. Якъ состаріетца бацька, сынъ на санычки бацьку ды у ровъ.

Али гэтыкъ разъ повёзъ сынъ бацьку, а за имъ побѣгъ яго сынокъ. Привёзъ ёнъ яго къ рову, ды тольки хоцѣвъ пусьциць бацьку у ровъ, исъ санычками, а сынъ той, яго уже, кажець: «а нѣ, тата: не пускай санычекъ!»—Зачимъ такъ?—А якъ жа: якъ ты здзѣлаесься гэткимъ, дыкъ и я повязу цябе у ровъ; дыкъ мнѣ жъ не на чимъ будець везци цябе!» Ну, тэй тоды за бацьку, ды домовъ, и ставъ яго доглядаць, ажъ покуль помёръ.

Съ тыхъ поръ и не стали возиць стариковъ у ровъ на санычкахъ. Досиць!»

——

Въ общемъ же, всѣ онѣ вмѣстѣ значительно выясняютъ этотъ вопросъ. Фактъ убіенія стариковъ существовалъ несомнѣнно, но можетъ быть не у всѣхъ народовъ, а только у нѣкоторыхъ племенъ, живвшихъ въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, дѣлавшихъ тяжелымъ пропитаніе члена семьи, неспособнаго къ труду, или въ особенно голодные годы, когда вымирали цѣлыя области и населеніе перекочевывало на другія мѣста. Подобные годы были и у насъ. Достаточно вспомнить напр. голодъ при Борисѣ Годуновѣ, голодъ, описанный въ нашей Варколабовской лѣтописи, и т. п.

Въ гомельскомъ уѣздѣ упорно доселѣ держится мнѣніе, что обычай этотъ еще недавно (сороковые годы 19 в.) употреблялся у мѣстныхъ старообрядцевъ, живвшихъ въ дикихъ лѣсистыхъ дебряхъ. Тамъ сохранилось и названіе обычая «лоповщина» и глаголъ «улопать», въ смыслѣ убить и т. п. Но провѣрить это мнѣніе мнѣ не удалось, и я могъ записать только вышеприведенное преданіе.

Очень возможно, что подобное же преданіе пришлось слышать и г-жѣ Литвиновой въ Малороссіи. Но по винѣ ли разсказчика, или по неопытности записывательницы, преданіе принято за фактъ,—и въ результатѣ появилась страстная полемика по вопросу, по которому не можетъ быть двухъ мнѣній.

Характерно въ этихъ легендахъ упоминаніе саночекъ. Вспомнивъ въ поученіи Владимира Мономаха его выраженіе «на санѣхъ сѣдя», надо притти къ убѣжденію, что вышеприведенныя легенды имѣютъ глубокую древность.

Е. Романовъ.

VII. Матеріалы для исторіи раскола старообрядчества въ могилевской губерніи конца XVIII-го и начала XIX столѣтій[1].

Въ 1795 году къ преосвященному Аѳанасію Вольховскому, епископу могилевскому и полоцкому, вступили прошенія: 1-е отъ присоединившагося уже изъ раскола къ святѣй церквѣ раскольническаго Лаврентьева скита инока Авксентія, 2-е онаго-же Лаврентьева и другаго Чонскаго мужскаго да слободы Спасовой дѣвича скитовъ духовника, бѣжавшаго въ 1764 году изъ черниговскаго архіерейскаго дома и совратившагося въ расколъ іеромонаха Давида, 3-е отъ помянутаго Авксентія и инока Константина. Авксентій, упоминая именной высочайшій указъ, данный въ 1784 году марта 11 дня синодальному члену, преосвященному Гавріилу, митрополиту новгородскому и с.-петербургскому, которымъ, по прошеніямъ жительствовавшихъ въ бѣлорусскихъ, малороссійскихъ и екатеринославскомъ намѣстничествахъ старообрядцевъ, повелѣно было ему преосвященному митрополиту сообщить преосвященнымъ могилевскому и славенскому, (что потомъ екатеринославскій,) о дачѣ священниковъ помянутымъ старообрядцамъ, по ихъ прошеніямъ, и о дозволеніи имъ службу Божію отправлять по ихъ обрядамъ, далъ знать симъ архіереямъ, что таковое есть высочайшее соизволеніе, —представлялъ, что по сему высочайшему указу въ екатеринославской епархіи священники уже опредѣлены и церкви на старыхъ антиминсахъ освящены; почему и по могилевской губерніи въ округѣ бѣлицкой находящіеся раскольническіе монахи, —нѣкоторые записанные въ городѣ Бѣлицѣ въ мѣщанство, а нѣкоторые за помѣщика, а притомъ и мірскаго званія нѣкоторое число раскольниковъ желаютъ присоединиться къ православной церкви на вышеписанномъ основаніи. А духовникъ іеромонахъ Давидъ, объявляя таковое-же какъ самого себя, такъ и духовныхъ дѣтей его къ присоединенію къ св. церкви расположеніе, просилъ о поимкѣ бѣглыхъ поповъ, пользовавшихся въ тамошнихъ селеніяхъ укрывательствомъ. Въ третьемъ-же прошеніи, общемъ отъ Авксентія и Константина, прописаны были происходившія имъ за то расположеніе ихъ къ св. церкви отъ раскольническаго самоназвавшагося игуменомъ Ѳеофилакта и, по его возмущенію, отъ прочихъ раскольниковъ разныя жестокія обиды, изгнанія, грабленіе имѣнія ихъ и даже явные смертоубійственные умыслы. Во всѣхъ же сихъ трехъ прошеніяхъ, при изъявленіи желанія о присоединеніи къ св. церкви, заключалась просьба о томъ, чтобы они отъ подушнаго оклада и отъ платежа за казенную населенную ими землю освобождены, а отъ обидъ раскольническихъ защищены были.

Прошенія эти въ копіяхъ представлены были преосвященнымъ Аѳанасіемъ на разсмотрѣніе св. синоду. Мая 1 дня 1797 г. поданнымъ св. синоду отъ себя, отъ духовника Давида и самыхъ тамошнихъ жителей прошеніемъ Авксентій просилъ о присоединеніи и припискѣ какъ ихъ, такъ и скитовъ ихъ, къ екатеринославской епархіи, сообразно тому, какъ и о Никодимовой пустыни учинено. Св. синодъ постановилъ: старообрядческіе монастыри: Лаврентьевъ, Чонскій и Спасовой слободы мужскій и женскій и прочихъ жителей города Бѣлицы, по желанію ихъ, причислить къ екатеринославской епархіи и присоединить ихъ всѣхъ къ св. церкви, по церковному чиноположенію, съ дачею имъ, по ихъ прошеніямъ, священниковъ и съ позволеніемъ службу Божію отправлять по старопечатнымъ книгамъ и ихъ обрядамъ на основаніи именного высочайшаго указа 1784 года марта 11 дня. 8 мая 1797 года объ этомъ даны были изъ св. синода указы могилевскому епископу Аѳанасію и

---

[1]) Изъ №№ 35, 36, 37 и 39 „Мог. Губ. Вѣд." 1902 г.

Сокращенія въ цитатахъ: П. С. З.—полное собраніе законовъ. А. С. С.—архивъ св. синода, А. М. Д. К.—архивъ могилевской дух. консисторіи.

митрополиту екатеринославскому и Херсониса таврическаго Гавріилу[1]).

Вѣтка.

Отъ 26 октября 1798 года бѣлорусскій и могилевскій епископъ Анастасій Братановскій по секрету рапортовалъ св. синоду: «Посѣщая часть моей епархіи, былъ я переѣздомъ и въ Вѣтковской слободѣ, селѣ въ Бѣлорусскомъ краю, стольже древнемъ, какъ и знаменитомъ, виталищѣ старообрядцовъ. За два дни до прибытія моего туды, здѣлался тамо б у н т ъ, коего слѣдствія не безъ затрудненій ко усмиренію. Земской судья Бѣлицкаго уѣзда дѣлалъ тамо в ы и м к у с т а р о о б р я д ч е с к а г о п о п а ихъ, яко бѣглаго. Онъ, было, сего попа взялъ и оковалъ; но вѣтковцы, отъ мала до велика збѣжавшись, о т б и л и у з н и к а и чуть, было, не приступили къ убійству выемщика. Сей поступокъ явно противузаконный и толико въ упорствѣ утверждающій ветковичанъ, что сами они при разсказываніи сего дѣйствія, знаменуясь крестомъ, рекли: «такъ и быть, а двухъ смертей нѣтъ. Пусть и намъ и дѣтямъ нашимъ рубятъ головы, мы...» здѣсь кійждо свое намѣреніе мормоталъ. (Все сіе говорено было въ поздній вечеръ дорогою, отъ ветковской слободы до перевозу чрезъ рѣку, верстъ болѣе двухъ продолжавшеюся).— Я велѣлъ имъ явиться ко мнѣ по утру, дабы обстоятельнѣе выслушать событіе. Между слушаніемъ уразумѣлъ ихъ и собственно признаемую повинность и желаніе быть помилованными ходатайствомъ начальства того духовенства, къ коему они не имѣли прибѣжища. По сему предлогу на что я успѣлъ ихъ преклонить, тому прилагаю при семъ изъ собственнаго ихъ прошенія копію. А по поводу сего, какое я возымѣлъ къ господину губернатору отношеніе по секрету, и онаго тоже пріобщаю списокъ. Такимъ образомъ бунтъ утушенъ: ибо я изустно отъ г. губернатора при встрѣчѣ съ нимъ (ибо и г. губернаторъ въ то же время объѣзжалъ уѣздныя присутственныя мѣста) въ уѣздномъ городѣ Чаусахъ слышалъ, что все по тому (ветковскому) дѣлу успокоено, а сіе слышалъ я сентября 22 дня. Но какъ мнѣ впредъ поступить, благопочтенно о семъ рапортуя, всепокорнѣйше прошу наставленія».

Отъ вѣтковскихъ старообрядцовъ—купцовъ и мѣщанъ —п р о ш е н і е п р е о с в я щ е н н о м у А н а с т а с і ю о т ъ 6 с е н т я б р я 1898 г о д а гласило: «Изъ многократныхъ случаевъ испытали мы, что священники, принимаемые нами, изслѣдываются отъ свѣтскаго правительства, чрезъ что претерпѣваемъ какъ огорченіе душевное, такъ и разореніе спокойствія нашего, чего мы временемъ не въ силахъ будучи вытерпѣть, дѣлаемся принужденно огорчителями свѣтской команды. Но какъ сему служитъ поводомъ мнѣніе о насъ, якобы мы принимаемъ поповъ бѣглыхъ, безчестныхъ и безъ всякаго о нихъ съ нашей стороны розысканія, въ чемъ мы однакъ употребляемъ всевозможную осторожность,—то впредъ для спокойствія какъ свѣтскаго правительства, такъ и собственнаго нашего, мы о п р и н и м а е м ы х ъ с в я щ е н н и к а х ъ съ точнымъ о нихъ показаніемъ имѣемъ впредъ о т н о с и т ь с я къ вашему преосвященству, желая и б ы т ь п о д ъ в ѣ д о м с т в о м ъ епархіи вашего преосвященства, такъ какъ находимся въ Бѣлорусской губерніи. О чемъ отъ насъ по забраніи точныхъ и несомнительныхъ справокъ о находящихся у насъ священникахъ, имѣемъ представить вашему преосвященству формальное прошеніе; а нынѣ, объявляя таковое наше намѣреніе, просимъ возымѣть къ спокойствію нашему архипастырское попеченіе. Къ сей запискѣ ветковскій житель Афанасій Семеновъ руку приложилъ вмѣсто всего общества.»

Г б е р н а т о р у С. С. Ж е г у л и н у преосвященный Анастасій писалъ: «Проѣзжая я чрезъ Вѣтку, узналъ отъ самыхъ ветковскихъ обывателей объ ихъ поступкѣ противузаконном. Раскаяніе ихъ подало имъ такое намѣреніе, каковое желательно давно, сколько мнѣ извѣстно по дѣламъ старообрядцовъ[3]). Они впредъ не иначе будутъ принимать священниковъ, какъ съ вѣдѣнія духовной власти, къ ней и представлять будутъ о принимаемыхъ попахъ точныя и не-

[2]) А. С. С., 1796 г. д. № 378. А. М. Д. К. синод. указы 1797 г., № 51. «Христіанское Чтеніе», 1900 г., май. 12: «Начало единовѣрія (1780—1796 гг.)» прот. В. Жмакина, стр. 990.

[3]) Преосвященный Анастасій въ свое время спеціально занимался расколомъ. Въ 1797 году, по распоряженію новгородскаго митрополита Гавріила, имъ «учинено было «разсужденіе о раскольникахъ россійской церкви.» А. С. С., 1799 г. д. № 377, л. л. 15—26. «Церковныя вѣдомости» 1900 г., № 46: «Единовѣріе въ 1797—1799 гг.» прот. В. Жмакина стр. 1869.

подозрительныя справки, желая впредь считаться подъ вѣдѣніемъ епархіи Бѣлорусскія, такъ какъ находятся въ Бѣлорусской губерніи, о чемъ намѣрены подать формальное прошеніе. А какъ таковое ихъ положеніе послужитъ къ спокойствію не меньше церкви, какъ и свѣтскаго правленія: то благоволите, ваше превосходительство, взявъ объ ономъ вниманіе, употребить благонамѣренныя мѣры къ погашенію искры, дабы не произошелъ пожаръ. О намѣреніи-же ихъ вышепрописанномъ я увѣдомляю ваше превосходительство, не на словахъ ихъ полагаясь, но на поданной отъ нихъ бумагѣ, яко залогѣ, по которому я и предаю ихъ въ ваше къ успокоенію ихъ касательно находящихся нынѣ у нихъ поповъ благопромыслительство.»

Указомъ отъ 16 декабря 1798 года св. синодъ «по секрету» разрѣшилъ преосвященному Анастасію дозволить вѣтковскимъ старообрядцамъ имѣть у себя церковь и священниковъ для отправленія службы Божіей по старопечатнымъ книгамъ, ежели отъ нихъ вступитъ къ нему объ этомъ формальное прошеніе[4]. Но, избѣжавъ кары за противленіе власти, вѣтковцы, повидимому, отказались отъ мысли вступить въ общеніе съ господствующей церковью,—что, разумѣется, было непріятно ихъ ходатаю, преосвященному Анастасію. Владыкѣ досталось огорченіе еще и съ другой стороны. Донесеніе его св. синоду отъ 26 октября доведено было до свѣдѣнія Государя императора Павла I. Его Величество 21 ноября 1798 г. высочайше повелѣть соизволилъ: за названіе происшедшаго въ Вѣткѣ непокоренія бунтомъ, означающимъ оное весьма немаловажнымъ и клонящимся къ нарушенію общаго спокойствія, которое уже тамъ возстановлено,—учинить выговоръ епископу преосвященному Анастасію. Секретнымъ указомъ св. синодъ далъ знать объ этомъ обмолвившемуся епископу преосвященному съ тѣмъ, чтобы впредь поступалъ съ крайнею осторожностью, употребляя приличныя случающимся происшествіямъ выраженія.» Получивъ этотъ указъ 11 декабря, владыка 14 числа отвѣтилъ: «Таковой высочайшей волѣ съ вѣрноподданническою преданностію повинуясь, потщуся всемѣрно повелѣнное исполнять.»[5])

Чонка.

Съ 12 августа 1798 года настоятелемъ чонскаго Успенскаго монастыря былъ извѣстный въ старообрядческомъ мірѣ дѣятель, строитель иргизскій, іеромонахъ Сергій Юршевъ.[6]) Въ 1799 году имъ освящена была церковь въ монастырѣ; антиминсъ для нея данъ былъ изъ тверскаго каѳедральнаго собора.[7]) 7 марта тогоже 1799 года о. Сергій просилъ св. синодъ перечислить его монастырь изъ новороссійской епархіи въ бѣлорусскую, въ виду дальняго разстоянія его отъ каѳедральнаго города Новомиргорода (болѣе пятисотъ верстъ, между тѣмъ до Могилева считалось менѣе двухсотъ): происходили весьма великія затрудненія въ переѣздѣ до Новомиргорода по разнымъ монастырскимъ надобностямъ. Приложивъ данное ему о томъ отъ всей братіи вѣрющее письмо, о. Сергій ходатайствовалъ, чтобы чонскій монастырь оставленъ былъ и въ бѣлорусской епархіи на томъ же положеніи, какое занималъ въ новороссійской, именно, чтобъ онъ находился въ непосредственномъ вѣдѣніи преосвященнаго и консисторіи, минуя низшее учрежденіе—духовное правленіе. 10 марта 1799 г. св. синодъ постановилъ удовлетворить желаніе настоятеля и братіи чонскаго монастыря. Указомъ отъ 21 марта (1799 г.) преосвященному Анастасію велѣно было принять ихъ въ свое вѣдѣніе.[8])

Уѣзжая изъ С.-Петербурга, о. Сергій заручился рекомендательными письмами къ новому своему владыкѣ. Псковскій архіепископъ Ириней отъ 18 марта (1799 г.) пи-

---

[4]) А. С. С., 1798 г. д. № 619. А. М. Д. К., синод. указы 1798 г., № 153. «Церк. вѣдом.» 1900 г., стр. 1869.

[5]) А. С. С., 1798 г. д. № 218. А. М. Д. К., синод. указы 1798 г. Указъ съ выговоромъ преосвященный удержалъ у себя, а въ консисторію прислалъ слѣдующее: «Декабря 11 дня (полученный) указъ по секрету подъ № 744 собственно къ преосвященному относящійся. На который и рапортовано отъ Его Преосвященства декабря 14 дня.»

[6]) М. (ихаила) С. (еменовскаго) (что нынѣ протоіереемъ въ Варшавѣ): «Историческій очеркъ единовѣрія.» С. П. Б. 1867. Стр. 38 и сл. „Могилев. еп. вѣд.“ 1889 года. №№ 22—23: „Чонско-Макарьевъ монастырь“ С. С. Уклонскаго, стр. 327.

[7]) „Церк. вѣдом.“ 1900 г., № 46, стр. 1868.

[8]) А. С. С., 1796 г. д. № 378. А. М. Д. К., 1799 г. связка №№ 333—402. д. № 348 (здѣсь сложены дѣла о чонскомъ монастырѣ, присланныя изъ новороссійской консисторіи.)

салъ Анастасію: «Преосвященнѣйшій владыко! милостивый благодѣтель! Рекомендуя вашему преосвященству сего письмовручителя, старообрядческаго Успенскаго монастыря игумена Сергія, яко мужа пречестнѣйшаго и давно мнѣ съ хорошей стороны извѣстнаго, покорно прошу принять его въ ваше благоволеніе и въ нужныхъ случаяхъ не отказать ему въ пастырскихъ вашихъ вспоможеніяхъ. Отъ него наслышался я, что въ паствѣ вашей находится теперь волкъ, которой нѣкогда въ Твери расхищалъ у меня овцы, бѣглой попъ Алексѣй Кузминъ. Сего врага Христовой церкви потщитесь, елико возможно, выжить изъ вашей паствы, а паче изъ Покровскаго старообрядческаго монастыря, куда онъ ускользнулъ отъ руки преосвященнѣйшаго митрополита Новгородскаго, предавъ бывъ отъ самаго Государя Императора суду Его, и гдѣ живучи всячески ругаетъ святую церковь и нашихъ пастырей. Впрочемъ, препоручая себя святительскимъ вашимъ молитвамъ, честь имѣю пребыть съ истиннымъ моимъ почтеніемъ вашего преосвященства, милостиваго благодѣтеля моего усерднѣйшій слуга и богомолецъ Ириней А. Псковскій».

Казанскій архіепископъ Амвросій изъ С.-Петербурга 20 марта 1799 г. писалъ: «Преосвященнѣйшій владыко! всепочтенный о Господѣ братъ и благодѣтель! Всеусердно благодарю за писаніе отъ 8 марта сего равно и за приложенную на коронацію проповѣдь. На восшествіе-же, хотя и пишете о ней, но ее нѣтъ. Подателя сего, присоединившагося съ обителію своею къ паствѣ вашей, яко давно мнѣ извѣстнаго, прошу принять въ архипастырскую вашу милость и любить его. Онъ можетъ послужить вамъ въ обращеніи заблуждающихъ. Одолжите ево тѣмъ, чтобы обитель ихъ состояла подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ вашимъ и консисторіи. Въ прочемъ прося молитвъ и продолженія любви съ истиннымъ почтеніемъ и усердіемъ пребываю вашего преосвященства усерднопокорный слуга Амвросій Архіепископъ Казанскій»[9]).

Письма эти получены были преосвященнымъ Анастасіемъ 5 апрѣля 1799 г.; въ тотъ же день, конечно, представлялся ему о. Сергій. Владыка принялъ его съ свойственной ему благожелательностью. Черезъ четыре мѣсяца преосвященный представилъ въ св. синодъ возбужденное Сергіемъ дѣло о пожалованіи чонскому монастырю земельныхъ угодій. Въ рапортѣ при этомъ Анастасій писалъ, что чонскій Успенскій монастырь начало свое возымѣлъ въ 1775 году чрезъ игумена Феофилакта на помѣщичьей землѣ господъ Кельчевскихъ и Устиновичей по безсрочному контракту съ платой ежегодно сперва двадцати, а потомъ сорока рублей. Впослѣдствіи помѣщики переселились въ Бѣлицу, а земли свои, въ томъ числѣ и монастырскую часть въ сто десятинъ и 144 квадратныхъ сажени, продали въ казну. Монастырь (содержавшійся отъ собственныхъ трудовъ точію хлѣбопашества) вынужденъ былъ платить теперь довольно значительный оброкъ за арендованную имъ землю. Это было для него обременительно, почему о. Сергій и ходатайствовалъ объ увольненіи его монастыря отъ платежа за казенную землю оброка. Св. синодъ отвѣтилъ, что ему приступить къ этому дѣлу не можно, а принадлежитъ сіе до разсмотрѣнія гражданскаго правительства, гдѣ и просьбу свою Сергій приносить долженъ. Поведенное такимъ путемъ дѣло увѣнчалось успѣхомъ. По высочайшему повелѣнію земля оставлена была за монастыремъ безъ платежа оброчныхъ денегъ[10]).

Въ сентябрѣ 1799 года настоятель Сергій просилъ преосвященнаго Анастасія уволить его на полгода въ Москву и Саратовъ для нѣкоторыхъ монастырскихъ надобностей и для свиданія съ родственниками». Владыка [?] октября резолюціей объявилъ: «когда благочинный отецъ архимандритъ (Іоасафъ)—яко недавно въ силу указа и нашей инструкціи осматривавшій всѣ монастыря—репортомъ представитъ, что нѣтъ препятственныхъ обстоятельствъ отлучиться настоятелю именно на какое число: въ то время и дастся пашпортъ». Благочинный 21 октября отозвался, что чонскому монастырю необходимы подаянія отъ знакомыхъ благодѣтелей, препятствій для отпуска настоятеля Сергія нѣтъ: іеромонахъ Іоасафъ со-

[9]) А. М. Д. К., синодскіе указы 1799 г., № 34, приложенія.

[10]) А. С. С. 1796 г. д. № 378. А. М. Д. К., 1799 г. связи №№ 333—402, д. № 333.

[11]) А. М. Д. К., 1799 г. св. №№ 180—314, д. № 226.

вмѣстно съ казначеемъ могъ бы управлять монастыремъ. Послѣ этого паспортъ былъ выданъ, но просителю не пришлось имъ воспользоваться [11]. 27 ноября 1799 года настоятель чонскаго успенскаго монастыря іеромонахъ Сергій внезапно скончался. На слѣдующій день, 28-го, его погребли. Наслѣдникомъ имѣнія покойнаго былъ его племянникъ, казначей монастыря, іеродіаконъ Боголѣпъ. Преемникомъ Сергія избранъ былъ братіей чонскаго монастыря монахъ Исаія[12]). На престолѣ монастырской церкви въ запечатанномъ конвертѣ съ надписью покойнаго настоятеля Сергія сыскались разныхъ святыхъ мощей 44 частицы. По распоряженію преосвященнаго Анастасія, мощи эти въ 1802 году вытребованы были въ каѳедральную ризницу [13])

Съ поводу присоединенія къ православной церкви Сергія Юрнева, сестра его, монахиня Александра, племянница Анна, монахини Алефтина и Павла и послушница Екатерина также присоединились къ церкви. При жизни о. Сергія онѣ временно проживали въ отдѣльныхъ келіяхъ чонскаго монастыря; настоятель предполагалъ построить для нихъ особыя келіи въ трехъ верстахъ отъ мужского монастыря, но умеръ, не сдѣлавъ этого. Жившія подъ его покровительствомъ въ чонской обители принуждены были поселиться между мірскими людьми въ старообрядческомъ Зыбковскомъ посадѣ, малороссійско-черниговской губерніи. Въ 1801 году монахини эти обратились къ преосвященному Анастасію съ просьбой принять ихъ въ свою паству и дозволить имъ на свой коштъ выстроить предположенныя Сергіемъ келіи въ надеждѣ, что вслѣдъ за ними присоединятся изъ раскола и другія инокини. Рапортомъ отъ 12 ноября 1801 года владыка представилъ объ этомъ въ св. синодъ. Указомъ отъ 20 января 1802 г. преосвященному разрѣшено было дозволить монахинямъ построить себѣ келіи, но по сношенію съ гражданскимъ правительствомъ и съ согласія настоятеля чонскаго монастыря [14]).

Братія чонскаго монастыря была немногочисленна: въ 1800 году ее составляли: іеромонахи Іоасафъ, Аврамій, Филиппъ, іеродіаконъ Боголѣпъ, семь другихъ монаховъ и три послушника [15]). Жили братья несогласно: ссорились, дрались, потомъ мирились. Начальство должно было разбирать монашескія дрязги, но это было нелегко. Старообрядческія обители привыкли жить по своимъ законамъ, общемонастырскому уставу подчиняться не хотѣли. Отъ 28 января 1804 года настоятель чонскаго монастыря Іоасафъ съ братіей просилъ преосвященнаго Анастасія предоставить имъ, на основаніи указа св. синода отъ 27 ноября 1800 г., [16]) управляться самимъ. Владыка 16 февраля (1804 г.) отвѣтилъ: «Когда принимали званіе монашества, развѣ не клялись предъ вратами престола Господня хранити смиреніе, послушаніе, самовольную нищету и братолюбіе? Пусть смотрятъ: коль пагубно обманывать сердцевѣдца Бога. По благодати Господней, діаволъ не коснется христіанина, если сей самъ не приступитъ къ діаволу, чрезъ злобу, чрезъ клевету, чрезъ небреженіе о сердечной молитвѣ, чрезъ нераскаяніе въ грѣхахъ, чрезъ небреженіе чтенія Евангелія и Апостоловъ, чрезъ пустовѣріе [17]). Помирилисъ: пусть-же смотрятъ, чтобъ впредь мира сего не расторгали: и тогда ко мнѣ съ жалобами не относились-бы, а пусть сами себѣ ищутъ судодателей, якоже прописуютъ. Не хотятъ давать отчета консисторіи: пусть остается на ихъ совѣстяхъ и на отчетѣ предъ Богомъ. Старообрядческихъ священниковъ избираютъ монахи своими судьями: хорошо по ихъ избранію, если не можно лучше по установленію св. церкви. Ежели кого наказываетъ Правосудный Богъ, то оставляетъ того ходити по своей его воли. Злобные доносы ихъ оставить безъ изслѣдованія. И о прочемъ, что прописано въ пунктѣ: того ради [18]) оставить имъ по ихъ прошенію: толь-

[12]) Тамъ-же, д. № 297.

[13]) А. М. Д. К., 1802 г. предмета 3-го дѣло № 178.

[14]) А. С. С., 1801 г. д. № 816. А. М. Д. К., синод. указы 1802 г., № 7.

[15]) А. С. С., 1800 г. д. № 133.

[16]) П. С. З. т. XXVI. № 19 621.

[17]) Перечисленными пороками братія чонскаго монастыря страдала въ особенности.

[18]) „Того ради ваше высокопреосвященство покорнѣйше просимъ соблаговолить повелѣть, противу синодальнаго указа 6-го пункта, удоборѣшительныя дѣла, также и счеты о приходахъ и расходахъ, настоятелю съ братіей рѣшать въ монастырѣ, дабы не безпокоить консисторію и начальство, о чемъ и учинить на сіе наше нижайшее миролюбное прошеніе милостивѣйшую свою архипастырскую резолюцію“.

бо-бы и она оставили безпокоить начальство по своему обѣщанію» 19).

Единовѣрческій миссіонеръ.

По приказанію новороссійскаго и днѣпровскаго митрополита Гавріила, старообрядческій протопопъ стародубскаго повѣта Власій Аврамовъ, съ письменнымъ видомъ отъ новороссійской консисторіи, отпущенъ былъ въ разныя старообрядческія селенія малороссійской и бѣлорусской губерній для присоединенія живущихъ въ нихъ раскольниковъ, по ихъ желаніямъ, къ православной греко-россійской церкви. 3 января 1799 года въ могилевскую консисторію вступило доношеніе гомельскаго протопопа Іоанна Григоровича: миссія о. Аврамова здѣсь представлялась самовольной. Преосвященный Анастасій распорядился: «Сообщить въ новороссійскую духовную консисторію: на какомъ основаніи старообрядческому протопопу Власію Авраамову данъ видъ свободной къ обращенію старообрядцевъ, въ губерніи Бѣлорусской находящихся, и почему о семъ позволеніи не благоволено было увѣдомить или нашу консисторію или свѣтское правительство, дабы можно было несомнительно подавать помощь въ толь знаменитомъ намѣреніи». На этотъ запросъ отвѣтили, что находящіеся въ новороссійской, малороссійской и бѣлорусской губерніяхъ старообрядцы, по указу св. синода (отъ 8 мая 1797 г.) должны состоять въ вѣдѣніи митрополита Гавріила 20). Но съ теченіемъ времени старообрядцы подчинены были архіереямъ тѣхъ епархій, въ предѣлахъ которыхъ они жили.

Радуль.

Въ 1795—1796 году присоединились къ православной церкви изъ раскола жители слободы Радули, черниговскаго повѣта, въ количествѣ болѣе двадцати семействъ (до ста душъ). Прошеніемъ отъ 26 февраля 1800 года повѣренный старообрядческаго общества Радули, купецъ Никита Костылевъ просилъ преосвященнаго Анастасія дозволить освятить выстроенную въ Радули церковь, въ расколѣ еще состоявшую, съ опредѣленіемъ къ ней для священнослуженія и исправленія требъ, до дальшаго времени, изъ чонскаго монастыря іеромонаха, прежняго ихъ духовника, отца Авраамія. При этомъ Костылевъ выражалъ надежду, что, ежели церковь будетъ освящена, то, навѣрно, и прочіе той слободы пребывающіе въ расколѣ жители обратятся къ православію. Рапортомъ отъ 28 февраля 1800 г. владыка донесъ объ этомъ св. синоду. Указомъ отъ 7 мая (1800 г.) преосвященному разрѣшалось церковь въ Радули освятить и къ ней впредь до разсмотрѣнія опредѣлить Авраамія; при этомъ св. синодъ запрашивалъ: въ какомъ именно оная слобода отъ Чернигова и Могилева разстояніи? 21 сентября преосвященный донесъ, что Радуль находится въ 270 верстахъ отъ Могилева[21]) и 80 отъ Чернигова. Церковь въ Радули еще не была освящена, по причинѣ ненахожденія нужныхъ въ ней вещей. Высочайше повелѣно было, чтобы выстроенная въ слободѣ Радуля старообрядческимъ иждивеніемъ часовня освящена была въ православную церковь, не взирая на то, что только пятьдесятъ человѣкъ сего освященія желали, а прочіе, раскольники, (до шести сотъ душъ), на то не согласны были. Церковь подчинена была вѣдѣнію черниговскаго архіерея. Указомъ отъ 29 ноября 1800 года дано было знать объ этомъ преосвященному Анастасію[22]).

Бѣлица.

Бѣлицкіе старообрядцы просили преосвященнаго Анастасія дозволить имъ выстроить церковь во имя св. Николая и рукоположить къ ней во священника стихарнаго дьячка Петра Максимова. Предполагалось выстроить деревянную церковь на казенной землѣ. Прихожанъ насчитывалось до двухсотъ душъ. Они обѣщали довольствовать священнослужителей десятой частью отъ своихъ прибытковъ. Рапортомъ отъ 4 сентября 1800 года владыка представилъ объ этомъ св. синоду. Указомъ отъ 10 января 1801 года преосвященному Анастасію велѣно было: «Ежели бѣлицкіе старообрядцы согласятся имѣть ту церковь на точномъ основаніи положенія 12 марта 1798 года и 27

19) А. М. Д. К., 1804 г. прод. 11-го д. № 274.

20) А. М. Д. К., 1799 г. св. №№ 3—180 и № 4.

21) Отъ границы бѣлорусской епархіи въ 15 верстахъ.

22) А. С. С., 1800 г. д. № 133. А. М. Д. К., синод. указ. 1800 г., №№ 63 и 169.

октября 1800 г.[23]) и притомъ представятъ о числѣ желающихъ построенія ея подписку, то имъ оную построить дозволить. Максимову въ рукоположеніи отказать, яко бѣглому, а произвесть вамъ къ той церкви во священника по избранію ихъ старообрядцовъ и по своему разсмотрѣнію другого способнаго и достойнаго къ сему званію»[24]).

Раскольническія книги.

На основаніи именного указа отъ 27 іюля 1787 года, въ 1789 году изъ могилевскаго намѣстническаго правленія трикратно присланы были архіепископу Георгію книги, печатанныя въ польскихъ типографіяхъ. Книги эти сложены были въ каморкѣ на сводахъ каѳедральной спасопреображенской церкви. Нѣкоторыя изъ нихъ пропали. Рапортомъ отъ 10 августа 1798 года преосвященный Анастасій испрашивалъ разрѣшенія св. синода продать эти книги охотникамъ, а деньги употребить на покупку учебниковъ для семинаристовъ, а также богослужебныхъ книгъ для бѣдныхъ церквей, возвращенныхъ изъ уніи. Между тѣмъ указомъ св. синода отъ 10 февраля 1799 года велѣно было: «Ежели у кого окажутся старообрядческія книги, какого-бы онѣ изданія ни были, но никакой въ нихъ противности святѣй церквѣ усмотрено не будетъ, а относятся оныя или къ церковному кругу, или содержатъ въ себѣ духовныя нравоученія, возвращать тѣмъ, у кого они взяты, а естьли которые по разсмотрѣнію найдены будутъ наполненными ругательствъ противу православной церкви и ея обрядовъ, то таковыя, яко развратныя и клонящіяся къ нарушенію общественной тишины и покоя, отбирая по силѣ указовъ св. синода 1787 года іюля отъ 29 дня, хранить въ консисторіяхъ». Въ отвѣтъ на рапортъ преосвященнаго Анастасія отъ 10 августа 1798 г. св. синодъ указомъ отъ 21 марта 1799 г. велѣлъ ему поступить по указу 10 февраля: безобидныя для православія книги возвратить тѣмъ, у кого онѣ взяты, а ругательныя хранить при консисторіи.[25])

Раскольническія обители.

По порученію архіепископа Анастасія, архимандритъ могилевобратскаго богоявленскаго училищнаго монастыря Іоасафъ бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ ректоромъ семинаріи и благочиннымъ монастырей, въ сентябрѣ 1802 года осматривалъ нѣкоторые монастыри и церкви, причемъ велъ дневникъ. 18 сентября 1802 г. о. Іоасафъ учинилъ «вѣдомость о раскольническихъ монастыряхъ и церквахъ и скитахъ въ Бѣлорусской епархіи и гдѣ оные какъ называются и въ чіемъ владѣніи состоятъ». Въ вѣдомости этой значатся:

1. Лаврентіевъ монастырь, отъ мѣстечка Гомля въ 12 верстахъ (въ лѣсу), во владѣніи графа Николая Петровича Румянцова. Монаховъ и бѣльцовъ болѣе ста человѣкъ.

2. Іоасафовскій монастырь, влад. Румянцова, отъ Гомеля въ 20 вв. Монаховъ и бѣльцовъ болѣе ста.

3. Скитъ близъ Огородни, отъ Гомля болѣе 40 вв., влад. Румянцова, (братіи) болѣе пятидесяти человѣкъ.

4. Пыханской монастырь, влад. Румянцова, отъ Гомеля въ 35 вв., мужеска и женска пола братіи до двадцати (душъ).

5. Тырловскій монастырь, влад. Румянцова, отъ Гомеля въ 7 вв., (насельниковъ) до сорока человѣкъ.

6. При Спасовой слободѣ близъ м. Гомля женскій монастырь. Братіи мужеска и женска пола болѣе пятидесяти человѣкъ.

7. Скитъ Чистыя лужи, въ 7 вв. отъ Гомля, Румянцова, братіи до десяти человѣкъ.

8. Другихъ помѣщиковъ Вѣтковскій монастырь. Братіи мужеска и женска пола до ста душъ.

9. Абрамовка, футоръ близъ Вѣтки, насельниковъ до сорока человѣкъ.

Преосвященный Анастасій на вѣдомости этой написалъ: «Во извѣстіе, по одной токмо части бѣлоруско-могиловской губерніи, о раскольникахъ

[23]) П. С. З. №№ 18. 428 и 19. 621.

[24]) А. С. С., 1800 г. д. № 558. А. М. Д. К., 1802 г. кр. -го д. № 126.

[25]) А. С. С., 1798 г. д. № 55. А. М. Д. К., 1798 г. св. №№ 160—339.

по ихъ духовноначальству заготовить рапортъ въ с. синодъ: изъ котораго будетъ явствовать, кто разстроиваетъ церковь, и безъ того уніатами раздираемую.[26]) При рапортѣ отъ 2 октября 1802 г. архимандритъ Іоасафъ представилъ владыкѣ свой дневникъ. Въ Лаврентьевомъ старообрядческомъ монастырѣ братія состояла изъ разнаго рода бѣжавшихъ людей. Прочитавъ это, преосвященный на полѣ дневника отмѣтилъ: «извѣстно-ли о семъ свѣтское правительство? Сообщить. И ежели раскольники монахи накопляются безъ вѣдома духовнаго начальства: по крайней мѣрѣ должно завѣдовать о томъ свѣтское, дабы бѣглецы не укрывались отъ государственныхъ повинностей. Учинивъ выписку изъ новѣйшихъ милостивыхъ указовъ о раскольникахъ, представить мнѣ въ непродолжительности. Ежели-бы не было таковаго сокрывательства не безъинтереснаго:[27]) то бы сія гангрена мало-бы обрѣтала жиру».[28]) О раскольникахъ сообщено было губернскому правленію. Но нижній земскій судъ донесъ, что, по изслѣдованіи, бѣглыхъ не оказалось. Въ отвѣтъ на это архимандритъ Іоасафъ представилъ именной реестръ бѣглыхъ монаховъ Лаврентьева, Тарловскаго и Іоасафовскаго монастырей.[29])

Въ дневникѣ, далѣе, сообщалось, что въ Іоасафовскомъ раскольническомъ монастырѣ, близъ Добруша, монахи года три тому назадъ (въ 1799 г.) объявили чудотворной икону Божіей Матери, написанную въ ихъже монастырѣ. Преосвященный противъ этого замѣтилъ: «О семъ поступить по законамъ: ибо мы рапортуемъ въ с. синодъ, нѣть-ли кликушъ, новоявленій и о прочемъ». Тамъ же архимандритъ Іоасафъ имѣлъ съ раскольниками пресовѣрѣ. Владыка отмѣтилъ: «Отвѣты преосвященнаго Никифора не соблаговолитъ-ли с. синодъ разослать по всѣмъ таковымъ скопищамъ»?[30])

[26]) Были случаи совращенія православныхъ въ расколъ. А. С. С., 1802 г. д. № 964; 1803 г. д. № 346.

[27]) Намекъ на взятки чиновниковъ.

[28]) Лаврентьевъ монастырь имѣлъ капиталъ около пятидесяти тысячъ рублей.

[29]) А. М. Д. К., 1806 г. пр. 10-го д. № 229.

Заграничные раскольники.

Прошеніемъ отъ генваря 1803 года нѣсколько вышедшихъ изъ-за границы раскольническихъ монаховъ просили «великаго господина» преосвященнаго Анастасія, архіепископа бѣлорусскаго и могилевскаго, принять ихъ въ свою епархію. О себѣ они, между прочимъ, писали: «Со усердіемъ прочитывали мы святыхъ отецъ житіе»; владыка на это замѣтилъ: «А Евангеліе читали? А апостольскія посланія читали-ли?» На просьбу ихъ преосвященный отвѣтилъ: «На основаніи высочайшаго манифеста о возвращеніи выходцовъ, таковые должны, куда слѣдуетъ, явиться, а оттуда, по избраніи государственно-узаконеннаго рода жизни, и вступить при видахъ узаконенныхъ».[31])

Браки раскольниковъ.

Двухъ лицъ изъ раскола перевѣнчалъ уніатскій священникъ. Рапортомъ отъ 23 іюля 1801 года преосвященный Анастасій донесъ объ этомъ св. синоду. Ревнивому архипастырю дано было знать, что мѣшаться въ чуждое исповѣданіе нельзя; если же старообрядцы будутъ обращаться въ православную церковь за вѣнчаніемъ, то совершать его не иначе, какъ по напечатанному требнику.[32])

Платонъ Горючко.

[30]) А. М. Д. К., 1802 г. пр. 3-го д. № 178.

[31]) А. М. Д. К., 1803 г. пр. 1-го д. № 751.

[32]) А. С. С, 1801 г. д. № 554.

VIII. Крестьянская свадьба въ м. Забычанѣ.[1])

Въ нашемъ мѣстечкѣ крестьянская свадьба въ настоящее время совершается въ такомъ порядкѣ:

Крестьянинъ, задумавъ женить сына, зоветъ одного или двухъ изъ своихъ почетнѣйшихъ сосѣдей, причемъ старается выбрать человѣка «бывалаго», знающаго всѣ «установы» по задуманному дѣлу, въ полномъ смыслѣ «свата».

Выбранный сватъ и отецъ жениха, а также и самъ женихъ, становятся предъ иконами и, крестясь, говорятъ: «Благослови Господи». Выходя изъ хаты, сваты берутъ со стѣны кожаную торбу

[1]) Изъ № 37 „Мог. Губ. Вѣд.“ 1902 г.

или кошель изъ лыкъ, съ краюшкой хлѣба, кускомъ сала и бутылкой водки. Съ этимъ припасомъ и идутъ «у сваты». Ходятъ «у сваты» по большей части ночью.

Подойдя къ жилищу будущей невѣсты, сваты стучатъ въ окно и говорятъ: «добрый вечеръ! ти ня пустите на ночь»? А изъ хаты отвѣчаютъ: «хто вы»? Сваты добиваются: «пуститека жъ, тады увидитя». Хозяинъ или хозяйка догадываются—«хто тамъ» и впускаютъ.

Войдя въ хату, сваты крестятся, чего въ другихъ случаяхъ у насъ не дѣлаютъ.

— Ну, штожъ вы скажетя?—спрашиваетъ хозяинъ.

— Ды што мы скажемъ: у сваты пришли! отвѣчаютъ сваты.

— Якêя сваты? Еще не пора, мы не отдадимъ дочку: молода ина!—отнѣкивается родитель невѣсты.

Долго въ подобномъ родѣ идутъ переговоры. Наконецъ «неуковырные» родители невѣсты ссылаются на «яе» желаніе: «якъ дѣвка». А дѣвка отвѣчаетъ: «якъ батька, такъ и я».

—«Ну, бѣги звать крестныхъ батьку да матку!» —говоритъ невѣстѣ родитель. Невѣста убѣгаетъ.

Приходятъ крестные родители, и всѣ встаютъ для молитвы, которую, ставъ по направленію къ иконамъ, гдѣ уже горитъ свѣча, каждый громкимъ шопотомъ прочитываетъ самъ. Читаютъ всѣ молитвы «хто скольки умѣитъ», и если одинъ «умѣитъ молиться» больше другихъ, то всѣ прочіе стоятъ молча въ ожиданіи конца. Послѣ молитвы всѣ садятся за столъ и начинаютъ угощаться тѣмъ, что принесено сватами.

Въ это время, несмотря на поздній часъ ночи, невѣста бѣгаетъ по деревнѣ изъ двора въ дворъ и подъ окнами громко зоветъ: «дядьки, тетки, сестрицы, прошу на заручины»! Въ скоромъ времени молодежь обоего пола собирается въ сосѣдней избѣ и начинають пѣть первую пѣсню:

Хвалимъ Бога,
Што заручины Богъ намъ
 давъ.
Заручили дѣвку
Проти понядѣлку,
Богъ намъ давъ.

Кроили подарки
Изъ тонкой китайки,
Кому-сяму шильковыя
А (жениху) шелковые—
Богъ ему давъ.

Приходитъ «музыка»: скрипачъ и бубенщикъ или барабанщикъ. Молодежь становится оживленнѣе. Болѣе «хлесткіе» подхватываются первыми и начинаютъ плясать «круговую», а «хто еще похлеще»—казака. Въ болѣе просторныхъ избахъ и «чижика» выдѣлываютъ, хотя нѣкоторые танцоры уже называютъ его «кандрилемъ».

Вперемежку съ танцами «хлюсты» покуриваютъ, угощаются водкой, а «драпенъ», какъ зовутъ они своихъ «дамъ», угощаютъ «фіалкой». Промочивъ горло «фіалкой», дѣвушки «зачинаютъ пѣть пѣсни, ажну вулица трещитъ», въ родѣ слѣдующей:

Въ поли конопелька
Льномъ зелененька.
Не давъ ей вѣтеръ
Въ поли постоять,
Вѣтьтемъ помахать.
Разсыпавъ конопельку
По сырой землѣ,
Разнесъ перьико
По чистомъ полю.

Ганка у мамочки молоденька,
Не давъ ей Самусь
Боли погулять,
Косы поплетать.
Рассыпавъ косочку
По бѣломъ плечу,
Разливъ слезочку
По румяномъ лицу.

Нагулявшись досыта, молодежь ведетъ невѣсту въ «сѣнцы» той избы, гдѣ ея родители съ сватами и прочими пожилыми гостями до сихъ поръ угощались „чѣмъ Богъ послалъ". Изъ избы въ „сѣнцы" выходитъ мать невѣсты, неся хлѣбъ-соль и, по числу сватовъ, количество подарковъ на булкѣ этого хлѣба. Двери хаты затворяются, а невѣста все вынесенное матерью держитъ въ рукахъ. Въ хатѣ въ это время сваты выбираютъ одного изъ родственниковъ распорядителемъ пира, который впослѣдствіи и бываетъ „дружкомъ".

— „Ведика намъ,—кричатъ они,—товару".

Распорядитель выходитъ въ „сѣнцы" и, по указаніямъ невѣсты, беретъ одну изъ „дѣвокъ" и ведетъ въ хату къ сватамъ.

— „Вотъ вамъ,—говоритъ,—товаръ".

А сваты: „товаръ хорошъ, да не нашъ. И етыго не гудимъ, да поищи лучшаго".

Распорядитель бѣжитъ еще въ сѣнцы, а сваты угощаютъ приведенную дѣвушку рюмкой водки. Она, „поломавшись" немного, пьетъ.

Такъ вводятъ и другую дѣвушку. А въ третій разъ ведутъ уже невѣсту, которую и узнаютъ сваты по тому, что она несетъ подарки.

— „Молодецъ!—кричатъ они распорядителю, —докопались хорошаго, ето нашъ товаръ".

Потомъ каждый сватъ отдѣльно угощаетъ не-

вѣсту водкой, откушивая до трехъ разъ изъ одной рюмки: „то сватъ, то ина. то сватъ, то ина“ и т. д. Вынивши водку, невѣста даетъ свату подарокъ, а сватъ, повертѣвъ имъ три раза надъ своей головой, кладетъ его себѣ въ карманъ; невѣсту же въ свою очередь даритъ деньгами.

Наконецъ, сваты уходятъ, но не надолго. Молодежь идетъ въ прежнюю избу „догуливать“, а сваты чрезъ часъ или два приходятъ опять на „добрыдень“ къ родителю невѣсты. Въ это время сваты „договариваются“, за какую цѣну можно уступить невѣсту. Иногда невѣсту отдаютъ за безцѣнокъ—ведро водки, а иногда за два. Къ разсвѣту кончаются заручины и вся молодежь до полудня спитъ „якъ пяньку продамши“.

Сваты, проспавшись, идутъ къ мѣстному причту заявить о желающихъ вступить въ законный бракъ. Причтъ справляются по метрическимъ книгамъ о лѣтахъ жениха и невѣсты. Впрочемъ, и сами сваты спрашиваютъ, какъ молоды ихъ будущіе „молодые“. Тутъ же назначается и день брака.

Когда же придетъ день брака, женихъ пріѣзжаетъ утромъ забирать невѣсту въ церковь. Въ это время родители благословляютъ „молодыхъ“ хлѣбомъ-солью. Молодые кланяются имъ въ ноги. Послѣ этого молодые ходятъ ко всѣмъ роднымъ и хорошимъ сосѣдямъ и, кланяясь въ ноги, просятъ ихъ на „веселье“.

Окончивши эти походы, „молодые“ ѣдутъ въ церковь, а за ними поѣзжане.

По окончаніи бракосочетанія, всѣ, кромѣ „молодыхъ“, выходятъ изъ церкви; „музыка“ со скрипкой, стоя за церковной оградой, „наводить струны“, а барабанщикъ въ нетерпѣніи постукиваетъ въ бубенъ. Наконецъ показываются на церковной паперти „молодые“. Все заволновалось. Скрипка визжитъ „скобелевскій маршъ“, бубенщикъ изо всей силы „лупить по бубну“, а „подневѣстницы“ и прочія дѣвушки, желая заглушить музыку, „на всю вулицу дярутца“—поютъ пѣсню:

Спасибо попу
И поповичу,
Што скоро зьвѣнчавъ.
Ни дорого взявъ.

Въ это время „молодые“ и поѣзжане садятся на телеги (или въ сани) и мчатся до дома невѣсты, какъ угорѣлые. Лошади несутся во весь духъ не столько отъ ударовъ кнута, сколько отъ необычнаго шума и пѣсенъ.

Если домъ невѣсты отъ церкви не далеко, то споютъ одну пѣсню, а если далеко, то и нѣсколько.

Подъѣхавши къ воротамъ невѣстина дома, дѣвушки начинаютъ пѣть:

Выйди, мамочка, погляди,
Што мы табѣ привезли:
Привезли скрыню, перину
И молодую княгиню.
Выйди, мамочка, съ свѣчами,
Мы твою дочушку зьвѣнчали.

А если у невѣсты матери въ живыхъ нѣтъ, то поютъ вмѣсто этой другую пѣсню:

Виденъ соколъ по полету,
Што низенько летаить.
Видна дѣвочка по заручинамъ,
Што не родная мати:
А родъ не великъ,
Суборъ не великъ—
Не вся не родина.
Пошлемъ, пошлемъ соловеечку
На той светъ по мамочку,
Зязюлечку на скрапночку
По не родиночку.
Ни мамочки зъ раю,
Ни родины се краины!
—Рада бъ я встати,
Свойму дитяти
Порядочекъ дати—
Дубовы дошки
Стиснули ножки.
Не могу встати.
Сырая мать земля
Двери заняла,
Вокошки затворяла...

Послѣ этого растворяютъ ворота и „молодые“ въ сопровожденіи „подневѣстницъ“ и „дружка“ входятъ въ отдѣльную избу, гдѣ и садятся за столъ обѣдать. Прочіе гости обѣдаютъ въ другой избѣ.

Послѣ обѣда начинаютъ болѣе спокойные танцы въ родѣ „чижика“, „барыни“. Послѣ этихъ танцевъ „молодыхъ“ сажаютъ за общій столъ и невѣста своей и жениховой роднѣ раздаетъ подарки, сопровождаемые рюмкой водки. Когда невѣстины подарки розданы, „дружокъ“ приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ на свадьбѣ „даровать“ молодого князя и молодую княгиню:

„Даруйтя, спомогайтя,
Кони ковать, возки малювать,
У вяликую дорогу ѣхать.
А хто будить даровать,
Тому будемъ по семь чарокъ горѣлки давать“.

Даровать подходять всѣ. Кто несетъ деньги, кто холстъ, лонъ, овцу, поросенка и т. п. А дружокъ провозглашаетъ: „даруить васъ тетка Гарнина хлѣбомъ-солью, сребромъ-златомъ и добрымъ здоровьемъ; а вы штобъ ни подивны были и подарокъ приняли, а ей низко уклонились“.

При этомъ женихъ съ невѣстой кланяются, а „дружокъ" наливаетъ рюмку водки и угощаетъ ею тетку Гарпину.

Когда дружокъ уже нѣсколько разъ прокричитъ: „хто забывъ, хто прибывъ, даруйтя молодого князя и молодую княгиню",—подается ужинъ для „молодыхъ" и „подневѣстницъ". Послѣ ужина дружокъ отъ дѣвокъ „выкупляетъ невѣсту": даетъ имъ по одному баранку и по другому, а онѣ все ухмыляются и не идутъ изъ-за стола. Дружокъ беретъ поясъ и закидываетъ его за невѣсту, какъ бы зовя ее, а дѣвки не даютъ забросить поясъ до трехъ разъ. Въ третій разъ дружокъ закинетъ поясъ и кнутомъ гонитъ дѣвокъ изъ-за стола, а родня садится ужинать.

Послѣ этого ужина одинъ изъ братьевъ невѣсты, залѣзши за невѣсту, кричитъ: „заплатитя за косу"! При этомъ онъ, смѣшивая невѣстину косу съ косою-орудіемъ, держитъ въ рукахъ сдѣланную изъ лучины косу. А дружокъ, грозя кнутомъ, говоритъ:

— „Ча ты залѣзъ туды; я тябе во кнутомъ"!

— „А я тябе косою"—отвѣчаетъ тотъ.

Тогда даютъ „косцу" рюмку водки, баранокъ и копейку. Но на такую цѣну онъ не соглашается. Торгъ этотъ доходитъ до 50 копеекъ. Послѣ этого всѣ встаютъ изъ-за стола. „Молодые" кланяются роднѣ въ ноги и потомъ готовятся ѣхать въ домъ жениха. Мать невѣсты въ вывернутой шерстью наружу шубкѣ и въ шапкѣ обсѣиваетъ поѣзжанъ зернами три раза, бѣгая вокругъ всего „поѣзда", причемъ „дружокъ" кнутомъ погоняетъ ее. Отъ шума кони пугаются, а сдержать ихъ нечѣмъ: дѣти поразвозживали ихъ и повынимали изъ колесъ „загвоздки" во время пьянства взрослыхъ.

Въ домѣ жениха уже отплясываются всѣ танцы по одной формѣ, а именно: столпятся всѣ вокругъ какого либо старика, захотѣвшаго вспомнить молодость, и показываютъ ему какія кто можетъ выдѣлывать „фитиклюшки". Бѣдняга никакъ не выберется изъ круга, а танцоры все „выдѣлываютъ" и „барыню", и „кандриль", и русскаго трепака. Тутъ и „польки" поминаются, и „хлюсты" зачинаютъ и „вальца". Музыка отъ усердія чуть двигаетъ руками. Скрипачъ „повѣсилъ носъ на квинту", а барабанщикъ еще „лупитъ" въ барабанъ.

Наплясавшись, гости дѣлятъ баранки вмѣсто стариннаго „каравая" и опять дарятъ молодыхъ князя и княгиню.

На слѣдующій день ходятъ „на банкеты" къ роднѣ жениха, потомъ на третій день „несутъ пироги" къ родителямъ невѣсты, а на слѣдующій день ходятъ „на банкеты" къ роднымъ невѣсты.

Такъ справляютъ у насъ свадьбу бѣдные крестьяне. Говорятъ, въ старину было веселѣе. Свадьбы „гуляли" по двѣ и по три недѣли. Теперь уже находятъ такую долгую „гульню" лишней.

С. Барташевичъ.

IX. Къ исторіи города Могилева.[1])

Намъ уже приходилось указывать на любознательность могилевской учащейся молодежи, съ которою она относится къ своей родной старинѣ.

На дняхъ мы получили новое подтвержденіе этой любознательности: одинъ изъ воспитанниковъ могилевскаго реальнаго училища г. Іосифъ Мочульскій доставилъ намъ собранные имъ старинные документы, касающіеся города Могилева, которые, какъ оказалось по разсмотрѣніи, имѣютъ немалый историческій интересъ, ввиду полной неразработанности исторіи города Могилева.

Всѣхъ документовъ представлено намъ г. Мочульскимъ 16. Три изъ нихъ относятся къ 16 вѣку, одинъ къ 17 в., десять къ 18 в. и два къ началу 19 в. Помѣщая ниже нѣкоторые документы полностію, даемъ краткое описаніе всего собранія.

Документъ № 1. Грамата на русскомъ языкѣ короля Стефана Баторія 19 марта 1584 г. князьямъ Олельковичамъ, старостамъ могилевскимъ. Подлинникъ. Писанъ на первой страницѣ листа писчей бумаги съ водянымъ знакомъ въ видѣ двухъ

1) Изъ №№ 40—45 „Мог. Губ. Вѣд." 1902 г.

w; строки расположены перпендикулярно сгибу; письмо отчетливое, прямой полууставъ, съ титлами, употребленіемъ буквъ ѡ, ѿ, ꙗ, отсутствіемъ буквы ѣ. Подпись короля латинская. Печать «малая» изъ краснаго воска, безъ кустодіи.

Извѣстно, что Стефанъ Баторій, какъ и его предшественники, старался оживить промышленность въ русскихъ волостяхъ и поселялъ въ нихъ разнаго рода промышленниковъ и ремесленниковъ, устраивавшихъ здѣсь рудоплавильные, стекольные и поташные заводы,—откуда и ведутъ свое названіе наши многочисленныя Рудни, Буды и Гуты,—мельницы, мастерскія и т. д. Имъ же, между прочимъ, по свидѣтельству лѣтописи Ореста, поселены въ Могилевѣ кожевники. Описываемый документъ и относится именно къ этой чертѣ дѣятельности Баторія. Имъ онъ защищаетъ отъ замка права строителя могилевской мельницы Еськовича. Напечатанъ документъ этотъ не былъ.

Документъ № 2. Грамата на русскомъ же языкѣ короля Сигизмунда III отъ 1 февраля 1589 года. Копія. Писана на трехъ страницахъ листа большой книжной бумаги, съ водянымъ знакомъ въ видѣ щита съ трехлопастнымъ листомъ и буквами «ikool»; скоропись 18 в. Не посвидѣтельствована. Король подтверждаетъ Могилеву право выбора депутатовъ. Напечатанъ въ 1824 году Григоровичемъ въ «Бѣлор. Архивѣ» подъ № 23. Есть нѣкоторыя разночтенія.

Документъ № 3. Грамата на русскомъ языкѣ Сигизмунда III подкоморому оршанскому Григорію Сапегѣ отъ 3 сентября 1599 года. Подлинникъ. Писанъ на первой страницѣ листа писчей бумаги, съ водянымъ знакомъ въ видѣ вазы съ короною наверху. Строки перпендикулярны сгибу. Письмо—крупный прямой полууставъ, съ титлами, съ буквами ꙗ, ѧ, ѡ, ѿ; буква ѣ не употребляется; шипящія сочетаются съ ы; р твердое, за исключеніемъ одного случая. Подпись короля латинская. Печать малая восковая; вмѣсто кустодіи на оборотѣ—второй полулистъ.

Грамата дана по слѣдующему поводу. Въ 1595 году 20 ноября извѣстный казацкій гетманъ Наливайко напалъ на Могилевъ, взялъ его и прожилъ здѣсь двѣ недѣли. Когда къ Могилеву подступили литовскія войска, Наливайко сжегъ въ городѣ 500 домовъ, двѣ церкви—Рождество-Богородицкую, на углу Виленской улицы и Пушкаревичева пер., и Благовѣщенскую, на углу Вѣтреной и Костерин, сжегъ 400 лавокъ, острогъ, «побилъ, порубилъ, попоганилъ мѣщанъ, бояръ, людей учтивыхъ такъ мужей яко и женъ и дѣтей малыхъ», и забравши «скарбовъ незличоныхъ», отбилъ литовцевъ и отошелъ къ Быхову, а оттуда къ Рогачеву и далѣе на низъ. Въ довершеніе несчастія, и литовцы, съ которыми было и 4000 татаръ, также сдѣлали «большій лупъ» въ городѣ и окончательно его разорили. Узнавъ объ этомъ, король освободилъ городъ отъ уплаты чинша на четыре года. Въ 1599 году этотъ срокъ истекъ и король предлагаетъ Сапегѣ собрать чиншъ въ суммѣ 6000 золотыхъ польскихъ.—Документъ напечатанъ не былъ.

Документъ № 4. Грамата на польскомъ языкѣ короля Яна Казимира отъ 9 іюня 1661 г. городу Могилеву съ подтвержденіемъ правъ его. Копія, скорописью 18 в., на трехъ страницахъ листа такой же бумаги, какъ № 2. Не засвидѣтельствована. Одна изъ тѣхъ четырехъ привилегій, которыя даны Могилеву 9 іюня 1661 года за избіеніе могилевскими мѣщанами 1 февраля 1661 года московскаго гарнизона. Подробности этого избіенія описаны у Ореста. Благодаря ему, многіе заговорщики-мѣщане на основаніи королевскихъ привилегій купили имѣнія и сдѣлались помѣщиками. Въ числѣ таковыхъ могилевскій лѣтописецъ приводитъ фамиліи Рони, Казановичей, Ярошевскихъ, Ракусъ, Королькови, Гортынскихъ, Леоновичей, Стонъ и др.—Одна изъ этихъ привилегій, объ амнистіи за сдачу города Москвѣ въ 1654 году, напечатана въ «Бѣлор. Арх.» подъ № 40; три другія, въ томъ числѣ и описываемая, только упоминаются въ лѣтописи Трубницкаго.

Документъ № 5. Выпись съ книгъ могилевскаго магистрата отъ 13 авг. 1780 г. (видимусъ) долгового обязательства Логиніи Ларіоновичевой и Васки Автушковича на 33 талера и 2 тынфа, выданнаго 29 мая 170[illegible] года Павлу и Ѳедору Лапицкимъ, бурмистр[illegible]

вичамъ и купцамъ могилевскимъ, съ залогомъ дома въ Чуйоловской сотнѣ и 2 моргова сѣвожатей на Синей клади вверхъ р. Днѣпра. Писанъ попольски, но на русской гербовой бумагѣ 1779 года съ водянымъ и печ. гербами, ц. въ 4 коп. Имѣетъ частный характеръ.

Д о к у м е н т ъ № 6. Выпись изъ книгъ гродскихъ повѣту оршанскаго, отъ 4 окт. 1725 года объ освобожденіи Могилева отъ платежа гиберны и др. Писана попольски на двухъ листахъ писчей бумаги съ водянымъ знакомъ въ видѣ щита съ 4-конечнымъ крестомъ внутри и короной на верху. Скрѣплена писаремъ Вершинскимъ и скарбникомъ Піотровскимъ. Документъ этотъ въ видѣ активаціи изъ книгъ мѣстскихъ могилевскихъ напечатанъ съ незначительными измѣненіями въ «Ист. юр. матер. Вит. ц. арх.» т. XIII, стр. 169.

Д о к у м е н т ъ № 7. Грамата на польскомъ языкѣ короля Августа III, отъ 9 декабря 1752 года, подтверждающая привилегіи могилевскихъ евреевъ, данныя королями Владиславомъ IV 3 ав. 1634 г., Михаиломъ 10 ноября 1669 года, Іоанномъ Казиміромъ 12 янв. 1676 года, Августомъ II 15 сент. 1701 года и 13 дек. 1730 г. П о д л и н н и к ъ. Писанъ на пергаментѣ, на двухъ листахъ, сшитыхъ вдвое, форматъ книжный in folio ($8^5/_8 \times 7$ в.). Документъ занимаетъ семь страницъ, по 36—39 строкъ. Писанъ польскою скорописью. При немъ на зеленыхъ шнуркахъ привѣсная большая красная восковая печать вел. кн. Литовскаго въ жестяной коробкѣ. Въ верхней части у шва и въ правомъ нижнемъ углѣ документъ изгрызенъ мышами. Офиціально документъ названъ: «Konfirmacya praw, przywilejow y wolnosci, zydom mohilowskim nadanych». Къ нему приложенъ русскій переводъ, сдѣланный въ началѣ XIX в. переводчикомъ могилевскаго главнаго суда 2 департамента Стратиновичемъ, о чемъ на переводѣ сдѣлана скрѣпа. Объ испорченности документа переводчикъ пишетъ: «На выгрызенномъ мѣстѣ подлинника недостающія слова въ 11 строкахъ пополнены въ переводѣ изъ имѣющейся копіи сей самой привилегіи». Документъ переплетенъ въ сафьянъ зеленаго цвѣта съ золотыми тисненіями и надписью: «Могилевскаго еврейскаго общества привилегія». Полностью документъ не напечатанъ, но отдѣльныя, упоминающіяся въ немъ, привилегіи напечатаны.

Д о к у м е н т ы №№ 8—14 представляютъ изъ себя частныя купчія крѣпости и отказные листы 1781—1804 гг. на русскомъ языкѣ (кромѣ одного док.) и на русской гербовой бумагѣ (ц. въ 8 коп., 2 р. и 20 р.). Д о к у м е н т ы №№ 15 и 16 суть контракты на взятіе могилевскими евреями на откупъ питейной продажи въ Могилевѣ. Одинъ изъ контрактовъ 1798 г. написанъ на двухъ листахъ простой бумаги, другой 1800 г. на двухъ лл. гербовой, 50-рублеваго достоинства.

Изъ этого перечня видно, насколько важны доставленные намъ документы. Одни изъ нихъ проливаютъ яркій свѣтъ на темное прошлое города Могилева, другіе имѣютъ общеисторическое значеніе.

Предлагая вниманію читателей тексты нѣкоторыхъ документовъ въ подлинникѣ или въ переводѣ, выражаемъ желаніе, чтобы г. Мочульскій принялъ мѣры къ сохраненію документовъ отъ истребленія.

Лучшимъ способомъ для этого была бы передача ихъ въ могилевскій музей.

Документъ № 1.

н ж с л л в в з
Стефа бою млтию коро поски велики кня ли-
в и в м т и ц в нт в
тоски руски пруски жомонски мазовеки ифлякси
д д
кн҃жо семикгроское и иныхъ.

р я
Князю юю, кн҃зю семеку и князю алексадру
р м а и ц т
юевичо ѡлековичомъ кн҃жато слукимъ, а в небы-
х х х
ности самы и мл҃ти в могилеве, наместнику и
м м
мл҃ти тамошному и инъши на потомъ будучи
м р м
староста албо дежавца могилевскимъ.
л м ч д и р
Бя на чоло поданы нашъ млына могилевски во

те̃ескови и поклада пере нами листы бывши старость могилевъскихъ, а моновите п̃на вилен- ского гетмана великого кнıаства литовского не- бочика п̃на григоıа хокевича и сына его млти небочика п̃на алексадра хокевича старосты го- родеского и могилевского, в которы ѡписано есть, и за працу звышъ помененого млынара вотеха ековича, которую ѡ поnia робечи млыны на реце дубровне в месте могиловскомъ ѡ дву колехъ, на реце любужи ѡ тре кола, а в селе полуковича ѡ шно коле, поступлено ему с ты млыно пожитку грошъ трети, а на замокъ гроши два; во же таки ѡбычае и на направовае млыно оны млына мелъ накладати ча третюю, а замокъ чати две, зачи де ѡ и до сего часу ты млыно ѡбычаем звы помененымъ дежали и часо недавно прошлы млы в месте могилеско направуючи немалую працу и нала, поnia нили де намѣстникъ в. м̃. могилевски воте ıасневски,[1]) нарушаючи ему тое право его, ѿ нени старо наданое, того третего гроша ему з млыно преречоныхъ выдавати не хотечи, в чо и собе шкоду великую бачочи, проси на, абымо ему и томъ ѡборону вделали. Икокгды ѡ здавна тые млыны в заведоваю своемъ маючи повиности свое досы чини, хоче мети и приказуемъ, штобы в. м̃. помененого млынара вотеха ековича при вси ты млынехъ заховавши, того гроша третего ему не бороняли я труности някоторое в то ему не за- давали.

Писанъ у вилни року а̃ ф̃ и д̃ м̃ца маца ѳ̃ı дня.

Stephanus Rex.

Венцла Акгрипа писаръ с. р.

(На тылѣ истершаяся надпись порусски въ 4 строчки, которую нельзя разобрать, кромѣ нѣ- сколькихъ словъ: «ли е. к. м стефана до... абы ведлугъ... » и попольски: List upominałny j. kro. mci Stephana do Olelkowiczow xiążąt Słuckich za Woyczechem Jeskiewiczem, aby wedle prawa otrzymanego nienaruszenie za- chowany był. Ano Dmni 1584 marty 19 d.)

Документъ № 3.

Жыкгимо трети, бою млю коро поски, велики кнıа литовски, руски, пруски, жомотъски, мазовеки, ифлянтъски, а шевски, кгоски, вандалски коро

Покоморому ѡшанскому урожоному грыгою са- пезе. Ѡнамуе ве: вое, ижъ што волугъ декрету нашого, межы вепостью воею з одное, а мещаны нашими могилевскими права мадебуского зъ дру- гое стороны. учыненымъ ѡ цынишъ з места моги- левъского прыходячы которы на сесьчасъ самому албо потокомъ ве: твое бра до ѿданьѧ сумы пенезе шеститисоче золоты поски з скарбу на- шого належы в семъ року доведесıа девıатомъ за вынстьемъ волноти на чотыры лета месту могилевъскому възглıадомъ спустошеньıа чере ла- латровсво козакое ѿ нас гд̃ра даное прыходить, то цынишъ ве: вое в семъ року ѿдати, дла чо

[1]) Мож: Ясневскій.

ст
писати есмо росказали ля напъ до урожоного
з г
мроша воловича писара великого кнıасва литов-
т с х р в
ского вота могилевъского и до славуны бумистроъ
п е
раде лавпиковъ мета нашого могилевъского, абы
з д
шни волугъ давъного звычаю и уставы чере вра
ст е т р
сво меськи на ча певны то цынигъ выбравши, ве:
т н р ст
вое ѿдали, которы цышъ ве: твоıа ѿ рады мес-
я
кое прынıавши, квитъ прыстоны имъ на то дати
р
маешъ, ıакобы имъ за тымъ квитомъ ве: твоео
р
на лнчбе в скабе нашомъ прыпѧто было.
р
Писанъ у вашаве лета ѿ нароженьѧ сына
т т т т
божого тисеча пıа со деве десıа девıатого месоца
сентебра третего днѧ.

Sigismundus Rex. Матей Война писаръ.

На тылѣ надпись другимъ почеркомъ: «З сто-
ь з д ст я
роны выбирае цы'ша чере врıа меськи». И ниже: «Вписанъ». На документѣ, подъ подписью писаря, попольски: «Do podkomorzego Orschanskiego oznajmuiac o wyjsciu wolnosci mieszczanom Mohilew: daney».

Документъ № 7.

(Переводъ съ польскаго.)

Божiею милостiю, Августъ третiй, король польскiй, великiй князь литовскiй, русскiй, прусскiй, мазовецкiй, самогитскiй, волынскiй, кiевскiй, подольскiй, инфлянтскiй, смоленскiй, сѣверскiй, черниговскiй; наслѣдственный же князь саскiй и преемникъ.

Объявляемъ сею нашею привиллегiею, всѣмъ вообще и каждому въ особенности, кому бы о томъ нынѣ и на предбудущiя времена вѣдать надлежало, что хотя мы на сеймѣ счастливой коронацiи нашей, въ присутствiи всѣхъ сословiй рѣчи посполитой, жалованныя отъ пресвѣтлѣйшихъ предковъ нашихъ, королей польскихъ, тѣмъ же сословiямъ и частнымъ лицамъ, права и привиллегiи, учиненною нами присягою подтвердили съ тѣмъ, что каждаго имѣемъ предохранять при оныхъ ненарушимо; по которой присягѣ всѣ права и привиллегiи и должны имѣть свою важность и силу:—однакожъ докладывана намъ была отъ находящагося при насъ совѣта нашего просьба старѣйшинъ еврейскихъ и всего ихъ общества, подвѣдомыхъ економiи нашей могилевской, что жалованныя имъ отъ пресвѣтлѣйшихъ предковъ нашихъ, королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, права, частiю непрiятельскими на государство наше наѣздами, частiю же пожарными случаями, въ самыхъ подлинникахъ пропали и погорѣли. Почему, представляя однѣ только подтвердительныя граматы предковъ нашихъ, блаженныя памяти королей: Владислава, Михаила, Iоанна третьяго и родителя нашего, Августа второго, въ точныхъ выписяхъ, выданныхъ изъ книгъ канцелярiи нашей великаго княжества Литовскаго, просили, дабы мы тѣ привиллегiи,—коихъ подлинники пропали и погорѣли и кои въ точныхъ выписяхъ изъ книгъ канцелярiи нашей имъ выданы,—властiю нашею королевскою возобновили и подтвердили для нихъ особенною нашею граматой и какъ самые подлинники предохранили на вѣчныя времена въ полной силѣ ненарушимо. Сказанныя же выписи помянутыхъ привиллегiй, вписывая отъ слова до слова, суть слѣдующаго содержанiя:—«Божiею милостiю, Августъ второй, король польскiй, великiй князь литовскiй и проч.—Объявляемъ сею выписью нашею, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что въ метрическихъ книгахъ нашей большой канцелярiи великаго княжества Литовскаго имѣется конфирмацiя правъ отъ пресвѣтлѣйшаго предшественника нашего, польскаго короля и великаго князя литовскаго Михаила, ноября 10 дня 1669 года могилевскимъ евреямъ жалованная;—и прошено насъ, чрезъ находящихся при насъ чиновниковъ нашихъ, дабы мы означенную конфирмацiю дозволили выдать выписью изъ тѣхъ метрическихъ книгъ, въ коихъ явствуетъ:—«Божiею милостiю Михаилъ, король польскiй и великiй князь литовскiй и проч. Объявляемъ сею нашею конфирмацiонною привиллегiею, кому о томъ нынѣ и на предбудущiя времена вѣдать надлежитъ: представляемы намъ были отъ фак-

тора нашего и могилевскаго арендатора, еврея Лейбы Засьмановича, привиллегіи, конфирмаціи (оныхъ), декреты, дозволяющіе подданнымъ нашимъ могилевскимъ евреямъ отъ пресвѣтлѣйшихъ предшественниковъ нашихъ свободное производженіе торговли разными товарами и всякое пользованіе открытыми лавками, въ коихъ локтемъ мѣрить и фунтомъ вѣсить;—дѣлать солоды, упражняться мастерствомъ золотыхъ дѣлъ, портнымъ и всякими другими ремеслами. Къ тому внесена намъ отъ тѣхъ же чиновниковъ нашихъ просьба, дабы мы, подтвердивъ сіе (для помянутыхъ евреевъ), оставили оныхъ при тѣхъ же правахъ и свободахъ спокойными. Затѣмъ, снисходя на таковую просьбу, мы, король Михаилъ, властію нашею предохраняемъ могилевскихъ евреевъ въ полной мѣрѣ ненарушимо, при всѣхъ вышеписанныхъ правахъ и свободахъ, равно и при той землѣ, гдѣ издавна въ тамошнемъ городѣ пристроена есть школа ихъ, другой же впредь (не строить); при кладбищѣ, которое они издревле имѣютъ, для погребенія умершихъ тѣлъ ихъ, безъ всякой съ той земли и кладбища повинности;—съ тѣмъ при томъ, что ни отъ кого (не будетъ имъ причиняемо) препятствіе въ ихъ собственныхъ домахъ, которые они могутъ покупать, такъ какъ и земли, въ самомъ городѣ, съ свободнымъ распоряженіемъ оными и наймомъ для ихъ надобности, изъемля ихъ отъ городскихъ цѣховъ и купеческихъ складокъ; и есть-либы (сохрани Боже!) послѣдовала тому городу какая либо отъ непріятеля опасность, то дабы тамошніе мѣщане на могилевскихъ евреевъ нападать не смѣли, но обходились бы съ ними такъ, какъ между собой, кротко; всѣ таковыя права, во всѣхъ пунктахъ утверждаемъ; желая же, дабы они евреи во всемъ томъ наглостей и насилій не потерпѣли, пріемлемъ помянутыхъ евреевъ въ нашу королевскую протекцію.—Во увѣреніе чего подписавъ настоящую конфирмаціонную привиллегію нашею рукою, мы повелѣли приложить къ оной печать великаго княжества Литовскаго—въ Краковѣ, на главномъ сеймѣ счастливой коронаціи нашей—ноября 10 дня, лѣта Господня 1669. Царствованія же нашего 1 года. Подпись:—Король Михаилъ.—Почему, снисходя на изъясненное прошеніе, мы король повелѣли вышеозначенную конфирмацію правъ, изъ помянутыхъ книгъ вынисью просящей сторонѣ выдать и для вящшаго вѣроятія приложить печать великаго княжества литовскаго;—въ канцеляріи нашей того жъ княжества—12 декабря 1730 года. Царствованія же нашего 34 лѣта.—При печати меньшей подписался подканцлеръ великаго княжества литовскаго князь Михаилъ Чарторыйскій.—Скрѣпилъ его к. в. секретарь, Григорій-Іосифъ Ройкевичъ.

Другая привиллегія:—Божіею милостію Августъ второй, король польскій, великій князь литовскій и проч. Объявляемъ сею нашею выписью, что имѣется въ метрическихъ актахъ нашей меньшей канцеляріи велик. княжества Литовскаго конфирмація привиллегіи пресвѣтлѣйшаго предшественника нашего Іоанна третьяго, служащей могилевскимъ евреямъ, слѣдующаго содержанія:—Августъ второй и проч. Объявляемъ сею нашею привиллегіею всѣмъ вообще и каждому въ особенности, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что представляема намъ была привиллегія, блаженныя памяти отъ пресвѣтлѣйшаго предшественника нашего, Іоанна третьяго, короля польскаго, заключающая въ себѣ конфирмацію прежнихъ правъ, служащихъ могилевскому кагалу, такого содержанія:—Божіею милостію Іоаннъ третій, король польскій, великій князь литовскій, и проч. Объявляемъ сею нашею конфирмаціонною привиллегіею, всѣмъ вообще и каждому въ особенности, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что мы, принимая въ уваженіе причиняемое могилевскими мѣщанами тамошнимъ евреямъ большое притѣсненіе и разореніе, заблагоразсудили всѣ жалованныя симъ послѣднимъ отъ пресвѣтлѣйшихъ предшественниковъ нашихъ права и привиллегіи подтвердить, и оныя настоящею граматою нашею подтверждаемъ, дозволяя имъ производить всякіе шинки и торговую промышленность; лавки какъ въ городѣ, такъ возлѣ вала и въ предмѣстьѣ построить, и въ оныхъ сукна и матеріи, штуками ль или локтемъ, продавать. Школы двѣ—одну въ городѣ, а другую за Днѣпромъ, въ Луполовѣ, соорудить вновь. Съ домовъ же, принадлежащихъ къ школамъ, и отъ могилъ, никакой подати платить не должны будутъ вѣчно. А всѣ евреи, какъ въ городѣ, такъ и въ предмѣстьѣ, въ слободахъ и на городскихъ земляхъ живущіе, хотя бы дѣло, про-

владило и о городскихъ земляхъ, не подлежатъ разбору никакого другого суда, кромѣ лишь замковаго, и ремесленники евреи ни въ какіе цехи позываемы быть не должны. Всякія подати, которыя бы на городъ налагались, отъ всѣхъ евреевъ, въ городѣ, предмѣстьѣ и въ слободахъ живущихъ, будутъ взноситься только въ тридцатой части. Имъ же евреямъ всѣмъ вообще дозволяемъ строить домы деревянные и каменные, оставляя ихъ при всѣхъ привиллегированныхъ правахъ, свободахъ и прежнихъ обыкновеніяхъ. Что дабы иначе быть не могло, о семъ благороднымъ коммисарамъ и администраторамъ нашей могилевской экономіи накрѣпко предписываемъ.—Во увѣреніе чего, подписавшись рукою нашею, мы повелѣли приложить печать великаго княжества Литовскаго. Въ Краковѣ на главномъ 6-ти недѣльномъ сеймѣ, 12 генваря, 1676 года.—Подпись: Король Іоаннъ. Прошено насъ чрезъ находящихся при насъ чиновниковъ, отъ имени помянутыхъ могилевскихъ евреевъ, о подтвержденіи для нихъ вышеозначенной привиллегіи. Снисходя на таковое, яко справедливое, прошеніе, во уваженіи претерпѣнныхъ сказаннымъ могилевскимъ кагаломъ частію въ нынѣшнія бѣдственныя времена, частію чрезъ пожарные случаи, значительныхъ разореній,— какъ изъ вышепрописанной тому же кагалу служащей привиллегіи явствуетъ,—мы подтверждаемъ оную во всѣхъ частяхъ на вѣчныя времена, съ тѣмъ, чтобы какъ замокъ нашъ могилевскій, такъ и тамошніе мѣщане и никто другой, означенную привиллегію и настоящей нашей конфирмаціи ни въ чемъ нарушать не смѣлъ, подъ взысканіемъ на таковый случай съ нарушителей привиллегій нашихъ положеннымъ въ общемъ законѣ. Для чего и поручаемъ немедленное исполненіе сего благороднымъ коммисарамъ нашимъ могилевскимъ, какъ настоящимъ, такъ и напредбудущимъ. Во увѣреніе чего, подписавшись нашею рукою, мы повелѣли приложить печать великаго княжества Литовскаго. Въ Варшавѣ, 28 февраля 1713 года, царствованія же нашего 16 лѣта. Подпись: Король Августъ.—Каковую конфирмацію мы изъ метрическихъ книгъ нашей меньшей канцеляріи выдать и печать великаго княжества Литовскаго приложить повелѣли—въ канцеляріи нашей великаго княжества Литовскаго дня—1731 года, царствованія же нашего 34 лѣта. При печати меньшей великаго княжества Литовскаго подписался того жъ княжества подканцлеръ князь Михаилъ Чарторыйскій. Скрѣпилъ его к. в. секретарь Григорій-Іосифъ Ройкевичъ.

Третья привиллегія—Божіею милостію Августъ второй, король польскій, великій князь литовскій, и проч. Объявляемъ сею нашею граматою выписи, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что въ метрическихъ книгахъ нашей канцеляріи меньшей великаго княжества Литовскаго имѣется конфирмація правъ, жалованная отъ насъ могилевскимъ евреямъ, 16 сентября 1701 года. Чрезъ находящихся же при насъ чиновниковъ нашихъ прошено насъ о дозволеніи выдачи ея изъ тѣхъ книгъ выписью, которая есть слѣдующаго содержанія:—Божіею милостію Августъ второй, король польскій, великій князь литовскій и проч. Объявляемъ сею нашею конфирмаціонною привиллегіею, кому о семъ вѣдать надлежитъ нынѣ и на предбудущія времена, именно—благороднымъ экономамъ нашимъ съ подчиненными ихъ, настоящимъ и впредбудущимъ, также магистрату города нашего Могилева и всему онаго обществу,—что ввѣренные попеченію нашему, отъ Всевышняго промысла и пресвѣтлѣйшими предшественниками нашими издавна покровительствуемые народы, разнаго рода, званія и вѣры, желая высокою милостію нашею защитить и всѣмъ подданнымъ нашимъ доставить благоденствіе, мы всѣ жалованныя отъ предшественниковъ нашихъ подданнымъ нашимъ, могилевскаго кагала евреямъ, привиллегированныя права, коими предоставлена имъ свободная промышленность, въ торговлѣ разными товарами и всякимъ пользованіемъ, въ открытыхъ лавкахъ локтемъ мѣрить и фунтомъ вѣсить, солоды дѣлать, упражняться мастерствомъ золотыхъ дѣлъ, портняжествомъ и прочими ремеслами, на основаніи конституціи 1678 года; въ отношеніи свободнаго въ городѣ нашемъ Могилевѣ и у рынка онаго жительства ихъ, также изыскиванія разныхъ пользъ чрезъ торговлю въ лавкахъ; свободное скупливаніе скота, продажу онаго еврейскими рѣзниками и дозволенныя отъ насъ и отъ предшественниковъ нашихъ шинки подтверждаемъ. Выданныя же въ которое либо время изъ канцеляріи нашей противоположныя (граматы),

яко свободамъ еврейскимъ противныя, уничтожаемъ. Посему (они евреи), въ силу сего нашего и предшественниковъ нашихъ соизволенія, могутъ въ городѣ безпечно упрочивать свои поссесіи, въ лавкахъ торговать, имѣть промышленность, въ шинкахъ и въ другихъ предметахъ изыскивать для себя какимъ либо образомъ пользу, безъ всякаго отъ могилевскаго магистрата и тамошняго общества препятствія. А если бы, въ противность воли нашей, дерзнулъ кто либо причинять имъ какія касности, въ такомъ случаѣ благородные экономы и ихъ подчиненные, въ замкѣ нашемъ пребывающіе, имѣютъ оныхъ (евреевъ) отъ всѣхъ таковыхъ защищать и при свободахъ, отъ насъ жалованныхъ, предохранять. При семъ и привиллегію 1687 года, на сооруженіе въ могилевскомъ предмѣстьѣ, называемомъ Луполовѣ, за Днѣпромъ, школы, подтверждаемъ. Буде жь какъ вопреки сему, такъ и всѣмъ прежнимъ еврейскимъ привиллегіямъ, происходили бы для нихъ обиды, повелѣваемъ замку нашему могилевскому, чтобы оный, не допущая евреевъ до обидъ, имѣлъ обо всемъ свое наблюденіе. А какъ изъ прежде принесенныхъ къ намъ тѣми жъ евреями жалобъ значитъ, что могилевскій нашъ замковый судъ дѣлаетъ имъ не малыя отягощенія, прибавляя къ истязаніямъ новыя истязанія, для того, убѣждаясь таковою жалобой, мы постановляемъ на вѣчныя времена всегдашнимъ правиломъ, дабы по позву каждый еврей повѣщаемъ былъ чрезъ замковаго служителя о кондемнатѣ (неявочномъ рѣшеніи); за четвертымъ же разомъ, таковая, по внесеннымъ позвамъ, имѣетъ уже приводиться въ дѣйствіе; за отсрочку дѣла должно вносить 6 грошей,—отъ апеляціи, которая недовольному судебнымъ рѣшеніемъ должна допущаема быть къ намъ, 2 злотыхъ съ половиной;—но никакое злоупотребленіе власти, въ насильномъ забраніи столовъ, бочекъ и солодовень, простираемо быть не можетъ, подъ штрафомъ, подлежащимъ съ разорителей, какой бы задворнымъ нашимъ ассесорскимъ судомъ, по усмотрѣнію онаго приговоренъ ни былъ. Впрочемъ, дабы впредь какъ благородныхъ экономовъ, такъ равно магистрата и мѣщанъ могилевскихъ положенія имѣли свою важность и значеніе, о семъ накрѣпко повелѣваемъ. Въ Варшавѣ, 15 сент. 1701 года, царствованія же нашего пятаго лѣта.—Подпись: Король Августъ.—Почему мы король, снисходя на вышесказанное прошеніе, повелѣли означенную конфирмацію правъ, выписью изъ помянутыхъ книгъ, просящей сторонѣ выдать и для вящшей важности печать вел. княж. Литов. приложить.—Писано въ канцеляріи нашей вел. княж. Литов. 25 ноября 1730 года, царствованія же нашего 34 лѣта. При печати меньшей вел. княж. Литов. подписался того жъ княжества подканцлеръ князь Михаилъ Чарторыйскій. — Е. к. в. секретарь Григорій Ройковичъ.

Четвертая привиллегія:—Божіею милостію Августъ второй, король польскій, князь литовскій и проч. Объявляетъ сею нашею выписью, кому о семъ вѣдать подлежитъ, что въ метрическихъ книгахъ канцеляріи нашей большой вел. княж. Литов. имѣется конфирмація документа, могилевскимъ евреямъ, отъ тамошняго магистрата, на два участка земли, въ г. Могилевѣ, жалованная 3. августа, 1634 года, отъ пресвѣтлѣйшаго предшественника нашего, короля польскаго и великаго князя литовскаго, Владислава четвертаго; и прошено насъ о дозволеніи выдачи изъ помянутыхъ книгъ выписью сказанной конфирмаціи, которая есть слѣдующаго содержанія:—Божіею милостію Владиславъ четвертый, король польскій, великій князь литовскій и проч. Объявляемъ сею нашею грамотою всѣмъ вообще и каждому, кому о семъ вѣдать надлежитъ, что представляемъ намъ былъ могилевскими евреями: Изакомъ Гершоновичемъ и Шлюмою Дановичемъ документъ, отъ членовъ магистратскихъ города нашего Могилова, подлинникомъ, служащій на два участки земли, въ окружности городскаго вала, на супротивъ городской вѣсовой, смежныя съ одной стороны съ землею еврея Глебка, а съ другой Семена Куля, въ замѣнъ за землю ихъ, лежащую въ томъ же валѣ, близъ лавокъ, въ Могилевѣ выданный 26 іюня, 1630 года: прося насъ, дабы мы утвердивъ сей документъ, оставили ихъ евреевъ на всегда при той землѣ, на которой они не малымъ коштомъ построили уже каменный домъ.—Снисходя на таковое, яко уважительное прошеніе, утверждаемъ сказанный замѣночный документъ во всей его силѣ, и означенную землю съ находящимся на ней каменнымъ строеніемъ вѣчно оставляемъ какъ за самыми помянутыми евреями

такъ и за женами и дѣтьми ихъ, въ свободномъ и потомственномъ распоряженіи, подъ вѣдѣніемъ нашего могилевскаго замка. Къ которому дому ворота для въѣзда и выѣзда, а также и окны (они евреи) могутъ имѣть свободныя, безъ всякаго препятствія и загражденія отъ нашихъ могилевскихъ мѣщанъ. Для чего мы и выдали сію нашу грамоту, за нашимъ подписаніемъ, съ приложеніемъ печати вел. княж. Литов.—въ Варшавѣ августа 3 дня 1634 года, царствованія же нашего въ королевствахъ—польскомъ второго, а шведскомъ третьяго лѣта.—Подпис. король Владиславъ.—Референдарій и вел. княж. литов. писарь, Мартинъ Тризна.—Снисходя на помянутое прошеніе, мы король повелѣли, означенную конфирмацію изъ книгъ просящей сторонѣ выдать и для вящшаго вѣроятія, печать вел. княж. Литовскаго приложить.—Писано въ канцеляріи нашей вел. княж. Литов. 13 декабря 1730 года, царствованія же нашего 34 лѣта. — При меньшей печати подписался: подканцлеръ вел. княж. Литов. князь Михаилъ Чарторыйскій.—Его к. в. секретарь, Григорій-Іосифъ Ройкевичъ.—Почему мы, король польскій и великій князь литовскій, Августъ третій, снисходя на прошеніе могилевскихъ евреевъ, вышеозначенныя привиллегіи на права и свободы проживанія въ городѣ нашемъ Могилевѣ, постройки каменныхъ домовъ, пріобрѣтанія городскихъ земель и производженія всякой торговли, жалованныя тѣмъ евреямъ, блаженныя памяти отъ предшественниковъ нашихъ и столь многими монархами, королями польскими, предшественниками жъ нашими конфирмованныя и за усердіе реченныхъ евреевъ, въ способствованіи къ возвращенію крѣпости, конституціею 1678 года, за согласіемъ сословій республики утвержденныя, намъ же и въ канцеляріи нашей точными выписями представляемыя, во всѣхъ пунктахъ, властію нашею королевскою подтверждаемъ и въ таковой же силѣ, каковую самыя оригиналы имѣть должны, оставляемъ ихъ съ тѣмъ, чтобы оныя ни въ чемъ нарушаемы не были, но тѣ евреи, такъ какъ и мѣщане наши могилевскіе, оставались бы обезопасенными; для чего и рекомендуемъ благороднымъ экономамъ нашимъ, дабы евреевъ, яко обывателей города нашего Могилева, старались при тѣхъ правахъ и поссесіи ихъ предохранять, для нашего королевскаго благоволенія. Во увѣреніе чего подписавъ рукою нашею, мы повелѣли приложить печать. Въ Варшавѣ 9 дек. 1752 года, царствованія же нашего двадесятаго лѣта.

Augustus Rex. Jozep Duleba je krolewskiey mosci pieczeci W. W. X. Litto sekretarz.

Konfirmacya praw, przywilejow i wolnosci zydom mohilowskim nadanych.

За бытность канцлеромъ вел. княж. Литов. князя Михаила Чарторыйскаго.

М. П.—Въ метрическихъ книгахъ записана.

(На выгрызенномъ мѣстѣ подлинника, недостающія слова въ 11 строкахъ, пополнены въ переводѣ изъ имѣющейся копіи сей привиллегіи).

Скрѣпа: переводилъ могилевскаго главнаго суда 2-го департамента переводчикъ 9-го класса Стратиновичъ.

Документъ № 16.

Контрактъ на взятіе могилевскими евреями на откупъ питейной продажи въ Могилевъ.

Тысяча восьмисотаго года марта двѣнадцатаго дня заключенный могилевскими городовыми магистратомъ и думою со мною, могилевскимъ евреемъ Орлякомъ Абрамовичемъ Лурьею, въ силу указа правительствующаго сената прошлаго 1799 года отъ 26 декабря подъ № 17943 послѣдовавшаго, а въ насланномъ изъ бѣлорускаго губернскаго правленія отъ 19 генваря сего 1800 года подъ № 976 указѣ прописаннаго, срокомъ съ пятнадцатаго февраля сего 1800 года впредь на два года и десять съ половиною мѣсяцевъ, то есть по первое генваря будущаго 1803, съ платежемъ состоявшейся по учиненной въ бѣлорусскомъ правленіи переторжкѣ цѣны въ годъ по двадцать три тысячи тридцать рублей, а во все двугодичное и десяти съ половиною мѣсячное время шестьдесятъ шесть тысячъ двѣсти одиннадцать рублей двадцать пять копеекъ на нижеслѣдующихъ кондиціяхъ,

а именно:

1) Содержать мнѣ откупщику въ городѣ Могилевѣ питейную продажу, какъ выше значитъ, сего 1800 года февраля съ 15 впредь чрезъ два года и десять мѣсяцевъ съ половиною, то есть 1803 года генваря по 1 число. съ исправною

заплатою въ городскую думу ежегодно состоявшейся по учиненной въ бѣлорусскомъ губернскомъ правленіи переторжкѣ откупной суммы по двадцать три тысячи тридцать рублей и взносить оную каждаго года помѣсячно за каждой третью часть для нужныхъ городскихъ расходовъ въ началѣ, а послѣднія двѣ части по прошествіи и при наступленіи каждаго оныхъ не далѣе 3 числа равною частію сколько причтется, въ томъ числѣ мѣдною монетою третью часть непремѣнно.

2) Откупщику въ городовомъ магазинѣ хранить, а изъ онаго и питейныхъ домовъ продавать вино, водку, медъ, пиво и полпиво въ розницу или подробно.

3) Откупщику напитки продавать чрезъ два года десять мѣсяцевъ съ половиною, а именно: вино простое полугарное по три рубля, ординарную водку вдвое каждое ведро, сладкую водку хорошей доброты безъ штофа по рублю, а въ штофѣ по рублю десяти копеекъ, меду каждое ведро ординарнаго по рублю, а двойнаго по два рубля, пива ординарнаго по тридцати копеекъ, простого жъ по пятнадцати копѣекъ, а марцоваго хорошаго по восьмидесяти копеекъ ведро а въ удовольствіе покупателей, буде откупщикъ пожелаетъ, ниже невоспрещается и вырученныя за всѣ оныя питья деньги оставляются откупщику за назначенный въ 1 пунктѣ платежъ откупной суммы.

4) Харчевая въ питейныхъ домахъ продажа отдается откупщику нераздѣльно съ продажею питей за откупную сумму съ послѣдняго торгу состоявшуюся какъ въ 1 пунктѣ явствуетъ.

5) Откупщику изъ питейныхъ домовъ продавать вино, водку, медъ, пиво клейменными мѣрами, а неклейменными отнюдь чтобъ не было продаваемо.

6) Вино на продажу подряжать откупщику самому у имѣющихъ право винокуренія и платить своими деньгами, почему договориться только чтобы не было недостатка въ винѣ, а сдѣланные договоры съ поставщиками объявлять въ узаконенномъ мѣстѣ, дабы въ провозѣ не послѣдовало на нихъ затрудненіевъ и не было безъ явки контракта почтено запрещеннымъ товаромъ, а самому откупщику винокуреніе въ городѣ и на городской землѣ не имѣть, поелику сіе предоставлено въ Бѣлоруссіи только однимъ помѣщикомъ, у коихъ или у кого пожелаетъ и покупать ему повольною цѣною.

7) Буде откупщикъ пожелаетъ вино брать въ которыхъ либо казенныхъ винокуренныхъ заводахъ, то о цѣнѣ вина долженъ договориться съ казенною палатою, имѣющею въ вѣдомствѣ ея заводы, съ коихъ вино получать захочетъ и долженъ при пріемѣ его съ заводовъ заплатить ту цѣну, посколько договоръ будетъ сдѣланъ.

8) Откупщику имѣть всегда въ наличности вина сверхъ употребленнаго на продажу противу узаконеніевъ четвертую часть изъ потребнаго на годовой расходъ количества. Сію часть ставить для храненія откупщику въ городовомъ винномъ магазинѣ или гдѣ откупщикъ особо для себя повольною цѣною возьметъ въ наймы за собственныя свои деньги. При поставкѣ вина въ магазинъ давать знать г-ну коменданту и то вино ему освидѣтельствовать, чтобъ было узаконенной пробы полувыгорное безъ дурнаго запаху и замѣса, а въ магазинахъ хранить вино откупщику на своемъ страхѣ и отчетѣ; а дабы помянутая часть вина всегда была въ наличности, за тѣмъ наблюдать имѣетъ право г-нъ комендантъ, для освидѣтельствованія чего имѣетъ онъ право входить въ магазинъ, когда похотитъ. Сей же четвертой части должно быть всегда на лицо, а ежели по самой необходимости произойти могущей отъ невыставки вина тѣми людьми, у которыхъ откупщикъ брать его договорится, или отъ другихъ какихъ причинъ откупщикъ принужденъ будетъ отпускать на продажу вина изъ той четвертой части, тогда долженъ представить залогъ натаковую сумму, по какой цѣнѣ въ то время продаваться будетъ, а безъ залога запасного вина въ продажу не употреблять. По наполненіи же той четвертой части и тотъ залогъ возвратится но въ послѣднихъ трехъ мѣсяцахъ послѣдняго года откупа отпускать вино изъ четвертой части безъ залога и дополнять его не принуждать, поелику тогда употребляться будетъ оное въ расходъ.

9) Вино, водку на продажу изъ питейныхъ домовъ пріуготовлять откупщику столько, сколько потребно, такъ же меда, пивъ, и сіи послѣднія варить на своихъ или нанятыхъ у постороннихъ пивоварняхъ повольною цѣною за собственныя свои деньги съ заплатою пивовару за его работу, какъ договорятся.

10) Буде въ питейныхъ домахъ учинится вина, водки, меда и пивъ недостатокъ и послѣдуетъ въ оныхъ продажа вину ниже узаконенной пробы съ дурнымъ запахомъ или замѣсомъ, а меда и пивъ окислыхъ, и о томъ будетъ жалоба, то на мѣетѣ взыскать двумя свидѣтелями допрямо по изобличеніи наложить и взыскать съ откупщика пеню по узаконенію за каждый день какъ за недостатокъ вина, водки, меда и пивъ, равно что продавалъ вино худое, а медъ и пиво окислыя по шести процентовъ за то питье что продать могъ въ тѣ дни за первую жалобу и что вино худое, а медъ и пиво окислыя продавалъ до удвоенія пени, за вторую и болѣе жалобу и отдать часть жалобщику, а другую часть по силѣ Высочайшаго городоваго положенія 150 статьи доставлять въ городскую думу, такъ какъ по корчемнымъ дѣламъ и во время питья недостатка на счетъ откупщика таковые магистратъ и дума купятъ, съ какою бы то передачею не было и тѣ переданныя деньги взысканы быть имѣютъ безъ недоимки съ откупщика.

11) При уступленіи въ откупъ принять покупщику городскую питейную контору, винный магазеинъ и посуду, до питейной продажи принадлежащую, какая въ думѣ находится съ описью и оцѣнкою, сдѣланною при присяжныхъ свидѣтеляхъ, безъ платежа, а питейные домы, какъ таковыхъ городскихъ не имѣется, а производится питьямъ продажа въ обывательскихъ, то и можетъ откупщикъ у таковыхъ нанять повольною цѣною за собственныя свои деньги или, гдѣ есть внутри города порозжія земли, магистрату и думѣ принадлежащія, построить на оныхъ питейные домы своимъ коштомъ пристойныхъ фасадомъ тому мѣсту, на которомъ будутъ построены; по прошествіи же срочнаго откупа и къ времени долженъ откупщикъ оные снять и очистить городскія мѣста или продать магистрату и думѣ, ежели пожелаетъ повольною цѣною; если жъ, паче чаянія (чего да сохранитъ Богъ), во время содержанія его который питейный домъ сгорѣлъ и отъ того послѣдовалъ убытокъ для откупщика въ заготовленныхъ питьяхъ, объ оныхъ откупщикъ никакой претензіи до города имѣть не долженъ и отъ думы требовать награжденія, равномѣрно если бы оное послѣдовало и въ магазеинѣ.

12) Откупщику принятые городской магазеинъ и посуду, до питейной продажи принадлежащія, съ описью и оцѣнкою, сдѣланною при присяжныхъ свидѣтеляхъ тамъ же (гдѣ есть) улицы около питейныхъ домовъ и мосты каменные или деревянные, содержать ему, откупщику, починкою въ исправномъ состояніи, не требуя за то зачета или заплаты и сію починку чинить вовремя, то есть тогда, когда нужда того требуетъ, не портя архитектурнаго наружнаго вида строенія, гдѣ оное есть.

13) Вино, употребляемое на продажу, хранить откупщику въ городовомъ могазеинѣ или, какъ въ 8 пунктѣ сказано, у кого нанять повольною цѣною за собственныя свои деньги; по истеченіи жъ откупнаго контракта откупщикъ имѣетъ отдать городской магазеинъ, кому городовые магистратъ и дума поручатъ, такъ равно и посуду, до питейной продажи принадлежащую, съ описью и оцѣнкою, сдѣланною при присяжныхъ свидѣтеляхъ, какъ принялъ; буде же изъ строенія или посуды при возвратной отдачѣ чего не явится, или не такъ будетъ хорошо, какъ принялъ, то откупщикъ имѣетъ заплатить деньгами по оцѣнкѣ, во описи значущейся; буде же откупщикъ что вновь пристроитъ, или прибавитъ, или же вычинитъ, то за пристройки, или прибавки, или починки откупщикъ не имѣетъ чинить требованія о заплатѣ отъ города.

14) Буде откупщикъ въ городѣ Могилевѣ запрещенное куреніе вина или запрещенный привозъ онаго, или запрещенную продажу его, или покупку таковаго усмотритъ, то о томъ откупщикъ имѣетъ приносить жалобу, гдѣ слѣдуетъ по узаконеніямъ.

15) Буде откупщикъ захочетъ производить подвижную питейную продажу въ лагерѣ при полку, или при перевозѣ, или гульбищѣ, или въ палаткѣ, или шалашѣ, то оное дозволяется производить ему на собственныхъ городскихъ земляхъ.

16) Буде откупщикъ въ платежѣ откупной суммы окажется неисправнымъ, то поступлено съ нимъ будетъ по 13 и 14 статьямъ даннаго 1776 года декабря 8 дня постановленія о контрактахъ; въ случаѣ же безнадежности, отрѣша отъ содержанія откупа, отдать на счетъ его и поручителя по немъ другимъ, съ какимъ бы то ни было

ущербомъ, онъ долженъ платить изъ заложенаго имѣнія или еще какое можетъ оказаться у нихъ.

17) По пріемѣ откупа и во время содержанія онаго въ винномъ магазинѣ, работу исправлять работникамъ его откупщика, которыхъ онъ и долженъ содержать на всемъ своемъ коштѣ и платежѣ.

18) Всякаго чина или званія люди вино, водку, пиво, медъ, брагу не должны въ городъ ввозить, какъ устава о винѣ во 114, 115 и 116 статьяхъ предписано, но для лучшаго въ томъ смотрѣнія откупщику учредить заставы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ пожелаетъ, и столько, сколько ему понадобится, а для разъѣзда въ городѣ и за городомъ команду имѣть на своемъ коштѣ; ежели же кто покупное вино и прочее на сторонѣ въ городъ привезетъ и съ тѣмъ пойманъ будетъ, то онаго для учиненія ему надлежащаго штрафа отсылать куда по законамъ слѣдуетъ; что жъ касается до ввоза въ городъ дворянамъ вина, то объономъ поступать, какъ устава о винѣ 60 отдѣленіемъ предписано; но такихъ, которые въ городѣ останавливаться будутъ, привозимое вино ему откупщику или повѣренному его осматривать со всякою пристойностію и отнюдь никакихъ грубостей и наглостей при томъ осмотрѣ не чинить да и на пути для осмотра не останавливать. но препровождая до квартиръ, тамъ осмотры дѣлать, а проѣзжающіе въ городъ возы съ хлѣбомъ, сѣномъ и дровами дозволяется имъ осматривать щупами, нѣтъ ли въ нихъ подвознаго вина, однако не развязывая возовъ, а сверхъ того осматривать и въѣзжающіе въ городъ обозы, съ какими бы товарами ни было, на мѣстѣ, и то гдѣ съ таковыми остановится, не развязывая оные и более одного часа не продолжать и обозовъ отнюдь не останавливать, исключая отъ таковыхъ осмотровъ господъ съ ихъ фамиліями; напротивъ того, если онъ откупщикъ или его повѣренный для выемки корчемства съ данною отъ г-на камендaнта командою и въ такіе домы ходить будутъ, въ которыхъ по собственному его осмотру никакого корчемства не окажется, то въ такомъ случаѣ, хотя за крестьянскій домъ и ничего не отвѣтствуетъ, но дворянскимъ, равно купеческимъ и мѣщанскимъ платить слѣдуемое по законамъ безчестье безъ суда; если же кто изъ здѣшнихъ помѣщиковъ или имѣющіи на то право горячее вино чрезъ городъ въ другія свои деревни провозить, не запрещать, но смотрѣть самому откупщику, чтобъ оное въ городѣ остановлено не было, а препровождено бъ чрезъ городъ и городскую землю, куда везено будетъ. Г-нъ же комендантъ для выемки корчемства по требованію откупщика и его повѣреннаго имѣетъ давать команду того жъ самаго времени, какъ устава о винѣ 108 и прочіе пункты повелѣваютъ.

19) Въ питейныхъ домахъ продажу питьямъ производить лѣтомъ отъ восхожденія до захода солнечнаго, а зимою отъ семи часовъ утра до семи часовъ вечера; воскресные жъ, праздничные и табельные дни, тако жъ и во время крестнаго хода, продавать напитки на основаніи устава благочинія 203 статьи и прочихъ узаконеніевъ.

20) Повѣренныхъ, писцовъ, служителей и работниковъ къ продажѣ питей и къ прочему употребленію принимать откупщику свободныхъ людей съ указанными пашпортами, кого похотитъ, и съ запискою не только тѣхъ пашпортовъ, но и в поставляемыхъ съ ними договорахъ, гдѣ по указамъ надлежитъ, а бѣглыхъ и безпашпортныхъ людей и другихъ подозрительныхъ никого не имѣть, подъ взысканіемъ за то штрафа, по указамъ. Показанные жъ откупщикъ и принятые имъ прикащики а ихъ служителей всякъ по своему состоянію или дѣлу да будетъ вѣдомъ судомъ или расправою, гдѣ узаконеніями предписано.

21) Въ продажное и заготовленное въ магазинѣ и питейныхъ домахъ вино водки не мѣшать и другого ничего не дѣлать, ежели же кто въ томъ изобличенъ будетъ, то поступлено съ нимъ будетъ, какъ законы повелѣваютъ.

22) Буде откупщикъ, или въ питейномъ домѣ служитель, или повѣренный учинитъ обмѣръ или обманъ при продажѣ или порчѣ вина, то почтется ему сіе за измѣну личную и притомъ изслѣдовано будетъ порядкомъ уголовныхъ дѣлъ и по изслѣдованіи сужденъ будетъ преступникъ, какъ законами предписано.

23) Въ прочемъ же откупщику или повѣренному его, будучи при содержаніи того откупа, поступить во всемъ, какъ законы повелѣваютъ, непремѣнно; что жъ касается до покупки на вареніе пива, хлѣба и дровъ и прочихъ припасовъ, то откупщику всѣ оныя покупать въ городахъ

в уѣздахъ на законномъ основаніи вольною цѣною и въ томъ ему запрещенія не дѣлать.

24) По отъ держаніи откупщику урочныхъ лѣтъ оставшее въ магазейнѣ и питейныхъ домахъ вино отъ него принять магистрату и думѣ или будущему откупщику на мѣру съ платежемъ за оное таковой цѣны, по какой имъ будетъ куплено, но отнюдь не выше 500 в. и недороже будущихъ въ то время цѣнъ въ покупкѣ въ прочихъ, равно пива и меду не вышло не болѣе какъ на двѣсти рублей, а буде положена цѣна выше, въ томъ магистратъ и дума или новый откупщикъ не должны быть къ принятію принуждаемы, а должны тѣ напитки вывезены быть изъ города, а сладкои водки не болѣе ста штофовъ.

25) Въ городъ уѣздовъ и въѣздовъ, кромѣ учрежденныхъ дорогъ, другимъ не быть, а гдѣ есть потаенныя малыя дорожки или тропинки, тѣ уничтожить и дозволяется покопать рвы, кои сдѣлать откупщику изъ своего кошта.

26) Касательно до герберговъ и трактировъ быть и поступать на основаніи 1750 и 1765 годовъ указовъ, относительно жъ запрещеній винокуреній по смежности съ городомъ, не имѣющимъ права производить оное, дума, яко въ той части, которая не принадлежитъ до города, не имѣетъ власти, и каковая противность для меня откупщика къ моему подрыву иногда послѣдуетъ, какъ то буде по силѣ состоявшагося правительствующаго сената на представленіе бывшаго бѣлорусскаго генералъ-губернатора и кавалера Петра Богдановича Пассека въ 21 день октября 1784 года указа, помѣщики, имѣющіе въ трехверстной пропорціи отъ города корчмы, меньшею цѣною горячіе напитки продавать будутъ противъ положенной для продажи въ городѣ, то онъ откупщикъ въ то время самъ просить и стараться гдѣ слѣдуетъ долженъ, не требуя отъ думы за то заплаты или убытка его на откупщика надъ договорную сумму никакои прибавки.

27) Откупщику продавать вино, водки, медъ, пиво и полпиво за узаконенную цѣну, но ежели откупщикъ пожелаетъ для предостереженія себя отъ подвозу корчемнаго вина, таковые напитки продавать нижними цѣнами, то ему того не возбранять, дабы расходъ его напитковъ и выручка денегъ не умалились и дабы, охраняя себя отъ подрыву, могъ онъ быть исправенъ въ своемъ дѣлѣ, вырученныя жъ за все оныя питья деньги оставляются откупщику за назначенный въ 1 пунктѣ платежъ откупной суммы, равно и въ 3 пунктѣ изъясненное.

28) Не воспрещается откупщику имѣть пивоваренiи и для дѣланія водокъ заведеніе въ здѣшнемъ городѣ, равно не возбраняется ему приготовлять изъ вина всякіе обыкновенные ординарные и на подобіе иностранныхъ подѣланныхъ медомъ или сахаромъ со специями разнаго сорта напитки и наливки.

29) Составленіе вейновыхъ и на маноръ французской дѣлаемыхъ водокъ дозволяется въ тѣхъ только мѣстахъ, которыя виноградомъ и приуготовляемымъ изъ онаго виномъ изобильны, а во всѣхъ прочихъ, гдѣ виноградъ не растетъ, запрещается, за исключеніемъ тѣхъ только по именнымъ Высочайшимъ или сенатскимъ указамъ заведеніи, которыя имѣютъ особыя на дѣланіе вейновыхъ водокъ привилегіи, но дабы и на сихъ дѣлаемы были водки изъ однихъ дозволенныхъ припасовъ, то откупщику не воспрещается за симъ имѣть смотрѣніе, а законно сдѣланныя продавать не воспрещать.

30) Ежели откупщикъ для выгоды своей пожелаетъ пиво и портеръ на аглинскій маноръ варить на своихъ или постороннихъ пивоварняхъ, то таковаго приуготовленія, а равно и продажи того пива и портеру въ позволенныхъ по откупу его заведеніяхъ ему не воспрещается.

Документъ № 16.

Контрактъ на взятіе могилевскими евреями на откупъ питейной продажи въ Могилевѣ.

31) Откупщикъ имѣетъ учредить питейныхъ домовъ столько, сколько его надобность требовать будетъ, шинкарей нанимать вольною цѣною за собственныя свои деньги, однакожъ обязанъ завсегда предпочесть могилевскаго обывателя какъ изъ христіанъ, такъ и изъ евреевъ предъ иногородными. Мѣра же при продажѣ питей не иная должна быть какъ казенная; о платежѣ за вареніе пива и меду на вышникъ, буде кто изъ шинкарей варить пожелаетъ, оставляется на волю откупщика, на чемъ они съ нимъ договорятся.

32) Если откупщикъ предъ наступленіемъ

откупа или въ теченіи откупныхъ лѣтъ пожелаетъ кого къ тому откупу принять въ товарищи, въ томъ ему не возбраняется. равномѣрно буде похочетъ и весь свой откупъ или нѣкоторую часть онаго сдать кому изъ своихъ товарищей или и постороннему, то сіе ему позволяется, но съ тѣмъ, дабы таковыя сдачи сдѣланы были съ позволенія городовыхъ магистрата и думы, и съ тѣмъ, буде сдающій откупъ не оставитъ за съемщика своего залога, сей послѣдній новый благонадежный залогъ въ положенномъ законами количествѣ, то изъ залога, взятаго отъ сдающаго откупъ, исключится настолько, сколько отъ вновь вступающаго принято будетъ; а послѣ сего съемщикъ должонъ уже отвѣтствовать исполненіе контракта въ принятомъ имъ откупѣ, сдающій же ни къ какимъ отчетамъ и отвѣтамъ не подвергается; такъ же позволяется откупщику представленный отъ него залогъ перемѣнить другимъ благонадежнымъ и безсомнительнымъ по силѣ законовъ и по мѣрѣ обязанности достаточный.

33) Какъ здѣсь нѣкоторыя церкви, то есть Николаевская, Троицкая, Петропавловская, Успенская блѣжнѣ и дальнѣ Воскресенскія и прочія, по силѣ ихъ привилегіевъ и дозволительныхъ грамотъ, медъ варятъ и продаютъ безъ всякаго платежа за оное въ думу, то и во все постановленное въ контрактѣ время показаннымъ церквамъ продажу онаго имѣть невозбранно, въ чемъ откупщику препятствія никакого не чинить и платежа не требовать и обывателямъ для собственнаго ихъ обыхода какъ медъ, такъ и пиво варить не препятствовать, безденежно жъ по силѣ узаконеніевъ, равно изъ покупного изъ конторы вина дѣлать водки или наливать на разные фрукты не воспрещать, и если у кого изъ обывателей имѣется предъ симъ изготовленныя наливки изъ покупного изъ конторы вина, оныхъ откупщику не забирать и платежа за таковыя не требовать, а пользоваться тѣмъ обывателямъ для своего употребленія не возбранно.

34) Долженъ откупщикъ принять отъ бывшихъ откупщиковъ сколько останется въ магазейнѣ на лицо принятаго ими по прежде заключеннымъ магистратомъ и думою контрактамъ изъ поставокъ госпожи генеральши Пассековой и господина коллежскаго совѣтника фонъ Вонлярлярскаго не болѣе какъ причитающееся число за продажею ими во время содержанія по расчисленію, въ силу указа бѣлорусскаго губернскаго правленія по день заключенія сего контракта, да особо отъ него г-на Лярскаго таковаго жъ принять въ нынѣшнемъ 1800 году, буде сколько окажется недоставленнаго, съ заплатою за оное денегъ въ положенный въ контрактѣ срокъ, а откупщикамъ по заключеніи контракта безъ замедленія и недалѣе 3 дня съ заплатою въ теченіи одного мѣсяца непремѣнно каждое ведро госпожи Пассековой по два рубля тридцать копеекъ, г-на совѣтника Вонлярлярскаго по два рубля; по принятіи жъ онаго вина долженъ откупщикъ въ вѣрномъ платежѣ за таковое слѣдующихъ денегъ обезпечить залогомъ кромѣ того, который къ откупу принадлежать будетъ.

35) Долженъ откупщикъ простого вина принять по особо-заключеннымъ бывшими откупщиками въ прошломъ 1798 году контрактамъ, согласно постановленныхъ во оныхъ условіевъ, а именно: отъ г-на польскаго двора шамбеляна Игнатія Севоженскаго въ 1800 и 1801 годахъ по три тысячи ведръ, отъ г-на польскаго двора шамбеляна Иларіона Шанявского 1800 и 1801 годахъ по три тысячи шести сотъ ведръ цѣною каждое ведро, какъ въ контрактѣ явствуетъ, по рублю тридцати копеекъ, и особо, въ силу данной откупщиками роспискѣ, какъ они въ репортѣ своемъ магистрату и думѣ донесли въ прибавѣ по пяти копеекъ на ведро, буде въ томъ сумнѣніе; равномѣрно по контрактѣ, съ Севоженскимъ заключенномъ, который ни въ каковомъ присутственномъ мѣстѣ не явленъ не окажется, заплатить тѣмъ поставщикамъ въ положенные въ контрактѣ сроки непремѣнно слѣдующія деньги, когда только онѣ по онымъ контрактамъ согласны будутъ доставить теперешнему откупщику; а въ случаѣ на сіе не согласны, въ томъ ихъ не принуждать.— равномѣрно и отъ прежнихъ откупщиковъ, буде сколько за продажею останется принятаго ими отъ прописанныхъ въ семъ пунктѣ поставщиковъ съ заплатою имъ по описаннымъ въ контрактахъ цѣнамъ, по принятіи въ теченіи одного мѣсяца, въ вѣрномъ же платежѣ за то вино денегъ въ положенные по контрактамъ сроки долженъ откупщикъ обезпечить залогомъ, особо кромѣ слѣдующаго по откупу и за вино, въ 24 пунктѣ изъясненное.

36) Если жъ откупщикъ во взносѣ за который нибудь мѣсяцъ откупной суммы, какъ сказано въ 1 пунктѣ, окажется не исправнымъ, то взыскать съ его самого и съ отданныхъ за него въ залогъ госпожею генералъ маіоршею Софіею фонъ Бринковою дву сотъ шестидесяти одной души мужеска пола бѣлорусской губерніи бѣлицкаго повѣта въ деревняхъ, называемыхъ Столпняхъ, Химахъ и Углахъ, состоящихъ въ безспорномъ его владѣніи; въ прочемъ таковой контрактъ во всѣхъ его постановленіяхъ чрезъ все отданное двугодичное и десяти съ половиною мѣсячное время соблюдевъ да будетъ какъ со стороны откупщика, которому съ сего контракта выдать копію на гербовой бумагѣ шести десяти копеешнаго клейма, такъ и со стороны магистрата и думы свято и не нарушимо.

Документъ № 4.

Янъ Казимиръ, Божіею милостію, король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, жмудскій, инфлянтскій, смоленскій, черниговскій и потомственный король шведскій, готскій и вандальскій.

Симъ объявляемъ, кому надлежитъ вѣдать... Неожиданныя затрудненія наступили, когда на врученное намъ отъ Господа Бога царство, не объявляя войны (silentibus armis), съ одной стороны насѣлъ съ несмѣтною силою москаль, нарушившій вѣчный миръ съ вел. княж. Литовскимъ; съ другой—шведъ до окончанія срока перемирія; съ третьей стороны венгерецъ, увлеченный лишь алчностью на чужое государство. Они, какъ будто по данному сигналу, сговорились на погибель отчизнѣ и составили противъ нея враждебный союзъ совершенно неожиданно. Но простеръ Богъ съ неба всемогущую руку и привелъ къ пристани прежней свободы Рѣчь посполитую, согбенную и погруженную въ пучину притѣсненій. Приписывая это божественному Провидѣнію, вмѣстѣ съ тѣмъ прославляемъ безмѣрную божественную благость, всемогущество за освобожденіе отъ непріятеля—москвитянина нашихъ могилевскихъ мѣщанъ вслѣдствіе подъема ихъ собственнаго мужества (proprio motu virtutis), что мы пріемлемъ съ благодарностію и любовью. Ибо, послѣ того какъ счастье измѣнило, непріятель одолѣлъ и они вынуждены были оставаться съ нимъ,—доблестно и съ отвагой порѣшили между собой то, что всѣхъ москалей, бывшихъ въ могилевскомъ укрѣпленіи, вырубили, двухъ же предводителей и высшихъ начальниковъ въ качествѣ подарка отдали намъ чрезъ присланныхъ къ намъ отъ города на нынѣшній общій сеймъ: войта могилевскаго, нашего секретаря, Петра Казановича и шляхетныхъ бурмистровъ могилевскихъ Василія Леоновича и Іосифа Ивановича.

Мы нынѣ съ обычною нашею милостію беремъ ихъ всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности подъ охрану свою королевскую и покровительство, какъ бы очищая ихъ отъ нѣкоего заблужденія (deviatum). И какъ мы оставили и сохранили ихъ при всѣхъ правахъ, привиллегіяхъ, вольностяхъ, свободахъ, кои милостиво имъ самимъ и церквамъ надавы были нашими предшественниками и нами были подтверждены, такъ и на сей часъ оныя имъ утверждаемъ и одобряемъ въ лучшемъ видѣ и мѣрѣ.

Въ намѣреніи доставить имъ нѣкоторое облегченіе, дабы они могли сберечь болѣе въ имуществѣ и въ торговлѣ и дабы они могли быть болѣе способными къ несенію на будущее время общественныхъ повинностей,—мы навсегда увольняемъ ихъ отъ всѣхъ военныхъ налоговъ, отъ сбора податей (exacti) на подводы [1]), лагерей (stanowie), квартиръ (les), перехода, ночлеговъ и кормленія. А такъ какъ къ болѣе успѣшному согласію душъ и желаній принадлежитъ и то, чтобы наши могилевскіе мѣщане могли заниматься, дружно и безъ столкновеній, судомъ и управленіемъ, имѣя войта изъ нѣдръ магистрата, то мы, нашею королевскою властью воздѣйствовали на войта могилевскаго, воеводу витебскаго Владислава Воловича, и онъ отказался отъ принадлежавшаго ему пожизненнаго права на оное (могилевское) войтовство, о чемъ представилъ намъ офиціальное донесеніе и передалъ магистрату могилевскому и посполитству города нашего Могилева полную власть судебной юрисдикціи. Въ силу означеннаго отказа, уступки и оффиціальнаго объявленія, могилевскій магистратъ оную

---

[1]) Exacti podwod; очевидно, что exacti нужно exactij; вмѣсто же podwod кажется нужно «wojewod»?

юрисдикцію войта имѣетъ свободною для себя и своихъ потомковъ и, за силою настоящей привиллегіи нашей, въ правѣ на вѣчныя времена такъ ее употреблять, что отнынѣ ни мы, ни наши преемники не будемъ имѣть права никому другому вручать того войтовства могилевскаго, какъ только тому, кого законно и по согласіи между собою изберетъ и поставитъ магистратъ совмѣстно съ посполъствомъ. Поставляемый ежегодно по свободному избранію магистрата и сообщества (kommunitatis), согласно городскимъ условіямъ, сей войтъ будетъ имѣть полную власть, но совмѣстно съ магистратомъ, во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ согласно съ давними правами въ своихъ постановленіяхъ (plebiscitum), а равно и право веденія судовъ, постановленія опредѣленій и исполненія ихъ, за исключеніемъ (salva) апелляціи къ намъ и къ суду нашему задворному.

Для избранія должностныхъ лицъ городского управленія имѣютъ наблюдать слѣдующій срокъ: ежегодно 17 декабря; засѣданія же магистрата открываются 1 января новаго года по новому календарю. При этомъ, дабы не показалось, что правосудіе изгнано изъ города нашего Могилева,— явленныя (въ семъ магистратѣ) рѣшенія (dekreta) бывшихъ судовъ, постановленныя во время непріятельскаго (владычества) безъ притѣсненія сторонъ, также крѣпостные акты (zapisy na wiecznosc) и закладныя на недвижимыя имѣнія мы возстановляемъ значеніе ихъ въ должной силѣ, предоставивъ могилевскому магистрату во всемъ полную власть по отношенію къ судебнымъ изслѣдованіямъ и ихъ исполненіямъ, согласно съ нормою магдебургскаго права.

Всѣ цехи мы оставляемъ при порядкахъ и вольностяхъ, данныхъ имъ привиллегіями.

Блаженной памяти король Владиславъ, братъ и предшественникъ нашъ, изволилъ уравнять городъ Могилевъ въ вольностяхъ съ нашимъ столичнымъ городомъ Вильною за его особливыя издержки и заслуги во время московскаго похода и пораженіе московскаго вождя Шеина (?), какъ о томъ шире гласитъ привиллегія короля, данная въ обозѣ подъ Краснымъ въ 31 день августа 1633 года. Сію привиллегію во всѣхъ ся пунктахъ и параграфахъ, въ цѣломъ и въ части, мы подтверждаемъ и одобряемъ, и даемъ позволеніе пользоваться всѣми правами, вольностями и свободами виленскихъ привиллегій.

Утверждаемъ также и то, чтобы, согласно привиллегіи блаженной памяти короля Сигизмунда Августа г. Вильнѣ, данной на общемъ сеймѣ въ Гроднѣ 15 іюня 1568 года,—лица, входящія въ составъ магистрата, не только носили бы титулъ дворянства, но и на будущее время имѣли доступъ къ землевладѣнію (ad possessiones terrestres); а кромѣ того, чтобы (лица магистрата) сами и потомки ихъ, какъ нибудь (aliqua) согласившись фамиліею, употребляли шляхетскія печати и общественную городскую печать съ нижеслѣдующимъ на ней изображеніемъ, а именно: на голубомъ полѣ три башни: въ средней башнѣ надъ воротами на верху Pogonia (=б. гербъ вел. кн. Литовскаго, т. е. всадникъ съ мечемъ на конѣ); ниже въ открытыхъ воротахъ стоитъ вооруженный рыцарь съ саблей на-голо—это въ ознаменованіе той отваги, которая указана выше. И имѣютъ прикладывать печати изъ червоннаго воска, какъ наша столица Вильна.

Затѣмъ, въ видахъ желанія довести нашъ городъ Могилевъ до такого совершенства, чтобы онъ, какъ пограничный и подверженный набѣгамъ московитовъ (i insaltibus Moscovitis), въ такомъ случаѣ могъ давать лучшій и болѣе мужественный отпоръ непріятелю,—дѣлаемъ обязательнымъ для него, чтобы отнынѣ не позволялось жидамъ ни строяться внутри самаго окопа, ни жить тамъ подъ чьимъ либо вѣдомствомъ, ни имѣть лавки; но они могутъ селиться внѣ окопа, гдѣ была ихъ школа (=синагога), и не ближе какъ на два шнура (=около 50 саженей) до окопа,—тамъ же они (жиды) могутъ заниматься и своими торговыми дѣлами, подъ опасеніемъ штрафа въ тысячу копъ литовскихъ (=около тысячи рублей на нынѣшнія русскія деньги), половину каковой суммы назначаемъ доносчикамъ, а половину въ казну на исправленіе городскихъ окоповъ.

Подъ опасеніемъ того же штрафа не имѣютъ права приближаться съ постройками къ окопамъ мѣщане, развѣ только отступивъ на два шнура отъ окопа. Это—на случай непріятельскаго нападенія, чего нынѣ нѣтъ. При этомъ за свои земли и плацы близъ вала шляхта должна получить отъ магистрата и посполъства могилев-

скаго или уплату, или замѣну; а дома и плацы жидовскіе, поелику они не внесены нашими коммиссарами въ предшествующую перепись (praevia taxotione), имѣютъ оплатить мѣщане наши могилевскіе. Жиды же со всѣхъ домовъ и плацовъ, гдѣ бы они ни жили внѣ окопа, должны нести всякіе государственные налоги.

Ключи отъ могилевскихъ воротъ на вѣчныя времена должны находиться ни у кого иного, какъ при магистратѣ могилевскомъ. И ни городничій, ни могилевскій замокъ не должны ихъ добиваться происками (intrigować). Однако, на тотъ случай, когда неожиданно откроется война и по указу нашему туда будетъ присланъ гарнизонъ (presidium), то на это время ключи будутъ храниться у коменданта нашего.

Означенныя права (wolnosci) и иныя, не выраженныя здѣсь, но наданныя предшественниками нашими городу Вильнѣ, каковыя по желанію нашему должны имѣть силу какъ и выраженныя, должны быть общими и на вѣчность магистратъ и посполъство могилевское въ лучшемъ видѣ и формѣ мы оставляемъ при употребленіи оныхъ въ сравненіе (съ г. Вильною). Именемъ своимъ и преемниковъ нашихъ обѣщаемъ, что мы сохранимъ и преемники наши соблюдутъ помянутый магистратъ и посполъство города нашего Могилева при всѣхъ правахъ и прерогативахъ, одинаковыхъ съ столичнымъ нашимъ городомъ Вильною, и при всѣхъ иныхъ, милостиво имъ отъ насъ наданныхъ.

Въ удостовѣреніе чего, собственноручно подписавшись, печать велик. княж. Литовскаго приложить приказали.

Дано въ Варшавѣ на шестинедѣльномъ общемъ соймѣ, въ 9-й день мѣсяца іюня 1661 года, королевства нашего польскаго и шведскаго въ тринадцатый годъ.

На оригиналѣ собственноручная подпись королевская такая: Jan Kasimierz, krol.

Подтвержденіе правъ городу Могилеву.

1675 г. 29 ноября, въ Могилевѣ, сія привиллегія его величества короля передъ нами комиссарами его королевскаго величества явлена. Купріанъ Лапинъ (?) Мортовскій, ротмистръ вел. кн. Литовскаго. Кс. Лт. Бусонскій. Николай Владимиръ Прездѣцкій маршалокъ, секретарь комисіи его королевскаго величества. Свѣрялъ Ис. Валецкій.

X. ПАМЯТНИКЪ СТАРИНЫ.[1])

Псаломщикъ забычанской церкви г. Бартошевичъ доставилъ намъ старинный рукописный ирмологій, о которомъ нельзя не сказать нѣсколько словъ.

Рукопись сильно пострадала; форматъ ея—16 д., на каждой страницѣ по семи нотныхъ линеекъ; всѣхъ листовъ уцѣлѣло 242, въ томъ числѣ имѣется 17 лл. съ нотными линейками, но незаписанныхъ. Начала и конца нѣтъ, не достаетъ нѣсколькихъ листковъ и въ срединѣ текста; пагинаціи нѣтъ.

Бумага бѣлая, съ водяными полосками, продольными и поперечными, и съ водяными знаками, однообразными во всей книгѣ.

Задумана книга была роскошно, и первые листы ея, почти до конца литургіи, изобилуютъ киноварью и раскрашонными виньетками, но затѣмъ у переписчика не хватило повидимому времени и онъ писалъ ирмологій съ перерывами, менѣе тщательно и часто безъ киновари. Необходимыя заставки сдѣланы черными чернилами. При такомъ порядкѣ писанія мѣнялся и почеркъ. Написана рукопись мелкимъ полууставомъ, съ значительною частью рукописныхъ буквъ, но онъ часто переходитъ въ крупный уставъ, а отдѣльныя слова и въ рукопись.

Въ составъ книги вошли: 1) Литѹргіа кіевскаго напѣлѹ; 2) Б҃городичны на ѡсемъ гласо́въ; 3) Литѹргіа пре҃дсѣ҃щенпаѧ; 4) Стихира Іѡсафѹ ц҃рвичѹ великіа индіа; 5) Антифоны на ѡсе҃ гласовъ; 6) Ірмосы недѣ҃ныѧ на ѡсемъ

[1]) Изъ № 52 „Мог. Губ. Вѣд." 1902 года.

гласовъ (текстъ безъ нотъ); 7) Ірмосы отъ н҃ли Ѳоминой до н҃ли ѡ слѣпо҃мъ; 8) Ірмосы разнымъ праздникомъ, начиная отъ новаго лѣта и кончая 16 августа; 9) Ірмосы отъ н҃ли блꙋдного сына до великаго четвертка (неокончены).

Переписчикъ былъ малограмотенъ и искажалъ начертанія словъ и самыя слова массами. Напримѣръ, постраничныя заглавія стихиры Іоасафа написаны имъ на различныхъ страницахъ такъ: «Стихира гл҃а н҃; Іѡсафꙋ ц҃рвчꙋ великіа индіа»; «стхра іосафꙋ ц҃рвчꙋ великіѧ индіи»; «стхра Іасафꙋ цр҃ичꙋ великіѧ инъдіѧ». Стихира: «Да молчитъ вяка

д т
плоть» въ одномъ мѣстѣ написана такъ: «Да мочи
т т м м
всѧка пло человѣча и да стои страхо и трепото
м
и ничтоже зенаго всебѣ да помышлѧють, ц҃рь
х с д с д т м в с
царуюци и гопо гопсвуюци хрито бг҃ъ нашъ
т
происходи заклати сѧ... и вопіюще пѣснь алилуія». Въ другомъ же: «Да мочи всѧка пло
лъ т т
т м м
человѣча И да стои страхо и трепето. И ничто
м
же всебѣ зенаго да помышлѧетъ. Царь бѡ
ст м с д с д т м с в шь
царвующи и гопо гопсвующы Хрито бг҃ъ на
т
происходи заклати сѧ... и поюще пѣснь алилуіа». Такія же искаженія есть и въ напѣвахъ.

Разница между современными текстами и текстами рукописи встрѣчается въ каждомъ пѣснопѣніи. Въ этомъ отношеніи рукопись представляетъ большой научный интересъ. Судя по палеографическимъ даннымъ, рукопись должна быть отнесена къ началу XVIII вѣка, но переписчикъ пользовался несомнѣнно древнѣйшимъ оригиналомъ. Писана книга здѣсь, въ нашемъ краѣ, какъ доказываютъ особенности языка: спорадическое твердое *р* (звѣру, цара), употребленіе *ы* послѣ шипящихъ и др. и сдѣланная переписчикомъ надпись на стихирѣ «Да молчитъ всяка плоть» польскими буквами: «Toyże tworec». Встрѣчаются и другія польскія надписи, напр. «Bazyley Bielousow rukoiu». «Koniec» и др.

Для образца привожу здѣсь тексты ирмоса рождеству Пресв. Богородицы и стихиры Іоасафу царевичу.

Ирмосъ.

ст нъ м
Чуже с матеремъ дѣвою быти и страно дѣва
ж т
дѣти радати. На тебѣ богородице ѡбое сморение
ст м м
бы. тѣ тѧ всѧ племена зенаѧ непрестанъно величаемъ.

Стихира.

Пріими мѧ, пустыни, ꙗко мати чадо свое во
з л с
тихое и бемовное нѣдро свое, ѡ прекранаѧ пу-
з х х
стыни, волюби бо тѧ наче царьски чертогъ и
х т д
позлащенны пола, ѿбѣгши ѧ ѿ лукаваго блуница мира сего. Не браня, пустыни, страшилищи сво-
с
ими, и поиду в луги по краному твоему вино-
з
граду. Вѣтвие твое зеленое движащесѧ ѿ водуха
х въ нъ
малы вѣтро, и буду ꙗ ꙗкѡ дикій звѣрь еди
въ ж
скитаѧсѧ и бѣгаѧй человѣ, и многомятонымъ сѣѧ
з м м
жнии, сѣдѧ, плача и рыдаѧй во глубоко и дико
м х
нѣдрѣ твоемъ. О хрите все царю, не лиши мене
с
пебенаго царствіѧ твоего.

Такимъ образомъ, нашъ чудный народный духовный стихъ «Іоасафъ Прекрасный»[1]) имѣетъ своимъ первообразомъ церковную стихиру. Черта весьма любопытная.

Е. Романовъ.

XI. ОСТАТКИ УНІАТСКАГО ХРАМА*).

Верстахъ въ двухъ-трехъ отъ историческаго Куковячина[1]) и въ такомъ же почти разстояніи отъ ст. Казимицы р.-о. ж. д. на самомъ берегу (лѣвомъ) р. Западной Двины раскинулась деревушка К о н а ш и [2]), щербинской вол. витебскаго уѣзда. Насельники — бѣлоруссы, православные, дворовъ двадцать. Близъ самой деревушки, къ югу, на высокомъ холмѣ, который царитъ надъ окрестностью, находится древнее кладбище. А на немъ, среди вѣковѣчныхъ сосенъ, пріютилась деревянная церковка... Еще съ праваго берега Двины видѣется крестъ этой церковки, но уже сильно накренившійся на-бокъ. Когда же, взобравшись на могильникъ, приближаешься къ церкви, то съ грустью видишь, что это—только бывшій нѣкогда храмъ Бога Вышняго; нынѣ же—руины. Люди совсѣмъ оставили эту церковку: даже замка не имѣется на единственной ведущей въ храмъ двери.

Пріоткрывъ эту одноярдную широкую дверь (ни крыльца, ни паперти нѣтъ и не было) съ невольнымъ чувствомъ страха, что вотъ, молъ, сію минуту очутишься подъ развалинами, вступили мы въ церковь. Глазамъ предстала картина крайне тяжелая... Потолокъ и крыша алтарной части обрушились внутрь храма, и обломки загромоздили полъ алтаря; шатровый досчатый куполъ еле держится на прогнившихъ стѣнахъ и ежеминутно грозитъ паденіемъ; священныя изображенія, во множествѣ покрывавшія стѣны, уже едва замѣтны: совершенно почти исчезли они отъ дождей и непогоды... Даже кирпичный полъ и тотъ отчасти разобранъ чьею-то заботливой рукой.

По присмотрѣвшись къ картинѣ разрушенія и освоившись съ чувствомъ опасности быть раздавленнымъ,—невольно приковываешься всѣмъ вниманіемъ къ тому, что уцѣлѣло. И чѣмъ дальше разсматриваешь, тѣмъ очевиднѣе убѣждаешься, что этотъ храмъ нѣкогда украшался весьма заботливо: чья то щедрость доходила до желанія не только благолѣпно устроить, но и расписать внутреннія стѣны храма священными изображеніями. Скажемъ однако сначала нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ этой церкви...

Храмъ крестовидный ($4^1/_2 \times 4$ саж.), съ шатровымъ 8-граннымъ куполомъ. Въ куполѣ 4 небольшихъ оконца; въ стѣнахъ храма три окна, по одному съ западной, сѣверной и южной стороны, кои устроены почти у самаго потолка. Выстроена церковь изъ прекрасныхъ сосновыхъ брусьевъ и снаружи обшита (горизонтально) досками. Крыта гонтомъ (?); крестъ одинъ,—на куполѣ. Къ алтарю съ обѣихъ сторонъ придѣланы ризницы. Снаружи церковь безъ покраски.

Входъ въ храмъ съ западной стороны. Алтарь правильно на востокъ. Высотою церковь отъ пола до потолка около 2 саж.

Внутри вся церковь была выкрашена. Куполъ былъ окрашенъ въ голубой цвѣтъ, съ росписями: въ самомъ верху въ центрѣ купола, вѣроятно, было изображеніе Св. Троицы,—по крайней мѣрѣ такъ можно заключать по нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ чертамъ. Куполъ опирается на карнизъ, который вѣнчаетъ предбарабанный кубъ; на каждой изъ стѣнокъ этого куба написано по евангелисту: І о а н н ъ на западной, Л у к а на южной, М а т ѳ е й на сѣверной и М а р к ъ—на восточной. Какъ барабанъ такъ и стѣны церкви были окрашены въ свѣтлорозовый цвѣтъ клеевою краскою; цоколь же сдѣланъ подъ сѣрый мраморъ въ плитки.

*) Изъ №№ 56 и 58 „Мог. Губ. Вѣд.“ 1902 г.

1) См. Ист. отеч. войны 1812 г. Богдановича, т. 1, стр. 193—197.

2) Конаши. Коныши, Каныши—всѣ три названія одинаково слышатся у аборигеновъ. Любопытное названіе. Корень чисто славянскій (несомнѣнно) к о н ъ (не-кони) А в т.—Позволимъ себѣ дополнить это замѣчаніе автора. Названіе К о н а ш и — патронимическое. Основателемъ деревни былъ нѣкто К о н а ш ъ, древнерусское названіе Конона, употребляющееся у бѣлоруссовъ и доселѣ. Отсюда и фамилія Конашевичъ. См. м. пр. Морошкина, Слав. именосл., 102. Мѣстный бѣлорусскій говоръ безударное *а* произноситъ краткимъ *ы*. Отсюда Каныши. Кыныши и даже Кѣныши, какъ офиціально и зовется эта деревня по спискамъ волости (Кыныши). Р е д.

Весь алтарь былъ расписанъ снизу до верху. Дожди смыли изображенія настолько, что понять сюжетъ трудно. Можно полагать, однако, что тутъ были изображены отдѣльные моменты изъ Тайной вечери и Моленіе о чашѣ. Заалтарная стѣна вся занята кіотомъ въ уніатскомъ (вѣрнѣе латинскомъ) духѣ (oltarż), съ свящ. изображеніями Благовѣщенія и Приснодѣвы, попирающей змія, а также и другими—съ цѣлымъ рядомъ надписей, сдѣланныхъ латиницей. Къ сожалѣнію, разобрать надписи не представляется возможности.

Росписями украшенъ и одинъ юговосточный уголъ въ средней части храма. Крыша надъ этимъ уголкомъ еще держится и сохранила намъ, хотя и не вполнѣ, священныя изображенія, покрывавшія этотъ уголъ храма.

Чтобы понимать особое значеніе этого угла храма, необходимо обратить вниманіе на то, что въ этомъ углу сдѣланъ былъ боковой алтарь. Престолъ (дл. 2 арш., шир. 1 арш.) приставленъ къ иконѣ свят. Николая Чудотворца Мирликійскаго, писанной на полотнѣ, наклеенномъ на доску (2 арш.×1 арш. 3 верш.) въ простенькой рамѣ.

Свят. Николай изображенъ (съ бородою), въ митрѣ съ крестомъ на верху; одѣтъ въ фелонь и омофоръ; съ шеи спускается на цѣпочкѣ четырехконечный крестъ—въ видѣ ордена; лѣвою рукою святитель прижимаетъ къ груди евангеліе, правой благословляетъ. Къ рамѣ прикрѣплены 8 небольшихъ, обрѣзанныхъ узоромъ, дощечекъ (въ родѣ медальоновъ) и на каждомъ медальонѣ отдѣльное выраженіе изъ акаоиста св. Николаю.

Надписи эти сдѣланы латиницей въ такомъ порядкѣ:

1) Вверху рамы посрединѣ: «Радуйся Николае чесная главо»[4]. 2) На верхнемъ правомъ отъ зрителя углу: «Радуйся Николае пастырю великій». 3) На срединѣ правой стороны рамы: «Радуйся Николае столпе церковный». 4) Ниже на углу рамы: «Радуйся Николае избавителю готовый». 5) Внизу на срединѣ рамы: «Радуйся Николае чесный ойче». 6) На углу слѣва: «Радуйся Николае вирнымъ утвержденіе». 7) На срединѣ лѣвой стороны: «Радуйся Николае пресвитлый свитыльниче». 8) На верхнемъ лѣвомъ углу: «Радуйся Николае Троицы Святые чесный сосуде».

Внизу къ рамѣ этой иконы (вѣроятно, сравнительно недавно) прибита сосновая некрашеная дощечка для установки свѣчъ предъ иконою. Подъ этою дощечкой сдѣланы въ два столбца новыя подписи, тоже латиницей. Съ лѣвой стороны отъ зрителя: «Правило виры и образъ кротости... | (нѣсколько словъ очевидно уничтожено) за тя стаду твоему Хрис | тосъ Богъ. Святителю Николае | Въ Мирихъ бо миромъ благо | ухая сіяютъ свитло Божест | венныя твоя исцеленія». Въ правомъ столбцѣ: «Сирымъ и вдовицамъ предста | телю: тымже моля не престай | спастыся душамъ нашымъ. | душамъ нашымъ. | Стыхира».

Внизу за надписями (только что приведенными) къ образу св. Николая приставленъ тотъ престолъ, о которомъ мы сказали выше. Передняя часть этого престола украшена изображеніемъ особой композиціи. Изображено всѣхъ пять фигуръ. Въ центрѣ фигура, одѣтая въ монашеское платье, поднятыми кверху руками держитъ большую книгу, въ черномъ переплетѣ, на коемъ написано: «Heresis Albiensium»[5]. Эта книга какъ будто должна быть брошена на землю, къ ногамъ... Слѣва отъ этой фигуры—вторая въ особомъ головномъ уборѣ; полуоборачиваясь къ третьей фигурѣ, въ образѣ ксендза, который изображенъ въ состояніи глубокой думы, съ перстомъ правой руки, приставленнымъ ко лбу,—вторая фигура спокойно держитъ въ рукахъ фоліантъ въ черной оправѣ. Справа отъ центральной фигуры—также двѣ, изъ коихъ одна, бородатая, стоитъ въ нѣмомъ созерцаніи того, что происходитъ около, а другая (послѣдняя) полуоблокотилась на раскрытую книгу, на 2-хъ страницахъ которой была нѣкая, довольно длинная, надпись (строкъ 7—8 на каждой сторонѣ). Надпись исчезла.

Описанный кіотъ приставленъ плотно къ стѣнѣ, на коей сдѣланъ по полотну, наклеенному на бревна, цѣлый рядъ другихъ изображеній.

---

[4]) Такимъ образомъ: Radujsia Nikolaje czesnaja Hlawo, и т. д.

[5]) Не хотѣли-ль этимъ сказать—Бѣлоруссовъ, т. е. «Альбигойцевъ».

Симетричность ихъ расположенія по отношенію къ помянутой иконѣ св. Николая чуд. показываетъ, что эти изображенія должны быть поставлены въ связь съ этимъ образомъ, представляя въ своей совокупности нѣчто въ родѣ одного кіота. Такъ, по сторонамъ образа св. Николая чуд. на стѣнѣ изображено по одной колоннѣ: на колоннахъ же—изображенія въ архіерейскихъ облаченіяхъ и съ жезлами архіерейскими. Надписей нѣтъ; самыя фигуры сохранились неясно.

Надъ иконою св. Николая упомянутыя колонны соединены общимъ карнизомъ, на которомъ опять утверждены двѣ колонны съ капителями въ коринѳскомъ стилѣ. Между колоннами сдѣланы были три изображенія въ такомъ видѣ: въ срединѣ, въ особомъ медальонѣ, колѣнопреклоненный святитель въ митрѣ, съ крестомъ, и въ архіерейскомъ облаченіи; волоса на головѣ длинные, на бородѣ—средніе; правая приподнятая рука указываетъ на небо; лѣвая покоится на жезлѣ; вправо отъ святителя изображеніе Св. Духа, съ лучами исходящими во всѣ стороны; слѣва—горящій факелъ, обвитый лентою, на коей сдѣлана надпись: «Talis est Basilius magister». Вверху же надъ изображеніемъ святителя надпись:—«Ст. Василій Великій».

Поближе къ самымъ колоннамъ съ обѣихъ сторонъ св. Василія Великаго видны остатки изображеній также святительскаго сана: въ митрахъ, въ фелоняхъ съ омофорами и съ архіерейскими жезлами. Разобрать композицію этихъ изображеній и надписи не представляется возможности. Не представляютъ ли эти два лица святителей Іоанна Златоуста и Григорія Двоеслова?

Выше къ потолку надъ описанными изображеніями новые три медальона, обвитые пальмовою вѣтвью. Въ каждомъ изъ этихъ медальоновъ особое изображеніе съ надписью внизу подъ каждымъ, а именно: подъ среднимъ «К. М. Архиеппъ Иосифатъ», справа (отъ зрителя) «Ст. Ѳеодосіи Печерскій»,—слѣва «Ст. Антоніи Печерскіи».

Это любопытное сочетаніе Іосафата Кунцевича съ основателемъ и устроителемъ Кіево-Печерской лавры, вѣроятно, имѣло свидѣтельствовать о той исторически ложной, но излюбленной латино-уніатскими писателями мысли, что унія принята русскимъ народомъ еще съ крещеніемъ, и что въ уніи просіяли еще задолго до Кунцевича такіе подвижники, какъ св. Антоній и Ѳеодосій Печерскіе. Послѣдніе изображены въ мантіяхъ и голубыхъ схимахъ съ 4-хъ конечн. крестами; головы безъ убора; волоса длинные, бороды умѣренныя. Въ правой рукѣ преп. Антоній держитъ книгу, которую прижалъ къ груди; въ приподнятой кверху лѣвой рукѣ держитъ чотки. Преп. Ѳеодосій, какъ будто изображенъ также, какъ и пр. Антоній, но изображеніе пострадало сильно. Изображеніе Іосафата Кунцевича вѣнчаетъ всю группу изображеній описываемой части храма. Прежде всего нельзя не обратить вниманія на то, что изображеніе сдѣлано не прямо въ медальонѣ, а въ восьмиконечной звѣздѣ, лучи коей далеко расходятся во всѣ стороны. Іосафатъ Кунцевичъ въ полномъ архіерейскомъ облаченіи православной церкви прижатыми къ груди руками поддерживаетъ большой крестъ съ распятіемъ, который лежитъ у него на плечѣ. Въ головѣ изображенъ топоръ на длинной рукояткѣ. Съ лѣвой стороны отъ Іосафата Кунцевича изображенъ крестъ; съ правой—архіерейскій жезлъ, но безъ сулка. Два ангела держатъ надъ головой Кунцевича корону...

Непосредственно къ описанному кіоту съ южной стороны примыкаетъ полотнище, отъ низу до потолка, шириною арш. $1^1/_2$, разрисованное медальонами своеобразной формы. Въ трехъ изъ этихъ медальоновъ находятся изображенія отдѣльныхъ эпизодовъ изъ житія св. Николая чуд., а въ трехъ меньшихъ подписи къ предыдущимъ. Такъ, въ самомъ верху изображенъ наполненный людьми корабль, обуреваемый морскими волнами. На кормѣ является св. Николай чуд. и простираетъ на волны свою десницу. Подъ этимъ изображеніемъ подписано «Kowczeh» и дальше въ особомъ медальонѣ надпись по-польски, въ коей разсказывается смыслъ изображенія, что нѣкоего купца Даніила корабль, находившійся въ опасности крушенія, былъ спасенъ явленіемъ святителя, каковое чудо обратило ко Христу всѣхъ плывшихъ на кораблѣ язычниковъ.—Слѣдующій медальонъ заключаетъ въ себѣ вторую картину. Св. Николай удерживаетъ своею рукою мечъ, занесенный палачомъ надъ головами троихъ воеводъ. На картинѣ представленъ эшафотъ,

позорный столбъ съ кольцами и флюгеромъ; палачъ въ кунтушѣ и красной накидкѣ; у казнимыхъ на глазахъ повязки. Въ медальонѣ подъ этимъ изображеніемъ такая подпись (латиницей): «Тріехъ воеводъ христіанъ:[6]) Павла, Стефана и Купріяна одъ напрасныя смерти святитель Николай ратуетъ; спекуляторъ же зъ чуду святителя въ монастыры Барскимъ воспрыя».—Въ новомъ медальонѣ изображеніе святителя Николая, который съ облаковъ бросаетъ три кошелька съ деньгами въ домъ бѣдняка, чтобы спасти отъ распутной жизни его троихъ дочерей... Надписи къ этому изображенію уже нельзя разобрать.

Соотвѣтствующій уголъ церкви съ сѣверной стороны разрисованъ изображеніемъ сѣни съ короною наверху. Къ этому, по стѣнамъ церкви въ различныхъ мѣстахъ изображены вѣнки. На балкѣ же, которая поддерживаетъ хоры, на сторонѣ къ срединѣ храма была какая то надпись на польскомъ языкѣ, въ двѣ строки, на протяженіи всей балки (2 саж.); къ сожалѣнію, надписи разобрать нельзя.

Изъ отдѣльныхъ иконъ на стѣнахъ этой церкви осталось немного. Двѣ висятъ на южной стѣнѣ храма. Одна въ средней части, почти подъ окномъ, въ простой рамѣ изображеніе Пресвятой Дѣвы, на полотнѣ (ок. $^3/_4 \times ^3/_4$ арш.) Въ хитонѣ, съ короною на головѣ и бусами на шеѣ, Пресвятая Дѣва руками распростираетъ порфиру. Въ лонѣ у нея изображенъ Св. Духъ въ видѣ голубя, впереди ея сидящій на тронѣ Богъ-Отецъ, поддерживаетъ перекладину креста съ распятымъ на немъ (3 гвоздя) Іисусомъ Христомъ. Вторая подъ хорами, близко къ выходу изъ церкви, икона св. Николая на холстѣ (1 арш. 9 верш. $\times$ 1 арш.). Внизу на этой иконѣ надпись «A. I r. 1768 odnowiony». Святитель въ саккосѣ, омофорѣ и митрѣ. Правою рукой благословляетъ (замѣтно уклоненіе отъ перстосложенія церкви православной); на обычномъ мѣстѣ надпись «С. ωцъ—Nikolai»; чуть пониже уже обнаруживаются слѣды старой надписи: «Святитель Христовъ Николай». Характеръ начертанія буквъ этой прежней надписи даетъ право относить настоящую подновленную въ 1768 году икону смѣло къ XVI вѣку.

[6]) Такимъ образомъ: Trijech wojewod christian и т. д.

Нельзя обойти молчаніемъ и еще одну икону, которая нами осмотрѣна въ этомъ храмѣ. Она стоитъ подъ хорами и, несомнѣнно, представляетъ часть иконостаса. Уцѣлѣла мѣстная икона Спасителя въ одной связи съ иконой архидіакона Стефана. Послѣдняя на завѣсахъ, кои свидѣтельствуютъ о неоспоримомъ назначеніи этой иконы; это—остатокъ южной двери. Размѣръ иконъ 2 арш. 4 верш. $\times$ 14 вершк. На иконѣ Спасителя славянская надпись: «Пріидите, благословенніи, наслѣдуйте уготованное вамъ царство» и т. д.

Быть можетъ, подъ обломками потолка и крыши гніютъ и другія иконы[7]) изъ иконостаса, который, несомнѣнно, былъ въ этой церкви. Объ этомъ свидѣтельствуетъ нарочито устроенная балка, перекинутая вверху съ сѣв. на южную стѣну при устьѣ алтарной части. Отсутствіе покраски на нѣкоторомъ разстояніи отъ тѣхъ угловъ, къ которымъ примыкалъ иконостасъ—другой безспорный свидѣтель того, что здѣсь былъ иконостасъ. Что же касается установки престола, то онъ уже не среди алтаря водруженъ, а придвинутъ къ алтарной стѣнѣ...

Мы кончили описаніе свое... Излишними быть можетъ подробностями мы желали насколько можно выяснить историко-археологическое значеніе описаннаго храма... Надѣемся, что уже на основаніи настоящаго нашего сообщенія всякій, сколько-нибудь знающій Бѣлорусскую старину, пойметъ, что это «уніатскій» храмъ, уцѣлѣвшій до насъ со второй половины XVIII в.[8]) И какъ характерно отлилась здѣсь унія, этотъ неудачный сплавъ православія и латинства? Тутъ мы находимъ иконостасъ и въ то же время уже престолъ у самой восточной стѣны; тутъ встрѣчаемъ любопытную смѣсь кириллицы и латиницы; церковнославянскій, латинскій и польскій языки перемѣшаны точно въ какомъ-то калейдоскопѣ. Наряду съ именами православнаго типа (св. Николай чуд., преп. Антоній и Ѳеодосій Печерск.) мы уже встрѣчаемъ «б. м. Іосафата»

[7]) По крайней мѣрѣ мы лично замѣтили образъ (мѣстный) Богоматери. Авт.

[8]) Дата на иконѣ св. Николая (1768) характеромъ буквъ весьма напоминаетъ надписи на медальонахъ къ другой иконѣ сего же святителя и росписей. Посему утверждаемъ эту дату. Авт.

Кунцевича и непонятное сочетаніе стоящей Дѣвы Богоматери съ «Отечествомъ».

Не можемъ выразить всей жалости нашей, что намъ пришлось осмотрѣть эту церковь, когда уже безвозвратно погибли ея внутреннія украшенія!.. Какъ жалко, что не нашлось силы, которая могла бы поддержать и сохранить этотъ рѣдкій пережитокъ уніатской старины нашей...

Любопытно отмѣтить, что мы нашли образъ св. Николая чудотворца убраннымъ полотенцами и даже остатки копеечной свѣчи желтаго воска, которую, какъ видно, кто-то изъ боголюбивыхъ душъ еще недавно вжигалъ на свѣщникѣ въ этомъ разрушенномъ храмѣ... Святое чувство къ своему храму еще и донынѣ живо въ сердцахъ конашевцевъ: но не было у нихъ доброй инииціативы... Богослуженіе со времени возсоединенія въ ней не совершалось... ⁹) Крестьяне забыли даже, во имя какого святого былъ ихъ храмъ. Правда, одинъ передавалъ, будто во имя Іоанна Предтечи; но тутъ же добавилъ, что было три престола и дѣды, кромѣ Ивана, праздновали Благовѣщеніе и Воздвиженіе креста Господня...

Къ своему описанію можемъ добавить, что однимъ нашимъ сотрудникомъ былъ снятъ храмъ этотъ какъ мы его застали въ день осмотра (19 іюня 1902 г.) снаружи, и, что можно было, внутри.

Дм. Ив. Довгялло.

⁹) Но съ другой стороны, конашевской церкви уже нѣтъ въ спискахъ 1839 года. Ред.

XII. Къ біографіи игумена Ореста.¹)

Г. И. Горючко сообщаетъ въ «М. Еп. Вѣд.» слѣдующія біографическія свѣдѣнія о нашемъ лѣтописцѣ игуменѣ Орестѣ.

«Орестъ Костко (Онуфрій Стефановичъ)—авторъ извѣстныхъ записокъ, напечатанныхъ (съ пропусками) во II и V томахъ «Археографическаго Сборника». Отецъ его былъ уніатомъ, но потомъ обратился въ православіе и служилъ священникомъ при гомельской Троицкой церкви. 11 марта 1784 г. въ св. синодъ прислано было отъ архіепископа Георгія доношеніе, что о. Костко «оказался въ неотправленіи прошлаго 1783 г. въ день тезоименитства Ея Императорскаго Величества (24 ноября) подлежащей по табели церемоніи, обращается въ пьянствѣ и другихъ развращенныхъ поступкахъ, а сверхъ того произносилъ въ пьянствѣ же нѣкоторыя дерзостныя и неистовыя (въ томъ доношеніи прописанныя) слова»; владыка «полагалъ мнѣніе о лишеніи его Костки священства и потомъ, яко страха и подданническаго благоговѣнія къ высочайшей особѣ неимѣющаго, отослать для поступленія съ нимъ по законамъ въ свѣтскую команду». Св. синодъ предоставилъ преосвященному наказать о. Костко «по (своему) разсмотрѣнію». Владыка, повидимому, ограничился переводомъ о. Стефана изъ Гомеля въ Гайшинъ на мѣсто второго священника. Въ 1796 г. о. Костко скончался. 12 февраля 1796 г. «м. Гайшина отъ священнической жены вдовы Маріи Косткиной» подано было «великому господину преосвященнѣйшему Аѳанасію Вольховскому, епископу могилевскому и полоцкому», слѣдующее „нижайшее прошеніе“: „Мужъ мой церкви гайшинской половинный настоятель священникъ Стефанъ Костко сего февраля перваго числа волею Божіею преставился, оставя по себѣ сиротъ: трехъ сыновей и одну дочь, изъ коихъ два сына обучаются въ семинаріи. Но какъ изъ нихъ ни одинъ во священство къ заступленію отеческаго мѣста по младымъ ихъ лѣтамъ еще не способенъ, а къ обученію ихъ и воспитанію другихъ меньшихъ при вдовствѣ моемъ и недостаткахъ предвидя и трудность, упросила на мѣсто мужа моего безмѣстнаго и одинокаго старика, бывшаго при церкви пѣтуховской священника Якова Кащица, который согласенъ будучи на сіе, уступаетъ на сиротъ до совершенныхъ лѣтъ большему сыну моему половинную часть доходовъ». Владыка положилъ резолюцію: «Впредь до резолюціи быть священнику Якову Кащицу на положенномъ договорѣ». Кащицъ вскорѣ переведенъ былъ въ Дриссу, а на

¹) Изъ № 62 „Мог. Губ. Вѣд.“ 1902 г.

его мѣсто въ Гайшинѣ въ сентябрѣ 1796 г. поступилъ священникъ Симеонъ Галковскій.

По кончинѣ родителя трудно жилось Костко. Онуфрій съ 1791 г. обучался въ могилевской семинаріи «съ низшихъ классовъ»; прослушавъ годъ риторику и „не имѣя чѣмъ снабдѣвать себя" въ будущемъ, Костко 15 января 1798 г. подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ буйницкій монастырь за послушника. Резолюція была отложена до пріѣзда вновь назначеннаго преосвященнаго Анастасія. Владыка прибылъ въ Могилевъ 31 января. Семинаристовъ на лицо оказалось всего 60, хотя по вѣдомостямъ за 1796 г. ихъ показано было съ небольшимъ сто; прочіе находились въ своихъ домахъ, считаясь семинаристами. Преосвященный Анастасій немедленно принялся собирать этихъ „разсѣянныхъ". Между прочимъ владыка обратилъ вниманіе и на Костко. Послѣдствіемъ этого было то, что Онуфрій Стефановичъ 6 февраля (1798 г.) подалъ прошеніе объ обратномъ пріемѣ его въ семинарію, въ бурсу на казенное содержаніе. Преосвященный положилъ резолюцію „проситель каковыхъ былъ успѣховъ и поведенія, семинарскому правленію подписать на семъ прошеніи". Отзывъ данъ былъ благопріятный. 20 февраля (1798 г.) владыка опредѣлилъ: „о принятіи его въ семинарію, явиться къ господину префекту; а жительство до времени имѣть въ домѣ нашемъ, гдѣ и нынѣ живетъ, и пользоваться также пищею". Благодаря преосвященному Анастасію, Костко „кончилъ курсъ философіи и богословіи, притомъ греческаго языка, и между тѣмъ находился при семинаріи чрезъ полтора года сеніоромъ". Съ сентября 1801 г. по декабрь 1804 г. включительно Костко былъ учителемъ невельской духовной гимназіи. 2 ноября 1802 г. Онуфрій Стефановичъ пострижен былъ въ монахи, съ именемъ Ореста, игуменомъ невельскаго Преображенскаго монастыря, директоромъ тамошней гимназіи, Захаріей Полонскимъ. Молодой инокъ, повидимому, не отличался смиреніемъ. На докладѣ консисторіи отъ 29 января 1803 г. о производствѣ Ореста въ іеромонаха преосвященный Анастасій написалъ: „Навыкнувъ къ монашескому житію, пусть явится въ вакацію, чтобы умъ безъ кичевія познавъ на все полезное благочестіе подъ руководствомъ директора". 20 іюля 1803 г. Орестъ удостоенъ былъ священства. Въ декабрѣ 1804 г. Орестъ назначенъ былъ комисаромъ могилевской семинаріи: но онъ, отказываясь нездоровьемъ, не выѣзжалъ изъ Невеля. По этому поводу архіепископъ Анастасій 7 мая 1805 г. писалъ игумену Захаріи: „Орестъ не принуждается, когда не имѣетъ своей умнодоброй воли". Почти два года Орестъ прожилъ въ Невелѣ безъ должности. Новый преосвященный Варлаамъ Шишацкій вызвалъ его въ Могилевъ и поручилъ ему сперва казначейство, а затѣмъ и экономство архіерейскаго дома. Время архіерейства Варлаама (1805—1813 гг.) было лучшей порой въ жизни Ореста. Скончался онъ въ 1850 г.

Рукописная лѣтопись игумена Ореста хранится въ виленской публичной библіотек (рукопись № 300).

XIII. КЪ ИСТОРІИ МОГИЛЕВА.[1])

Въ могилевскомъ церковномъ древлехранилищѣ находится одинъ рѣдкій, и можно сказать единственный, документъ, на который мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе людей науки и изслѣдователей западнорусской старины.

Документъ этотъ «регистръ» или полный списокъ граждавъ города Могилева за 1636 годъ, съ указаніемъ земельныхъ участковъ, которыми они въ то отдаленное время пользовались.

По внѣшнему виду документъ представляетъ изъ себя обычную канцелярскую книгу, въ листъ писчей бумаги; книга была нѣкогда переплетена, но затѣмъ переплетъ изорвался и утратился; повидимому, это было недавно, такъ какъ книга сохранилась вполнѣ за исключеніемъ нѣсколькихъ листовъ въ концѣ. Бумага книги однообразная, съ едва замѣтными густыми горизонтальными ли-

[1]) Изъ № 66 „Могил. Губ. Вѣд." 1902 г.

ніями и съ девятью водяными вертикальными. Водяной фабричный знакъ на всѣхъ листахъ одинаковъ. Это обычный щитъ, увѣнчанный вверху короной съ тремя крестами, и на полѣ котораго изображены двѣ змѣи въ стоячемъ положеніи съ изогнутыми въ противоположныя стороны головами. Положеніемъ своимъ онѣ даютъ фигуру вазы. По сторонамъ щита—слѣва буква M, справа B. Бумага заграничная, вѣроятнѣе всего гданская (данцигская).

Книга безъ пагинаціи; но на большей части страницъ на верху текста указаны заголовки городскихъ сотенъ, такимъ образомъ: на лѣвой страницѣ надпись: сотънıа, а на правой—Выгонъскаıа и т. д. Такихъ заголовковъ не имѣетъ только одна сотня (Перехрестинская), морги больные, волоки местскія и сѣножати.

Всего въ книгѣ 84 листа, или 168 страницъ. Неписанныхъ листовъ шесть: 1 въ началѣ книги, 1 въ концѣ и 4 въ срединѣ, между сотнями.

Содержаніе рукописи слѣдующее:

На первой страницѣ на верху крестъ + и слова: «In nomine Patris et Filii, et Spiritus Sancti. Amen». Вторая страница чистая. На третьей вверху крестикъ + польская надпись: «W roku 1636» и ниже заголовокъ: **Сотънıа Пали ска**ıа. Подъ заголовкомъ идетъ перечисленіе гражданъ названной сотни, съ указаніемъ количества земли у каждаго. Списки эти ведутся столбцомъ, такимъ образомъ:

Семенъ Ѡкъсютиничъ прут. пол к҃

Мацько Кушънеръ прут. пол д҃

Улита Митьковаıа прут. пол д҃

Хатимья Бруиха прут. пол г҃

(пан) Вуколъ Ивановичъ бурмистръ прут. д҃

и (пан) Богдановое бурмистровое моркговъ д҃

Авсей Семеновичъ Бутакъ прут. г҃ и чверть

Феся Ехимоваıа прут. кі҃. ѡгородъ

Жъданъ Скарботичъ прут. ѕ҃. а ѿписныхъ пол 8 прут.,

и такъ далѣе, безъ нумераціи.

По окончаніи сотни Папинской приписка:

«В то же Паписко сови плитъницы:

Еско Леньковъ прут. к҃

Спиридовъ Соболевъ прут. г҃

Мартинъ Кладинога прут. д҃

и такъ далѣе.

Затѣмъ замѣтка: «Поту сотъни Папское». Далѣе такимъ же порядкомъ переписаны сотни:

2) **Косковска**ıа и въ ней ровъ Илинскій. Приписка:

«В то же сони за валомъ на моркго пруты померены».

и при этомъ перечисляются огороды. Затѣмъ опять: «Потуль сотня Косковская» и т. д.

3) **Сотънıа Триснинска**ıа. Къ ней приписки: «Въ той же сотни за валомъ домы и огороды, Пляцы Мышкинские.

Въ той же сотни на уволокахъ задубровленскихъ пруты при домохъ померены въ початку».

4) **Выгонска**ıа. Къ ней приписка: «В той же сотни Выгонской домы, которые черницомъ Братскимъ досталисе» и—«в той же Выгонской сотни местскихъ домовъ замковые зашъли.»

5) **Доброселовска**ıа. Къ ней приписка:

«В той же сотни домов местских которые до замъку отошли».

6) **Ледковска**ıа. Къ ней приписка:

«В тоя же сотъни ледковской на уволокахъ пруты при домохъ померены».

7) **Нагорска**ıа. Безъ приписокъ.

8) **Курденевска**ıа. Къ ней приписка:

«В той же сотни за валомъ домы и ѡгороды. Уволочъные ѡгороды».

9) **Гривлıанска**ıа. Къ ней приписка:

«В той же сотъни домы за валомъ».

10) **Слободска**ıа. Безъ приписокъ.

11) **Березска**ıа. Тоже.

12) **Луполовска**ıа. Тоже.

13) **Зарецка**ıа. Тоже.

14) **Покровская.** Тоже.

15) **Шстрозская.** Въ концѣ приписка:

«Потуль сотни Шстрозские. Кляшторныхъ домовъ, и которые до фары належать, тедыжъ тыхъ не писал.»

16) **Перехрестинская.** Приписка:

«В той же сотни которые домы месту пущоны ѿ п̃на Шванского». И при нѣкоторыхъ домахъ отмѣтка: «Прутовъ не ведомо. Померу не было». Въ концѣ: «Потуль всее сотьни Перехрестинское».

Перехрестинской сотней оканчивается ихъ перечисленіе.

Далѣе слѣдують:

1) **Моркги поные** на горе Спаско.

Здѣсь поименованы:

а) Першая лава ѿ рову Курьденевъского наперней.

б) Лава концами до першое.

в) Лава до второе.

г) Лава концами до треттее.

д) Лава концами до четвертое.

е) Лава концами до пятое.

2) **Моркги** за рекою Дубровною померены при стене волочъной, ѡбрубу Задубровленского и при уличныхъ пляцахъ местскихъ.

Здѣсь слѣдующія лавы:

а) Лава концомъ до реки Дубровны.

б) Лава концомъ (пропускъ), а другимъ к дорозе княжицкой.

в) Лава к дорозе княжицкой.

г) Лава концомъ до четьвертое.

д) Лава концомъ до улицы Богарское.

е) Лава концомъ до шостое, за улицу Богарскую.

ж) Лава на горе Иллинской концомъ до стены уличьной, а другимъ до пляцовъ уличьныхъ.

з) Лава концомъ до девятое.

Потуль всих моркговъ польныхъ и которые на вруты тые ж моркги помереные.

3) **Волоки** м е с т с к и я.

а) Ѡбрубу Задубровленского, волокъ п̃г, кгрунту середнего.

б) Ѡбрубъ Трисненский, уволокъ з̃з, кгрунъту серодьнего.

в) Ѡбрубъ Ледковский, волокъ м̃в, кгрунъту середьнего.

При том же ѡбрубе Ледковскомъ межы ѡбрубу Тесеньского застенакъ по конецъ уволокъ местскихъ межы ровами на двух концахъ.

г) Ѡбрубъ Тесеньскій, волокъ п̃є, къгрунъту середьнего.

Къ нему приписка:

«У вобрубе Ледковскомъ моркговъ п̃и держыт Радька Павъловичъ, с того застенку плату грошей л̃и. Тамъ же Есьманъ Гарбачовъ нанове»...

д) Ѡбрубъ Дубенецкій, волокъ к̃с, кгрунъту середънего.

«Потуль всихъ волокъ местскихъ, платныхъ и неплатныхъ, чарнецкихъ, церковныхъ и пушкарскихъ».

Здѣсь на поляхъ много отмѣтокъ: Чарнецкая, Церковная, Пушкарская, Писарская, Впусте, Волный.

4) **Сеножати** м е с т с к и я. Надъ рекою Днепромъ, изъ выгона Курденевского, подле горы, къ Бородчычомъ.

Другая лава.

Третея и четвертая лава къ кургану альбо выгону месътъскому под Бородъчычы.

5) **Сеножати** внизъ реки Днепра, за речкою Дубровною, к Буйничомъ, тремя лавами.

Першая лава—береговая.

Другая лава—середнея.

Треттея лава—одъ поля.

6) **Сеножати** за рекою Днепромъ, уверхъ ѡтъ Луполова.

Лава береговая.

Лава вторая до бору.

7) **Сеножати** внизъ реки Дънепра ѿ выгону.

Лава береговая. Тутъ записанъ «попъ Троецъкій».

Лава другая, къ бору.

Треттея лава, за Светымъ ѡзеромъ, при болоте Синичъчомъ.

8) **Сеножати** болотные местские.

а) На болоте Синичъчомъ, почавшы ѿ дороги Мстиславские, ѿ Кочерлаги, надъ Мостищомъ.

б) На томъ же болоте Синиччомъ сепожати в тех лав померены:

Первая лава концами до бору, другимъ концомъ до второе лавы, почавшы ωтъ бору до бору.

Лава концами до бору, другими концами до першое лавы, почавшы ѿ горы, з Могилева до села Шнисковичъ, до троттее лавы.

Лава концами до бору.

Лава ωбоима концами до бору.

в) Там же, на болотѣ Синичомъ, подлѣ стены Всенъское.

г) Там же, при стене Всенъской виза ѿ сзера Ст́ого, ѿ Кавшевника.

д) Болото, урочыщомъ Бяшыно.

Затѣмъ слѣдуетъ перерывъ въ перечисленіи сѣножатей, такъ какъ нѣсколько листовъ здѣсь утеряно. Далѣе въ рукописи идетъ уже перечисленіе рѣзниковъ, всего 10, пользующихся городскими лавками. И оканчивается рукопись замѣткою: «Потуль лавокъ всихъ резъницкихъ».

Вѣроятно, на утраченныхъ листахъ по окончаніи списка земельныхъ угодій города, находились списки городскихъ зданій, за которыя взималась плата въ городской доходъ. Это подтверждается приходными книгами Могилева за 1679—1682 годы, напечатанными въ вып. 1 вит. «Матер.». Здѣсь, кромѣ прутовщизны, полокотщины, наплядового, заморгового и цынша, поименованы сборы:[1]) за важницу, за крамы, за прилавки, за ятки ряду рѣзницкаго и какой то сборъ за гумна лупоповскія.

—

Таково содержаніе этого единственнаго у насъ документа.

Писанъ онъ весь одинмъ лицомъ, очень мелкою скорописью того времени, съ титлами, съ употребленіемъ ω, ѿ, ѧ, съ славянскими цифрами, отсутствіомъ буквы ѣ. Латинскія и польскія приписки, приведенныя выше, писаны другимъ почеркомъ. Имѣются въ текстѣ и другія приписки и поправки въ текстѣ, сдѣланныя позднѣе и большею частью порусски. Какъ слабо было еще развито въ то время знаніе польскаго языка, показываетъ слѣдующая поправка въ сотнѣ Покровской: «Ilpocia wdowa». Одна запись такою же скорописью сдѣлана въ Слободской сотнѣ, на поляхъ, свинцовымъ карандашомъ и хорошо сохранилась: «Василей Митковичъ».

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе данныхъ инвентаря, которое вышло бы очень обширнымъ, я ограничусь лишь приведеніемъ главнѣйшихъ цифръ по первой Панинской сотнѣ.

Земельныхъ жилыхъ участковъ въ этой сотнѣ было 247 и платницъ 9; при нихъ огородовъ 55 и отписныхъ плацовъ 23. Общее количество земли въ этой сотнѣ было 1486 прутовъ и 28 прутиковъ, т. е. 16½ морговъ, (моргъ литовскій равенъ 1654 саж.; 30 морговъ составляли уволоку, равную 19 десятин. 1354 с.) Въ этомъ числѣ 76¼ прутовъ «отписныхъ». Для опредѣленія цифры платежей по этой сотнѣ въ документѣ нѣтъ данныхъ. Спустя около сорока лѣтъ (1679 г.), когда Могилевъ пережилъ московское владычество, платежи эти опредѣлялись такъ: «панове магистратовые упатруючы барзо великие росходы, теды вси згодне а сдностайне уфалили прутовщизну: зъ жылого прута по золотыхъ два, а съ отписного по асмаковъ ӑ, а съ пашъни по асмаковъ ӗ» [2]). Тоже повторено и въ слѣдующіе годы. [3])

Всего такимъ образомъ прутовщины поступало въ городскую кассу 2858 золотыхъ, т. е. около 1317 р. на наши деньги.

Если принять во вниманіе, что такихъ сотенъ въ Могилевѣ въ то время было 16, и что кромѣ плацовъ городъ владѣлъ полями, лугами, лѣсами и лавками, то доходы его надо признать очень крупными.

Правда, и расходы его на посольства, подарки, подношенія, угощенія и т. п. были громадны и часто превышали сумму городскихъ доходовъ.

Изъ древнерусскихъ именъ въ документѣ упоминаются: Чурило, Юрко, Трушко, Асипъ, Юрецъ священникъ, Меркуша, Клишко, Жданъ, Ядько, Несь, Ганна удова, Тишко, Хоцко, Харка, Водя удова, Лагута, Масюта удова, Селюта, Кухта, Ивашко, Миско, Зенко, Палуянъ, Михно, Мося удова, Малко, Малышка, Хилко, Дроня, Ярошъ, Митко, Аникша, Мишакъ, Микула, Евланъ, Ол-

[1]) Съ 1637 года введенъ сборъ бруковый на устройство мостовыхъ.

[2]) Вит. «Матер.» вып. I, 15. [3]) Ib. 85, 207.

феръ. Хоня удова, Дашко, Халей, Родзя, Ходаръ, Харка, Атаманъ, Якушъ, Стома.

«Пановъ» въ этой сотнѣ записано 35 на 193 домовладѣльца. Здѣсь же 3 попа, 1 поповичъ и 1 паламарь.

Рѣдкій документъ этотъ даетъ вообще точное понятіе о числѣ гражданъ города Могилева, владѣвшихъ здѣсь въ первой половинѣ 17 вѣка недвижимою собственностью; указываетъ размѣръ земельныхъ угодій города въ то отдаленное отъ насъ время и его имущественное положеніе; опредѣляетъ отчасти вѣроисповѣдный и сословный составъ населенія, такъ какъ въ спискахъ владѣльцевъ собственности указаны «попы», «чарнцы», «жиды» и т. д. напр., на горѣ Спасской жили: Аниконъ попъ, Хася Гамзиная, Йковъ попъ, Авдей попъ, Фома пратанопъ и др.; въ другихъ сотняхъ указаны: панъ Алексѣй Федоровичъ, Тося панаддя, попъ Иллинскій, панъ Северинъ бурмистръ, панъ Янъ Ивановичъ Шевня, панъ витебскій, вдова пана Карпа Казанова, панъ Миколай Дашковичъ райца, отецъ Михаилъ священникъ, панъ Ясь Кулага возный, панъ Уваръ Казановичъ лавникъ, домъ Пречыстопскій, Яцко и Семенъ пушкари, панъ Михайло Путято и т. д. Большое значеніе имѣетъ документъ для исторіи бѣлорусскаго ..., давая формы: Алякъсей Пазнякъ, Гарасимъ Ивановичъ, Авхимъ Хадаревичъ, Никипаръ Дойлидъ, отецъ Дарафей, свовма концами, Бородчычы, чаботаръ, и т. д.,—для исторіи русскихъ именъ, и въ особенности могилевскихъ фамилій, которыя въ связи съ данными Баркалобовской лѣтописи, облегчаютъ рѣшеніе вопроса о первоначальныхъ насельникахъ Могилева, и т. д.

Все это говоритъ за необходимость скорѣйшаго изданія документа въ свѣтъ. По своей обширности и спеціальному тексту онъ, къ сожалѣнію, не можетъ найти мѣста въ «Губ. Вѣд.». По всей вѣроятности дѣломъ изданія займется или управленіе виленскаго учебнаго округа или какое либо столичное ученое учрежденіе.

И въ томъ и въ другомъ случаѣ повторится исторія могилевской лѣтописи Трубницкаго, печатныхъ экземпляровъ которой до моего вступленія въ редакцію «Губ. Вѣд.» въ Могилевѣ не было.

Мнѣ думается, что озаботиться дѣломъ изданія этого рѣдкаго памятника, касающагося города Могилева, прежде всего слѣдовало бы могилевскому городскому управленію.

Е. Романовъ.

XIV. ИЗЪ МОГИЛЕВСКОЙ СТАРИНЫ. [1])

На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду,
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ..

Строки эти невольно пришли мнѣ на память, когда я зашелъ надняхъ въ Кожемяцкую Слободку, подъ-Николаемъ, посмотрѣть на тѣ разрушенія, которыя причинилъ Днѣпръ Могилеву въ нынѣшнее многоводное лѣто.

Разрушенія эти дѣйствительно серьезны и Слободкѣ грозитъ скорое уничтоженіе, если министерство путей сообщенія, по требованію городского управленія, не поспѣшитъ укрѣпить здѣсь берегъ и защитить его отъ ударовъ волнъ, развиваемыхъ пароходами, и отъ напора теченія, особенно здѣсь сильнаго.

Насколько серьезны поврежденія въ Слободкѣ, можно судить потому, что за послѣдніе годы здѣсь уничтожены цѣлыя аллеи, находившіяся на берегу, проѣздныя дороги и т. д. Огороды, прилегающіе къ берегу, ежегодно отмываются почти на сажень, плетни и сараи повисли надъ кручей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже рухнули. Нѣкоторые домовладѣльцы, видя безучастность подлежащихъ сферъ къ этому вопросу, спѣшатъ

[1]) Изъ № 69 „Могил. Губ. Вѣд.“ 1902 года.

продать свои имущества, пока они еще не поглощены Днѣпромъ,—и чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ слобода исчезнетъ.

Но не объ этомъ теперь моя рѣчь.

Меня удивила масса могилевскихъ древностей, валяющихся здѣсь прямо на берегу. Особенно ихъ много на поворотѣ Днѣпра къ перевозу и тамъ, гдѣ находились несуществующіе теперь дома Громыко.

За короткое время мною поднято здѣсь:

1, болѣе двухсотъ древнихъ изразцовъ;

2, до десяти старинныхъ подковъ отъ обуви;

3, нѣсколько старинныхъ замковъ, ключей, удилъ и т. п.

4, много старинныхъ грузилъ отъ рыболовныхъ сѣтей;

5, нѣсколько древнихъ пуль;

6, старинныя трубки;

7, древній перстень;

8, старинныя серьги;

9, три древніе оловянные шейные креста;

10, двѣ доисторическія пряслицы;

11, корноушки;

12, пуговицы;

13, пломбы;

14, свинцовые карандаши;

15, мѣдныя и серебряныя монеты и много другихъ мелкихъ предметовъ, а также безформенныхъ кусковъ свинца.

Остановлюсь на нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ.

Почти всѣ **изразцы** покрыты зеленой глазурью, и первоначально можно было подумать, что они привезены сюда изъ Шклова, гдѣ въ 16 и 17 в. было развито ихъ производство. Но многіе изразцы найдены неоконченными, непокрытыми глазурью, или покрытыми только отчасти. Это доказываетъ, что они приготовлялись здѣсь же въ Могилевѣ и можетъ быть на этомъ же берегу. Характеренъ очень лѣпной орнаментъ на найденныхъ изразцахъ. Его можно раздѣлить на пять видовъ:

а, Орнаментъ г е о м е т р и ч е с к і й, преимущественно на рамкахъ изразцовъ, въ нѣсколько линій; обыкновенно край занятъ полукругами, слѣдующій рядъ треугольниками, съ вершинами въ противоположныя стороны: или край покрытъ прямыми линіями, а подъ ними изображены треугольники вершинами къ центру изразца, за которыми идетъ рядъ крупныхъ точекъ; есть изразцы съ такимъ орнаментомъ: у края треугольники вершинами внутрь; каждый изъ нихъ обведенъ внизу и съ боковъ цѣпью, между концами которой тоже треугольники вершинами наружи. На треугольникахъ вдавлены продолговатыя точки; такимъ образомъ, треугольники изображаютъ извѣстные древніе замки и около нихъ цѣпи. Цѣпь вообще часто употребляется въ орнаментѣ. На нѣсколькихъ изразцахъ сохранилось символическое изображеніе солнца. Это—кругъ, съ точкой посрединѣ, отъ котораго во всѣ стороны идутъ 8 изогнутыхъ лучей, также оканчивающихся точками. По угламъ часты звѣзды, стрѣлы и крестики.

б, Орнаментъ р а с т и т е л ь н ы й встрѣчается наиболѣе часто, и самъ по себѣ, но чаще въ соединеніи съ другими видами. Но с л о ж н ы й растительный орнаментъ встрѣчается только изрѣдка. Наиболѣе часты: пальмовые стволы, на изразцахъ служившихъ колонками, и пальмовые листья; затѣмъ очень часты цвѣты, напоминающіе гвоздику, въ вазонахъ, а также розы и цвѣтки въ видѣ звѣздочекъ. Есть орнаментъ, изображающій крупный цвѣтъ, отъ стебля котораго въ обѣ стороны идутъ большими завитками вѣтви. Часты виноградныя кисти, дубовые листья и жолуди.

3, Орнаментъ ж и в о т н ы й занимаетъ второе мѣсто въ могилевскихъ изразцахъ. Изъ птицъ чаще всего встрѣчается двуглавый орелъ, который изображается и по угламъ, въ маломъ видѣ, и въ центрѣ—въ большомъ. Если же въ центрѣ изображается большой орелъ, то по угламъ вверху изображены львы или фантастическіе звѣри, а внизу малые двуглавые орлы. На одномъ изразцѣ изображенъ одноглавый орелъ съ раскрытымъ клювомъ и далеко выдвинутымъ языкомъ. На другомъ надъ двуглавымъ орломъ польскія буквы LI, вмѣсто обычныхъ трехъ листовъ въ видѣ креста.

Изъ звѣрей изображенъ на изразцахъ почти исключительно левъ, и притомъ или во всю величину изразца, или въ видѣ орнамента при орлахъ. Только на одномъ изразцѣ изображенъ какой-то фантастическій звѣрь съ длинной крокодиловой пастью.

Совершенно особнякомъ стоятъ изразцы—карнизы, съ парными, крайне грубыми. изображеніями львовъ, поддерживающихъ корону. Такихъ изразцовъ (не цѣльныхъ) найдено пять. Они интересны потому, что на нихъ имѣются польскія буквы: на одномъ D, на другомъ W. на третьемъ: M, P, Z и W. На двухъ другихъ буквъ не сохранилось. Повидимому, это изразцы, изготовлявшіеся по заказу, или носящіе фабричныя клейма.

4, Орнаментъ архитектурный. Такихъ изразцовъ немного. Одни изъ нихъ изображаютъ павильонъ на толстыхъ витыхъ колоннахъ, между которыми находятся болѣе тонкія колонки и затѣмъ, подъ крышей, вьющіяся растенія. На другихъ посреди растительнаго орнамента изображены 8-гранныя плиты. Третьи изображаютъ щитъ съ различными эмблемами—подковою, стрѣлами, крестами и т. п.

5, Орнаментъ религіозный. Встрѣчается онъ довольно часто. Любимымъ изображеніемъ здѣсь былъ херувимъ съ главою и крыльями. Встрѣчаются такія изображенія и съ нимбомъ (вѣнчикомъ). Есть изображенія ангеловъ. Найдено два изображенія св. Георгія Побѣдоносца. поражающаго дракона. Эти изразцы повидимому монастырскіе или церковные. Напомню, что въ древности изразцы были излюбленнымъ украшеніемъ церквей, даже снаружи (напр. Коложа).

Затѣмъ, изъ найденныхъ предметовъ характерны ружейныя **пули**. Онѣ двухъ величинъ и всѣ съ придатками. дѣлающими ихъ кувшинообразными. Такія пули были находимы мною на полѣ сраженія у д. Лѣсной и относятся-слѣдовательно къ началу 18 в. Чрезъ придатки пуль протягивалась обыкновенно щетина, разъѣдавшая рану.

Свинцовые **карандаши** представляютъ видъ маленькихъ пирамидокъ, неправильной формы. Они вѣроятно вставлялись въ пустыя деревянныя палочки, гусиныя перья и т. п.

Перстней найдено два: одинъ оловянный, какіе и теперь изготовляются въ захолустныхъ мѣстечкахъ для деревни, другой—мѣдный. съ глазкомъ въ видѣ печати. На печати рѣзьба въ видѣ ромба, перерѣзаннаго еще тремя линіями—отъ стѣнокъ и отъ тупыхъ угловъ. Видомъ своимъ перстень очень напоминаетъ тѣ перстни, которые были находимы въ Дрогичинѣ вмѣстѣ съ извѣстными пломбами и въ придруйскомъ могильникѣ. Относится вѣроятно къ 16 вѣку.

Найденные шейные **кресты**—оловянные, 4-конечные; два съ закругленными концами и съ лучами по угламъ, одинъ съ прямыми концами и безъ лучей. Величина ихъ $1^1/_4 \times {}^3/_4$ д. Надписей нѣтъ. но имѣются выпуклыя изображенія крестовъ. Повидимому, могилевскаго изготовленія.

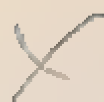
Монетъ найдено нѣсколько десятковъ, но только двухъ эпохъ. Больше всего здѣсь солидовъ Іоанна Казиміра 1660—1666 гг. и серебряныхъ копеекъ Петра I. Какъ на большую рѣдкость. надо указать на то, что на нѣкоторыхъ копейкахъ уцѣлѣла цифра года чеканки—аѱа (1701). Нѣкоторыя монеты найдены въ обрывѣ берега вмѣстѣ съ вышеописанными изразцами. Позднѣйшихъ монетъ я не нашелъ, изъ древнѣйшихъ же найдены только двѣ серебряныя монеты Алексѣя Михайловича. На монетахъ слѣдовательно отразились двѣ эпохи жизни Могилева—рѣзня 1661 года, за которую на него Польшею излиты великія и богатыя милости. и Сѣверная война, когда Великій Труженикъ земли русской вдоль и поперекъ исколесилъ Западную Россію вообще и могилевскую губернію въ частности.

Въ общемъ же. находки на размытомъ берегу Днѣпра относятся ко времени 16—18 вѣка и только двѣ пряслицы относятся ко временамъ доисторическимъ. Результатъ можетъ быть былъ бы иной, если бы въ указанныхъ мѣстахъ были произведены тщательные поиски. но я бралъ только то, что лежало на поверхности земли.

Громадный интересъ въ этомъ отношеніи представила бы наша Дубровенка на протяженіи отъ казенной палаты до устья, но она ждетъ еще своего «собирателя».

Напомню, что именно такимъ путемъ собраны громадныя коллекціи почтеннаго Авенаріуса въ Дрогичинѣ. г. Федоровича въ Витебскѣ и мн. др.

Е. Романовъ.

МАТЕРІАЛЫ
для изученія говоровъ могилевской губерніи[1]).

Могилевская губернія въ наибольшей чистотѣ сохранила бѣлорусскій типъ и бѣлорусскій языкъ. Отдѣленная отъ восточной и южной Россіи витебскими, смоленскими и черниговскими бѣлоруссами и находясь въ большой отдаленности отъ Польши, она подверглась чуждымъ вліяніямъ меньше, чѣмъ какая бы то ни было изъ остальныхъ бѣлорусскихъ губерній. Меньше, чѣмъ витебская губернія, соприкасающаяся на сѣверѣ съ сѣвернорусскимъ племенемъ и на западѣ съ латышами, и даже менѣе, нежели минская, которая, несмотря на дебри и болота, подверглась, благодаря сосѣдству съ Вильной, сильному вліянію полонизма и литвы, а за Припетью вліянію южнорусскаго племени. Не говоримъ уже о виленской губерніи, гдѣ славянское населеніе разъединено большими островами населенія литовскаго, и о гродненской, населеніе которой представляетъ интереснѣйшій конгломератъ, съ потомками ятвяговъ, литовцевъ и мазуровъ на сѣверѣ, съ бужанами и волынянами на югѣ, и которая, какъ этапный пунктъ между польской Варшавой и литовской Вильной, подверглась сильному вліянію и Литвы и Польши. Точно также подверглись болѣе сильному постороннему вліянію и бѣлоруссы черниговской, орловской, калужской, смоленской, тверской и псковской губерній, живущіе рядомъ съ сильнымъ великорусскимъ племенемъ.

Вотъ почему говоры могилевской губерніи имѣютъ особо важное научное значеніе, и мѣстный органъ, какимъ являются «Губернскія Вѣдомости», всѣми мѣрами обязанъ способствовать ихъ изученію.

Вслѣдствіе нашей недавней замѣтки по этому поводу къ намъ поступили интересные матеріалы отъ нѣсколькихъ лицъ изъ сельской интеллигенціи и отъ крестьянъ, и мы съ настоящаго номера начинаемъ ихъ печатать. Для руководства же лицъ, желающихъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, мы даемъ нѣкоторыя общія указанія.

Извѣстно, что признаки современныхъ русскихъ нарѣчій опираются на черты древнихъ говоровъ, которыми различались древнерусскія племена. Могилевская губернія, по Нестору, населена радимичами, занимавшими бассейнъ Сожа, и кривичами двухъ вѣтвей: смоленской—въ сѣверовосточной части, и полоцкой—въ сѣверозападной (полочанами). Такимъ образомъ, населеніе наше должно дѣлиться по говорамъ на три вѣтви. Это дѣленіе въ дѣйствительности существуетъ и до сихъ поръ, и особенности говоровъ еще довольно рѣзки, несмотря на сильную нивелировку школы и военной службы.

Если мы возьмемъ область радимичей—Присожье, то есть нынѣшніе гомельскій, рогачевскій, быховскій, отчасти могилевскій, чаусскій, чериковскій и климовичскій уѣзды, то отличительными чертами говора этой области будутъ:

1, Отсутствіе дзеканья.

Круть-верть, у чарапочку смерть.

Годи, годи кучараваго любить.

2, Твердое *р*.

Была у бабки курка-рабка.

Зара зарала, ключи патирала.

Якъ нарромъ, дакъ пахаваютъ.

3, Отсутствіе флексіи *ть* не только въ глаголахъ перваго спряженія, но и въ тѣхъ второго спряженія, гдѣ удареніе находится не на окончаніи.

Хто крути да матай.
Таму Богъ памагая. (Воронская.)

Ходя, ходи, да й ни шамая.

Гавора, гавора—а у роти холадна.

Любя, но любя,
Пацалуя, наплюя,
Къ серцу прыжме,
Къ чорту пашле.

Но подъ удареніемъ флексія сохраняется во 2 спряженіи:

Ляжыть—мaучить,
А возьмишъ—заплача.

---

[1]) Изъ №№ 70 и 71 „Мог. Губ. Вѣд.“ 1903 г.

4, Значительныя лексическія особенности и нѣкоторыя фонетическія и граматическія. Въ другихъ могилевскихъ говорахъ, напр., невозможны формы:

Я паузъ кýзьню йшла.
Вугалёкъ знайшла,

Ѣвъ-ѣвъ, пакýль и *годи*.

Хиба що такъ.

Дйдава кáзка даўгáя, и т. п.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ говоръ раньше имѣлъ здѣсь болѣе значительное распространеніе, чѣмъ теперь, и вѣроятно захватывалъ все Присожье, средній Днѣпръ и Придрутье. Но когда радимичи потеряли свою независимость и когда образовалось сильное смоленское княжество, въ радимическую область широкими потоками хлынулъ кривичскій говоръ и оттѣснилъ его на югъ. Въ уѣздахъ пограничныхъ съ Смоленскомъ—климовичскомъ, чериковскомъ, и даже чаусскомъ и могилевскомъ, вышеуказанные признаки наблюдаются теперь только спорадически.

Но примыкая къ другимъ южнорусскимъ говорамъ, онъ имѣетъ громадное распространеніе по черниговской, минской, виленской, гродненской и другимъ губерніямъ.

Съ другой стороны, если мы возьмемъ область п о л о ч а н ъ, то есть—въ нашей губерніи—нынѣшній сѣнненскій уѣздъ, часть оршанскаго, могилевскаго и чаусскаго, то увидимъ тамъ слѣдующія особенности:

1. Сильнѣйшее д з е к а н ь е.

Дзѣдъ бáбу таніцъ вядзéць,
А бáба крычйць—ня йдзéць.

Дзéнихъ мáнць, вóтку пьець,
Дзѣвакъ любиць, жóнку бъéць.

2. Твердое *р*.

Я *у* сéраду радзилася,
Гóрка мая доля.

Кала брýха заверуха.

Чаразъ мора катóу хвость, и т. п.

3. Постоянное присутствіе флексіи *ть* во всѣхъ глаголахъ, какъ это видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ.

Говоръ этотъ можно назвать чистымъ бѣлорусскимъ. На югѣ онъ соприкасается съ радимичскимъ, на востокѣ съ кривичскимъ и простирается на западъ и на сѣверъ въ минскую и витебскую губерніи.

Наконецъ, въ восточной части нашей губерніи, прилегающей къ области смоленскихъ кривичей, слѣдующія особенности:

1, Сильное д з е к а н ь е.

2. Мягкое *р*, даже съ усиленнымъ смягченіемъ, въ родѣ: крянчѣй старяйся, трюбýчку пукурицъ и т. п.

3, Постоянное присутствіе флексіи *ть* въ глаголахъ.

Говоръ этотъ въ нашей губерніи употребляется въ уѣздахъ мстиславскомъ, горецкомъ и оршанскомъ, въ большей части климовицкаго и чериковскаго и спорадически въ чаусскомъ. Онъ имѣетъ громадный раіонъ распространенія въ смоленской, калужской, тверской, псковской и витебской губерніяхъ.

Всѣ эти говоры могилевской губерніи относятся къ числу а к а ю щ и х ъ, хотя это названіе въ отношеніи ихъ несовсѣмъ точно, такъ какъ въ полочанскомъ и кривичскомъ говорахъ безударное *о* въ извѣстныхъ случаяхъ произносится какъ *ы*:

«Ныбрали кырабельщики тывару и наѣхыли. Ѣхыли кылы таго острыва, а катокъ скокъ на вострывъ и пабѣхъ у горытъ» (сказка «Сынъ Хораборъ» въ «Бѣл. Сб.», III).

Если мы скажемъ, что каждый изъ этихъ говоровъ дѣлится на нѣсколько подговоровъ и что доселѣ у насъ точно не установлены тѣ границы, гдѣ встрѣчаются другъ съ другомъ даже главные говоры, то важность собиранія на мѣстахъ образцовъ мѣстныхъ говоровъ выяснится сама собою.

Дѣло же записыванія—немудреное дѣло. Надо только со всею точностью слѣдовать рѣчи разсказчика и не позволять себѣ мудрствовать лукаво надъ формами и словами вполнѣ понятными для записывателя. Этотъ совѣтъ мы даемъ въ особенности тѣмъ лицамъ, которыя записываютъ образцы говора не на родинѣ и которыя,

какъ мы знаемъ по многочисленнымъ опытамъ, склонны при записяхъ уклоняться въ сторону своего родного языка: говорящіе съ твердымъ *р* не замѣчаютъ мягкаго *р*, дзекающіе не замѣчаютъ отсутствія дзеканья и т. д.

Что касается лицъ, отъ которыхъ надо записывать образцы говора, то это зависитъ отъ рода записываемыхъ произведеній. Сказки напр. звѣринаго эпоса (о медвѣдѣ, волкѣ, лисицѣ, собакѣ, котѣ, быкѣ и т. д.) лучше записывать отъ старухъ, такъ какъ подобныя сказки снизошли въ разрядъ дѣтскихъ. Отъ старухъ же лучше записывать толкованія сновъ, примѣты и обряды: родинные, крестинные, обиходные, религіозные, свадебные и погребальные. Пѣсни удобнѣе записывать отъ дѣвушекъ. Пословицы, загадки, сказки бытовыя и богатырскія—отъ стариковъ. Заговоры отъ знахарей (знахарки очень плохо знаютъ заговоры); духовные стихи—отъ нищихъ (майстровъ). Сказочниковъ избѣгать надо грамотныхъ и бывшихъ въ военной службѣ. Ихъ сказки отношенія къ Бѣлоруссіи не имѣютъ и во всякомъ случаѣ внушаютъ подозрѣнія.

Затѣмъ, надо слѣдить, чтобы разсказчики говорили своимъ обыденнымъ языкомъ, не старясь говорить «попански».

Каждое произведеніе должно быть снабжено записью—гдѣ, отъ кого и кѣмъ оно записано. О пѣсняхъ непремѣнно надо сказать, когда онѣ поются: въ Коляды, на масляницѣ, въ гуканье весны, на Купалу, на свадьбѣ, на крестинахъ и т. д.

Хорошій опытъ такихъ записей сдѣлалъ въ селѣ Высокомъ І. П. Миткевичъ-Далецкій, пользовавшійся личными указаніями нашими и привлекшій къ этому хорошему дѣлу мѣстныхъ грамотеевъ, окончившихъ курсъ въ мѣстномъ народномъ училищѣ. Этимъ записямъ мы и даемъ первое мѣсто.

Село Высокое оршанскаго уѣзда.

I. ПРИМѢТЫ И ПОВѢРЬЯ.

Кыли курица трѐплитъ хвастомъ, то будитъ мятелица[1]).

Скольки у Марцы вады, стольки у Пратѣ гравы.

(*Ѳомы Ермоленокъ*).

Кыли пятухъ зыпяѐтъ у лишку, то будитъ атлига, а кыли у цотъ—тады будитъ маросъ.

Кыли ворынъ узьлятитъ ны магильникъ крычучи, то будитъ мяртьвецъ у народи.

Кыли варона лятитъ ны пуудьня и крычытъ, дыкъ будитъ тёпла, а кыли на поўнычъ, то будитъ сьтюдёно.

Кыли ны Удакѣи (1 марта) сьнѣхъ мятётъ, дыкъ и с пуни выммитить чыста.

(*Лукьяна Шакуро*).

Ны Раштво нада на кутъ сьмятьтё мѐсь, то рай ня будуть утикать.

Ў Кыляды нилızя пряcьти, а то каровы ня будуть тялйица.

Кыли у Кыляды што пилна нада дѣлыть, дыкъ нада на тоўстыю Кыляду пыставить вѣникъ дыгары у кычарѐжнику и прядъ тымъ якъ дѣлыть, нада ны яго пыглядѣть.

Кыли жыдоўськими празьниками будитъ халодна, то вона будитъ тёплая Вялйкыдьня.

На Русалный надѣли нилızя брать кыли што найдишь: ета русалка на биду поткипыла.

(*Полик. Мартусевичъ*).

Нирэйдишъ чирисъ крухъ, па лицу будитъ крухъ (лишэй).

(*Герас. Коржицкій*).

Кыли ны Раштво мятѐлица идѐтъ, дыкъ и улѣтку раѣу пѐйди будитъ дѣть.

Искырья с пѐчы сыплюцца—госьти будутъ.

Тры сиради мыцыдиковыхъ, кажуть, нада вылясы пыдрызать, кабъ расьли больны.

Кыли йдётъ с поля наперади рыжыя карова, дыкъ пагода будитъ, а кыли чорныя—дыкъ дожъ: кыли рабыя—дыкъ дожь пирамѣнами, а кыли бѣлыя—дыкъ туманъ будитъ.

Кыли ны Масьлиику пагода, дыкъ нада пашаницу сѣить, будитъ уруджай харошый.

Кыли гарэлку пьютъ ды пунирхаюцца, етэ кажуть, што й на лѣта такей парой будишъ пить.

Кыли у вадымъ мѣсицы титярлюкъ зыбалбочитъ, тады у другимъ мѣсицы пастухъ зырагочитъ (заиграетъ въ рожокъ). Или: пастухъ зыгагочитъ (закричитъ: го-го-го).

Кыли карова тёлна, ня трэба ѣсь акраицъ.

Кыли нима зорыкъ на усе тры Кыляды на неби, дыкъ грыбоў ня будитъ, а ягыды и арэхи будуть.

Кыли будуть зорки на первыю Кыляду, то будуть грыбы, якъ жыта выливаить; а кыли ны сярэдьнію Кыляду—то будуть, якъ жита пасьпиваить, а кыли ны пасьлѣдьнію, тады будуть, якъ авёсъ высыпаить (или: асеньськія грыбы).

Кыли што лопнитъ, то нѣхта сылгау.

Кыли на Русалный надѣли што дѣлышь, то вовцы будуть радйцца то съ пятй нырами, то гырбатыя, то дурнэя, бо авечки ны Русалный надѣли бѣгуюцца.

---

[1]) Д надо читать какъ *дз*, т—какъ *тс*.

На тоустыю Кыладу́ дѣуки блины пякуть, ды парохъ кладуть, сыбаку мо́ниють: чый блинъ упярогъ сыбака схво́тить, тая скарай замужъ зайдить.

Кыли мятлушка литаить, дыкъ кажуть: паминки сяни чые́ шибуть.

Кыли бута́ить ськи́ппать Дятёпка, дыкъ будить гало́дный готъ, а кыли яйцо, дыкъ будить ураджай.

(*Гр. Бусь и др.*)

II. ТОЛКОВАНІЕ СНОВЪ.

Кыли видишъ ва сьнѣ—мя́сьця, дыкъ тваѣ лёндьники гаво́рють абъ сябѣ нихарашо, зло мыслють ны тябе.

Кыли видишъ маро́съ, будить нагода.

Кыли пажаръ видишъ, маро́съ будить.

Кыли ва сьнѣ видишъ грыбы, тёпла будить.

Игру́шы ясі во сьнѣ, балючки будуть, скульля.

Гро́шы, мѣдь—дыкъ слёзы, а кыли гро́шы-серябро́, дыкъ радось.

Кыли видишъ журавовъ, дыкъ мятѣлица будить.

Кыли кыпа́лишъ ямки, дыкъ злосьники тваѐ нака́пають ны тябе́.

Кыли ва сьнѣ гаро́дишъ плятёнь, дыкъ ны тябе́ злосьники бунту́ють.

(*Захарій Голисъ*).

III. ПОСЛОВИЦЫ.

Ти нада крауцы́?—Дальшы крачи!

Ти нада шыпувалы?—Дальшы пашшывали!

Крауцу бываить, што ва ѕдным дни тры печы хлѣба сийтыпить.

Дыбрахво́чый усяды глядить скупому у вочы.

Мызадецъ, ды ни хызяинъ.

(*Лукьянъ Шакура*).

Хырашо́ у людёхъ, ды хрішыть у грудёхъ.

Хырашо та тамъ, идѣ насъ нима, а йдѣ мы пабудимъ, дыкъ усё пагудимъ.

Хто парася укравъ, у таго у вушшу пишчи́ть.

Якъ жанйуся—гьлиуся, а жанилушся цаюся.

Жыві якъ бра́тьтя, а рахуйся якъ жыть.

Пбсьля насъ ня будить насъ.

Работа ни мядьвѣдь, мо́жна заутра пыглядѣть.

Вушы пыдыма́й, а скроѣь пальцы ни гляди.

Пусьтишъ дятей па во́ли, дыкъ самъ будишь у ня во́ли.

Якей пень, такей и атурбстыкъ.

Тая каро́ва малёшна, катбрыю прыдали.

Аднаго́ насёдють, а семъ ро́дицца, а усё злады́и ня сво́дюцца.

Плбтьникъ ня плотьникъ, а лѣпыть ахво́тьникъ.

(*Ѳома Ермоленокъ*).

Хауту́ры—добрый натуры: хуть галосють, ды гарѣлки падно́сють.

Твоё дѣла—зъ но́са капъ, а ро́тамъ хапъ.

Тваи сила г—о мяс́ла.

Ны чужэй шы́и вала сьпё́къ бы, а ны свойй и пошыны баицца зло́итъ.

Чужыми блинами усякій свайхъ ѕядо́у пумянуу бы.

Сколька у дарузи рядоу, столька мнѣ гадоу.

Капъ ни дежа ды ни ѣжка—ло́хъ бы ле́жа.

Вѣдау, якъ ганьча́ръ гаршкі лѣпить, ды самъ ни научи́уся.

Табѣ ѕсё ѕдна (все одно) што пугай на вадѣ.

Табѣ кажы якъ шпо, табѣ ѕсё ро́уна.

Табѣ такъ говорка прыстаёть, якъ гарохъ къ сьцянѣ.

Тваи гаво́рка—якъ ваду́ вилѣть на гару́, а вада́ ни йдёть.

(*Полик. Мартусевичъ*).

Каму лядо́къ, а кыналамъ мядо́къ.

Ны дварѣ лётъ—кывыламъ мётъ.

Кыли уста́нить Китай, гады зьмсь (жизнь, живеть) кидай.

Дарма што празьникъ, а урову ни знаю.

Гбре гару́шить, а бяда никада ни минуишъ.

Хади мякка—будить гладка.

Я съ табой буду зно́кыть, а у кырма́ни будить рунить.

Кыка́ль куёть, жонка пяеть: шавёцъ шіа́ить, а жонка куя углбу выпить.

Збрадлйваму сыба́ку хуть хвость атсячи́, а ёнъ усё ну какіа́хъ лазить.

Бѣдныму ныму Бохъ торбу, а быга́тыму дьвѣ.

Хто быга́ть, таму́ й ладпа, сыбака кыема́ть, яму й тёпла.

Што паяъ, дыкъ сыба́ка.

Што жыть, дыкъ палка.

Цыга́нъ ни пыганъ, тольки тѣла лыкантѣла.

А вялйкимъ ро́ди удаецца кур.. и злбдій.

Ты знаишь гбя кальцо́, што семъ ны яйцо́.

(*Тим. Ермоленокъ*).

Мятёль пывиваить пастухъ усьшива́ить (воспѣваетъ).

Ды Миколы ни выводи коня на по́ля, а да Юрья карми усякыга дурня.

Бывала и варо́на лапти абывала, а таперь и гракъ ходить такъ.

У гаду́ дьвѣ Миколы, два Юрьи, а ободва .....: адинъ халбдный, другей галбдный.

Дѣти, жыта у клѣти, а на по́ло анё́ бали.

Хто у тро́йки гуляить, тэй сарочки ни маить.

Клади гной густа: ня будить у клѣти пуста.

Адинъ быу сыбо́чка брахлйвый, и таго воукъ зьѣу.

На што мнѣ крау́цы, кыли нима ауцы.

Ча ты худый, ти хварбу?—Нѣ, ни хвара́у, а патъ хворымъ сядѣу.

(*Ефремъ Буонсъ*).

У каго даугій языкъ, дыкъ шыро́ка даро́га ув ѕадинъ канецъ, а у другей дыкъ и вузкія пима́.

Гни бярёзу пакуль гнецца, а якъ ни сагнёшь, дыкъ самъ павісьнишъ.

Мала дайо́ть—бяри, а нядалёка шлють—ня йди.

Бясъ працы ни зьясиш кылача.

У Витбеську копейка, у Ворши яцо горшы, а Дуброўна ны усимъ роўна.

Дарога слиска, ды гыра ня низка.

(П. Полуяновичъ).

Рыба ищитъ глыбаты, а чилавѣкъ дыбраты.

Калъ ня ѣлѣшъ, дыкъ ба гола ни було.

Чаю ни ѣсй, у ротъ ни лѣзй.

Працуишъ-працуишъ, и смаку ня чуишъ.

Ни бутъ ни войтымъ, ни сватымъ—ни будишъ чилавѣкымъ прыкзатымъ.

Козы ни статыкъ, дѣуки ня люди.

Што ложъ нынатѣишъ, дыкъ пуза ныкатѣишъ.

Хлѣтку нагой копъ, а уаймку рукой хопъ.

Авечка кругомъ чилавѣчка.

Добрыя жонка хату прыгладѣитъ, а худая й рукавы рыстрысаитъ.

Якъ дамъ табѣ пыдъ цвятыю рабрыну.

Здавилу бы бака, калъ былй вяроуки.

Агъ нашыга парогу валися усю дарогу.

Бѣдна ни галинда, а тольки пихнуу, калъ ни дыхнуу.

Прутъ, дыкъ якъ ня умрутъ—якъ ладонвикъ.

Я пъ пупудьдя, вамъ ни руўна.

Кыли конь, дыкъ кизй, а кыли карова, то дывай мылако.

Адинъ сьвята ня зьдѣлынить.

Скольки у моры глыбаты, стольки да неба висаты.

Да неба стольки вярсьтиныкъ, скольки ны каши шарсьтиныкъ.

О, ты гъ га касйу, калъ хто касу насйу.

Што ваша бабы сѣлуютъ?—А што дѣлуютъ: таукутъ ды мелютъ, ядутъ ды с—тъ.

Дрэнныя дѣти ни быйцца кія, а слаўныя дыкъ быйцца кива.

Памнога ѣсь ни вялйка честь: ня будишъ быгатъ, ды будишъ пузатъ.

Али ты ладисься: усе рывно якъ сьвекырь нялёнки пытъ.

Усякій цыганъ сваихъ дятей хвалитъ: о, батыньку! маѐ билагаловики!

Хуть я малыя, а зы тябе вялшкыю хуваццы ня буду.

Богу малйцца у царкву, а абѣдитъ к пану.

С анныймъ пузымъ ва семъ абѣдыу ни справисься.

Хуть мала, ды присадиста.

Хто зь язычкомъ, тэй и сь пирашкомъ.

Хто крадитъ, тэй самъ сабѣ вѣку кырычаитъ.

Мы тады к вамъ прйдимъ, якъ ны сталѣ блины увйдимъ.

Сыбака вилаитъ хвастомъ, а аммальщикъ языкомъ.

(Дарья Ермоленкова).

Ни у кусьти сидѣтъ, ни с куста лятѣтъ.

Надномъ, надномъ уси памромъ.

Ны чужой старанѣ клянйся быравѣ.

Боха ня учитъ, якъ хлѣбъ радитъ.

На тихыга Бохъ нынясетъ, а жосткій самъ ныйажытъ.

Кыли ё—дыкъ ни нанитъ, а нима—дыкъ ня купитъ.

Хто хлѣбъ носитъ, тай ѣсь ня проситъ.

Старога кыня ганъ, ды на дворъ мапъ, а мыладога хвали, ды з двыра гани.

Старый воукъ знаитъ толкъ.

Старый воучылича знаитъ норылйича.

Ни стыявны у парбзи, ня будишъ сидѣтъ ны кутѣ.

Дай Божэ прыдатъ у двара, а купитъ ны базары.

Ласка ни кыляска: ни усьсядишъ, ни паѣдишь.

Доўгъ ня равѣтъ, а спатъ ни дастъ.

Душу упитау, дыкъ якъ Бохъ дау.

Вялйкій кусанкъ ротъ дяратъ.

Чужоя серабро кблитъ пыдъ рабро

Мижъ тѣсныхъ дыварей пална ни кладй.

Пашоуши ны тыньки, будишъ хадитъ гры дяньки.

Ни палѣйся Рыманъ ны чужой кырманъ.

Густыя каша дятей ни рызгыняитъ.

Сошнига цабудисься, ляйивыга цашлёсься.

Каму клыпатно, а пану ныпатно.

А быгатыга чортъ дятей калашытъ, а у бѣдныга зь люльки выкидаитъ.

Куды, вбуча, бяжышъ?—Ны удавйну кароуку.

Сыбачый брохъ да неба ни даходитъ.

Усѣ пакойники хырашы. *(А. Ромашин).*

Карэста ни папоустна, семъ гадоу адбудитъ, тады ни будитъ.

Кошка ня зъркыла, што упёръ—абы ни керкыла.

Пу матули усѣ роуны, а ны шкатули панъ.

Абъ ваныхъ малцыу здароуя гыварйтъ саромна.

Самъ ни зьясй, а другимъ рыздасй.

А я и быранкуу з голыду падъеу.

А дѣ Йеднька?—С—а зьѣла, и ны табѣ зубы пайстрыла. *(Гр. Вусъ).*

У дѣуки семъ скулъ ны баку и то ни у знаку, а замужъ зайдитъ, адна сидитъ и тая вадитъ.

Кыли жывѣцца, дыкъ жывися, а кыли самкнецца, дыкъ тольки дзряхися.

Добрыму чилавѣчку ё мѣста и у запечку, а былгатѣ нима мѣста и на кутѣ.

Макъ чорный, ды салбткій, а рѣпька бѣлыя, ды горькыя.

Кыли ёсь у кылитѣ, дыкъ садитъ ны кутѣ, а кыля увйдютъ хатулъ, дыкъ пытаюцца: агкуль? *(Т. Голасъ).*

Дай Божа спажытъ, што у чужой клѣти ляжытъ, а у сваей нихай дали пыляжытъ.

Сиорна у дяжу!—Спасиба, сто рублей табѣ у машну в жаниха (или невѣсту) ны вяяну.

Пень твай малину.

А кагб Раштво, а у насъ ни што.

Нидумѣлый дуракъ хужы злога злобника.

Рыввязауся мѣхъ ни на смѣхъ. (Утѣшене родильницѣ).

Адну сыбака нѣсьню умѣу, а ты и тую атыбрау.

Калъ ты ат вѣтру мытауся ды за згароду дяржауся.

Кыля пыработуу, ни грахъ и адцыхнуть.

У в адйнъ часъ усё лупыла. (О пожарахъ).

Семь готь у зайчику сидѣла, ищё ны свадьбу зыхатѣла. (Или: пасьпѣла).

Пакуль на вѣвкуразьлё атмалйуся, дыкъ ны истрабьё забыуся. (Стихи нищихъ о скотинѣ и о пивѣ).

Ты вѣдыишь пить, ды ни вѣдынигь якъ щитать.

Выигра съ прайгрый на адныъ кани ѣдить.

Мая систра ни удува, пыдывай сыда рубля сирыбра.

Мой шваgро ни удавецъ, пыдывай сыда чырванецъ. (Объ первоначально свадебныя).

Азъ, буки, вяди, глаголь, дабро—баба разьбйла вядро, клёпычки у печь, ня будить течъ.

Купи касу зы двйацыть капеякъ: ня будишъ касйть, будишъ гылаейть.

Будуть дарйги каминныя, будуть судй нипрáвидныя.

Будить го, што агонь мóжна у кырмани диржáть. (Древнія предсказанія).

Мае сынй удалнен: адинъ у міры, другёй у Сибіры, а третьтій на сьвѣту ходить ды людей зводить.

Ни бй ихая варóна: ни дираве́нськыя, ды гырыцкáя.

Ня ѣу тры гады, ня буду ѣсь пикады.

На Юрья вынускай усякыга дурня. (О скотѣ. Но можетъ быть и историческая).

Хто пабуся кыпаель, гэй ударуся анъ пень. (Отказъ къ копопляхъ).

Отъ крупейи дѣти паглунѣли, а якъ ни стала крупъ, стау батька глупъ.

Зыгыдай кабылу, а кабыла жырыбй.

Якъ нима вадй, дыкъ ни купйть, а якъ ёсь вадй, дыкъ ни пайть.

Питьтё—сьмятьтё, а пысядёнка дорыга.

Хто зъ барадой, таму зы вадой.

Пашлй дурукá за быкамъ, а ёнъ привадеть тёлку.

Н я ищó гнилóму тялёнку атарву хвостъ.

И ракуу ни хати, и с и ни мачй.

Моръ на вóшы!—Споръ на грóшы! (Взаимныя пожеланія).

А зы вашы гавóрки вамъ на шыи вяроуки.

Лáпыть ни кинясь, абуу ды у грась.

Кыжанóва матка оляшйвыя, сырэя капусты ня любить.

Ягó у ступу усадиуцы, у семъ тууначоу ни нупадёшъ.

Куды улѣсъ, такъ и атвѣть.

Капъ ни пыгбáтыи, дыкъ бы ни было пыкинирáтыя.

Лучшы у лужыну утанйцца, нячымъ гаплйвыю любйть. (Изъ пѣсни).

Ну, штучка: ня зьѣсь ни воукъ, ни сучка.

Капъ счасьлиу быу, вялйкъ росъ, батьку-матку зы хахóлъ тросъ. (Шуточное пожелание на крестинахъ).

Братъ нытъ систрою, якъ воукъ нытъ казóю.

Сядйть ны кани и кыня пытáить.

У тябé сумурдáки у нóси, трэба ихъ выгнать.

Кроу чылавѣчча ня вечча—ни прыпадеть.

Видишъ пу вычахъ што хадйй.

Дирауяына дираушыный и пáхнить. (Деревенщина).

Ни пыдняуши, ни кажы б.....

Я самъ Марка, жыпа мыя Варка: лѣтымъ касить было жарка, а зимой марóсъ,—усклау на восъ ды й навёсъ. (О лѣнивцахся работать).

Пыурагъ ти выйдить рашыта бобу

Дамъ габѣ спатигь кыла нохъ.

Цѣ и зóлыта дивáлыся, капъ ни упадáлыся.

Кыли будишь знать ды кыпца, сыстáрыпеся якъ лупá.

Якъ ударю, дыкъ цыбы рассйпилюцца.

Из Богымъ Хадзеба, айпомъ дарóшка.

Пятьтя дѣти: рыжжынёмся, якъ у пустухй найнёмся, тады намъ усе випуваты будуть.

Дамъ уранку ны бырáнку, а удень пить, а увечыры буду кіемъ бить. (Пугають дѣтей нищими).

Музыки ды круцца покалй ни ланыцца бырызнá ды кынца.

Хто Богу угóдить, ня будить галóдинъ.

Два дурни на сьвѣти: адйнъ, што кони нóчы свйшчыть, а другёй ни пытирáвшы йнчыть.

Заутры свиступоу будуть сунывать, тёрть и у ж... пёрть. (Свистать въ домѣ нельзя: запустѣеть, вѣтеръ только будетъ свистать).

Што ты, пустыня, свишчйшь: тутъ вубразй ёсь. (Тоже).

Рысгуцйся зимля мать—пойдить пьяница гулять.

Пабуся пупъ крупъ, зыхатѣу сала.

Зыгу... пйу сю свою пырáхвію.

Плювáть ны карэту, што лыпадей нѣту, сымá пувязеть.

Удавйная курыца и прясла ломить.

Аччагó грыжа (ссора) стала: кыли хлѣба ни стала.

Нихáй расьтёть батьку—мáццы ны патѣху, а людимъ ны зайздрысь. (Крестинное пожеланіе).

(И. И. М.-Далецкій, К. Гоника и др.).

IV. СКОРОГОВОРКИ.

Ча ты к намъ прыщоу: зы прысьмихаустьвомъ, ти за выпрысьмихуустьвымъ?

Я тябé прысьмихаустьвую и выпрысьмихуустьвую.

И вйкрувлю и выпрымлю, зы варóты дамъ и у пакно пыдамъ.

Пайду у лѣсь ны рябую карову. (Шмпка пиригывать дзьвинáнцыть разоу.). *(К. Гоникъ.)*

V. ЗАГАДКИ.

Два каты адйнъ комъ масла лйжуть.

Зыкалйлыся бярóска ны кажный дворъ ву сучку.

Чóрныя карóва пукалйла трасьнйкъ, а бѣлый быкъ пыднёу трасьникъ.

Семеоръ вукювала, адна матка пухувала, а дьвѣ и тяпере налюють.

Чорну чярнушку гонь пыдъ валюшку.

Ня тонь, ды пичёть.

— Перакыстися ды й лѣсъ ны маве.

Громъ грымавень, дожъ зылпёнъ, выдá ны калѣни, а панница пейди.

Мала маленька, зъ лѣсымъ раунёнька, а зъ лѣсу ни видать.

10. На день зыгыняють, на ночь выпускають.

Пшоу кылы шунулиныя хатки. выскычыли шунулиныя рибятки, якъ стали мяне шунулить, чуть ни зушунулили.

Ни свѣтъ-ни зыря бяжыть пѣсъ зыдирá.

Два гылыни у боти скачуть.

Пшоу дарогый, пшоу шырокій, виджу—дабро у дабра холить. Я узяу, дыбрá вырвуу и дабро дабромъ выгнуу и узнова дабрó у дабро уклиуу.

Бярýть у рыгатыга, прупускають скрось пыскановы, пылають у глиняныя, а з глиняныга у кытялыга.

Бочка стоить, бынары мётъ плыють.

Пашоу дяндра у лѣндру, узяу с сабой пасѣйника: выскычыу с кундры пугатыникъ, ухапиу пасѣйника; лѣндра ухапиу пандру и адбырапиу пасѣйника.

Сядить лѣндра на цендры, крычыть на кондру: ня лѣсь, кондра, у пендру, у пендры стаить кандра. (Объ—видъ условныхъ языковъ).

Узыйду на горку, аччиню каморку; кали ня дымъ, дык бы сыбаки зъѣли.

20. А у тёмный тямницы ткуть панны красьницы—ни вузлá ни пятьлицы.

Идеть мядьмѣдь пыт зямельлю, зямлю дярёть и вонъ кладёть.

Сядить мядьмѣдь на купницы у сваей халупницы, трясёнца, колотицца, аб усѣхъ клапотицца.

Шла баба логымъ, сустрала Бога: атними ат мяне тоя, чаго у тябе нима.

Стаить рузрубиха, у рузрубихи рызвалиха, у рызвалихи хохыла, у хохыли вохыла, у вохыли боутякъ, у боутяку пакыла.

Прыйдоу хто, узяу штo: гапися за имъ, нима вѣдыма за кимъ.

Пу вадѣ йдеть—ни пялёнцица, ны саломи йдеть—ни шалохница.

Аксенькій кырабочикъ с-пыт пыталыги глядить.

Што у хати безъ дна?

Пять пупъ, адна вароты.

30. Стаить чилавѣкъ и крычыть, а зъ ягó зямка бяжыть. А сиротки зыгарѣлися у сирётки, а у добрыга мылыцца пыкатилися с кынца. Рыскраспѣуся, рыспыхтѣуся якъ из лазьни, а с кынца капъ-капъ.

Карова кывалёва, а быкъ гынчарóу, абнялися, пувялися прямá у роу.

Сядить мядьмѣдька ны красныхъ нечкахъ.

Поуна балóнца кычаряжычыкъ.

Ѣхыли быягары, узяли маю пичу ны сани, а я крычу: аддай маю пичу.

— Дрыги дрыгають, жилы устыйають, голый дявылъ дирки шукаить.

Чатыри чатырнички, пятыя дубушычка, шыстая жывушычка.

Ѣду-ѣду ны старымъ дѣду, якъ прыѣду к броду — шусь у воду.

40. Прашу накорна пумачыть у чорна, ывуть — патерга ды й яцо уперти.

Мядьмѣдь стаить, а вушы плёщуть.

Пупя шырьстяная, замки зялѣзныя.

Што збудицца с тэй парόный, кали минёть сёмый годъ?

Пытъ капой мышы дохнуть.

Пошла рябина да Кіева, свае косьти покинула.

Дунь, дунь, дунь и вяеъ, пеньковый пытнирясь, и у баку дирка, а у заду шпилька.

Пайдрякъ валикъ, и пиндричка пивалячка.

Плѣтить на плинтъ яцо кавлинъ, усунуу пу пари и вынеу адинъ.

Десять братуу Пыппратуу ны пир—нову гару нёвыть тягнуть.

50. Пшоу, дьвѣ дароги нашоу и у кабѣдьвы пашоу.

А у панныга папа пысярёть пуза яма.

Ляталы бѣлая галуби, сѣли ны пирярýби.

Синенькій клубочыкъ шмыкъ пудъ лубочыкъ.

Ны якимъ дерёви дьвѣ шкуры?

Што у лѣси, а што у поли?

Што у доми, а што у вадѣ?

Сядить бабуся у сямй кажуси (хъ), хто не зачепить, тэй заплачить.

Батька тольки-што радуся, а сынъ ужо на крышы.

Лижыть лижанка, ны лижанцы бяжыть зьмія.

60. Стаить ялина, ны ялини пыскавйна, ны пыскавини аржанйна.

Адинъ идёть, а двáццыть сьлядóу дѣлыить.

Пшоу на поле хадёнь ны двынаццыть ногъ адинъ ступень.

Чатыры кытапычки пабѣгли ны палянычки, ухватили вутычку, высадили ны закутычку.

Што расьтёть дыгары карёньпимъ?

Сухая кабыла усё сѣно паѣла.

Мой братъ прукуратъ скрозь сьтяну гроны лочить.

Два сыбаки дарогу лижуть.

Матка таустуха, дычка красчуха, а сынъ висильника.

Миз дуба мизъ еля тила увяла.

70. Клюницца, клюницца, брыкъ и вытигницца.

У печы мочыцца, у вадѣ сушыцца.

Пагкйну пырапокъ пать тёмный лясóкъ, вырысьтить купкымъ пыт зялёнымъ дункымъ.

Хто ны сябѣ грясь тягнить?

А усё поля у ладычкыхъ.

А усё поля у свѣчкыхъ.

А усё поля у мутузкахъ.

У зимлю́ кро́шки, а зь зимли лиио́шки.

Улѣтку ни ель ни сыена, а узимку каро́уцы сиcтра́.

Адно налѣна у дьвюхъ нечыхъ гары́ть.

80, Матка вирыя́тка, до́чки пылизухи, сыны лыпутуны́, ба́тька шарыьтѐнь.

Силихонъ, убярись вонъ.

Абѣдыу, абѣдыу, а жывотъ ня вѣдыу.

Гось—сыдасьтёй, ѣсь мяса биз- касьтёй, гось сытъ, мя́са цэ́ла.

Скручу́, зьвярчу́, за моря пушчу́.

Ты братъ иди туды, а я найду́ сюды: на пу́навый гарэ́ сыйдимся.

На сли сядитъ, скрось клёнъ глядитъ, бярозы шытаитъ.

Туды рохъ, сюды рохъ, баслау́ Божа, лѣсь ны мяне́.

Чиризъ миску струнка.

Ѣху́ плухъ на чорный лухъ, за имъ пара слухъ, туды́ ѣху весилъ, атту́ль гылаву звеся.

Лятѣла пава, ны камёньня пала, каменьня пабила, мяртвыхъ узбудила, мяртвыя устали, у пишчыки зайграли.

90, У чыстымъ поли лижа́ть люди забитыя. мистыхъ людей стаи́тъ витылка, а у витылцы сямьи—краса; прыбѣхъ бута́тьникъ, ухвати́у сямьи—красу; мой милый дружокъ, карми насѣ́йнька, бяри́ суха дерева, дыгани бутятьника, адбяри́ сямьи-красу́.

Дьвѣ Гапу́ли, адинъ Гапо́въ.

У выдваго вупря́ два лычы́.

Миз дьвюхъ лесицъ нарэу́къ висить.

Намёрь кантурь, нима хаутурь.

Лятѣу тѣнь ны Пятроу дёнь, мѣнить волю нудь усими, нытъ цари́ми, нытъ кырыля́ми, тольки ня мѣнить воли што у мо́ри.

Рыгазюлька ны красный гарэ́ скачитъ, а чортъ мыхнатый сьмяёцца. Ни радуйся, чортъ мыхна́тый—будитъ [redacted] табѣ ёта.

Тры сястры́ па печь лѣзуть, ды ниразу ня узьлѣзуть.

Адынымъ снапо́мъ ёвию высаджу́, а два снапы́ меньшыхъ выстаницца.

Быу я ны пика́нцы, быу я ны лижа́нцы, быу я ны пыжа́ры, быу я ны таргу́.

Ста́рыя баба на печь лѣзитъ, ды ня узьлѣзитъ.

Самъ мя́кій, а хвостъ кылинэй.

(I. М.-Далецкій, Г. Карженицкій, И. Мишюкъ, Л. Шакура, В. Берестень, В. Мыська, Е. Смольнякъ, Г. Вусъ, И. Суботникъ и др.).

Отгадки.

1, Сани. 2, Дорога и стежки. 3, Ночь, день и люди. 4, Деревья лиственныя, хвойныя и снѣгъ. 5, Горшокъ. 6. Водка. 7. Сорочка. 8, Водяная мельница или печь въ банѣ. 9. Серпневина. 10, Лапти. 11, Пчелы. 12, Стрѣлецъ. 13, Толкачи въ ступѣ. 14, Конь во рѣки. 15. Корова, молоко, цѣдилка, кувшинъ, ротъ. 16, Свинья и поросята. 17, Дѣдъ, лѣсъ, собака, кустъ, волкъ, палка. 18. Дѣдъ, печь, кошка, каша. 19 Пчелы. 20, Пчелы. 21 Кротъ. 22, Мельница. 23, Грѣхи. 24, Хата, печь, огонь, горшокъ, вода, ложка. 25, Смерть. 26. Солнце. 27, Ветошокъ. 28, Скамейки. 29. Перчатка. 30-32. Самоваръ кипящій. 33, Ухватъ, горшокъ, печка. 34. Горшокъ на угляхъ. 35. Чашка и ложки. 36, Сковорода и колбаса. 37, Кросна, поножи, челнокъ. 38, Люлька съ ребенкомъ. 39. Ведра. 40, Дегтярка. 41, Ступа и толкачи. 42, Сѣрмяга в пуговицы. 43, Пойдеть восьмой. 44, Уголья въ печуркѣ подъ золой. 45. Пенька. 46. Бочевокъ. 47, Чепельникъ и чепела. 48, Блинъ. 49—50, Надѣванье брюкъ. 51. Корыто. 52, Зубы. 53, Глаза. 54, На березѣ. 55, Кленъ и ленъ. 56, Клинъ и линь. 57, Лукъ, 58, Огонь и дымъ. 59, Желѣзная дорога. 60. Столъ, скатерть, хлѣбъ. 61, Борона. 62, Колесо. 63, Телега, хлѣбъ, гумно. 64, Волоса на головѣ. Также: сажа. 65, Розвины (орудіе). 66, Буравъ. 67, Сани. 68, Евпя, токъ, цѣпы. 69, Цѣпъ. 70, Топоръ. 71. Воскъ. 72, Рѣка. 73, Колесо. 74, Слѣды копытъ. 75, Ржище. 76, Межи. 77, Рѣка. 78, Конопля. 79, Осъ. 80, Евня, метлы, цѣпы и токъ. 81, Дымъ. 82, Грудной младенецъ. 83, Письмо. 84, Поясъ. 85, Пряха. 86. Сорочка. 87, Почепка въ ведрѣ. 88, Пѣтухъ. 89, Цыплята. 90, Младенецъ въ люлькѣ на полѣ, волкъ. 91, Лавки и столъ. 92. Почевки. 93, Косякъ. 94, Горшокъ. 95. Комаръ. 96, Кочерга и помело. 97, Беременность. 98. Горшокъ. 99, Печурка. 100. Щетка.

VI. ЗАГОВОРЫ.

Атъ крывй.

1, Ишоу Максимъ шырокый дарогай, ишла Вульляна кылы камия. Якъ Вульлйна камия ни стро́выла, конъ такъ кроу ни ка́вула.

(Тры разы кызать и мёнинымъ пальцымъ анчиркывать).

Атъ круга (лишая).

Намазывая оконнымъ потомъ:

2, Крухъ, крухъ, дабры́-динь—прыпадй за день! Крухъ, крухъ, дабрй-вечирь—прыпадй за вечирь. Крухъ, крухъ, дабра-ныч—прыпадй за нычъ. (Смотря по времени произнесенія заговора).

Пада да со́нца расу́ сьбирать изъ вакна и мёзинымъ пальцымъ кругомъ лишый мазыть и кызать:

3, Крухъ, крухъ—лишай! пашоу сьвиньнямъ милай!

(И. Мартусевичъ).

VII. ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

У марцы мѣсецы у воскресный день Мать Прысьвитая Быгародица сычывала на Волгій гары тры дьни, тры ночы, тры часы. Прышоў ды яе Сусъ Хрыстосъ.

— «Мать Прысьвитая Быгародица Ладычыца! Ти спишь, ти зришь, ти спрасонку во сьни видаишь»?

— Сынку мой любезный! Я сплю и зрю, спрасонку во сьни видаю: 'зяли Хрыста на муку, рысняли на ветры, на педры, ны свитымъ кынарбси, ны 'Дамывый галоўцы, прабили правый бачокъ копіимъ. Вытякло ны 'Дамывый галоўцы тры кровы: першая кроў гаруча, другая кроў нягрэшна, трэтя кроў ниемяртэлна (безгрѣшна, безсмертна).

— «Мать Прысьвитая Быгародица. Што видила ва сынѣ, то будить ні яви: здамся, здамся зы хрыстяньськыю кроў на муку!»

Мать Прысьвитая Быгародица зыплакыла—зырыдала.

— Сынку мой любезный: сь кимъ мяне кидаишъ?

— «Ни плачь, ни рыдай, Мать Прысьвитая Быгародица: во тры дьни выскрасну и на ныбеси ўступлю и тябе, мать Прысьвитая Быгародица, з душою-тѣлымъ вазьму, ў суборы ны прыстоли пылажу, на ўвесь бѣлый сьвѣтъ у грамыту упишу. Аццы и прароки стыяли ны выдахъ, ны рыкахъ, ны святыхъ Ирданяхъ, сы сьвичами, сы крыжами, чесными абрызами, и тябе, Мать Прысьвитая Быгародица, 'спымипали и мине, Суса Хрыста Сына Божа, ўзьвиличали».

Хто Прысьвятыя Быгародицы сонъ 'спомнить, таму Бохъ грахоў уволить, атъ агняныга пыжару, атъ напасьтп, атъ напрасьпицы, сыхранить Бохъ и намілыить на мнотыя лѣта.

Отъ кр. с. Высокаго Ст. Шавеля, 80 лѣтъ. запис. г. М.-Даленкій.

А у лужочку, на крутинькимъ биряжочку,
Стаить цэрьква муруваныя.
А ў тэй цэрькви прыстолъ стаить,
Зы прыстолымъ Божжыя Мать сядить.
Ина сядить, листы пишыть,
Сильно плачыть, тяшко уздыхаить,
Тяшка ўздыхаить, узрыгаить.
Прышла ды яе сьвента Марія,
Сьвента Марія пытаицца:
— «Чаго, Божжыя Мать, сильна плачышъ,
Сильна плачышъ, тяшка ўздыхаишъ,
Тяшка ўздыхаишъ и ўзрыгаишъ?»
— А якъ жа и мнѣ ни плакыть, ни ўзрыгывать:
Што майго Сына жыды ўзяли,
На крыжъ ручки рысьпивали,
Капъёмъ сэрца прыбивали,
Гарочу кроў рызьливали,
На семъ сажынь у зямлю пущали,
Дярвэўнкымъ прыклыдали,
Каменьнійкымъ зыкычали...

— «А йди, Божжыя Мать, къ свайму Сыну,
Вазьми ключы пякельныя,
Атамкни пекла ниугасимыя
А пусьти душы нягрэшныя.
Адну душу ни выпушчай,
Тая душа грашнѣй за ўсихъ:
С ацомъ, з маткый пысварылыся,
З большымъ братымъ пабилыся,
Большый систрэ кроў спусьтила—
Вотъ тэй душэ рай зычынёный,
Рай зычынёный, пекла адчынёныя».
Пашла душа узрыгаючы,
Аца-мати прыклинаючы:
Быдай проклиты ацець мати,
Чаму мяне малыю ни учыли,
Маё тѣла ни двыжыли [1]).

(Зап. М. Матюкъ).

VIII. ПРИЧИТАНІЯ.

Причитанія матери по ребенкѣ.

1. А мой жа ты сынуличка! А мой жа ты любядюличка! А чаго ж ты, мой сынуличка, ат мяне утикаишъ? А ти я ж табѣ надаѣла?

2, А скажы ж, скажы, мой сынуличка: а кали ты ка мнѣ прыдишъ у госьтійки? А ти з васходу, а ти з захыду? Кап я знала, мой ты любядёчикъ, кали ты прыдишъ ка мнѣ, тады и я ничога и ни работыла...

3, А ты ж найдишь, мой сынуличка, у хатычку дужа тёмныю,—бизваконныю. А тамъ жы дужа тёмна, мой сынуличка! А тутъ жы ты дужа баяўся тёмныга, а тяпёрь жы ты идешь у хатычку тёмныю и бизваконныю и ни баисься...

4. Гасьтюй, гасьтюй, мой ты сынуличка! Нямношка ж табѣ ужо у насъ гасьтювати. Прасі ж, прасі, сынуличка, свайхъ тётишикъ и дядишыкъ, кап яны тябе прыбрали...

5, Прыпчай, прыпчай, мой сынуличка! Прыходицца нсъ табой рыстраяцца на вѣки,—мой ты сынуличка, мой любидюличка!...

6. Упруўлимъ жа мы тябе, маё дитятычка, прота лѣтичка, прота гопльыга! А усп ж дѣтычки будуть на вулицы гуляти и красычки првати, а майго ж жы дитятычки ня будить видати!...

7. Агарчыў жа ты мяне, маё дитятухна!... Знать жы ты ны мяне дужа разгнѣвуўся,—што ты са мной ничога ни гаворышъ... Знать жы ты, маё дитятухна, дужа Боху ўгодивъ, што Ёнъ тябе ат насъ атнимаить, къ Сабѣ у выслужвычки...

8, Пытихусиньку вы, маё дядички, яго вы сьнимайтя. Яго ж костычки дужа болныя...

9, Ти прасіў жа ты, мой сынуличка, свайго татуличку, какъ ёнъ табѣ запрёхъ свайго коника заѣхыть у хатычку, дужа тёмныю, бизваконныю? За-

---

[1]) Ср. подвижникъ.

мкнуть жа тябѣ, маё дитятычка, трёми замочкыми. Первый жы замочыкъ—грабовыи дощычки; другсй жы замочыкъ—жоўтый пясочыкъ, а трэтьтій замочыкъ—травычка муравычка...

10. А я ш к табѣ, маё дитятычка, буду хадить кажный днячыкъ. Я ш буду ны табѣ кукувати, тябе ў госьтійки к сабѣ звати... Якъ жа мнѣ забыцца ёткыга дитятычку, ёскыга любинькыга? Ёнъ жы висялйў жы нашу усю сямейчку... Мой ты дитятычка! мой ты любинькій сыночыкъ...

(*Запис. кр. Гонакъ*).

IX. ПѢСНИ РОДИННЫЯ И КРЕСТИННЫЯ.

Ай у нядѣльку вельма ранинька
Што ў неби зызьвинѣла?
— Госпыть Бохъ идёть и долю нясёть
Етыму дитяти.
А пытаицца у Бугурódицы:
— «Якую долю дать дитяти?
Ти грышавую, ти дыжжавую,
Ай ти тую випьчалыю?»
Бабычка сядить и Бога просить:
— «Дай, Божа, усякыю!»

—

Ай у нядѣльку вельма ранинька
Што у неби зызьвинѣла?
— Госпыть Бохъ идёть и долю нясёть
Етыму дитяти.
А пытаицца у Бугурódицы:
— «Якую долю дать дитяти?
Ти грышавую, ти дыжжавую,
А ти тую випьчалыю?»
Кумычка сядить и Бога просить:
— «Дай, Божа, усякыю!»

—

Ай у нядѣльку вельма ранинька и т. д.
Кумочикъ сядить и Бога просить:
«Дай, Божа, усякыю!»

Кап я знала—вѣдыла,
Што ты у мяне бабый будишъ—
Пысадила и я тябе
У гаради ны градѣ,
Пыливала и я тябе
Ни вадою, ды сытою,
Кап сыты ни стала,
Я и меду дыстала.

—

Кап я знала—вѣдыла,
Што ты у мяне кумой будишъ—
Пысадила и я тябе и т. д.

Кап я знала—вѣдыла,
Што ты у мяне кумымъ будишъ—
Пысадила и я тябе и т. д.
Я й меду и дыстала.

Кылы двыра сьтежычка,
Кылы двыра дарожка.
Туды и ишла бабуська,
Туды и ишла любуська.
Суструкаить Госпыть Бохъ,
Суструкаить Духъ Сьвятэй.
— «Куды идешь, бабуся,
Куды идешь, любуся?»
— Ай на кьетинки, Госпыть Бохъ,
Ну муравинки, Духъ Сьвятэй!
— «Што ты нясешъ, бабуся,
Што ты нясешъ, любуся?»
— Пялёнычки, Госпыть Бохъ,
Пялёнычки, Духъ Сьвятэй!

—

Кылы двыра сьтежычка,
Кылы двыра дарошка.
Туды и ишоў кумочикъ,
Туды и ишоў гулубочикъ.
Суструкаить Госпыть Бохъ и т. д.
«Што ты нясешъ, кумочикъ,
Што ты нясешъ, гулубочикъ?
— Чирвоньчики, Госпыть Бохъ,
Чирвоньчики, Духъ Сьвятэй.

—

Кылы двыра сьтежынька,
Кылы двыра дарошка,
Туды ж ба йшла кумуся,
Туды ж ба йшла любуся!
Сустрикаить Госпыть Бохъ,
Сустрикаить Духъ Сьвятэй:
— «Куды идешъ, кумуся,
Куды идешъ, любуся?»
— Ай на кьетинки, Госпыть Бохъ,
Ну муравинки, Духъ Сьвятэй.
— «Што ты нясешъ, кумуся,
А што нясешъ, любуся?»
— Ныпрятычикъ, Госпыть Бохъ,
Ныпрятычикъ, Духъ Сьвятэй!

А кап я ета знаў,
А кап я ет вѣдуў—
Я ж бы тябе бабый ни ўзяў:
Ина й гарэлки ня пьёть,
Ина й пѣснинъ ни пяёть.

—

А кап я ета знаў,
Кап я ета вѣдуў—
Я ж бы тябе кумой ни ўзяў:
Ина й гарэлки ня пьёть,
Ина й пѣснинъ ни пяёть.

—

— А кап я ета знаў,
Кап я ета вѣдуў—
Я ж бы тябе кумымъ ни ўзяў:

Ёнъ гарѣлки ни пьётъ,
Ёнъ и пѣсинъ ни пяетъ.

А сядѣли у бясѣди
Мужы чесныя.
А радили яны раду,
Раду добрыю:
Аччагó а сьвѣтъ—Мысквá
Зыгарѣлыся?
Зыгарѣлыся сьвѣтъ—Мысквá
Атъ удовушки.
А згарѣла тры цэркуўки,
Тры суборнинькыхъ;
А згарѣли тры папы,
Тры духоўнинькыхъ;
А згарѣли тры дяки,
Тры паўчонинькыхъ.
А ни жаль жа трёхъ папоў,
Трёхъ духоўнинькыхъ,
А ни жаль жа трёхъ дякоў,
Трёхъ паўчонинькыхъ
А и жаль жа тры цэркуўки,
Тры субóрнинькыхъ.

(*Л. Ермоленкова*).

X. ПѢСНИ КОЛЫБЕЛЬНЫЯ,

дѣтскія, игорныя, шутливыя.

Люли-люли-люли,
Прылятѣли вўли;
Сѣли-пали ны варотыхъ
У чырвóныхъ ботыхъ.
Стáли яны бркуваць:
Чымъ Иванька гудуваць?
Адинъ кажыть: пирашкóмъ,
Другéй кажыть: мылачкóмъ,
Трэтьтій кажыть: сытóю,
И палóжымъ спаць с сабóю.

Люли-люли, спать-мыўчать,
Я сь (я жъ) тябе буду кылыхаць
Кап табѣ було смáшна спать.

Иди, котикъ, ни вурчи,
А Иванька спи—маўчи;
А ны ката вуркыта,
А ны Иваньку дрымытá.

А пеикъ, котикъ, ны таржóкъ!
Прыняси Иваньку пиражóкъ,
И самъ трóшку укуси,
И Иваньку прыняси!
А пеикъ, котикъ, на вулку,
Прыняси Иваньку хлѣба булку,
И самъ трóшку укуси
И Иваньку прыняси!
Иди, котикъ, на рынык,
Прыняси, котикъ, скарынык,
И самъ, котикъ, ни зьяси,
Асталнóя прыняси!
Иди, котя, ни вурчи,
А Иванька, зьѣху, маўчи!

Зайчикъ дрóвы сячетъ,
Казёлъ дрóвы носитъ,
Кыза хату тóпитъ,
Ауцá муку сѣитъ,
Сьвинья дяжу мѣситъ,
Кроликъ мыитъ столикъ,
Каўки мыютъ лаўки,
Кошки мыютъ лóжки,
Лиски мыютъ миски,
Блыха хату мятетъ.
Зайчикъ атьсѣкъ пальчикъ,
Казёлъ в драўни пувалиўся,
Кыза хату спалила,
Ауца муку рассыпыла,
Сьвинья у дяжу увязла,
Кроликъ пыщипаў столикъ,
Каўки пылымали лаўки,
Кошки пыщипали лóжки,
Лиски пабили миски,
Блыха вѣникъ рассыпыла.
(Каждая строка два раза).

Мужыкъ —вожыкъ
Прадаў нóжыкъ,
Купиў мыла,
Памыў рыла.

Латки—латки
Дяковы рыбятки
Гарóхъ мылатили,
Цапы вулумали,
За ѣвинъ зыкидали,
Дяку ни скызали.
Дякъ зыбраниўся
И с пылаць звалиўся,
Дячиха сь печи—
Пабила плечи,
Питухъ зь имки—
Пабиў клямки,
Курица с палицы—
Пабила шклянийцы.

А чи-чи сарóка,
Куды лятишь далёка?
Сѣла-пала ны таку
У чурвóнымъ кылпаку.
Ня би мяне ны баку.
Буду табѣ гóтъ служыть,

Сахў ня паля пасйть.
Прышоў ў поля—сахй нимá,
Прышоў у дворъ—жапы́ нимá.
— А йдѣ́ жапа?—У мякйпи!
— Што радила?—А Якима!
— Хто куму?—Сыбака!
— Чимъ завýть?—Кылбака!
— Идѣ́ ляжи́ть?—Пыд лаўкый!
— Чимъ пакры́ўся?—Кыраўкый!
— Йдѣ́ мыкали?—Пут кутóмъ!
— Чимъ пакры́ўся?—Лускутóмъ!
И прибѣ́ўцы канéцъ,
А мнѣ́ мéду карэ́цъ.

———

Питушóкъ, питушóкъ,
Зылатэ́й грыбяпёкъ!
Ны салóмцы спаў,
Ёнъ ра́па уста́у.
Пу вадйчку пашоў,
Мыладйчку нашоў;
Мыладйчка дыбрá,
Яму́ штóвики дыла,
Ёнъ и тя́я ни знасйў
И другéя пупрасйў.

———

Мати сына радила,
На коника садила,
Шаўкóвыя пувадá,
Вяди кыня́ ды вады́.
Арэ́хува карыта
Пóўна вады́ палйта.
Тамъ мальчики ноги мыли.
А дѣ́вычки ваду́ пйли.
А дѣ́вычки чатыры,
Кап ихъ чэ́рьви стачили.
А мáльчикуў пять, пять—
У зóлыти сьпять, сьпять.

XI. ПѢСНИ СВАДЕБНЫЯ.

Бóжыя рада ды нирылятѣ́ла
Чирысъ брусъ ды бялёвинькій,
Чирисъ столъ ды тисóвинькій—
Радыйся сярдёчка татýлькина!
— Тады маё сярдёчка рудувáлыся,
Якъ маё чáдюхна нырыджáлыся (нарожалося).
Тяпéрь маё сярдёчка рыдашнѣ́й стáла,
Якъ маё чáдюхна прыбрáлыся.
Прыбрáвшыси чáдюхна, зы сталóмъ сѣ́ла,
Зы сталóмъ зы тисóвинькимъ,
За брýсымъ зы бялёвинькимъ.
За кýпкымъ зы вином зы зялёнинькимъ,
А зы пирагóмъ за шпóньвинькимъ.

———

Ня стой, Гóспыть Бохъ, пыдъ вакнóмъ.
А хадй, Гóспыть Бохъ, у хáту.

Сиратѣ́ долючку пирашли.
— Я и у хатыньку ни пайду.
Я и ў сѣ́вычкахъ выстаю.
Чирысъ людей выгляджу.
Спратѣ́ дóлючку пирашлю.

———

✓ Кап у насъ сягóньни ды ни сирида,
Улавили ж бы мы вирыбъя,
Аискýбли и ягó чиеьтинька,
А памыли и ягó бѣ́линька.
Зварили и ягó мя́кынька,
А па мисьхъ ягó рысклали.
А у дисятыя паўмиски.
«Ѣ́шьтя вы, сватіики, спыжывáйтя,
Тóлько ны кипэ́нихъ ни хувáйтя:
А наши сыбáки сярьдиты.
Яны вамъ кишэни пытарвуть,
Яны у васъ вирибъ́ину адбирýть.

———

А на вýлицы вы́тыла, вы́тыла, вы́тыла,
А на вы́тыли цэ́глипка,—3
А на цэ́глинцы цэ́ркуўка,—3
А на цэ́ркуўцы ныжычикъ,—3
А на ныжычку кры́жычикъ,—3
А на крыжычку булдоўка,—3
Ну булдóуцы гнязьдечка,—3
Ны гнязьдёчку яечка,—3
А ны яечку ластувица,—3
Сидйть ина висóка,—3
Глядйть ина далёка:—3
Што ў Будпицы дѣ́вица?—3
Дéвить дитюкóў жáвицца,—3
А дисятый вимча́лица, вимчалица, вимча́лица.

———

Пóйдимъ, дѣ́вычки, лёпку брать,
Пóйдимъ, душычки, лёнку брать!
Ныбярёмъ мы рукавички
Ны сваё бѣ́лы ручки,
Ны сваё, ны сваё.
Стрэ́нимъ мы Андрэ́йку, Андрэйку, Андрэйку,
Ёнъ ѣ́дить, ёнъ ѣ́дить,
Ёнъ ѣ́дить с Чижóўки:
Ягó пýза, ягó пýза,
Ягó пуза з начóўки.
Ёнъ ѣ́дить (3 раза) с над лёду,
Ёнъ вязéть (2), визéть гарщóкъ мёду.
Ёнъ ѣ́дить (3) с паткýтьтя,
Ёнъ вязéть (2), вязéть восъ лашкýтьтя.
Ёнъ ѣ́дить (3) с патпéчча,
У ягó (3) шапка капэ́ча.
Ёнъ ѣ́дить (3) с над дýба
И нимá (3) ў ягó зýба.
Ёнъ ѣ́дить (3) с пыт грядыкъ,
Ягó кóничикъ ни гладыкъ.
Ёнъ ѣ́дить (3) с над вéрбы,
И видéть ковика за рэ́бры.
Ёнъ ѣ́дить (3) с над грýшы.

Атлѣли (3) чёрьви вўшы.
Ёнъ ѣдить (3) с ныд жарэ́ньня,
Ёнъ вязёть (2), вязёть восъ карэ́ньня.

Пышла дѣўка ну ваду́, ну ваду́, пу ваду́,
Нытавила вёдры ны ляду́, ны ляду́, ны ляду́.
Станьти вы вёдры кымянёмъ, (3)
А начо́нычки лупцуго́мъ, (3)
А каро́мислъ я́ворымъ, (3)
А я мыладе́нька вярбо́ю (3)
Пат кру́тыю гаро́ю, (3)
Ват быйстрыю ряко́ю. (3)
Ѣхыли купцы́—тыргаўцы́, (3)
Стали сту вербу сѣчь—рубить, (3)
Ды на до́щички ськи́пати, (3)
Звонкія гусьли выймати. (3)
Каму́ еты гусьли ва́дыби? (3)
На́ды е́ты гу́сьли Антону, (3)
Сына жанить Иваньку, (3)
Дачку́ двывать Ма́рьичку, Ма́рьичку, Марьичку.

Зыгрибай матка жаръ, жаръ,
Кыли табѣ дачки́ жаль, жаль.
Зыгрибай матка по́ниль, по́ниль,
А мы тваю дачку́ схо́пимъ, схо́пимъ.

Аччини, та́тухна, варо́ты, варо́ты,
А вязёмъ мы чорта з баліо́та, з балота!
Ай играй, музыка, ни сьтихай,
Ўжу́ тваля плата одда́та:
Вирабе́ичка у страсѣ,
А кычанъ капусты ны градѣ.

Кап табѣ, су́жынька,
Котъ вочи лупну́,
Якъ ты мнѣ, сужынька,
Чирявикъ ни купну́.
Кап табѣ, дѣвычка,
Сыва́ вочи дра́ла
Якъ ты ў мяне, дѣвычка,
Чирявикъ ни бра́ла.

Куку́ аб мяне́ маму́лька
Сяго́пинній вечирь,
Вышлу́шы зы варо́ты,
Пыгандать будишъ:
А йдѣ, дѣ дачу́шка падѣлыся:
Ти с сыкало́мъ, ти з либядёмъ
Ў поля пылятѣла?
— З мыладымъ су́жынькымъ
А паѣхыла.

А чаму ш вы, сва́тьтійки,
А ни пінтё, а ни пінтё?
— А пяе́цца жжа намъ пу душэ́, (2)
У чужымъ платьтійку,

Сѣдя ну кутѣ (2).
А на́тя вы, дѣтухны,
Зыня́сптя, (2)
И людёмъ спасиба скажы́тя.

Ру́та мята зилёва́я,
Нисаджо́пыя (2),
Пла́чить, пла́чить красна дѣ́ўка
Зыручо́пая. (2)
Умылыся, прыбра́лыся,
На рыньнкъ пышла́. (2)
На рынычку спулюбила
А трёхъ мыла́йцо́ў. (2)
Адинъ дяржить за ру́чпньку,
Другей зу рука́ў, (2)
Трэ́тьтій стайть, сэ́рца балить,
Любну́ ды ни уалу́. (2)
Дыбря було́ дяўчо́ныццы
Гасьтипьчики бра́ть, 2
Дыбря было дяўчо́ныццы
Гарэ́лычку пить. 2
Ў майго́ та́ты дворъ вялийкій
Новый чистако́лъ, 2
А и ныт таго́ чистако́лу
Вылита́ў сако́лъ. 2
Я ду́мыла, я гыда́ла,
Што сако́лъ, сако́лъ— 2
Ажны майго миленькыга
Варо́ниньній конь. 2
Прыѣхыли чужаземцы
Хочуть мяне́ ўзять (двы разы).

А лятѣли пта́шычки
На три стадички—
Зязюля напе́риди.
Пта́шычки пали,
Зыщибита́ли—
Зязюля зыкукувала.
Ай ншли дѣвычки
Чирысъ сѣнычко—
Ва́ричка напе́риди.
Дѣвычки сѣли,
Пѣсьни запѣли—
Варичка зыплакыла.
Пришла ды яе́
Ма́мычка яе́
Ды пыта́пцца:
Чимъ-чаго́ дитятка,
Чимъ-чаго дырагоя,
Едыкъ сильна плачишъ?
— А ти табѣ жаль
Падворья майго,
А ти ста́рысьти мае́?
А ни жаль жа мнѣ
Старысьти тваё
Ни падво́рійка,
Ай жаль жа мнѣ, жаль,

Сваѐ русыя касы́,
Ды дявоцкія красы́.

Зиляна́я ты дубро́вушка,
Знать у тябе́ дубъя много,
Бярёзычки ды ни розычки,
Алёшычки ды ни вѣтычки.
— Быў у мяне́ адинъ дубо́къ,
Таго́ буря пылымала.
Мылыда́я ты Марьёшычка,
Знать у тябе́ ма̀тыкъ многа,
А ро́дныя ды ни во́дныя.
— Была у мяне́ адна родныя—
И тая Богу ўго́дныя.
Пиратъ Бо́гымъ стаи́ть,
Ручки па̀крышъ дяржы́ть,
А у Бога про́сицца:
«Пусьти ш мяне, Божа,
А зь не́ба на зе́млю
Ныляди́ть мнѣ свайго́ дитяти:
Ти харашо́ прибярёна,
Ти высока пысаджо́на?
— Прибярёна, якъ пыня́тычка,
Пла̀чить она, якъ дитятычка

Пылъ ды дымъ, пылъ ды дымъ
Ды на вулицы,
Ны кани Миха̀лька
Ды вайоцца,
Ста̀рыхъ бапъ, старыхъ бапъ
Ёнъ меччу валить.
Ма̀линькыхъ рыбятыкъ
Ды канёмъ топчить,
Мылады́хъ жонъ, мыладыхъ жонъ,
У шарёнъ ставить.
Кра̀сьнинькыхъ дѣвычикъ
Зы сабо́й водить.

Выйди, выйди,
Ныста̀сичка, сь тирима́,
Вынись, вынись
Кубыкъ мёду, два вина,
Частуй, частуй
Ста̀ршыго свата ны кани.
Конь сивинькій,
Самъ щасьли́вынькій —
Ста̀ршый сватъ.
Конь ка̀рынькій,
Самъ старынькій—
Сьвякорка.
Конь выранёнькій,
Самъ мыладёнькій—
Деверка.
Што у тла́си,
Коникъ пляшыть—
Сўжынька.

Ель мыя́, ель, 2
Ель зялёныя!
Ти ўсё ны табѣ,
Ель мыя, ель,
Тваё вѣтьтійка?
Ўсё ны мнѣ, 2
Маё вѣтьтійка,
Тольки нѣть, 2
Нѣтъ макўшычки,
Самыя вышнія вярхўшычки.
— Ти ўся ны табѣ, Ма̀рьичка,
Твыя радина?
Ўся ны мнѣ, 2
Мая радина,
Тольки нѣтъ, 2
Ро́дныя мамки.
Прысла́ли ат Бога
А два ангыльки,
Ўзяли ма̀мычку
Зы пытпа̀шыньки,
Пувяли мамычку
У даль далёка,
Замкнули мамычку
У тры замки.
Первый замо́къ, 2
Тра̀ўка мура̀ўка,
Другій замо̀къ, 2
Жо́утый писо́къ,
Трэтьтій замокъ, 2
Грыбавэя до́ски.
А ўзго́ньтя, ўзго́ньтя
Ды табунъ ко́ній,
Вытрутя, вытрутя
Тра̀ўку мура̀ўку,
Прайдитя, прайдитя
Дро́бны дожджики,
Размыйтя, размыйтя
Жо́ўтыя пяски.
А ўда́ртя, уда́ртя
Лютыя маро́зы,
Разьбийтя, разьбийтя
Грыбавэя до́ски.
Выпусьтя ма̀мычку
Ны нырадычку!
— Ни пайду́, дапу́шка, ни пайду́:
Сонъ маю, сонъ маю
Галоўку сыкланиў,
А на вѣки, а на вѣки
Спа̀тьки пылажыў.
Я ш табѣ сястрыцу
Спыради́ла,
Кап табѣ пыра̀тки
Пывади́ла,
Кап были пыра̀тки,
Якъ у матки.

Станьтя, бабычки,
А усё ў рядъ—
Пойдить Марьичка
Мамки шукать.
А ўвесь рядочикъ абыйшла,
Родныя мамычки ни зныншла.
Ужо ш мыя галоўка ў вяночку,
Нима мае мамычки ў рядочку,
Ужо ш мыя галоўка у квѣти,
Нима мае мамычки на сьвѣти.

А на вызярѣ вутычка ды купалыся,
Нукупаўшыси вутычка пусушылыся,
А ни выхади вутычка с трысьнику вонъ,
Прылятить птица арёлъ, забъёть тябе,
Рызальлёть твою туску па жоўтымъ пяску
Рассыплить сиза перья па синимъ мору.
У каморы Марьёшка прыбиралыся.
А ни выхади Марьёшка с каморы вонъ,
Прыѣдуть дивярьё тябе возьмуть.
Растрэплють русу касу па бѣлыхъ плечыхъ,
Рызальлють сьлёзыньки пу румянымъ личку.

Сьвисныў силязень на моры,
Зыплакыў кинсь мыладый у каморы:
«На што мине мыладога жэнитя?
Я ў етымъ дѣли ни бываў,
А на тёмныхъ нычахъ ни иждзяў!»
А зачуў ба тоя татулька:
«Дурачокъ, сыночикъ, неразумный!
Мы ш тябе адныго ни нашлёмъ,
Нашлёмъ мы тябе с сватами,
А усё з родными братами.
Большыга брата зы свата,
Меньшыю сястрицу зы сватьтю,
А сусѣдиньку у пыдбратьтю.

Драмлйва поля, драмлива,
Ны ягадыньки радлива.
Тамъ красныя дѣвица хадила.
Ина тяя ягыдки сыбирала,
Бяручи ягыдки заснула,
Ѣхыў сужынька—ня чула.
Ѣхыў ны кани—ни стыптаў,
Махнуў хустую—ни дыстаў.
Пыкатиў пярсьтёнык—ды ни дыкатиў.
«Сьпить мыя милычка, ня чуить,
Якъ мой коничикъ гарцуить:
Сьпить мыя милычка, ни знаить,
Якъ мой коничикъ гуляить.
Сьпи ш мыя милычка, сьпи душка,
Кыли ў тябе ўгылывахъ падушка.
Сьпи мыя милычка да обѣду,
Пакуль я ны тябе прыѣду.
У в абѣдъ дарують хустую,
А пабѣдыўшы дѣўкыю.

С пат лѣсу узыйшоў тучкую.
А па полю пашоў дождикымъ,
Пат дворъ пытхадиў ракою,
У варотыхъ стаў стралою,
Пысяротъ двыра съ сьвячою,
А ў хату ўлятѣў гулуицомъ,
За столикымъ сѣў мылайцомъ.
«Хади, мыя милычка, сять ли мяне!»
— Пыдажджи, милинькій, прыбяруся,
Па поисъ у зовлыта увъюся,
А па плечиньки ў спрабро.

(Дарья Ермоленкова и др.).

А ти я тябѣ, маминька, ня трэба,
Што 'ддаешъ мяне за дѣда?
А ў дѣда бырыда па поисъ,
Якъ ставить цулувать—наколить.

Зялёпинькій пыдалёшничикъ,
Кали росъ, кали рысьвидаўся?
— Я росъ у виликій постъ,
Рысьвидаўся проти лѣтичка,
Проти лѣта, проти тёплыга,
Проти вясны сытидёныя!
Мылыдая Кытярина,
Кали рысла, кали рузумѣла,
Кали ў люди пасьпѣла?
— Рысла ў матульки,
Рузумѣла ў братульки,
У сьвёкырки викувать будить.

А йдѣ ш мы бували,
А йдѣ ш мы ѣзьдили,—
Еткыга мы дива ня видили.
Кап матка дачкой пыбивалыся,
Зы правыю ручиньку вонъ выводить,
Ни хлѣба, ни соли ни выносить,
Вѣрныга словичка ни гаворить.

Сивый коня ны станицы рягочить,
Матка з дачкой рыстрятися ня хочить.
Сивый коня, заржы, заржы ўзнова,—
Астывайся, матка, здарова.

Гордыя тёща, гордыя!
Стаить зять зы варотыми,
А ны яго ды мятель мятёть,
А ны яго капли каплють,
А па имъ сукны мякнуть,
И синія, и зялёныя,
А ны вярху чирвоныя.
Ну ты, тёща сьцёха,
Накрый зятя мѣхымъ!

Чимъ-чаго, Андрейка,
Новясёлъ сядишъ:
Ти тябé, Андрейка,
Тéща била?
— Била мяне́ тéща
И ни жáлувыла
Мидяпымъ кýбычкымъ
Ды па гýбычкымъ,
Зылатымъ пярьсьтёнкымъ
Ды пу пальчику.

Ѣть, ѣть, Андрейка, ды ня баўся:
А дарóга твыя дóўгыя,
Тéщухна твыя гóрдыя,
Ина тябé ў вóчи ня прымиить,
Ина табѣ варóты ня 'ччынить,
Ина табѣ Кытярыпки ни пыкáжыть.
— Самъ жа я варóты аччыню,
И радинку па дворъ успушчý,
Самъ я Кытярынку спызнáю:
На плéчкыхъ у яе́ кóсынька,
А па личку яе слёзынька.

Силязéнька, а ти быў ты на мóры,
А ти вúдюў ты вутычку?
— Чамý ш я ня быў
Чаму ш я ня вúдюў—
На бéрышку сядѣў, па вýтычку глядѣў.
У мае́ вýтычки пéрья зылатéя,
Крылушки быйстрэя.
Мыладый Давытька,
А ти быў ты у тéщи,
А ти вúдюў ты дѣвычку?
— Чаму ш я ня быў,
Чаму ш я ня вúдюў:
За столикымъ сядѣў,
На дѣвычку глядѣў.
У мае́ дѣвычки лицо румяныя,
Плáтьтя шаўкóвыя.

(*В Корбинова и др.*).

XII. СКАЗКИ.

Вирябей и былина.

Стыяла былина. Лятѣў вирябéй, сѣў ны былину.
— Былина, былина! кылышы мяне́!
— Нѣ, ня буду!
— Ну, пыгади былина: пашлю я ны тябé казлóў! Казлы, казлы, пдитя былину ѣсьти!
— Нѣ, ня пóйдимъ!
— Ну, пыгадитя, казлы: пашлю я ны васъ ваўкóў! Ваўки, ваўки —идитя казлóў ѣсь!
— Нѣ, пя пóйдимъ!
— Ну, пыгадитя, ваўки: пашлю я ны васъ стральцóў! Стральцы, стральцы! идитя ваўкóў бить.
— Нѣ, ня пóйдимъ!
— Ну, пыгадитя, стральцы: пашлю я ны васъ вярóвыкъ! Вярóўки, вярóўки! идитя стральцóў визáть!
— Нѣ, ня пóйдимъ!
— Ну пыгадитя, вярóўки: пашлю я ны васъ агня! Агóнь, агóнь! иди вярóўки палить!
— Нѣ, ни пайдý!
— Ну, пыгади, агонь: пашлю я ны тябé вадý! Выдá, выдá! иди агóнь тушыть!
— Нѣ, ни пайдý!
— Ну, пыгади, выдá: пашлю я ны тябé валóў! Валы, валы! идитя вадý пить!
— Нѣ, ня пóйдимъ!
— Ну, пыгадитя, валы: пашлю я ны васъ даўбни! Даўбни, даўбни! идитя валóў бить!
— Нѣ, ня пóйдимъ!
— Ну, пыгадитя, даўбни: пашлю я ны васъ чарвéй. Черви, черви! идитя даўбни тачить!
— Нѣ, ня пóйдимъ!
— Ну, пыгадитя, черви: пашлю я ны васъ курэй! Куры, куры! идитя чарвей дюўбáть!
— Нѣ, ня пóйдимъ!
— Ну, пыгадитя, куры: пашлю я ны васъ истрабóў. Истрабы, истрабы! идитя курэй драть!

Истрабы пашли курэй драть, куры пашли чарвéй дяўбти, черви пашли даўбни тачить, даўбни пашли валóў бить, валы пашли ваду пить, выдá пышла агóнь тушыть, агóнь пашóў вярóўки палить, вярóўки пашли стральцóў визáть, стральцы пашли ваўкóў бить, ваўки пашли казлóў ѣсь. казлы пашли былину ѣсь, былина стала вирибѣя кылыхáть.

Котъ и лисица.

Быў у дѣда котъ. Нéчимъ ягó кармить. Прыгнáў дѣдъ кыта, даў яму кусóкъ сáла и скибку хлѣба.

Пашóў котъ у гумнó. Идéть лисица.
— Хто тутъ?
— Я тутъ!
— Хто ты?
— Котъ я!
— Ну, буть ты мой мужыкъ, а я буду твыя жóнка!

Котъ кáжить: буду!

Тады лисица пувила яго у сваю пичáру.

Идéть воўкъ. Лисица гаворить:
— У мине́ ёсь мужыкъ з дóўгий пикый: каго увидить, таго нáскрысь пракóлить!
— Ти бáчишъ ты!

Идéть барсукъ.
— Ага, у мипé ёсь мужыкъ з дóўгий пикый: каго увидить, таго нáскрысь пракóлить!
— Ти бáчишъ ты!

Идéть заяцъ.

— Ага! а у мине́ ёсь мужыкъ, з до́ўгій пикый: каго увидить, таго́ на́скрысь прако́лить!

— Ти бачишъ!

Идётъ бѣлка.

— Ага, бѣлка! у мине́ ёсь мужы́къ з до́ўгій пикый: кого увидить, того на́скрысь прако́лить!

— Ти бачишъ ты!

Заўпкайвалися зьвѣри, сыбралися на ёлку, глядѣть лисійцыныга мужука. А йдеть питу́хъ. Лисица каить:

— Ага, питу́хъ! у мине ёсь мужы́къ з до́ўгій пикый: каго увидить, таго́ на́скрысь прако́лить!

— Ну, пыкажы и яго́ мнѣ!

Лисица пувила питуха́ пыказывать свайго мужука. Прийшли к кату. Котъ питуха лапый копъ-копъ. А питухъ спужаўся ды: кудакъ-кудакъ! А воукъ, ды барсукъ, ды заяцъ, ды бѣлка думують, што лисицынъ мужыкъ крычить: «пыдай, пыдай ихъ мнѣ!» Спужалиси, якъ зычали валитца з ёлки—уткать, и пабилиси. Кату надоўга харчи стала.

Быкъ и ваўки.

Насиў быкъ по гораду косы, прыдываў, каму нада. Тады на быка говорутъ: нашто табѣ косы?

А быкъ говорить: буду касить!

Пашоў у дворъ, выкапнуў касу и пашоў касить.

Косить быкъ, идеть икъ быку воукъ. И гаворить быку:

— Ты быска?

— Я быска!

— Сѣна косишъ?

— Кашу!

— Рыгами крутишъ?

— Кручу!

— Хвастомъ мелишъ?

— Мялю!

— Ти бийсься ты мяне?

— Я васъ дисятярыхъ ни баюся!

Воукъ пашоў искать другога вуўка. Знашоў другога вуўка и гаворить: «Тамъ косить быкъ дужа крэпкій: мяне аднаго ни байцца!» Пашли удвайхъ ваўки к быку. Идуть и гаворутъ:

— Ты быска?

— Я быска!

— Ты сѣна косишъ?

— Кашу!

— Рыгами крутишъ?

— Кручу!

— Хвастомъ мелишъ?

— Мялю!

— Ти байсься ты насъ двайхъ?

— Ни баюся!

Пашли ваўки искать трэтьтига вуўка (и т. д. повторяются тѣ же діалоги, пока собралось пять волковъ.)

— Ти байсься ты насъ питярыхъ?

— Нѣ, ни баюся!

Пашли ваўки искать шостыга.

Тады быкъ ужу струсиў и пашоў у дворъ. Прышоў у дворъ, касу выкапнуў, найстрыў, а кыня наўчиў брыкать, а кызла наўчиў туўхать, а барына наўчиў баськти, а питуха наўчиў драть. Тады ваўки прышли ўшысьтирохъ, а быка ужу нима.

Яны пашли к быку у дворъ. Прышли и гаворуть:

— Ага, быска: струсиў!

— Нѣ, я ни струсиў, а я зыхатѣў палуднывать, дыкъ я пашоў у дворъ.

Тады яны за быка. А быкъ ихъ касой, а конь зычаў брыкать, а казёлъ стаў туўхать, а барапъ зычаў басьти, а питухъ зычаў драть—чуть ихъ ни забили, чуть тыи ваўки утякли.

(*Дм. Иовикъ*).

Дѣдыва рукавичина.

Жыў дѣтъ из бабый. Паѣхуу дѣтъ у лѣсъ и потиряў рукавичину.

Скачить люгашка. Прискакала къ рукавичинцы и пытаицца: «хто ў етый рукавичинцы жыветь?»

Нихто ни аттукаицца. Яна палѣзла ў рукавичину и стала жыть.

Троху спыгыдя паузеть ракъ.

Прыпоўзъ к рукавичини и пытаицца: «Хто тутъ, у етый рукавичини, жыветь?» А люгашка говорить:

— «Сыма папя-пытягуня. А ты хто?»

— А я ракъ тырабунъ! Ти можна мнѣ?

— Лѣсь!

Троху спыгыдя бяжыть зайчикъ.

Прыбѣхъ к рукавичинцы и пытаицца:

— Хто у етый рукавичинцы?

— Сыма папя-пытягуня и ракъ-тырабунъ. А ты хто?

— А я ну бярэзьничку-прыгунъ. Ну й я палѣзу к вамъ?

— Лѣсь!

Троху спыгыдя бяжыть лисица.

— Хто ў етый рукавичинцы?

— Сыма папя-пытягуня, ракъ-тырабунъ, ну бярэзьничку-прыгунъ. А ты хто?

— А я лисица-добрыя мыладица. Палѣзу й я к вамъ?

— Лѣсь!

Лисица ўлѣзла й сидить.

Троху спыгыдя идеть воукъ.

— Хто ў етый рукавичини жыветь?

— Сыма папя-пытягуня, и ракъ-тырабунъ, ну бярэзьничку-прыгунъ и лисица-добрыя мыладица. А ты хто?

— А я з—за куста хапунъ. И я палѣзу к вамъ?

— Ну, лѣсь!

Улѣзъ и воукъ.

Троху спыгыдя идеть мядьмѣдь. Прышоў к рукавичини и пытаицца:

— Хто ў стый рукавічкви жывёгь?

— Сыма павя-пытягуня, и ракъ-тырабупъ, ну бярэзьничку-прыгунъ, и лисица-добрыя мыладица, и з—за куста хапунъ. А ты хто?

— А я зверху пытискупъ. Пусьтитя мяне к сабѣ!

— Нѣ, у насъ нейдн!

— Ну, я зверху сяду!

Узьлѣзъ наверхъ, якъ тисканўў—и патйсныў усихъ на прыспакъ.

Зьлѣзъ з рукавицы, пыдийў бипяжокъ рукавйчишы, пыглядѣў—аш уси патиспуты...

(С. Мальковичъ).

Кыза Дарота.

Жыў сабѣ дѣтъ ды баба. И ни было у ихъ пикагó с скатйны. Пашоў дѣтъ у лѣсъ. якъ стўкнить у бярэзину—выскáкынить кыза бѣлыя. Ёнъ яе узяу за рóги и прывёу у дворъ.

— Ну, баба: дай!» Ина зьлѣзла сь пёчы, пыдайла, зыгила казу у хлѣу.

Ну другій день узяў дѣтъ пашоў у лѣсъ. Якъ стўкнить у рабйнину—выскычыла кыза рабыя. Ёнъ яе ўзяў за роги к прывёу у дворъ.

— «Ну, баба: ступай. дай!» Баба зьлѣзла, пыдайла, и зыгнала яе у хлѣу.

На трэтьтій день дѣтъ апять пашоў у лѣсъ не тыпарóмъ. Якъ стўкнить у насйнину—выскычыла кыза сйвыя. Ёнъ яе узяу за рóги и прывёу у дворъ.

— «Ну, баба: иди, дай!» Баба зьлѣзла сь пёчы, выдаила казў и у хлѣу зыгнала.

Ны чатьвёртый день апять узяу дѣтъ тапоръ и пашоў у лѣсъ. Якъ стўкнить у елку—выскычыла кыза чóрныя. Ёнъ узяу яе за рóги и прывёу у дворъ.

— «Ну, баба: дай!» Баба зьлѣзла сь пёчы, пыдайла, а казў зыгнала у хлѣу.

Тады, пу другій день нысылáить дѣтъ большыю дачкў пáсьвить козъ. Ина пыгнáла козъ у лѣсъ. Пáсьвила-пáсьвила ны мхахъ, пу балóтыхъ, у вечыры гóнить у дворъ. А дѣтъ стаў у варóтыхъ и пытáнида у козъ: козы мае, козыньки: ти пилй вы, ти ѣли? А кóзы кáжуть: пѣ, мы ни ѣли й на пили: ны кляновый лисьтйнцы зьѣли, ны пыпярстычку вадй вйпили. Дѣтъ узяў, дачкў забйў, пат печъ патканну, стўпый зыкатиў, скыварóдый завѣсиў, салóмкый пытпалйў.

Пу другій день выпрыулáить дѣтъ другýю дачкў пáсьвить козъ. Пыгнáла ина ихъ у лѣсъ, пáсьвила-пáсьвила ны мхахъ, пу балóтыхъ. Япй наѣлися якъ бочки. У вечыры пыпайла и гóнить у дворъ. А дѣтъ забѣхъ к имъ напёрытъ и пытáнида: ти ѣли вы, козынько, ти пилй вы?—Пѣ, дѣтъ,—ня ѣли мы и ни пилй, тóльки зьѣли ны кляновый лисьтйнцы и ны пыпярстычку вадй вйпили! Дѣтъ узяў, дачкў забйу, пат печъ паткипуу, стўпый зыкатиў, скывародый завѣсиў, салóмкый пытпалйу.

На трэтьтій день нысылáить трэтьтію дачкў пáсьвить козъ (и т. д. Козы даютъ тотъ же отвѣтъ. На четвертый день погнала козъ баба, и опять тотъ же отвѣтъ).

Ны пятый день ужў самъ пыгнаў дѣтъ пáсьвить козъ. Пáсьвиу, пáсьвиу ны мхахъ, пу балóтыхъ,—паѣлися, пыпилйся, у вечыры гóнить у дворъ. А самъ забѣхъ к имъ напёрытъ и спрáшыить: «козы мае, козыньки,—ти паѣлиси, ти пыпилйся?»—Пѣ, дѣтъ,—ни пыпилися, ни наѣлися, тóльки зьѣли ны кляновый лисьтйнцы и ны пыпярстычку вадй вйпили!

Дѣтъ усёрдюуся. Узяў, зыгнаў ихъ у хлѣу, а самъ пашоў у хату зы пажóмъ. Прышоў з нажóмъ у хлѣу, улавиў адиў казў и стаў лупить. Лупиу-лупиў, пошъ ступиў. Пашоў ёнъ у хату пострыть пошъ, а кыза атырвáлыся и пабѣгла. Бѣгла-бѣгла, прыбѣгла у лѣсъ. Сйки-брыки—и пупала у лисиччыю пичару. А лисицы пимá у дварэ. Прыхóдить лисица: «хто тута ёсь у маёй пичáры?»—Я кыза Дарóта, паубóка парóта, бокъ драпъ, бокъ пи драпъ, бокъ лупливъ, бокъ ня лупливъ. Якъ вйскычу—зьѣмъ, зыбаду[1])! Лисица сядить и плáчыть. Бяжыть заицъ: ча ты, кўмка-галўпка. плачышъ?—Чаму мнѣ ни плáкыть, кыли у маёй пичáры пѣхта сядить!—Ну, пастóй: ти ни вйгыню я? Прышоу к пичары, пытаница:—Хто тутъ ёсь у пичáры?—Кыза Дарóта, паубóка парóта, бокъ драпъ, бокъ ни драпъ. бокъ луплинъ, бокъ ня лупливъ. Якъ выскычу—зьѣмъ, зыбаду! Заицъ спужаубя и пабѣхъ у лѣсъ. Идётъ воукъ. «Ча ты, кумка-галўпка, плáчышь?» (и т. д. Послѣ волка пришелъ медвѣдь и тотъ испугался козы). Лятить цимилёкъ. «Ча ты, кумка-галупка, плачышъ? —Чаму мнѣ ни плакыть, кыли у маёй пичáры пѣхта сядить. Заицъ гнау ни вйгныў, воўкъ гнау ни выгныу, мядьвѣть гнау ни выгныў.—«Ну, хади-тку, ти ни вйгыню я!» Ина прывила яго къ пичáры, ёнъ пытáница: «Хто тутъ ёсь у пичáры?»—Кыза Дарóта, паубóка парóта, бокъ драпъ, бокъ ни драпъ, бокъ лупливъ, бокъ ня лупливъ,—якъ выскычу—зьѣмъ, зыбадў! А цималёкъ залѣсъ у пичару, за лупленый бокъ якъ куспўў!... Кыза и пабѣгла с пичáры.

Бяжы—бяжы, ажпы стаить хатка ны курыныхъ пóшкыхъ, ны бырáньпихъ рóшкыхъ, стаить пакрўчыпица. Ина у тую хатку и стала жыть. Акызалйлыся тамъ. Тады сыма пышла ѣсьти пекáть, запёрла кызинять у хáпцы и сказáла имъ пикамў ни ачыпить, а то воукъ паѣсь. Пышла, паѣлыся и прыхóдить: «кызьлинятки—гулубинятки, ачыпйтя хатку! пясу гарщóкъ тварыга, цыцку мылыка!»[2]) Яны атпёрлися,

[1]) Варіантъ: Я кыза бплабóкыя, у мипе с. глубокыя, два рагі, чатыры пагі —якъ дамъ, дыкъ и духъ вонъ!

[2]) Варіантъ: «Дитятычки, кызьлинятычки, ачыпятися, атапрйтися, я вамъ ѣсь прынесла: поўны цыцы вадицы, поўны роги тварогі». Н

кызà пыкармúла ихъ и знóву пышлá. «Лядітя ш, пикамý пи чыпяйтя, а то воукъ зьѣсь!» Пачýу воукъ, што кызияйты блиють, пыдыйшóу к хáцы и кáить грубымъ гóлысымъ: «кызьляиятки, гулубиятки, аччыийтя хатку! пясý гарцóкъ тварыгá, цыцкý мылыкá!» А яиы кажýть: «пѣ, ты пи матка, а ты воукъ; матка тóнинька пяéть, а ты грýба. Табѣ пя ччыпимъ!»

Воукъ пашóу к кывалю и кáжыть: «ну, кываль! пакуй мнѣ языкъ!» —Ну, дывай! Ёнъ пыклáу языкъ ны калóтку, а кывáль узяу тапоръ—якъ дась пы языку абýхымъ—языкъ и пытанѣу. Воукъ тады пашóу к хацы и кáжыть тонинькимъ гыласóмъ: «дѣтки гулубиятки, аччыийтя хатку! пясý гарцóкъ тварыгá, цыцкý мылыкá!» Яиá и аччыиили, ёнъ и паѣу ихъ, тольки адинъ схувáуся у щéпы. Прышла матка и кажыть: дѣтки гулубиятки, аччыийтя хáтку! пясý гарцóкъ тварыгá, цыцкý мылыкá! А кызьляиёнькъ байца аччынить, ёнъ дýмуу, што воукъ. Кыза пыт сьтяпý пыткыпáлыся и уѣхала у хáтку. «Кызьлянятки-гулубиятки, идѣ вы?» Ёнъ вы́скычыу и кажыть: воукъ паѣу тыхъ!

Ина узила, пысыбрáла тэя кóстычки, пусушыла, у ступи пытуýкла, учынила блинóу и пыслáла зайца пу вуýкá, звать ны паминки. Ёнъ пабѣхъ къ вауку. «Стукъ-грукъ у воучую хату!»—Зачымъ?—«Пыслáла кызá звáть ны паминки!»—Ну, пыдаждкы, тольки абýюся ды пумалюся! Заяцъ и пабѣхъ. А кыза кажыть: «ну, ти йдéть ёнъ?»—Тольки, кызаý, абýюся ды пумалюся!—«Ну, бяжы ны яго!» Ёнъ пабѣхъ. «Стукъ-грукъ!»—Хто тамъ?—«Заяцъ!»—Зачымъ?—«Пыслáла кызá ны паминки звать!»—Пыдаждкы, тольки падѣнуся!—«Ну, барджѣй!» Воукъ вышуу и пашли. Прышли у хатку. Кызá пымáзыла блинъ вауку, ёнъ зьѣу. Кыза кáжыть: «ти смáшна?»—Смашна, кумка-галубка!—«Ну, я смашнѣйшыга дамъ. Пыкладú-тку руки ны калѣни, вочы заплюшчы, ротъ разинь, я табѣ укину блинъ». Воукъ сѣу ны парóзи, вочы заплюшчуу, лапы пыклáу ны калѣни, ротъ разинуу, а кыза рыспалила скыварóду, ды яму у ротъ ясную скывароду и укипыла. Ёнъ на тымъ мѣсьти и увесь...

(*В. Корбина*).

Котъ и пятухъ.

Жыу дѣтъ из бабый. Быу у яхъ котикъ и питушóкъ. Баба и дѣтъ помёрли, зысталися котъ и питушóкъ. Жывуть. Тады котикъ пашóу арать, а питушкá пысадúу малóть: «мяли ш, пéтя, ды у вакнó пи пыказыйся, а то лисица схóпить». Мéлить питушóкъ, аш бяжыть лисица и зыйграла на гусьлихъ: «питушокъ, питушокъ, аччыни вакóнца». Питушокъ пи паслýхуу кытá и гылаву высынуу. Лисица цапъ питушка зы галóуку и пынисла. Питушокъ крычúть: «а кóтичикъ, а брахнійка! нясéть мяпé ліска у махи, у балóты, у гнилэйи калóды!» Кóтикъ почýу, бяжы́ть: «вуръ-вуръ!..» Грэбъ лисицу ды аб зéмлю! Атыбрáу питушкá и нясéть. Прынёсъ у хатку, пысадúу у ячій. «Мяли ш, пéтя, пи пыкáзыйся лисицы!» Пашóу кóтикъ арать, а лисица узнóу бяжыть пыдъ вакно и играить: «питушокъ, питушокъ, аччыни вакопца! я у бѣлымъ шылпычку, у красныимъ парóжничку!» Ёнъ аччынúу вакопца, а ина хапъ яго зы галóуку и пынисла. Питушокъ крычить: «а кóтичикъ, а брáхнійка! нясéть мяпе лиска у махи, у балóты, у гнилэйи калóды!» Пачýу котикъ, бяжúть: «вуръ-вуръ!» Грэбъ лисицу ды аб зéмлю. Атыбрàу питушка и нясéть. Прынёсъ яго кóтикъ у дворъ, пысадúу у ячій. «Мяли ш, пéтя, пи пыкáзыйся лисицы, бо я пайду далёка арать, пи пачýю!» Пашóу кóтикъ, а лисица прыбѣгла и играить на гýсьлихъ: «питушокъ, питушокъ, аччыни ваконца, я у бѣлымъ шылпучкý, у красныимъ варóжничку!»

Ёнъ аччынúу вакóнца, ина яго хапъ! и пынисла. Крычáу-крычáу питушóкъ,—пи пачýу кóтикъ. Прынислá у дворъ, вочы выкылыла и утóркпыла у сьтяпý. Прышóу кóтикъ у дворъ—пимá питушка. Ёнъ тады зьдѣлуу вскрыпычку сы смычкомъ и пашóу к лисицыный хáтки. Сѣу ны бирвéньни и играить: «ти-ли-ли, ти-ли-ли, хуть ба пóлпуки уплай, и блинъ, и пацэнь, а пóлпуку зы плитéнь». Прышла дычкá лисúччыя, прынислá блинъ: «музычка, хадú к намъ!» Ёнъ блинъ узяу, а дачкý забúу. Сѣу ны бирвéньни и играить (и т. д. котъ убиваетъ трехъ дочерей, наконецъ и лисицу). Прышóу тады у хатку, вы́пиу вочы съ сьтяпы́, усадúу питушкý, и пашли. И стали тады жыть.

(*И. Мыська*).

Жарэнцы.

Жыу дѣтъ из бабый. Паѣхыли яны рась у Вóршу и знайшли яны жарэ́нцы мàлинькія. Малóли яны у ихъ попилъ и пясóкъ и пякли яны с таé муки блины и пирагú. Заѣхуу рась папъ к имъ пучувать. Тады пымалóли яиы яму у жарэнцы пóпилу и пяскý, пыпякли яму блинóу и пыкармили яго блинами. Лягли яны спать, и папъ лёхъ из ими. Тады пóчпы папъ устáу, жарэ́нцы украу ды ны павóску, ды запрóхъ кыня и утёкъ из жарэпцыми. Дѣтъ из бабый устали: аглéдилися яны́, што жарэнцуу нимá, тады яны гавóруть: хто пóйдить жарэ́нцы йскать? Тады быу у ихъ пятýхъ и кýрица. Пятýхъ гавóрить дѣду и баби: я пайдý жарэ́нцы йскать! Тады яму дѣтъ кáжыть: на чимъ жа ты пайдишь жарэнцы йскать? А пятухъ дѣду кажыть: я вазьму, ны пымяло сяду и паѣду! Тады пятухъ ѣдить и крычить: папъ у дѣда пучувау и жарэнцы украу! Вы́скычыу из лѣсу мядьвѣть и гавóрить ны питухá: пыдвязи мяне! А пятýхъ кажыть: лѣсь у задъ! Мядьвѣть улѣсъ, пятýхъ и паѣхуу. Ѣдить и крычúть: папъ у дѣда вучувáу и жарэнцы украу! Вы́скычыу из лѣсу воукъ и гавóрить ны питухá: питушокъ, пыдвязи мяне? А пятухъ кажыть пу вуýка: лѣсь! Воукъ улѣсъ, пятухъ и паѣхуу. Ѣдить и крычúть: папъ у дѣда вучувáу и жарэнцы укрáу! Вы-

скычыў из лѣсу заяцъ и гаворитъ ны питуха: пыдвязи мяне! — Лѣсь! Заяцъ улѣсъ, пятухъ и паѣхуу. И крычитъ: панъ у дѣда пучуваў и жарэнцы украў! Выскычыла изъ лѣсу лисица: «питушокъ, пыдвязи мяне!» А питухъ гаворитъ: лѣсь! Лисица улѣзла, пятухъ паѣхуу и узнову гаворитъ: панъ у дѣда пучуваў и жарэнцы ўкраў. А панъ ужу пираѣхуу мора пж жарэнцыми и пыняу людей рызыбрать на моры мостъ. Тады питухъ прыѣхуў к мору ны пымялѣ, пыглядѣў — нѣкуды пираѣхыть чирисъ мора. Тады ёнъ улѣсъ у мора ны калѣни и гаворить ны ваду: «выда, выда! лѣзь у затъ!» Усѣ выда из мора и улѣзла. Питухъ и прыѣхуу к пану. Сѣў ны вароты и гаворитъ: панъ у дѣда нучуваў и жарэнцы украў. Панъ начуў, што питухъ етыкъ гаворитъ — пану таму стала совисна. Тады ёнъ гаворитъ ва слухъ ны сваихъ: укиньтя вы ётыга питуха к жырпицамъ! Слуги пануви укинули питуха у хлѣвъ к жырпицамъ. Жырапцы питуха зычали бить, а пятухъ узьлятѣу ны бальку и кажыть: мядьвѣть, пылизай вонъ! Мядьвѣть вылисъ и пабиў жыраццоў. Прышоў панъ у хлѣу глядѣть, ти забили жыраццы питуха — аш тольки рукамы сплясну. А питухъ вылитиу, сѣў ны варотыхъ и гаворить: панъ у дѣда нучуваў и жарэнцы украў! Тады панъ згыдаў сваихъ слухъ: злавитя вы ётыга питуха, укиньтя к валамъ! Слуги улавили питуха и ўкинули к валамъ. Валы стали питуха бить. А питухъ узьлятѣу ны бальку и гаворитъ ну вука: воўкъ, воўкъ, пылизай вонъ! Воўкъ вылисъ и пабиў валоў. А питухъ вылитѣу ны вароты и гаворить: панъ у дѣда нучуваў и жарэнцы ўкраў! Тады панъ ны сваихъ слухъ кажыть: улавитя вы етыга питуха, укиньтя яго к свиньнямъ. Свиньни зычали питуха грысьти, а пятухъ прыбиўся к сьтянѣ и кажыть ны лисицу: лисица, пылизай вонъ! Лисица вылизла и пыдрала свиньней. Питухъ вылитиў узнова ны вароты и гаворить: панъ у дѣда нучуваў и жарэнцы ўкраў! Тады панъ гаворить на слухъ ны сваихъ: улавитя вы етыга питуха, укиньтя яго к курамъ! Куры стали питуха бить. Тады питухъ гаворить ны зайца: заяцъ, заяцъ, пылизай вонъ! Заяцъ вылисъ и пыдраў усѣхъ курэй. А питухъ вылитѣў ны вароты и крычитъ: панъ у дѣда нучуваў и жарэнцы ўкраў! Тады панъ кажыть на слухъ: вытыпитя вы лазьню, каб сьтѣны были ясныя, и улавитя питуха да укиньтя яго у лазьню! Яны вытыпили лазьню у укинули питуха. Питухъ биўся-биўся у лазьни, чуть прыбиўся к сьтянѣ. Тады гаворить: выда, выда, пылизай вонъ! Выда вылизла вонъ, дыкъ и тая лазьня пыдьплалася ны вадѣ и домъ пануў пыдняўся ны вадѣ. Тады панъ кажыть: выкиньтя вы яму жарэнцы! Узяў питухъ жарэнцы и паѣхуу пж жарэнцыми к дѣду и к баби у дворъ. (*Д. Новикъ*)

Зылатоя яйцо.

Жыу-быу дѣтъ з бабый. Была у ихъ курычка рабушка. Зьнисла ина яйцо зылатоя, ни прастоя. Дѣтъ биў — биў, ни разьбиў, баба била-била, ни разьбила, мышка бѣгла, хвосьтикымъ махнула, яйцо пыкатилысь и разьбилысь. Дѣтъ зыплакуў, баба засурмилыся, ны дварэ колъ рышчапиўся. Прылятѣла варона, сѣла на колъ и кажыть: што ты, колъ, рышчапиўся?

— А якъ жа мнѣ ни рышчапiцца? Жыў-быў дѣтъ з бабый, была ў ихъ курычка рабушка, зьнисла ина яйцо зылатоя, ды ни прастоя. Дѣтъ биў — ни разьбиў, баба била — ни разьбила, мышка бѣгла, хвосьтикымъ махнула, яйцо пыкатилыся и разьбилысь. Дѣтъ зыплакуў, баба засурмилыся, и я рышчапиўся!

— А мнѣ што дѣлыть?

— Вазьми, крыльля пытарви!

Ина узяла — крыльля пытырвала. Тады пышла варона къ дубу. Дупъ кажыть: па што ты крыльля пыбырвала?

— А жыу-быу дѣтъ з бабый, была у ихъ курка рабушка, зьнисла ина яйцо зылатоя, ды ни прастоя. Дѣтъ биу — ни разьбиў, баба била — ни разьбила, мышка бѣгла, хвосьтикымъ махнула, яйцо разьбилыся. Дѣтъ зыплакуў, баба засурмилыся, ны дварэ колъ рышчапиўся, а я прылятѣла, пытаюся: па што ты рышчапиўся? Ёнъ давай мнѣ рысказывать. А я кажу: што мнѣ зьдѣлыть? Ёнъ кажыть: ты вазьми, крыльля пыбарви! Я узяла, ды й пыбырвала.

— А мнѣ што зьдѣлыть? кажыть дупъ.

— А вазьми ды вѣтьтя пышарви!

Дупъ узяу ды и пыбырваў вѣтьтя.

Тады прышоў к дубу волъ чысацца и кажыть: на што ты пыбырваў вѣтьтя?

Дупъ кажыть: а якъ жа мнѣ ни пыбырвать: жыу-быу дѣтъ з бабый, была у ихъ курыца раба, зьнисла ина яйцо зылатоя ды ни прастоя. Дѣтъ биў — биў, ни разьбиў; баба била — била, ни разьбила, мышка бѣгла, хвосьтикымъ махнула, яйцо пыкатилыся ды разьбилыся. Дѣтъ зыплакуў, баба засурмилыся, ны дварэ колъ рышчапиўся, варона крыльля пыбырвала, а я узяў ды вѣтьтя пыбламаў.

— А мнѣ што дѣлыть?

— А ты вазьми ды роги пызьвирни!

Волъ узяў, роги пызьвярнуў.

Тады волъ пашоў къ рэцы ваду пить. Рэчка кажыть: на што ты, волъ, роги пызьвирнуў?

— А якъ жа мнѣ ни пызьвярнуть: жыў-быў дѣтъ з бабый (и т. д.)... дупъ вѣтьтя пыбламаў, а я роги ўзяў пызьвярнуў.

— А мнѣ што дѣлыть?

— А ты кроўю абярнися.

Рэчка ўзяла, кроўю абярнулыся.

Тады пашла дѣўка вады. — Чаго ты, рэчка, кроўю абярнулыся?

— А якъ жа мнѣ ни абярнуцца: жыў-быў дѣтъ з бабый (и т. д.)... волъ роги пызьвярнуў, а я кроўю абярнулыся.

— А мнѣ што дѣлыть?

— А ты вазьми, вёдры набй, начопки нараби, каромисаль пулумай!

Дзѣука такъ и зьдзѣлала.

Пашла дзѣука дамоу. Прышла йна у хату, а матка дзяжу мясила. Тады кажыть: дачушка, чи принисла ты вады?

— А якъ жа мнѣ было узять вады, кали ш рэчка кроўю абярнулыся!

— А чаго ш ина абярнулыся кроўю?

— А якъ жа ёй ни абярнуцца: жыу-быу дзѣдъ а бабый, была у ихъ курица раба (и т. д.)... рэчка ўзялá ды кроўю абярнулыся, а я вёдры набила, начопки нарвала, каромисиль пулумала.

— А мнѣ што дзѣлыть?

— А ты вазьми, ды дзяжу абярни.

Тады ина узялá ды й абярнула. (*Гурины.*)

При рабыга бычка.

Жыу-быу рабинькій бычокъ, быу у яго малинькій тынарокъ. И былѝ у яго чатыры брата: барашъ, гусинъ, пятухъ и котъ. Ну, што ш: бычокъ и кажыть братамъ: будимъ ставить хатку? — большыга брата спрашыить.

— Нѣ, кажыть: ни пайду! я стану над ёлкый, дыкъ мнѣ и тёпла будить.

— Ну, што ш, спрашыить ёнъ у другога брата, у гусина: будимъ хатку стáвить!

— Ай, мнѣ ни нада тваé хатки: я стану над ёлкый на адной нагѣ, дыкъ мнѣ и тёпла будить!

Спрашыить рабый бычокъ у трэцьтига брата, у пятуха: будимъ хатку строить?

Пятухъ кажыть: ай, мнѣ ни нада тваé хатки! Я ўзьлячу на елку, сяду и буду пѣть. Мнѣ й тёпла будить.

Спрáшыить ёнъ тады у чацьвёртага брата, у кыта: будимъ хатку ставить?

Котъ кажыть: ай, на што мнѣ тыя хатка? Я падлѣзу у амбаръ, мнѣ й тёпла будить.

Тады пашоу рабинькій бычокъ у вялікій лѣсъ, насѣкъ ельнику многа и стау дзѣлыть хатку. Дзѣлыить ёнъ хатку, а йдёть барáнъ. И кажыть: пумагай Бохъ табѣ, бычокъ рабинькій! — Спасиба, баранъ, табѣ! Пумажы ты, братуля, мнѣ хатку ставить! — Нѣ, ни васаблю!

Идёть гусинъ. — «Пумагай Бохъ!» — Спасиба! Пумажы ш ты ставить хатку! — Нѣ, ни пумагу!

Идёть пятухъ — «Пумагай Бохъ хатку стáвить!» — Спасиба! Пумажы ш мнѣ ставить хатку! — Нѣ, ни васаблю!

Идёть котъ и кажыть: пумагай Бохъ хатку ставить! — Спасиба! Пумажы ш мнѣ! — Нѣ, ни пумагу!

Ну, што ш! пастроиу рабинькій бычокъ сабѣ хатку и жывёть.

Жыу ёнъ усю восинь, нажапасиу усякыга дабра, и сѣна и усяго. Зимой кыла бывадзь стали дужа вялікія марозы. Идёть баранъ и кажыть: бы-а-а! рабинькій бычокъ, пусьти мяне у хатычку, награнца! — Ага, ставить хатку ни хатѣу! Ну, ды хади!

Ну, ладна. Жывуть яны удвухъ. Идёть гусинъ и кажыть: ге-ге-ге-ге! рабинькій бычокъ, пусьти мяне награнца! — А чаму ш хатки ни строиу? Ну, ды хади! Жывуть яны утрохъ. Идеть котъ, зьмерзъ и кажыть: мяу-мяу-мяу! рабинькій бычокъ, упусьти мяне награнца! — Ну хади! Жывуть яны учатырёхъ. Идеть пятухъ и кажыть: «Кукарэку! пусьти мяне, рабинькій бычокъ, награнца!» — Ага, а хатки ни хатѣу ставить! Ну, ды хади! Жывуть яны упятёхъ.

Жыли-были яны, ажно увидзиу воукъ, што яны тамъ. Тады ёнъ пашоу и завыу: а-у-у-у-у! пусьти мяне, рабинькій бычокъ, награнца!

— Нѣ, ни пущу: ты мнѣ ни пусублиу хаты строить!

— Ну, дыкъ я самъ улѣзу! Улѣзу и пыткнаўся пыд сьтѣну. Тады рабинькій бычокъ якъ саскочыу с полу, якъ удзёубъ рыгами яго, барáнъ якъ агбяжыуша ды якъ дасьть у бокъ яму, дыкъ ажны ёкнить. А гусинъ усё тудй щипать, сюдй щипать — кусáнина ды крылыимъ бъеть да бьéть. А пятухъ ходить спужаушыси ды крычить: ка-ка-ка куда, ка-ка-ка куда! А котъ крычыцца ды усё: курину, курину! Воукъ прауся- прауся, чуть вырвыуся!

Бяжыть воукъ, а ны сустрэчу яму лисица: чѐ ты дыкъ бяжыш? А ёнъ кажыть: ня йди, кумка-галупка: тамъ браты мяне чуть ни забили: адинъ вилкыми порыть а порыть, а другой даубешкай бъеть ды бьеть, а трэцьцій ащугами шчыпыить: а тамъ адинъ ходить пы пасту с касой и кажыть: хлопцы, хлопцы, пыдывайти сюды! Божа барани, — якъ бы пыдали туды, дыкъ бы тамъ и смерть была и: А тама ящчэ адинъ крычыть: якъ вазьму, дыкъ и рызарву! Якъ бы яму пыдали, дыкъ бы мнѣ и усё было и тамъ. Во, ня йди кумка, а то й табѣ будить тоя.

(*П. Полуякинъ, обруцкый ляпиня*)

Басьня аб Ивани.

Жыли были тры браты, адинъ дурынь, а два разумныхъ. Стали яны дзялицца. А ихъ были старыя двары, а дурню настроили новую хату. Тады яны сказали: к каму скольки зайдзить скату с поля, той и бяри сабѣ! Якъ ишли каровы и кони, и другія, то яны и пашли к разумнымъ, а к дурню зайшоу тольки адинъ казёлька паршывенькій. Иванъ дурынь запёръ яго на сваимъ двара, а тады узяу и зарѣзау яго. Из яго скуры пашыу сабѣ дуду и зь ёй пашоу на сьвѣту. Расъ ёнъ зайшоу к аднаму лясьнику и стау прасиццы на ночь у жонки лясьничковый. А йна кажыть, што у мяне нима мѣста, идѣ лехчи, ка мнѣ прыдуть люди. Тады ёнъ пашоу и узлѣзъ на крышу, и стау глядѣть у комин, што ина варыть. Вотъ ина напякла блинцоу и выложила ихъ у стулу. А тады узяла и сьпякла ясшню и пыставила яё пад загне-

тымъ и накрыла рушникомъ, а тады пехадила у каршму и принеслѣ гарэлки, пыставила же на лавцы и накрыла бальшимъ цугуномъ. А дурынь Иванька усё видить, што яна дѣлаить. Воть яна усё зьдѣлыла и сѣла ны лаўцы. Трошку пысидѣла, а тады узяла блиноў, ячнии и гарэлки и пышла к патпеччу и пыдала ихъ пат печь. Тамъ сядѣў чылавѣкъ, што йна любила. Тады ёнъ трошку зьѣў и аддаў узноў пыдать. Тады прышоў ляснникъ. Иванька пачуў, што прышоў лясьникъ, зьлѣзъ не крышы и падышоў пыд вакнё и кажыть: пусьтитя мяне на ночь! А жонка кажыть: я табѣ казала ужо, што у насъ нейдя! Тады лясьнйкъ кажыть: хади, хади, ня слухай яе! Ёнъ прышоў. —Здрастьви вамъ! Лясьникъ кажыть: здрастьви! хади, сядь на услонъ!

Дурынь сѣў. Тады лясьникъ кажыть свайёй жонцы: дай намъ вячэрыть. Яна кажыть: у мяне ничога нимá, тольки адна капуста раншнія! Лясьникъ кажыть: давай! Яна пыдала, яны зьѣли. Тады дурынь патисну свою дуду, а яна кажыть: гу-у-у! Лясьникъ пытаищца: а братачка, скажы: што яна кажыть? А Иванъ кажыть: яна тоя гаворыть, што у тябе ны лаўцы пат цугуномъ стаить гарэлка. Ну, яны узяли ее, выпили. Тады Иванъ ящчѐ патиснуў свою дуду. Яна ящчо: гу-у-у! А лясьнйкъ кажыть: скажы, што ета яна кажыть? А яна тоя кажыть, што у тябе у ступи ёсь каша и блины, а пад загнётымъ ячния. Ну, яны узяли, паѣли усё гэта. Тады Иванъ патиснуў свою дуду, яна апять: гу-у-у! Лясьникъ апять пытаищца: а братачка, скажи: што яна кажыть? А яна тоя кажыть, што у васъ пат печчу сядить нѣйкий чылавѣкъ! Тады лясьнйкъ запалиў лучыну, узяў кычаргу и пыглядѣў пат печь. Ажъ тамъ сидить чылавѣкъ. Тады лясьникъ узяў и выгнаў яго вонь, а с Иванькымъ дурачкомъ лёхъ спать. Уранни лясьнйкъ кажыть: што табѣ дать зы сваю дуду? А Иванъ кажыть: пасыпъ мнѣ поўну дуду грошый! Лясьнйкъ пасыпаў яму цалую дуду грошый, и кажыть: я якъ пайду у лѣсъ ды вазьму гэту дуду с сабой, ды якъ патисну яе, дыкъ яна мнѣ скажыть, што дома жонка дѣлыить. Ну, ладна. Иванъ узяў сабѣ грошы и прышоў дамоў.

Прышли к яму яго пляменьники гулять. Тады Иванъ кажыть: схадитя у дворъ, прыняситя мнѣ гарнець мѣрыть грошы, во й намъ ны капейцы! И даў имъ ны капейцы. Тады яны прышли у дворъ и кажуть: а татачка, у нашыга дядьки—дурня дужа многа грошый; ёнъ даў намъ ны капейцы и казаў, кап мы прынясьли гарнець мѣрыть грошы! Тады братй пашли къ яму я кажуть: идѣ ты узяў сабѣ стольки грошый? Иванъ кажыть: идѣ я узяў? У мянѐ быў тольки адинъ казёлька наршывинькій, я яго зарэзаў, аблупиў и пымачыў яго пад мостымъ у вадѣ, а тады узяў ды прадаў, и то скольки грошый узяў. А у васъ стольки кароў и конiй и козъ: парэжтя ихъ ды аблупитя и пымачитя, ды прыдайтя, дыкъ у васъ будить грошый ящчо большы. Тады яны парэзали усихъ кароў, конiй, и увесь скотъ, пымачыли ихъ у рацы и пувязьли и крычать: ти нада вамъ гнилэя скуры? Тады жыды выскычыли и крычать: «на сто намъ гнилэя кожы? Вязитя сабѣ дамоў». Яны и пувязьли дамоў. И кажуть: аммапиў насъ дурынь! А у Иваньки дурачка памёрла матка. Ёнъ узяў, пысадиў яе ны санычки и вязёть. Гэта было зимой. Тады ѣхыли багатыя паны. И кажуть ны Ивана: зварачуй, чылавѣкъ, из дароги! А ёнъ ни зварачыить. Тады яны паѣхыли, и зачапилися за санки и абярнули. Тая матка и вывалилась. А Иванька якъ заплачить: а Божа мой, Божа! што вы мнѣ зьдѣлыли? на што вы маю мамычку забили»? Тады паны кажуть: тишай, чылавѣкъ! мы табѣ насыпимъ кругомъ яе грошый: ты ихъ пубяри сабѣ, а яе пухувай! Иванъ узяў грошы, а сваю матку пухуваў. И прышоў дамоў.

Узноў прышли къ яму яго пляменьники. Ёнъ сказаў: схадитя, прынясiтя мнѣ гарнець мѣрыть грошы! Яны пашли дамоў и кажуть: а татычка, у нашыга дядьки дужа многа грошы? Ёнъ казаў, кап мы прынясьли гарнець мѣрыть грошы, и казаў, што намъ дась на двѣ капейки. Тая братй узяли гарнець и пашли к дурню. Ажъ у яго цэлыя торба грошый. Тады яны кажуть: идѣ ты узяў стольки грошый? А дурынь Иванька кажыть: идѣ я узяў: у мяне была мамка, я яе узяў ды забиў, и то скольки грошый узяў, якъ прадаў! А у васъ скольки дятей и жонывъ: парэжтя ихъ и прыдайтя, дыкъ вы вoзьмитя ящчо большы! Тады яны узяли, пабили сваихъ дятей и жонывъ и выкапали цэлый возъ и пувязьли у горыдъ прыдавать. Прыѣхыли яны у горыдъ и крычать: ти нада вамъ вяжывэя люди? А жыды выскычыли и крычать: на сто намъ вязывэя люди? Нязывыхъ людей вязуть ны магильникъ хувать. Тады прыѣхаў урадникъ и вымаў ихъ не горыда. Яны паѣхыли дамоў и пухували ихъ. А тады плачуть, затымъ—што некаму варыть ѣсьтя и быть у дварэ. Плакыли-плакыли, а тады кажуть: што мы будимъ дѣлыть? А адинъ кажыть: утопимъ мы яго! Тады яны узяли, усадили яго у мяшокъ и пувязьли ны санычкахъ к рэцы. Прывязьли яго к рэцы, глядять—ажны яны ни узяли тыпыра. Тады адинъ кажыть: иди ты, вазьми, а другей кажыть: нѣ, ты иди. Спорыли, спорыли, а тады пашли удвухъ. Якъ яны атыйшлися далёка, тады Иванъ кажыть: я ня умѣю ни чытать ни писать—за што мяне у гэту школку засадили? Ѣхаў купецъ, пачуў гэта и кажыть: я умѣю и чытать и писать, зысади мяне у гэту школку! Гэтуму пацу здывалыся, што гэта домъ. Тады Иванъ кажыть: ачыпи мнѣ дьвéры! Ёнъ атвязаў мѣхъ, Иванъ вылисъ. Тады купецъ лѣзить у мѣхъ у шуби. А Иванъ кажыть: а паночикъ, ни лѣзь сюды у шуби: тутъ ёсь ящчо лучшыя шубы. Тады ёнъ скинуў шубу, Иванъ узяў и завязаў яго, а самъ надѣў шубу, сѣў ны павоску и паѣхаў. Прышли два разумныхъ братй и кажуть: а, во зараз утопимъ! А ёнъ думыить: за што мяне будуть топить? А яны узяли, прасьвяли пролымку и укинули яго у ваду, ёнъ и утапиўся.

А Иванъ ѣздить и прадаеть купцоў тывары.

Расъ яго братй прышли у гóрытъ и видюць, што гэта ихъ братъ. Тады яны кажуть: хто тябе вытигнуў? А ёнъ кажыть: вы думыли, што я ўтапнуся? Тамъ жа, на тымъ сьвѣти, дужа хырашó! тамъ ёсь кони. Вó я сабѣ выбраў гэтыхъ конiй и прыѣхуў сюды.

Тады яны кажуть: а братачка! утапи ты насъ! Иванъ узяў ихъ к сабѣ ны павóску, паѣхуў к рѣцы и узяў укинуў аднаго у ваду. Ёнъ: буръ-буръ-буръ! А тэй другéй кáжыть: а братачка, укинь мяне скарэй, а то ёнъ бурыхъ конiй пубярэть! Тады Иванъ укинуў и яго, а самъ сѣў ны павóску и паѣхуў. И тяперь ѣздить.

(*Н. Радкевичъ*).

Этой сказкой мы заканчиваемъ печатанiе матерiаловъ по говору села Высокаго оршанскаго уѣзда, хотя далеко не исчерпали всѣхъ записей, сдѣланныхъ г. Митькевичемъ-Далецкимъ и его сотрудниками. Полностiю мы воспользовались только примѣтами и повѣрьями, толкованiями сновъ, пословицами, дѣтскими, свадебными и крестинными пѣснями, заговорами, причитанiями и сказками животнаго эпоса. Но по обилiю матерiаловъ, мы не внесли въ сборникъ всѣхъ другихъ видовъ пѣсенъ, записи которыхъ также были сдѣланы; не внесли богатырскихъ сказокъ и бытовыхъ (за исключенiемъ «басни аб дурни»), духовныхъ стиховъ и множества произведенiй такъ называемыхъ заѣтныхъ, имѣющихъ своимъ предметомъ взаимныя отношенiя половъ. Число послѣднихъ произведенiй очень велико и почти всѣ они ярко изображаютъ ту сторону человѣческой жизни, которая больше всего даетъ простора сатирѣ, иронiи и юмору. Громадное большинство ихъ впрочемъ смотритъ на предметъ съ первобытною прямотою и полною серьезностью. Какъ на примѣръ подобнаго взгляда мы укажемъ на свадебную пѣсню № 80;

Сьвúсныў спязéнь на мóры,
Зыплáкыў князь маладый у камóры...

Наблюдательность свою въ этомъ отношенiи нашъ народъ простеръ и на животныхъ и послѣднiя часто фигурируютъ въ подобныхъ произведенiяхъ. Грубо нескромными произведенiями развращенной фантазiи, являются здѣсь только куплеты самой позднѣйшей формацiи, — продуктъ фабричной и городской жизни.

Но и напечатанныхъ матерiаловъ достаточно, чтобы судить и о богатствѣ нашей народной словесности и составить понятiе о мѣстномъ говорѣ. Всего нами напечатано 27 примѣтъ и повѣрiй, 9 толкованiй сновъ, 205 пословицъ, 100 загадокъ, 4 скороговорки, 2 заговора, 10 причитанiй, 8 родинныхъ и крестинныхъ пѣсенъ, 10 колыбельныхъ и дѣтскихъ, 30 свадебныхъ пѣсенъ и 10 сказокъ, изъ которыхъ девять животнаго эпоса и одна бытовая.

Всѣ эти произведенiя представляютъ весьма цѣнный матерiалъ въ литературномъ отношенiи, такъ какъ большинство напечатанныхъ произведенiй появляются въ свѣтъ впервые или представляютъ значительные варiанты. Въ особенности цѣнны въ этомъ отношенiи сказки о животныхъ. Представляя вообще одинъ изъ древнѣйшихъ видовъ народной поэзiи, относящiйся къ тому перiоду, когда человѣкъ еще «одною съ природою жизнью дышалъ», въ нашемъ случаѣ подобныя сказки цѣнны и потому, что бѣлорусскихъ записей ихъ сдѣлано очень мало—всего около тридцати номеровъ.

Но помимо значенiя литературнаго, записи села Высокаго даютъ массу цѣннаго матерiала лингвистическаго. Здѣсь въ области гласныхъ мы встрѣчаемъ постоянное употребленiе *ы, и, у, ю*, вмѣсто безударнаго *о, а, е, ѣ, я*: выкылыла, мылыка, ныкатилыся (яйцо), цулувать, пулумаў, пучуваў, пысыбрала, пусушила, пупала, крыльлимъ, видюў, завѣсюў, зарѣзуў, выгнуў, и т. д.; употребленiе *у* вм. *ы, и*: мужуки, абуходить; употребленiе *э* (*е*) вм. *о* и *ы* ударяемыхъ: злэй, тэй, зылатэя, быстрэя, другей; *и* вм. *о*: нитрить; пропускъ и вставку различныхъ гласныхъ: пыбырваў, што ддаешъ, иехадила из дароги. Въ области согласныхъ: употребленiе звука dj: дождж, жджеть и т. д.; пропускъ различныхъ согласныхъ: ли (дли), лядѣть; смѣшенiе звуковъ: скура (шкура), цугунъ (чугунъ); замѣна однородныхъ согласныхъ: лехчи (легче, лечь), аш (аж), восъ (возь) и т. п.; однородность звуковъ: къ аннаму, амманиў, ик жаронцыми; смягченiе ихъ: разьбиў, зьлѣзъ; твердость шипящихъ: жыў, ночъ, вочы; особенности въ склоненiяхъ и спряженiяхъ и наконецъ множество особенностей синтаксическихъ.

Обращаясь къ нашему вступленiю мы должны признать высоцкiй говоръ и о г р а н и ч-

ным ъ между сѣвернымъ—полочанскимъ и восточнымъ—кривичскимъ. Ему свойственны: 1, сильное дзеканье; 2, постоянное присутствіе флексіи *ть* въ 3 л. ед. ч. во всѣхъ глаголахъ. Что касается *р*, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ звукъ этотъ мягкій; но въ записахъ грамотныхъ дѣвушекъ и обрусѣлыхъ латышей онъ изображается часто и какъ звукъ твердый.

Повидимому, полочанскій говоръ здѣсь постепенно вытѣсняется кривичскимъ и черты перваго сохраняются лишь у отдѣльныхъ особей, главнымъ образомъ—у женщинъ. Латышей же въ данномъ случаѣ нельзя принимать во вниманіе, такъ какъ твердое *р* они переносятъ къ намъ изъ своего родного языка, которому мягкое *р* совершенно не свойственно.

Е. Романовъ.

ДѢТСКІЯ ИГРЫ У БѢЛОРУССОВЪ.

Село Хоново быховскаго уѣзда.

Какъ по предмету и содержанію, такъ и по внѣшней своей обстановкѣ, деревенскія игры близко соприкасаются съ внѣшнимъ бытомъ сельскихъ жителей и съ ихъ домашней обстановкой; онѣ носятъ характеръ простыхъ, въ большинствѣ невинныхъ, или скорѣе безобидныхъ, забавъ дѣтей, начиная съ ихъ самаго ранняго дѣтства до отроческаго возраста. У дѣтей игры служатъ выраженіемъ душевной дѣтской настроенности, ищущей проявленія въ самодѣятельности; у юношей же игры служатъ выраженіемъ мужества и силы, и сердечныхъ влеченій. Нѣкоторыя игры—остатокъ глубокой старины, когда онѣ соединялись съ извѣстными обрядами культа, примѣнительно къ праздествамъ, временамъ года и проч.

Малыя дѣти, отъ двухъ до семи лѣтъ, въ своихъ забавахъ подражаютъ старшимъ, воспроизводя по своему ихъ орудія работъ и самыя работы и занятія. Мальчики подражаютъ мужчинамъ, дѣвочки—женщинамъ. Мальчикъ беретъ кнутикъ и палочку («пужку и кіекъ»), или же два мальчика берутъ длинный поясъ; за его концы берется одинъ, а другой сзади правитъ первымъ, съ «пужкой» въ рукахъ, и такимъ образомъ «гуляютъ у коній». Иногда, взявъ ножъ, мальчикъ старается сдѣлать себѣ какую-нибудь игрушку—палочку, крестикъ, корытце, лодочку и проч. Матеріаломъ служитъ, кромѣ дерева, кора, картофель, тыква. Дѣвочки того же возраста дѣлаютъ себѣ «ляльку» (куклу) изъ разныхъ лоскутковъ, кладутъ ее въ коробочки «люльки» и стараются заколыхать.

Совмѣстныя игры мальчиковъ и дѣвочекъ бываютъ почти всегда на открытомъ воздухѣ, отличаясь оживленіемъ и разнообразіемъ. Зимою катанье по льду на санкахъ, леденкахъ (кускахъ льду) и просто на ногахъ; лѣтомъ игра «въ обѣдки»—угощенье другъ друга накрошеннымъ хлѣбомъ, яблоками и макомъ, причемъ макъ ѣдятъ ложечками изъ очищенныхъ маковыхъ головокъ. Дѣвочки пекутъ лепешки изъ глины и песку, высушивая ихъ на солнцѣ, мальчики косятъ траву, срывая ее прямо руками или при помощи самодѣльной косы, сушатъ траву и складываютъ въ копны и стога. По улицѣ катаютъ деревянный кружокъ-«кателку» или играютъ въ «свинью», для чего служитъ деревянный не большой шаръ. Одинъ изъ играющихъ старается вкатить шаръ въ ямочку, вокругъ которой другіе играющіе своими палками стараются помѣшать «свиньѣ» попасть въ ямочку. Иногда же дѣти, собравшись большой толпой, изображаютъ изъ себя стадо домашнихъ животныхъ, а одинъ или двое—пастуховъ. Та же толпа, по надобности, можетъ изобразить изъ себя стаю собакъ, яростно нападающихъ на кого-нибудь.

Но не всегда дѣти пользуются полной свободой, предаваясь играмъ съ дѣтской беззаботностью. Уже съ пяти лѣтъ матери заставляютъ дѣтей «няньчить» младшихъ братьевъ и сестеръ. Въ страдную пору мать съ грудным ребенкомъ за плечами въ «люлькѣ» ведетъ съ собою няньку, которая тащитъ «щапкі» (родъ козелъ изъ трехъ небольшихъ шестовъ, связанныхъ верхними концами). На этихъ козлахъ подвѣшивается лубочная колыбелька-люлька на весь день работъ и

по мѣрѣ удаленія работающей матери, подносится ею къ «хвосту» или «пóстыцн», т. е. къ мѣсту работы на нивѣ. Малютку колышотъ въ люлькѣ нянька-дитя, сопровождая укачиваніе какою-либо колыбельною пѣсенкою.

Люли, люли, люли!
Прилятѣли гули,
Сѣли на варóтихъ, ды ў чырвовыхъ ботахъ.
Стали яны варкуватъ, штобъ дитятю забаўлять.

———

Пашоў котя на таржóкъ,
Купиў Иваньку пиражóкъ.
Пашоў котя ў лаўку,
Купиў Иваньку баранкуў.
А ты, котя, ни вурчы,
А ты, Иванька, спи, маўчы.

———

Ушки—ушки,
Прилятѣли птушки,
Сѣли яны, пали
На бабина прóса,
Проса наклювали,
Спасиба ни сказали.

———

Если же ребенку не спится, нянька суетъ ему въ руку баранокъ, корку хлѣба или какой-либо твердый предметъ, напр. ключикъ, «крали» (бусы), чтобы ребенокъ забавился подольше и не просилъ у матери груди слишкомъ часто. Съ тою же цѣлью занять ребенка уже нѣсколько смыслящаго, когда нянькѣ надоѣстъ «пѣстуватъ» и возиться съ нимъ, начинается «балаўствó» такое: нянька беретъ ручку малютки и, перебирая пальчики, припѣваетъ:

Сарóка, сарóка
Прилятѣла здалёка,
Сѣла-пала на таку
Ды ў чырвонымъ калпаку.
Кашу варила.
Дѣтыкъ кармила.
Тому дала,
Етаму дала.
А ты, пальчикъ-мальчикъ,
Сходи по вадичку
Въ сьтидёну крыничку.
Тутъ пень, тутъ калóда, тутъ крыница,
Тутъ сьтидёная вадица.

Или же, взявъ нóжку дитяти одною рукой, другою постукиваетъ по нижней сторонѣ ступни, приговаривая:

Кўю, кўю пожку,
Паѣду ў дарóжку.
Куплю чиравички,
Ножки нивялички,
Трэба пудкувати,
Капеичку дати.
Тутъ пень, тутъ калода,
Тутъ сьтидёная крыница,
Тутъ халодная водица.
Шыла, шыла я зашыла!

При послѣднихъ словахъ няня щекочетъ ножку малюткѣ, вызывая у него невольный смѣхъ.

Дѣти 7 лѣтъ и старше оставляются съ меньшими дѣтьми, кромѣ грудныхъ, и дома. На нихъ ложатъ уже и нѣкоторыя домашнія работы, какъ-то: кормленіе домашнихъ животныхъ, поросятъ, телятъ; досмотръ огородовъ отъ потравъ птицами; доставка воды изъ колодцевъ и рѣчекъ, бѣленіе холста, доставка обѣда рабочимъ въ поле и на лугъ. Но если перечисленныя работы исполняются почти всегда дѣвочками, то у мальчиковъ того же возраста и старше есть почти постоянное одно занятіе—это пастьба домашнихъ животныхъ и главнымъ образомъ лошадей. Такъ какъ «кóній водютъ» на пашу цѣлыми партіями, табунами, то подростковъ собирается всегда много, иногда до трехъ десятковъ и даже болѣе. Здѣсь то большею частью и происходятъ на свободѣ игры дѣтей, отличающіяся полной непринужденностью и рѣзвостью.

Ниже дается краткое описаніе главнѣйшихъ игръ. Описаніе это сдѣлано со словъ играющихъ и на ихъ языкѣ, и такимъ образомъ имѣетъ не только этнографическій интересъ, но даетъ нѣкоторый матеріалъ и для изученія мѣстнаго бѣлорусскаго говора.

1. Игра ў кота.

Кали сыбярóтца богата дзятей—хлапцоў ти дзявчатъ, тады яны зачнуть якую-нибудь гульню. У хати найбальшы гуляють у кытá. Упяродъ зы усяго трэба, бачышь, выбрать кытá. Бяруть абы якую палку, (што завётца кіёкъ), а кали нима чаго-другога, дыкъ хоть круглую качалку, што платьтя качаютъ, и стануть братца руками: кожный прикладе одну руку, тады ище раз... можна, и каторому прыйдотца закрыть верхъ палки, тэй и будя катóмъ. Тады таму кату завяжуть вочы чымъ-нибудь, ти надѣнуть на самыя вочы шапку, и ёнъ пычанетъ на хати шукать и лавить сваихъ тыварищаў. Катóраго зловитъ, дыкъ тэй и змѣнитъ яго и самъ стаия катóмъ.

———

Какъ въ этой игрѣ, такъ и при нѣкоторыхъ другихъ слѣдуетъ предварительно выбрать, такъ

сказать, главное дѣйствующее лицо. Выборъ этотъ дѣлается по одному изъ слѣдующихъ разсчетовъ,—что называется «личиць, личицца»: играющіе собираются въ кружокъ, а одинъ изъ играющихъ, указывая пальцемъ на каждаго участника игры, произноситъ скороговоркой:

«Цынцу-валынцу, пятому—ладыму, сикусъ—брыкусъ, Рыдивонъ—выйди вонъ!»

Послѣдній, на котораго пришлось слово—«выйди вонъ»—выходитъ со счета, и разсчетъ продолжается между остальными, причемъ съ каждымъ разомъ со счета уходитъ одинъ. Дѣйствующимъ лицомъ, которое требуется въ игрѣ, остается тотъ, кто останется послѣднимъ.

Или еще:
«Ходить кошка
Кыла вакошка,
Манитъ дѣтыкъ.
Кыла клѣтыкъ.
Ихъ, вы, дѣтки,
Многа васъ,
Красна шапка, прочь отъ насъ!»

Или такъ: «Иванъ, Иванъ,
Падай стаканъ,
Падай лимонъ,
Выйди вонъ!»

2. У жмурки.

Гуляють ў жмурки ти кыла двара, ти ў поли, абы ў лѣси. Папярѣдъ хлопцы, ти дѣвки лічутца, каму «жмурытца», тады ёнъ зажмурытца кыла чаго нѣбудь: ти кыла шулы, кыла ўгла, ти дерева якога, а уси бягуть атъ яго хуватца, куды хто. Адинъ каторый гавора: «нѣ йще! нѣ йще!» А якъ скажа «ужо!» тады выйдя етый, што жмурыўся, и пойдя шукать тыхъ, што пухувалися. Ёнъ тольки атойдитца, а тутъ ужо бягуть етыя, што пухувалися, штобъ зыплюватца, (т. е. успѣть плюнуть на то мѣсто, съ котораго всѣ уходили прятаться). Жмурка старантца злавить каторага и, кали дагоня, дыкъ зачуруя,—скажа: «чуръ!» Етый и будзя жмурытца.

3. Мышка.

У мышку гуляя самая малая дятвара—блазняты. Пасядуть уси на ўслони, ти на лауцы, акрамя тольки двохъ: адинъ, што будя дялить мышку (давать палочку или другое что), а другій, каторый будя яе шукать. Вотъ етый, што дѣля, падойдя къ усякуму и сувая у руку мышку. И дасьть яе каму-нибудь аднаму, а другимъ ли примѣру тольки суня. Якъ етый абойдя ўсихъ, тады ужо выйдя другій шукать мышку. Ёнъ гляня на усихъ, штобъ увузнать па абличчу, у каго ёсьть мышка. Кали зразу угадая ў каго, дыкъ займя яго мѣста, а ни ўзная, дыкъ узноў будя шукать.

4. Жгутъ.

Бяруть ўпярѣдъ зы ўсяго джўпла (скрутють рѣдки ў двѣ понсъ, ти што иншая), уси пысядуть кружка, и накрыють калѣни платьтимъ. Адинъ хто сядя ў кругў. Джўпла перадають адинъ другому, такъ што яго ня видна. Тады каторый нѣбудь якъ стиганецъ таго, што ў кругу, и ўзноў схувая жгутъ и перадае другому, а тэй трэтьтому. Калижъ удаётца пыймать етый жгутъ тому, што ў кругу, дыкъ яго щасьтя, и ёнъ сядя ў крузи на таго мѣста, у катораго зловиў жгутъ. А етый идѐ ў кругъ. Бываить, катораго дывядуть и да слёзъ, якъ пачануть джўпла давать.

5. У каршуна.

Дѣти сабираютца йдѣ-нибудь на вулицы, ти зы дярэўнй. Памяжъ усихъ дятей адинъ станя за матку, другій за каршуна, а ўси, скольки ихъ ёсьть хлопцоў и дивчатъ, будуть дѣти у етыя матки. Каршунъ начане щепачкой ямочку капать, а матка ў яго пытаитца:

— Каршунъ, што ты дѣлаешь?»
— Ямачку капаю.
— А на што табѣ ямачка?
— Каменьня збирать.
— На што табѣ каменьня?
— Иголычки стрыть.
— На што табѣ иголычки?
— Мяшочки шыть.
— На што табѣ мяшочки?
— Каменьня зьбирать.
— На што табѣ каменьня?
— Тваимъ дѣтямъ зубы выбивать.
— Што мае дѣти табѣ зрабили?
— Мяжу парарали и капусту пырвали!
— Якъ ты гарадиў?
— Такъ и такъ! Каршунъ руками махне нахрыстъ наводлугъ гародзя.
— А ище якъ?

Удругій каршунъ пакажа, якъ гарадиу. Затымъ падкиня сваю палку, а матка сваю. Каршунъ бяжыть, хватая дятей, а матка ихъ бароня атъ яго, махая на яго руками.

6. У гарэлика.

Скольки будя гулить дѣвакъ, уси стануть парами, а адна, што папярѣдъ, будя гарэть. Тады тая пара, што ззаду у гарэлика, крыкня: «Гарю, гарю!» и котитца сы ўсяго духу у стороны, кабъ аббѣгчи гарэлика и зноу стать у пару; а гарѣликъ сабѣ старантца паймать каторую изъ ихъ. Кали пыймая, дыкъ станя ў пару пазаду ўсихъ, а гарэть будя тая, што асталася бизъ пары. Тады бяжыть другая пара и такъ пакуль ўси пары пройдуть.

7. Звонъ.

Хлопцы вазьмутца за руки, штобъ выйшыў бальшый кругъ. Хто-нибудь увойдя ў кругъ и станя за

звона. Ёнъ начанець тыўхать то ў тый бокъ, то ў другій, штобъ разарвать кругъ. Кали жъ ёнъ парве кругъ и выскача, дыкъ яго ловють, и хто паймая, таму и быть звонамъ.

8. Пшано.

Бярўтца за руки и становютца ў кружокъ, усё ровна якъ ў звона, тольки руки паднямуть трохи, бачишъ, вышы. Адинъ каторый начане бѣгать надъ руки, а другій яго дыгыняить и крычить: «шкыра ў пшано! шкыра ў пшано!» Кали жъ пыймаить, дыкъ самъ такъ будя бѣгать.

9. Щука.

Уси дѣти—мальцы и дѣўчаты—пыбярутца ззаду адинъ за другога. Паперади станя самый большый, и будя за щуку. Щука ганяитца за задними, што ў хвасьтѣ, и варочыитца то ў той бокъ, то ў другій, пакулицька ня схопить самаго заднига. Етый атойдя прочь, а щука ганяитца за другимъ.

10. У гусей.

У гусей гуляють етакъ жа, якъ и ў щуку. Самый набальшый паперади, за яго набярутца другія. Етый нярэдьній за гусака и атбараняя гусей атъ ваўка. Ваўкомъ станя хто нибудь и изъ усёй моцы дамагаитца схапить тую гуску, што ззаду усихъ. Якъ атнимя адну гуску, тады ище ганяитца за другей, а таматька за третьтій, пакулицька усихъ пытнимая.

11. У козу.

Кыла конїй хлопцы гуляють у казу. Упяродъ зы ўсяго пастануть ў радъ и кидаи кожный сваю шапку сабѣ надъ ноги. И чія шапка упаде блежѣй за ўсихъ, таму трэба пасьти козъ. Убьють тады коликъ у зямлю, привяжуть за этый коль абротъ зъ даугимъ повыдымъ, и пакладуть уси свае шапки ля колика; Адинъ каторый возьмя у руки канецъ повыда и хварасьтину, ти пугу, и пилнуя козъ (шапки). Хлопцы надбигають и стараютца ухапить шапку. А етый пастухъ ни дыпускаить ихъ, и катораго якъ анираже́ть пугой, ажъ ды плачу дывядеть. Кали жъ пастухъ упусьтить да трохъ козъ, дыкъ яго гыняють скрозь строй. Уси пыстануть у радъ—адинъ за другимъ, и раставють шырока ноги. Падъ ноги и палѣзя етый пастухъ. А тутъ яго жаруть шапками пы спинѣ и пы гылавѣ.

12. У кистиня.

У кисьтиня гуляють у насъ етакъ: сколька ёсьть мальцовъ—дѣлютца пыпыламъ. Выбирають мѣста чистая—на поли, ти ў дварэ и абвядуть конъ шагоў 15 шырыны, а на кругу паставють дубцы. Адны хлопцы идуть у конъ, а другія дѣлють мячикъ вадыль атъ кону. Тады надходють и адинъ цыляя, якъ ба катораму уляпить мячикъ и ни прамахнутца; бо якъ тольки прамахнетца, дыкъ ўся партія идеть у конъ на мѣста тыя, што была ў кану; а ета уже будя дялить мячикъ.

13. У пирагона.

13. У пирагона хлопцы надѣлютца на дьвѣ часьти. Кажный возьмя па палцы (по палкѣ) и ище бяруть пирагонъ (круглый деревянный шаръ). Правядуть линію, а шагоў на 30—40 другую. Адны хлопцы стануть кала первыя линіи и наставють бабу изъ платьця; тутъ и застаетца пирагонъ. Другія хлопцы идуть у поля, къ другой линіи. Хлопцы первыя бьють палкай пирагонъ, такъ, штобъ ёнъ лятѣў туды, дѣ другія хлопцы и якъ можна дальшы. А тыя стараютца налягу атбить яго палкай. Кали жъ етага ни трапитца, дыкъ пыднимають пирагонъ и атъ свае чарты шыбають прудка, штобъ папасьть у бабу. А ету бабу абирыгають палками, штобъ ни цапусьтить икразъ пирагону папасьть ў бабу. Бывая, што пирагонъ пападеть, тады хлопцы миняютца мистами: адны пойдуть ў поля, а другея къ баби.

14. Сылавей.

У сылаўя дѣлютца ўси хлопцы, сколька ихъ ёсьть, пыпыламъ; къ адной партіи выбираитца ище матка. Ина возьмя мячикъ. Абѣдьви партіи пастануть, кожная кыла свае чарты, шагоу на 30 ти 40 адна отъ другея. Тады етыя, што зъ маткай, атбивають сылаўя: матка надкиня мячикъ, а кожный павочаради бьеть яго палкай, и стараитца налаўчѣй ударыть. Кали жъ сылавей палятить у поля, другая партія дымагаютца спаймать яго пылятў. А атъ матки бягуть хлопцы къ линіи. Вотъ у ихъ и стараютца папасьть хлопцы зъ другея партіи. Ни пападуть у ихъ, дыкъ имъ зноў прыдитца атбивать сылаўя кала матки, а пападуть, дыкъ пойдуть у поля. Ти зноў, якъ уси прамахнутца кыла матки, дыкъ даужны йти ў поля.

15. У крэглы.

Крэглы—ета атрѣзки атъ палакъ, у вяршокъ утаўстки и четверть удаужки. Щётамъ ихъ усихъ десить. Гулять ў крэглы можна удваихъ, учетьвярыхъ, шесьтярыхъ,—штобъ на дьвѣ кучи прыхадилась паровну. Кажный мѣить па палцы. Дѣлають два гарады, адинъ атъ другога шагоў на 20—30, а пасяродки атмичають ямку—«масла». Патомъ ставють крэглы. Ихъ ставють ти стоймя, ти гарадкомъ. Стаячка ставють урадъ па чартѣ ўси пять крэглаў, а гарадокъ ставютца такъ: адна крэгла кладетца плашмя на нирэднію чарту, на яе ище дьвѣ, тады зверхъ ище адну лижачію и надканецъ пятаю на ихъ—стаякомъ. Уси, хто гуляють, раздѣлютца на дьвѣ кучи. Каторай пачинать «бить крэглы», рышають такъ: хто-нибудь возьмя щепачку и згаворитца съ хлопцамъ зъ другія кучи—икая яго стырына: ти гладкая, ти съ карой, и щепку подкиня уверхъ: чіимъ бокамъ ина ляжа, тады той кучи и начинать выбивать крэглы. Кидають палками па крэглахъ, кожный атъ свае чарты и якъ выбьить изъ стаячкоў, ти гарадка хоть адну крэглу за чарту, дыкъ хлопцы тэй кучи выбивають стаякоў ти

лижакоў зъ масла (т. е. на разстояніи, вполовину меньшемъ противъ прежняго). Посли первай кучи выбиваютъ крэглы уже хлопцы другей кучи и у кожнага изъ етыхъ хлапцоў па дьвѣ палки: адна свая, другая изъ первыя кучи чія нибудь. Кожная куча стараитца выбить крэглы за чарту упяродъ за другія. За кожную невыбитую крэглу возютъ «отъ чарты до чарты» хлопцы изъ тэя кучи, катораи выбила ўси свае крэглы. Ета жъ куча ўзноў начиная выбивать крэглы.

16. Стралецъ.

Адинъ мальчикъ становитца стралцомъ, а ўдвохъ, ти утрохъ—сабаками; другія скольки ни ёсьть—за зайцоў. Зайцы найдуть, пыхываютца пы лясу, и стралецъ выходить и кажыть: «бахъ-бахъ! Сыбаки тады бягуть и шукають зайцоў пы лясу, и якъ ужо выгунють, дыкъ стралецъ битцымъ ихъ срываить.

17. У рэпу.

Скольки-небудь мальчикаў и дѣвочикъ, сабраўшись умѣсьти, сядуть адинъ къ другому на приполъ, на ўлони, а адинъ за матку, и садитца першымъ. Каторый-нибудь астаётца и скажа: «матка, матка, свиньни ў рапи»!—Иди выгонь!—«А пазволишъ рэпку вырвать?»—Вырви, тольки съ карашкомъ!

Ёнъ бярэтца за задняга, и стаия рвать, пакуль тыки ня вырвя. Такъ и другихъ па аднаму вырывая зъ мѣста. А надканецъ и самаю матку. Якъ надниман матку, дыкъ уси яе за руки и за ноги и нанясуть.

18. У ляски.

Садитца на лаўку адинъ каторый хлопчикъ, а другіи лажытца къ яму на калѣни, такъ, штобъ ничого ни бачить. Хто нибудь и дасть яму ляску (хлопаеть ладонью по синѣ). Ёнъ устае и мусить признать, хто яго ударыў. Кали жъ покажа, хто ударыў, дыкъ таму и лажитца, а якъ аншибетца, дыкъ узноў яму лажытца.

19. Гульня съ каменьчиками.

Кала коній, ти кала карбу малыя хлопцы и дивчаты гуляють съ каменьчиками. Возьмуть пять нибальнихъ каменьчиковъ и падкидыють ихъ уверхъ. И ловють кажный перша на адномъ каменьчику, тады на два, на тры, а надканецъ становють ступу съ чатырохъ камушковъ, а пятый падкидыють и ловють ступу. Якъ зловють ступу, тады ловють каны. Паложуть на ладонь пять камушковъ и пракидають зъ ладони на верхъ руки, изноў на ладонь. Кали у ладони будить тры каменьчика, то щытають тры каны, а кали пять каменьчиковъ, то пять и каноў. У кого большы, тэй и выйграў.

20. У гарлачики.

Дѣти, хлопчики и дѣвычки, скольки ня будя, пасядуть на землю, ти ў хати на масту, акрамя двохъ. Изъ ихъ будя адна маткай, а другая за ката. Матка пойдя ў поля на работу, а ката накиня зъ гарлачиками дома. Котъ надойдя къ дитёнкам и бутцымъ стоя абарачывать гарлачики и гавора: «ета смитанка, ета сыраватка, а ета тварагь вожкъ!» Кали котъ пабарачывая гарлачи, прыходя матка, схопя яго и стаия бить: «а ня рушъ смитанки, ня би гарлачоў!»

21. У слипца.

Вотъ кали пасуть коній, тады канюхи сабярутца ўкучу и дѣлають адняго катораго слипцомъ: яму завяжуть вочи, наставютъ ракамъ на чистая мѣста и кидають яму падъ ноги свае шапки. А слипецъ усё стаить ракамъ, пакуль ни ракинуть уси шапки. Сляпецъ тады паўзеть и грабая руками, бо, знаишъ, хочя знайти чію-небудь шапку. А якъ ужо знайдя, дыкъ усхопитца и бяжить барджэй, куды вочи глядять; за нимъ гонитца тэй хлопецъ, чію шапку ёнъ забраў, пакулиська яго ни дагоня и атбярэть. Калижъ ни дагоня, дыкъ самъ стаия сляпцомъ.

22. У трапыжа.

Кала коній гуляють и такъ. Скольки-небудь хлопцаў, ня менш трохъ, ўпяродъ здѣлають дьвѣ палачки и пазначуть ихъ якимъ-небудь значкомъ. Тады уси палягуть на землю, а адинъ кидаить трапыжкі у каторую старану. Якъ шибнеть ихъ, дыкъ закрычить: «уставайтя!» и пакажа на тэй бокъ, куды закинуў трапыжы. Уси бягуть шукать и хто пайдя (тожэ-найдёць) яго, дыкъ хыпая катораго хлопца и ѣдя на ёмъ да таго мѣста, аткуль кинули трапыжа.

23. У блудьню, ти у сучку.

Канюхи ище етакъ гуляють кала коній. Высекуть дубецъ, абрэжуть на ёмъ сучча такъ, кабъ аставались шпильки. Етый дубецъ уткнуть у землю: ёнъ будя блудьня. Тады атрэжуть два нибальшихъ роўныхъ кусочки отъ палочки и расщепють ны пылавинки, такъ што ўсяго ихъ будя чатыры пылавинки. Пысядуть уси кругомъ блудьни и казьмуть кожный сабѣ па маленькому кручочку. Кожный бярэть тыя пылавинки и пыдкидаить ихъ уверхъ. Тады глядять, якъ яны лажатца: кали уси пылягуть бѣлыми бакамі уверхъ—ета пазываитца кароль, и таму, хто кинуў, треба павѣсить свой кручокъ на першый сукъ блудьни. Кали пылавинки лягуть уверхъ карой—ета пазываитца цыганомъ—и етаму пада павѣсить кручокъ на сучокъ блудьни. А кали лажатца пылавинки абы-якъ, усё розна: адна уверху карой, другая бѣлымъ бакамъ, то ета завецца «казелька», «лыська» и «баранька», то тады ничога ни выходить и ня вѣшають кручковъ дали на сучча, пакуль ни выпадя кароль, ти цыганъ. Такъ иде черга усимъ хто гуляя: кали выпадя, вѣшаить свой кручокъ на адинъ выше, а кали ня выпадя, дыкъ уступаить другому падкидывать пылавинки. На блудьни (ище завется сучка) мѣста завутца розна: першая мѣста—кароста; идѣ саўсимъ вимаешъ сучча—мора; идѣ ёсь, ды рэдко—поля, а самый вяршокъ—каша. Ну, якъ уси ужо дайдуть да каши и, значытца, атгуляютца, акромя аднаго: яму

завяжуть вочи, а блудню закинуть куды-небудь. Якъ ёнъ ня найдя ету блудню, дыкъ дають яму ў ротъ кусокъ замли.

Скольки сабярэтца хлапцоў, дыкъ ўси насядуть у радъ, а адинъ астаётца за старасту. Ёнъ начинаить личить: «адинъ, два, тры, чатыры—мяне грамати вучыли, ни чытать, ни писать, тольки у поплясы играть... А плясала, плясала, сабѣ ножку зламала». На каго прышлося слова—«зламала», дыкъ тэй ўстаеть. Стараста завяжа яму вочи, а палачку закиня куды-небудь. Завязку знимуть, и ёнъ шукая палочку; и ёнъ ня мусить бѣгать, а тольки ходить, а то за ета накладуть на сьпинѣ. Уси хлопцы разбягутца и пыхываютца, куды хто. Тады тэй, нашоўшы палачку, паляпая палачкой на тымъ мѣсьти, аткуль цыцька разыйшлися хлопцы; палачку налёжа и пойдя шукать каго-нибудь. И якъ забача, узноў пойдя паляпая и, паляпаўши, налёжа палачку. Тады з н о г а пойдя глядѣть каго и знога паляпая. Уси хлопцы тады збягутца, и на каго першаго стукаў палачкай, дыкъ тэй и будя аставатца съ татарскай палачкай.

25. У жыда.

Пастануть ўси ў радъ, а адинъ считая: «ахъ, ты, вуточка шарой, паступай скарэй дамой; ў тябе семира дитей, васьмой силязёнь, дивятая вутка, дисятая кдютка, за морамъ пала, ў цэркви стала; высику дубинку, палажу на полку; хто ўзяў?—Я ўзяў! Радивонъ, выйди вонъ»! На каго скажуть «выйди вонъ», тэй и стаия за жыда. Уси бягуть атъ яго, а ёнъ ганяитца и ловя, и каго паймая, дыкъ тамну рэжать рукой па горлу, и яму трэба станавитца жыдамъ.

26. У сулы.

Якъ захочуть малыя дѣти гулять у сёлы, дыкъ сядуть ўси ў радъ, а ўтрахъ астаютца: адинъ зъ ихъ будя ангилъ, другiй чортъ, тратьтiй хазяинамъ. Хазяинъ загадая якоя-нябудь имя сяла, ти днрвуво на ўсихъ адно; а ўси сидять и маўчать. Чортъ и ангилъ быў атврэчинъ. Тады надойдя чортъ и гавора:

— Бумъ-бумъ?

Хазяинъ спросе:

— Хто йдеть?

— Самъ чортъ!

— За чимъ?

— За сяломъ!

— За якимъ?

— За такимъ и такимъ!

И якъ вѣрна укажа, за якимъ сяломъ, дыкъ яго мѣста заступить тэй, каго назваў чортъ.

Якъ чортъ ни ўгадая, дыкъ и ангилъ падходя и кажа:

— Динь-динь!

— Хто йдеть?

— Ангилъ!

Ну, и дали такъ, пакуль ни ўзная, якоя сяло было загадано.

27. Кароль.

Дѣлають съ палачикъ чатыры палавинки. Сыдятца ў кружокъ и начинають падкидать стоя палавинки па чирадѣ. Кали палавинки абярнутца бѣлыми старанами уверхъ—быть каралёмъ; кали чорными—быть цыганомъ; кали лягуть палавинки двѣ бѣлыми и двѣ чорными баками—мужикомъ; кали три чорныя и адна бѣлая—жыдомъ; а кали тры бѣлымъ и адна чорная—дыкъ старастамъ. Самый главный щитаитца кароль. Ёнъ загадуя, скольки разъ бить па лапи цыгану и жыду, а стараста даўжонъ бить. Мужика ня бъють саўсимъ.

28. У ярки.

Бяруть бульбину замѣстъ мячика; тады кожный сабѣ возьмя палку и накапають сабѣ па ямацы—уси ямачки пыдъ радъ. Тады пачануть качать бульбину, кожный сваёй палкай, и глядять, у чiю ямачку бульбина укотитца. Хазяинъ стай ямки ухвотять бульбину и пущаить у каго нибудь, а хлопцы ўси разбигаютца. Кали ежали пупадеть, дыкъ нада щитать на тымъ «ярку», а ни пупадеть, дыкъ самъ на сабѣ бярецъ «ярку». Потымъ дали. На комъ пащитають десить яракъ, таго бяруть за руки и бъють кулачкимъ съ пригаворами: «ярка-палка, каралёва жонка! лѣзь на палати, скинь казарати, будимъ ў карты грати, и вечыра дажыдати». Потымъ знога пачануть тую гульню.

29. У пираскочки.

Скольки гулять хлапцоў, стольки шапакъ сабярэтца. И складуть ихъ усихъ у кучку, адна на дну. Тады ўси хлопцы, адинъ за другимъ, пачануть скакать пиразъ ету кучку шапакъ. Якъ тольки каторый скиня шапку нагой, дыкъ яго ганяють скрозь строй. Уси пыстануть у радъ и шырока раставють ноги, а етый, што праштрапиўся, лѣзя падъ ноги усимъ; а яго бъють па чимъ папала шапками.

30. У дятей.

Сабирутца дивчаты-малалѣтки. Кожная большая бярэть сабѣ меньшаю паўлони. Такъ пасядуть ўси ў кругъ. Большiя завутца матками, а малыя ихъ дѣти. Вотъ адна каторая застаетца безъ дятенка, будя «галуўка». Ина падходя къ каторай небудь матцы и спросе:

— Кума, кума, прадай дитя!

— А плата?

— На бобу лапата!

И тады абѣдьви бягуть кругомъ, въ абдя баки, и адна пирадъ другой стараютца ўпяродъ дабѣчь къ дитю. Каторая ўпяродъ дыбяжыть, дыкъ тая и будя маткай, а другая астанитца «галуўкой». Тады ўзноў стаия такъ спрашувать.

31. У рэпу.

Трэба, штобъ дятей было быгатэ, такъ къ примѣру чатырнацать, ти питнадцать. Пысядуть адинъ

къ другому на улони, и другъ дружку держать за понсъ. У дванхъ, ти утрахъ бяруть палки замѣста коній и насядуть на ихъ вирхами, бытцымъ ѣдуть. Падъѣдуть къ матцы и гаворуть:

— Ти пара рвать рэпу?

— Нѣ ище, только узарали. Тыя ѣдуть прочь, а тады узноу ѣдуть.

— Ти пара рвать рэпу?

— Нѣ ище, только пыскародили!

Троху спыгадя ѣдуть и спрашыють:

— Ти пара рвать рэпу?

— Нѣ, только грады надѣлали! Потымъ дали ужо матка кажыть, што рэпу только пысадили, вна только узыйшла, а за тымъ—зацвила и пыдъ канецъ ужо выраела. Тады матка спрося:

— «А за вошта будитя куплять»?

— За коній!

Злѣзуть съ коній и отдають ихъ матцы и тады бяруть дятей за руки и тягнуть, пакуль ихъ усихъ пыузнимають *).

(*Записалъ М. Онуфріевъ*).

Матеріалы для исторіи церквей Бѣлоруссіи конца XVIII и начала XIX столѣтій [1]).

По троечастной поречневой табели за 1803-й годъ въ бѣлорусской епархіи было 380 приходовъ: 311 въ могилевской губерніи и 69 въ витебской. Въ этихъ приходахъ родилось 22514 душъ (11745 мальчиковъ и 10769 дѣвочекъ), бракомъ сочеталось 13338 лицъ, умерло 16228 человѣкъ [2]).

Церковныя земли.

Указомъ синоду отъ 18 декабря 1797 года императоръ Павелъ I, между прочимъ, объявилъ: «Въ приходахъ, гдѣ священники и церковные служители состоятъ не на окладахъ, но содержаніе свое отъ земли, имъ опредѣленной, имѣютъ, признаемъ за приличное, чтобъ таковая земля въ извѣстномъ по пропорціи количествѣ точно къ церкви отдѣлена (была), и сей церковный удѣлъ общими трудами прихожанъ тоя церкви обработанъ былъ». 11 января слѣдующаго 1798 года Государемъ утверждено было общее мнѣніе синода и сената, чтобы предоставить прихожанамъ пользоваться церковною землею, а духовенству «получать на содержаніе свое отъ прихожанъ натурою такое количество хлѣба..., также сѣна, соломы и гуменнаго корму..., какое... съ 30-ти десятинъ пахотной (земли), раздѣленной на три поля, и трехъ десятинъ сѣнокосной по средней пропорціи урожая собрать возможно... или деньгами по справочнымъ цѣнамъ».

Исполненіе по этому указу возложено было на начальниковъ губерній [3]).

Дѣло это было очень сложное и при осуществленіи, естественно, вызывало недоразумѣнія. Помѣщики забрали себѣ церковную землю, духовенству-же выдавали недостаточное содержаніе; въ другихъ мѣстахъ прихожане давали отъ себя людей для обработки церковной земли, но дѣлали это несвоевременно. Указомъ отъ 24 марта 1799 года святѣйшій синодъ, между прочимъ, предписалъ преосвященнымъ архіереямъ настоятельно требовать отъ гражданскаго правительства выполненія по указамъ объ удовольствованіи духовенства вмѣсто земли хлѣбнымъ содержаніемъ. Вслѣдствіе сего бѣлорусскій и могилевскій епископъ Анастасій 11 апрѣля того 1799 года приказалъ своей консисторіи: «1. Немедленно промеморіею, съ прописаніемъ указнаго повелѣнія, отнестись въ бѣлорусское (витебское) губернское правленіе, требуя, что исполнено по тому указу, который губернское правленіе напечатавъ прислало на имя мое, безъ всякаго прежде ко мнѣ отъ бывшаго господина губернатора (С. С. Жегулина) отношенія въ дѣлѣ толико важномъ по благостнѣйшимъ намѣреніямъ всемилостивѣйшаго нашего Государя о пользѣ и выгодахъ святыя церкви, хотя я имѣлъ о семъ предметѣ къ господину губернатору отношенія неоднократныя? 2. Отъ духовныхъ правленій, благочинныхъ и кому было по первому пункту указа поручено, истре-

*) Изъ „Мог. Губ. Вѣд.“ №№ 11, 16 19, 21 за 1903 годъ.

[1]) Сокращенія въ цитатахъ: АСС=Архивъ св. синода въ С.-Петербургѣ. АКОП=Архивъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода. АМДК=Архивъ могилевской духовной консисторіи въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. ПСЗ=Полное собраніе законовъ (первое.)

[2]) АМДК, 1802 г., связка №№ 108—117, дѣло № 113.

[3]) ПСЗ т. XXV № 18. 316.

бовать также немедленно репортовъ, какой успѣхъ возъимѣли? и какія гдѣ открылись затрудненія? какія священно-и-церковнослужителямъ вышли обиды и притѣсненія и именно гдѣ и отъ кого? о чемъ давно было отъ меня предписаніе [4])».

Консисторія просила губернское правленіе учинить нижнимъ земскимъ судамъ и уѣзднымъ землемѣрамъ предписаніе, чтобы оные при всякомъ случаѣ о церковныхъ земляхъ къ нимъ отъ духовныхъ чиновъ отзыва удовлетворяли ихъ требованія вѣрнымъ показаніемъ церковной земли на десятины безъ малѣйшей со стороны своей остановки, яко въ дѣлѣ по высочайшему повелѣнію не терпящемъ промедленія. Но «дѣло объ отмежеваніи къ церквамъ на усадьбу и огороды, также полевой, пашенной и сѣнокосной удобнѣйшей земли» встрѣчало мало сочувствія въ мѣстной иновѣрной администраціи, тормазилось помѣщиками и потому тянулось многіе годы [5]).

Въ октябрѣ 1799 г. въ бѣлорусской (могилевской) духовной консисторіи учинена была «выписка изъ дѣла, касательно положенія вмѣсто земель церковныхъ указнаго отъ прихожанъ содержанія». Въ ней говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Съ полученія по сему и церковныхъ земляхъ, предмету прошлаго 1798 года февраля изъ св. синода указа [6]), трикратно отъ его преосвященства къ бывшому бѣлорусскому господину губернатору (С. С. Жегулину), а изъ консисторіи четырожды въ губернское правленіе чинены отношенія, съ требованіемъ и частно по уѣздамъ и генерально по всей губерніи того указнаго выполненія. И хотя, какъ господинъ губернаторъ, такъ и губернское правленіе, увѣдомляли, что подчиненнымъ земскимъ судамъ предписывано и подтверждаемо было чинить по тому при опредѣленныхъ съ духовной стороны для сего депутатахъ немедленное и согласное съ указнымъ предписаніемъ исполненіе; но консисторія соотвѣтственнаго въ томъ успѣху, какъ духовные депутаты репортовали, не видѣла. А затѣмъ и вторичный изъ синода указъ сего года марта отъ 24 полученъ въ подтвержденіе, дабы о скорѣйшемъ выполненіи таковаго положенія настоятельно отъ гражданскаго правительства было требовано. Почему опять сообщено изъ консисторіи въ губернское правленіе, чтобы оное съ стороны своихъ подчиненныхъ мѣстъ, объ успѣхѣ въ семъ дѣлѣ или о противныхъ тому обстоятельствахъ, увѣдомило къ докладу его преосвященству для отрепортованія святѣйшему синоду. На каковое требованіе, какъ и на другія по частнымъ случаямъ еще посыланныя отношенія, отвѣтствуетъ правленіе, что подчиненнымъ мѣстамъ о выполненіи таковыхъ консисторскихъ требованій накрѣпко предписывается. Но за всѣмъ тѣмъ изъ репортовъ духовныхъ подчиненныхъ мѣстъ, по день сея выписки полученныхъ, значится токмо въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ учиненное, да и то несоотвѣтственное указному предписанію и потому обидное положеніе, яко-то:

1-е. Повѣту могилевскаго, прихода церкви буйницкой, изъ числа состоящихъ при ней приходскихъ 150 домовъ, при съѣздѣ туда могилевскаго нижняго земскаго суда засѣдателя Домбровскаго, 120 домовъ владѣнія польскаго князя Сапѣги крестьянъ, не соглашаясь поступить на священно-и-церковнослужителей за землю церковную ни денежнаго положенія, ни хлѣбной готовой ссыпки, отозвались, наконецъ, для обработыванія церковной земли выслужить ежегодно съ каждаго дома мужескій полъ два дня, а женскій полъ по одному дню; за 30 же еще домовъ другого владѣнія самъ помѣщикъ Козановичъ обязался давать ежегодно на священно-и-церковнослужителей готовой ржи по десяти четвертей; а больше по сему могилевскому повѣту отъ прочіихъ приходовъ никакого еще донесенія консисторія не имѣетъ.

2-ое. Для состоящихъ повѣту оршанскаго во владѣніи господина князя Любомирскаго церквей, на запросъ духовнаго депутата, при земскомъ засѣдателѣ Статкевичѣ, назначалъ оный владѣлецъ на каждый весь дву-и-однокомплектный причетъ точію: ржи 10 четвертей, пшеницы—5, овса—20, сѣна 150 пудовъ, дровъ 16 саженей. Но когда помянутый избранный отъ священства депутатъ на такое весьма малое положеніе не согласился, то оный владѣлецъ сказалъ, что де онъ ѣдетъ въ С.-Петербургъ и тамъ съ прочими помѣщиками справится; почему и другіе помѣ-

---

[4]) АМДК, 1799 г. связки №№ 3—180, дѣло № 84.

[5]) АМДК, 1799 г. связки №№ 180—314, дѣло № 314.

[6]) Отъ 17 февраля 1798 г. П. А. Горючко: „Матеріалы для исторіи церквей могилевской епархіи", стр. 1. (Изъ „Мог. Епарх. Вѣд." 1902 г. №№ 12—13).

щики, смотря на сіе, поелику во владѣніи его Любомирскаго по сему оршанскому повѣту большее число церквей состоитъ, удерживаются отъ назначенія какого-либо положенія; и хотя послѣ того оный Любомирскій давно уже изъ С.-Петербурга возвратился, но дальшаго успѣха еще не видно.

3-е. По мстиславскому повѣту нигдѣ еще никакого положенія, хотя депутатъ, какъ репортуетъ консисторіи, неоднократно отъ мстиславскаго нижняго земскаго суда того требовалъ, не было начинаемо дѣлать за отказомъ присутствующихъ (въ судѣ) недосугомъ. А притомъ доноситъ оный же депутатъ, что по малому числу при нѣкоторыхъ церквахъ приходскихъ домовъ и въ разсужденіи нѣкоторыхъ еще малоприходныхъ же церквей, между унитскими приходами состоящихъ, трудно приступить къ учиненію положенія; ибо таковымъ малымъ приходамъ на деньги условиться или-же готовымъ хлѣбомъ ссыпку сдѣлать и даже хотя бъ обработывать церковныя земли весьма тягостно.

4-е. По рогачевскому повѣту церквей быховской Преображенской и дашковской хотя условились прихожане, при земскомъ комисарѣ Бутовичѣ и съ стороны помѣщичьей уполномоченномъ, выслуживать въ годъ, по примѣру вышеупомянутыхъ буйницкихъ прихожанъ, для работъ на церковной землѣ изъ каждаго дому мужчина два дня, а женщина одинъ день; но симъ и положеніемъ священно-и-церковнослужители недовольны, въ разсужденіи несоотвѣтственнаго для всѣхъ нужныхъ работъ, по вычисленію того числа душъ, и нерачительной притомъ, да и не въ свое за панщиною время, службы ихъ, вовсе несходно утвердиться на семъ; а способнѣе-де на ссыпку готоваго хлѣба положиться; но уполномоченный отъ владѣльца весьма малое количество назначаетъ».

По другимъ уѣздамъ почти ничего не было сдѣлано во исполненіе распоряженія о церковныхъ земляхъ [7]).

Настоятель боболуцкой Свято-Троицкой церкви, велижскаго повѣта, отъ 16 декабря 1799 года рапортовалъ въ невельское духовное правленіе отъ имени своего причта: «Хотя мы на время и положились съ прихожанами, дабы оные обработывали при церкви нашей находящуюся по указной пропорціи изъ 36 десятинъ состоящую землю, однако желаніе наше къ тому не клонится и нельзя утвердиться на томъ на всегдашнее время, потому что оная церковь, будучи двуприходная, крайне обидима есть по причинамъ, что при самой церкви въ противность высочайшаго соизволенія въ пользу помѣщика выстроена корчма. И хотя въ имѣющемся при той церкви на оную землю планѣ назначено жительство однихъ священно-и-церковнослужителей въ семъ погостѣ, однако напротивъ въ реченной корчмѣ живутъ арендаторы-евреи, которые при всемъ томъ, пользуясь близъ самой-же церкви заводомъ винокуренія, держатъ множество скота, которымъ толикія дѣлаются стравежи засѣваемымъ нами хлѣбамъ, что мы совсѣмъ лишаемся пользы, долженствующей отъ земли происходить для насъ (о чемъ я уже и духовной консисторіи доносилъ). Посему лучше-бы мы желали согласиться на хлѣбную отъ прихожанъ вмѣсто земли получать ссыпку. Но и тутъ встрѣчаются затрудненія: ибо ежели теперь толико корчемнымъ строеніемъ занято церковной земли, то въ то время обставитъ насъ таковымъ вокругъ, да и горшее въ разсужденіи близости того строенія и паче нынѣшняго презрѣніе дѣлано будетъ святому храму. Въ таковыхъ и подобныхъ крайне обидныхъ для насъ в святой церкви обстоятельствахъ, о которыхъ по доносу отъ меня извѣстно уже и самой бѣлорусской духовной консисторіи, не можемъ совершенно навсегда на какомъ-либо положеніи согласиться до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ отъ начальства обидъ нашихъ и церкви нашей милосердое разрѣшеніе» [8]).

Изъ экономіи князя А. А. Безбородки домовой веречьевской Софійской церкви священнику отпускалось въ годъ: денежнаго жалованья — 50 руб.: хлѣба разнаго: ржи — 10 четвертей, ячменю двѣ четверти, овса — 4, гречихи — двѣ; гороху — 4 четверика, пшеницы — два, конопляннаго сѣмени — 4, ячнаго солоду — 4 четверика. Кромѣ того давались работникъ и работница [9]).

Духовенство недовольно было перемѣной способовъ содержанія и образомъ дѣйствій въ этомъ дѣлѣ даже своихъ представителей. Отъ 6 октября 1799 года священники церквей: скепенской, нѣдойской, церковской, любанской, морколовской,

[7]) АМДК, 1799 г. связка №№ 93-96, дѣло № 95.

[8]) АМДК, 1798 г. связка №№ 88—92, дѣло № 89.

[9]) АМДК, 1798 г. дѣло № 223.

рисковской. сверженской и кистеневской подали въ чечерскій духовный заказъ слѣдующее объявленіе: «Извѣстно намъ учинилось, что повѣта рогачевскаго господинъ комисаръ Бутовичъ вмѣстѣ съ старосельскимъ священникомъ Венедиктомъ Піотровичемъ минувшаго мѣсяца сентября 28 числа, будучи въ селахъ Гадиловичахъ и Шапчицахъ, при собраніи тамошнихъ прихожанъ учинили самое скудное и весьма несходственное съ указнымъ предписаніемъ для продовольствія священно-и-церковнослужителей положеніе, то есть съ 33-хъ десятинъ разнаго хлѣба не болѣе какъ только 70 четвертей, сѣна 300 пудовъ, а о землѣ подъ поселеніе и огороды ничего не упомянуто. Но какъ вѣдомства онаго чечерскаго духовнаго заказа священника Піотровича по сему дѣлу никогда за депутата не избирали и въ томъ ему не подписывались, а потому и нынѣ его, яко о пользѣ церковной нерадящаго и подъ штрафомъ находившагося, имѣть его за депутата вовсе не желаемъ и не принимаемъ, а желаемъ, чтобы былъ по сему дѣлу по силѣ прежняго нашего избранія депутатомъ церкви разсохской священникъ Л. Кириловичъ» [10]).

Въ виду того, что положеніе 11 января 1798 года поставляло духовенство въ крайнюю зависимость отъ прихожанъ, налагая на послѣднихъ новую и необычайную имъ повинность, внесло въ приходскую жизнь нежелательный элементъ раздора, указомъ сенату отъ 3 апрѣля 1801 года императоръ Александръ I отмѣнилъ его: духовенство попрежнему должно было само обрабатывать церковную землю [11]). Возвратъ къ прежнему порядку совершился не безъ затрудненій: помѣщики захватили церковную землю и взамѣнъ отводили неудобные участки и въ меньшемъ количествѣ. Изъ-за этого возникли многочисленныя тяжбы; но бороться съ помѣщиками было не подъ силу церквамъ: земли были даромъ владѣльцевъ, документовъ не имѣлось, мѣстная администрація держала сторону помѣщиковъ.

Церковныя зданія.

Указомъ синоду отъ 25 декабря 1800 года императоръ Павелъ I велѣлъ: «если гдѣ деревянная церковь сгоритъ, не позволять строить новой деревянной». Императоръ Александръ I смягчилъ распоряженіе своего родителя: указомъ 25 мая 1801 года приказано было только: «всякій разъ объ обстоятельствахъ, буде гдѣ встрѣтятся затрудненія строить каменныя церкви, представлять на разрѣшеніе» [12]).

Ночью 3 марта 1801 года сгорѣла церковь въ селѣ Поповкѣ. Бѣлицкое духовное правленіе по этому поводу донесло, что пожары церквей нерѣдко случаются оттого, что вблизи нихъ стоятъ крестьянскія строенія. Преосвященный Анастасій, епископъ бѣлорусскій и могилевскій, сообщая объ этомъ св. синоду, отъ 12 марта 1801 года рапортовалъ, между прочимъ, слѣдующее: «И въ другихъ по здѣшней епархіи мѣстахъ, отъ неуваженія особливо иновѣрныхъ къ православной церкви, многіе церковные погосты крайне стѣснены не токмо христіанскихъ жителей, но даже жидовъ неприличнымъ и безпокойнымъ святому мѣсту отъ питейныхъ кабаковъ строеніемъ, въ томъ числѣ лавками, скотскими сараями и самыми винокурнями. Принадлежащія церквамъ земли заняты по давнему за польскаго владѣнія неустройству частію отъ самоволія владѣтелей, а въ протчемъ отъ неосмотрительности монастырскихъ и приходскихъ церквей настоятелей, въ дачѣ на то вѣчныхъ контрактовъ». Между тѣмъ указомъ отъ 13 мая 1727 г. велѣно было кабаки у церквей сносить, а 7 іюля 1775 г. сдѣлано было распоряженіе закрыть кладбища при церквахъ, обратить ихъ въ площади, содержать въ чистотѣ, обнести оградой и обсадить деревьями. Св. синодъ указомъ отъ 1 мая 1801 г. рекомендовалъ преосвященному Анастасію запретить духовенству отдавать церковныя строенія къ непристойному употребленію въ наймы, съ заключеніемъ вѣчныхъ контрактовъ [13]).

Графиня А. Р. Чернышева въ 1801 году велѣла своей вотчинной конторѣ всѣ церкви чечерскаго графства починить или на мѣсто ветхихъ вновь построить непремѣнно лѣтомъ того 1801 года, испрося во первыхъ на то у преосвященнаго позволенія, совѣта и наставленія. Владыка Анастасій дозволилъ починку церквей, а о построеніи новыхъ деревянныхъ церквей, въ виду запретительнаго указа 25 декабря 1800 г.,

[10]) АМДК, 1799 г. связка №№ 34—66, дѣло № 36.
[11]) ПСЗ т. XXVI. № 19. 816.
[12]) ПСЗ т. XXVI. №№ 19. 701.
[13]) Архивъ св. синода, 1801 г. д. № 256.

19 апрѣля 1801 г. рапортовалъ св. синоду: «Здѣсь встрѣчается крайняя трудность строить каменныя церкви въ такихъ приходахъ, гдѣ и деревянную починить не въ состояніи прихожане, а помѣщики иновѣрные в томъ не усердствуютъ». Указомъ отъ 24 іюня 1801 г. св. синодъ обращалъ вниманіе преосвященнаго на распоряженіе новаго Государя отъ 25 мая того 1801 года [14]).

Въ 1789 году архіепископъ Георгій дозволилъ помѣщику могилевскаго повѣта Якову Хоментовскому устроить въ своемъ домѣ съ подвижнымъ антиминсомъ церковь во имя святаго Михаила Архангела, по небытности въ то время по близу благочестивой (православной) церкви. Послѣ того присоединена была изъ уніи церковь въ селѣ Реучьѣ, въ разстояніи полуверсты отъ усадьбы г. Хоментовскаго. Несмотря на это, въ 1801 г. Хоментовскій обратился къ епископу Анастасію съ просьбой дозволить ему приглашать сосѣднихъ священниковъ для совершенія богослуженія въ его домовой церкви, по неспособности тогда бывать въ реучьевской церкви. Между тѣмъ указомъ синода отъ 24 сентября 1800 года запрещено было строить безприходныя церкви. Въ виду этого преосвященный отъ 8 февраля 1801 г. о просьбѣ Хоментовскаго рапортовалъ св. синоду; при этомъ владыка, между прочимъ, писалъ: «Въ здѣшнемъ краѣ, кромѣ домовыхъ, много находится,—особливо въ обращенныхъ изъ уніи приходахъ по деревнямъ,—приписныхъ къ приходскимъ церквей и каплицъ, или, такъ называемыхъ, часовень, кои хотя по большей части состоятъ праздны, но если начать упразднять оныя, можетъ изъ сего выйти роптаніе». Св. синодъ въ отвѣтъ указомъ отъ 22 апрѣля 1801 года велѣлъ «дать обстоятельное сообщеніе». Преосвященный Анастасій отъ 10 сентября 1801 г. представилъ, что домовая церковь Хоментовскаго сооружена въ 1791 году и послѣ того упразднена не была. «Прочія приписныя церкви и каплицы [15]), писалъ преосвященный, хотя не должны существовать, но во уваженіе привязанности къ сему тѣхъ мѣстъ жителей, особливо снисходя обратившимся изъ уніи прихожанамъ, надобно, кажется, оставить ихъ на прежнемъ своемъ положеніи, до совершеннаго ихъ само по себѣ чрезъ обветшалость упраздненія и тогда сносенія, яко при томъ отъ исправленія въ нихъ приходскими священно-и-церковнослужителями молитвословій остановки и упущенія въ полученіи по приходамъ требъ быть не можетъ». Указомъ отъ 16 мая 1802 г. св. синодъ дозволилъ Хоментовскому имѣть домовую церковь [16]).

Въ 1804 году св. синодомъ отказано было помѣщику невельскаго повѣта, витебской губерніи, статскому совѣтнику Ивану Андреевичу Карташеву въ просьбѣ построить церковь въ сельцѣ его Сенютинѣ-Елисаветинѣ, по недостатку прихожанъ для образованія будущаго прихода (требовалось не менѣе ста дворовъ [17]).

Иваново И. И. Михельсона.

Бѣлорусскій военный губернаторъ, управлявшій и гражданской частью, генералъ-отъ-кавалеріи Иванъ Ивановичъ Михельсонъ отъ 31 марта 1803 года изъ Витебска писалъ могилевскому архіепископу Анастасію, что онъ давно уже положилъ обѣтъ поставить витебской губерніи, невельскаго повѣта въ деревнѣ его Ивановѣ, гдѣ самъ жительствуетъ, приходскую каменную во имя святаго Іоанна Крестителя церковь. Для новой церкви и ея причта Михельсонъ полагалъ несумнительное содержаніе. Приходъ долженъ былъ составиться изъ 458 душъ крестьянъ Михельсона, принадлежавшихъ къ двумъ церквамъ: невельской Воскресенской (364 д.) и погоста Болоздына (94 д.). По отдѣленіи крестьянъ Михельсона при невельской церкви осталось-бы 489 душъ, а при болоздынской 1088. Рапортомъ отъ 29 апрѣля того-же 1803 г. преосвященный Анастасій представилъ объ этомъ св. синоду. Отъ 6 іюля (1803 года) послѣдовалъ указъ владыкѣ, что Михельсонъ долженъ назначить причту денежное жалованье, отвести землю, выдать обязательство, построить домы для причта; а преосвященный обязанъ былъ предварительно произвести подробное разслѣдованіе.

На увѣдомленіе объ этомъ указѣ св. синода, Михельсонъ отъ 18 августа 1803 г. отвѣчалъ архіепископу Анастасію изъ Витебска: «Никакъ

[14]) Архивъ св. синода, 1801 г. д. № 333.

[15]) Въ дѣлѣ имѣется именная имъ вѣдомость; каплицы и приписныя церкви имѣлись въ 70-ти приходахъ.

[16]) Архивъ св. синода, 1801 г. д. № 131.

[17]) АСС, 1803 г. д. № 389. АМДК, синодскіе указы 1804 г. № 22, отъ 8 марта.

не ожидавъ толь большихъ затрудненій въ дѣлѣ, которое казалось мнѣ лучшаго ободренія заслуживающимъ, я издержался уже на всѣ нужныя приготовленія и, наконецъ, встрѣчаю едва-ли не самую невозможность. Велѣно спросить окольныхъ приходовъ священниковъ, будутъ ли довольны они за отдѣленіемъ отъ нихъ частей къ новому приходу. Естественно-ли довольну быть, когда убавляются интересныя выгоды? Но мнѣ кажется, что когда есть законъ, который полагаетъ границы приходамъ по числу приходскихъ душъ [18]), то остается-ли что зависѣть отъ воли священниковъ и не заслуживаетъ-ли болѣе уваженія лучшая удобность прихожанамъ? Строить церковь безъ прихода и тщетно и неприлично, чтобы, имѣя церковь свою, ходить мимо къ чужимъ; и потому хотя съ сожалѣніемъ, но лучше совсѣмъ намѣреніе мое оставлю».

Приложивъ это письмо, преосвященный отъ 25 сентября рапортовалъ св. синоду: «Изъ письма Михельсона можно видѣть, съ какимъ прискорбіемъ согласился онъ выполнить предписанное въ указѣ, будучи притомъ усердный православной церкви сынъ, яко содержащій оныя исповѣданіе. Кольми-же паче въ здѣшней епархіи и н о в ѣ р ц ы въ подобныхъ случаяхъ не только не желаютъ новыя каменныя церкви строить, но и обветшалыя починять не хотятъ, имѣя въ виду намѣреніе, что когда церковь совсѣмъ обветшаетъ и предположена будетъ къ истребленію, въ то время воспользоваться землею, къ оной принадлежащею. И хотя въ таковыхъ случаяхъ къ захочиванію ихъ радѣть о церквахъ Божіихъ предпринимаются подлежащія мѣры, но очень мало дѣйствуютъ на ихъ сердца, а нѣкоторые уже и отреклися. Не будетъ-ли повелѣно въ таковомъ случаѣ соображаться, сколько можно, съ обстоятельствами?» Указомъ отъ 26 ноября 1803 г. св. синодъ разрѣшилъ Михельсону постройку церкви въ Ивановѣ, а преосвященному Анастасію велѣлъ объ особыхъ обстоятельствахъ представлять подробнымъ донесеніемъ съ своимъ мнѣніемъ [19]).

И. И. Михельсонъ скончался 19 августа 1807 г. въ Бухарестѣ. Вдовѣ разрѣшено было перевезти его тѣло для погребенія въ Ивановѣ [20]).

Себежъ.

Въ городѣ Себежѣ православная деревянная Рождественская церковь выстроена была въ 1760 году. Церковь эта сгорѣла и въ 1771 году усердіемъ священника Стефана Васильевича Лихины была заново отстроена. Съ теченіемъ времени она обветшала. Въ 1787 году о. Лихина съ церковнымъ старостой, городскимъ головой Лукой Плющикомъ приступили къ постройкѣ новой каменной церкви, но года черезъ два, по недостатку средствъ, дѣло это пріостановилось. Лѣтъ десять постройка не возобновлялась. Въ 1799 году, по просьбѣ о. Лихины, бѣлорусскій и могилевскій епископъ Анастасій представилъ св. синоду дѣло о постройкѣ въ Себежѣ новой церкви, съ ходатайствомъ объ отпускѣ необходимымъ средствъ. Въ рапортѣ своемъ (отъ 17 февраля 1799 г.) владыка, между прочимъ, писалъ: «Въ приходѣ всего до 300 домовъ. Такъ какъ возведены уже стѣны, то уменьшить зданіе противъ плана невозможно, а оставить безъ окончанія таковое нужное, богоугодное и немалой суммы уже стоющее начатое зданіе—будетъ положившимъ на оное доброхотные вклады въ огорченіе, разновѣрцамъ въ радость, а простодушнымъ крестьянамъ въ поводъ къ соблазну и къ удобнѣйшему впечатлѣнію всего того, что разновѣрцы имъ внушить постараются». Указомъ отъ 25 августа 1799 г. преосвященному Анастасію въ отвѣтъ изъ св. синода дано было знать, что себежская каменная церковь къ числу казенныхъ строеній не относится. Начата она строиться по просьбѣ и желанію тамошнихъ гражданъ собственнымъ ихъ коштомъ, почему и окончаніе оной зависитъ единственно отъ ихъ-же попеченія, а изъ казны отпускать сумму никоимъ не слѣдуетъ. Для того, внушивъ гражданамъ, что остановка въ постройкѣ можетъ быть приписана только ихъ нерадѣнію къ церкви, учинить имъ пастырское увѣщаніе». Въ 1803 году деревянная церковь была заново отремонтирована, а каменная въ 1832 году еще не была окончена постройкой [21]).

[18]) Указы по этому вопросу давались 10 августа 1722 г.; 19 января 1723 г. и 8 октября 1778 г.

[19]) Архивъ св. синода, 1803 г. д. № 293. АМДК, 1803 г. предметъ 3-го дѣло № 206; синодскіе указы 1803 г., № 35 (здѣсь-же приложены и другія бумаги).

[20]) АМДК, синодскій указъ 1807 г., отъ 12 сентября епископу Варлааму.

[21]) Архивъ св. синода, 1799 г. д. № 155. АМДК. связка бумагъ 1795, 1797—1799 гг. съ №№ 1—24, дѣло № 10. Архивъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, дѣло № 2529.

Въ 1795 году, при общемъ возсоединеніи бѣлорусскихъ уніатовъ, стараніемъ священника С. Лихины, освящена была въ православную себежская уніатская Успенская церковь, настоятелемъ которой былъ священникъ Іосифъ Васильевъ Александровичъ. О. Александровичъ не пожелалъ присоединиться. Между тѣмъ у него отняли имѣніе «Глыбочицу» съ 154 душъ крестьянъ, утвержденное за Успенской церковью привилегіей короля Владислава IV, отъ 9 февраля 1633 г. Въ виду того, что изъ успенскихъ прихожанъ присоединилась къ православной церкви лишь третья часть, а болѣе 1800 душъ остались въ уніи, о. Александровичъ возбудилъ тяжебное дѣло противъ о. Лихины, съ цѣлію удержать за собой Глыбочицу и выстроить въ Себежѣ или Глыбочицѣ новую уніатскую церковь. Дѣло это тянулось около десяти лѣтъ и окончилось не въ пользу о. Александровича. Прихожане его распредѣлены были между сосѣдними уніатскими церквами, а Глыбочица 23 сентября 1803 года, по представленію И. И. Михельсона, высочайше пожалована была, при увольненіи отъ службы, совѣтнику витебскаго губернскаго правленія, надворному совѣтнику Ребиндеру въ 12-лѣтнюю безплатную аренду. По ходатайству о. Лихины, 4 августа 1805 года высочайше повелѣно было выдавать изъ казны ежегодно 235 руб. 62 коп. въ пользу себежской Успенской церкви, взамѣнъ дохода отъ имѣнія «Глыбочица». Замѣна эта была обидна для церкви, такъ какъ Ребиндеръ получалъ аренды 1200 рублей, т. е. въ пять разъ больше. 31 марта 1810 года высочайше повелѣно было отпускать Успенской церкви пятьсотъ рублей [22]).

Лидино и Сутоки.

Себежскаго повѣта въ погостѣ Лидинѣ сгорѣла отъ молніи деревянная Троицкая церковь, а въ Сутокахъ Успенская церковь пришла въ такую ветхость, что никакъ нельзя было починить. Каменныхъ церквей прихожане не въ состояніи были построить. Сутокскій приходъ окруженъ былъ уніатами. Церковь тамошняя была раньше неведрянской, въ 35 верстахъ отъ Сутокъ. Поелику неведрянскій приходъ подлежалъ филіи, т. е. припискѣ къ другому, то церковь была перевезена въ Сутоки. Въ Лидинѣ изъ амбара выстроена была часовня. Въ 60 верстахъ отъ Сутокъ былъ казенный лѣсъ въ козодавлевской части, себежскаго уѣзда. Могилевско-витебскій архіепископъ Анастасій ходатайствовалъ о дозволеніи выстроить въ Лидинѣ и Сутокахъ новыя деревянныя церкви, съ отпускомъ изъ казны для Лидина 1800 сосновыхъ и еловыхъ деревьевъ, а для Сутокъ 500 сосновыхъ. 20 мая 1804 года императоръ Александръ I, по докладу оберъ-прокурора св. синода, князя А. Н. Голицына, разрѣшилъ строить деревянныя церкви въ Лидинѣ и Сутокахъ, но въ казенномъ лѣсѣ отказалъ, такъ какъ изъ козодавлевской части, занимавшей до 500 десятинъ, можно было ежегодно безъ оскудѣнія вырубать только 1666 деревъ, а между тѣмъ нужно было отпускать лѣсъ на строенія и домашній обиходъ казеннымъ крестьянамъ и временнымъ владѣльцамъ [23]).

Въ 1808 году, стараніемъ витебскаго протоіерея Іоанна Сырохнова, водворены были православныя церкви въ уѣздныхъ городахъ: Вележѣ, Лепелѣ и Городкѣ.

Сборныя книги.

За недостаткомъ средствъ, причтъ и прихожане обычно просили у преосвященнаго разрѣшенія собрать пожертвованія по епархіи, на постройку или починку ихъ церкви. Дѣло это требовало отъ начальства осторожности, такъ какъ нерѣдко замѣчались злоупотребленія. Въ февралѣ 1798 г. мордашевской церкви священникъ Григорій Ковановскій просилъ о выдачѣ ему на три года сборной книги на починку церкви. Епископъ Анастасій написалъ на прошеніи: «Ежели нѣтъ сумнѣнія: выдать. Но впредь взять осторожность, дабы священниковъ не зделать цѣлоепархіальными прошаками, а прихожанъ неревностными къ церквѣ своей». На другомъ прошеніи владыка 26 февраля 1798 г. написалъ: «О книгѣ (сборной) Луки глава 14, стихъ 28» [24]). Въ 1795 году выстроена была новая церковь съ колокольней въ Старомъ Шкловѣ. На окончаніе церкви не хватало денегъ. Священ-

---

[22]) АСС, 1795 г. д. № $^{2}/_{189}$; 1804 г. д. № 468. АКОП, д. № 2529.

[23]) Архивъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, дѣло № 2540. АМДК, Синодскіе указы 1804 г., № 44, отъ 8 іюня. Архивъ св. синода, 1801 г. д. № 258. АКОП, д. № 3676.

[24]) АМДК, 1797—1798 гг. св. №№ 2—130, дд. №№ 30 и 41.

никъ Стефанъ Голодковскій просилъ дать ему на годъ сборную книгу. Преосвященный Анастасій распорядился: «1798 года марта 2. Предписать духовному правленію, въ вѣдомствѣ коего прописываемая въ семъ (Голодковскаго) прошеніи церковь находится, освидѣтельствовать оную, совсѣмъ-ли выстроена? чего именно къ совершенному окончанію оной не достаетъ? и положить смѣту, сколько на то потребно суммы? тогда и выдачѣ сборной книги послѣдуетъ отъ насъ резолюція». Оказалось, что можно было обойтись и безъ стороннихъ жертвъ. За неосновательную просьбу священникъ Голодковскій оштрафованъ былъ пятью рублями.[25]) Въ ноябрѣ 1799 г. на прошеніи кричевской Успенской церкви священника І. Стратановича съ прихожанами владыка Анастасій положилъ резолюцію: «Дать книгу. Но благочиннымъ предписать, чтобъ они какъ за таковыми съ книгой просителями наблюдали, такъ-бы и самыя книги оныя ревизовали, дабы не было злоупотребленій. О чемъ дать полное наставленіе (изъ консисторіи) [26]). Въ декабрѣ 1799 г. на прошеніи прихожанъ чернорудской церкви преосвященный написалъ: «По несолидному сему прошенію велѣть освидѣтельствовать церковь. Да и впредь чтобы безъ засвидѣтельствованія духовныхъ правленій или заказовъ о книгахъ не подавали прошеній»[27]).

Въ 1803 году спастирскій священникъ В. Борисовичъ просилъ выдать милостынную книгу. Архіепископъ Анастасій отвѣтилъ: «Приходъ не скуденъ. Видно священникъ не радѣлъ, что, будучи рукоположенъ въ 1777 году, чрезъ 26 лѣтъ не постарался сдѣлать сосудовъ серебреныхъ, да и церковь допустилъ до обветшалости. Сдѣлать на счетъ его сосуды, а церковь пусть починиваютъ прихожане. Книга не дается» [28]). Отъ 4 марта 1803 года преосвященный Анастасій далъ слѣдующее предложеніе бѣлорусской (могилевской) консисторіи: «Мною книги сборно-милостынныя таковымъ-же образомъ и я принужденъ скрѣплять. И консисторія пусть замѣтитъ и мою и свою скрѣпу, описавъ и записавъ оныя въ журналъ съ подробностію. Для чего и другія книги за моей печатью, кромѣ консисторской, особенной истребовать для таковаго же утвержденія и законнаго и присяжнаго» [29]). Отъ 14 августа 1805 года изъ С.-Петербурга архіепископъ Анастасій писалъ могилевской духовной консисторіи: «Узналъ я, что съ выданными на церкви могилевской епархіи для испрашиванія милостиннаго подаянія книгами арендаторы оныхъ бродятъ по другимъ епархіямъ, наводя скуку своими прошеніями тамошнимъ жителямъ, свѣтскому, а паче духовному начальству. Почему предлагаю консисторіи подтвердить всѣмъ подчиненнымъ мѣстамъ, чтобы священники тѣхъ церквей, въ кои таковыя книги выданы, отнюдь по другимъ епархіямъ ходить съ ними не дозволяли подъ неупустительнымъ за противное тому штрафованіемъ самихъ священниковъ: а впредь при выдачѣ таковыхъ книгъ обязывать ихъ о нехожденіи внѣ своей епархіи подписками» [30]).

Могилевскія церкви.

По дѣлу о построеніи могилевской Троицкой церкви епископъ Анастасій 23 іюня 1798 г. предписалъ: «О могилевской Свято-Троицкой церкви представить намъ отъ консисторіи для свѣдѣнія: 1-е: когда оная церковь началась строиться? (въ 1795 г.). 2-е: какъ великъ приходъ (45 домовъ мѣщанскихъ и 100 деревенскихъ) и какое прихожане о церкви имѣютъ старательство, а паче священникъ (Моисей Смолякъ), и притомъ какого онъ состоянія? 3-е: сколько суммы было собрано и сколько нынѣ въ наличности имѣется? 4-е: по какимъ причинамъ къ окончанію не приведена и чего не окончено? 5-е: кто попечитель и надзиратель суммы, равно и матеріаловъ церковныхъ? 6-е, наконецъ: священникъ репортовалъ-ли въ консисторію объ остановкѣ строенія? Да и самые о церквѣ попечители были-ли когда считываемы въ приходахъ и расходахъ?» Отвѣты на вопросы преосвященнаго въ дѣлѣ имѣются [31]). Священникъ Троицкой церкви М. Смолякъ въ теченіе 20 лѣтъ держалъ по контракту продажу церковныхъ свѣчей и печеніе просфоръ. По опредѣленію консисторіи, свѣч-

---

[25]) Архивъ мог. дух. консисторіи, 1798 г. д. № 71.

[26]) АМДК 1799 г. св. №№ 180—314, д. № 205.

[27]) Тамъ-же, дѣло № 234.

[28]) АМДК, 1803 г. предм. 7-го дѣло № 179.

[29]) Тамъ же, дѣло № 171.

[30]) АМДК, 1805 г. предм. 7-го дѣло № 308.

[31]) АМДК, 1798 г. св. №№ 12—160, д. № 154.

ную продажу онъ долженъ былъ передать въ собственность церкви, по окончаніи его контракта [32]).

Въ Николаевской церкви за богослуженіемъ причтъ собиралъ деньги въ свою пользу; священнослужители въ руку, а пономари ходили съ тарелкой. [33]).

Среди прихожанъ могилевской Петропавловской церкви были несогласія изъ-за ремонта церкви. На рапортѣ объ этомъ благочиннаго протоіерея А. Пригоровскаго преосвященный Анастасій положилъ слѣдующую резолюцію: «Поелику церковь уже освящена мною (29 іюня 1801 года) и прихожане пользуются богослуженіемъ; раздоръ же о устроеніи не конченъ: то, ежели не послѣдуетъ соглашенія, велю запечатать церьковь, да домъ Божій не будетъ предлогомъ распрей и сердечныхъ крамолъ; самихъ-же спорющихся отдамъ суду не человѣческому, но Божіему, съ моимъ неблагословеніемъ. Что и объявить немирнымъ сердцамъ и совѣстямъ [34]).

Митьковская церковь.

Священникъ митьковской церкви И. Горбачевскій просилъ причислить его церковь, по ветхости, къ селецкой церкви и дозволить въ оной имѣть ему священнослуженіе. На докладѣ объ этомъ консисторіи въ апрѣлѣ 1803 года архіепископъ Анастасій написалъ: «прихожане чьего владѣнія? Запечатать, яко гробъ Спасителевъ, позволяю съ Пилатомъ; но воскресить церьковь предоставляю силѣ чудесъ благотворныхъ, по усердію и по законамъ». Въ сентябрѣ 1804 г. митьковская церковь была исправлена и освящена. [35])

П. Горючко.

Матеріалы для исторіи могилевскаго архіерейскаго хора 1798—1805 гг.

При архіерейскихъ каѳедрахъ по штатамъ положены хоры пѣвчихъ, на содержаніе которыхъ отпускается опредѣленная сумма денегъ [1]). Состояніе хора зависитъ, конечно, отъ средствъ, но много также значитъ личность владыки. Въ 1798—1805 гг. въ Могилевѣ архіерействовалъ Анастасій Братановскій († 9 дек. 1806 г. въ Астрахани). Будучи знатокомъ и любителемъ пѣнія, этотъ преосвященный много заботился о своемъ хорѣ.

Пѣвчими были преимущественно воспитанники семинаріи. Ввиду этого владыка Анастасій 17 марта 1798 года приказалъ: «быть пѣвчимъ подъ семинарскимъ правленіемъ какъ по жалованью такъ и по содержанію» [2]). Въ 1798 г. пѣвчіе жили въ зданіяхъ бывшаго женскаго Братскаго монастыря [3]).

Завѣдываніе экономіей архіерейскаго хора вызывало, конечно, въ правленіи семинаріи нѣкоторыя недоумѣнія, въ разъясненіе которыхъ преосвященнымъ Анастасіемъ дѣлались соотвѣтствующія распоряженія. Такъ, на докладѣ отъ 17 февраля 1799 года читаемъ слѣдующую резолюцію: «Сумму, по штату на пѣвчихъ отпускаемую, за вычетомъ жалованья на большихъ пѣвчихъ, употреблять на содержаніе пищею и одѣяніемъ въ семинаріи находящихся такъ, какъ семинарскую: почему и истребовать отъ казначея (архіерейскаго дома), что на нихъ издержано, да и впредь оныхъ суммъ расходъ вести особенной статьей» [4]).

31 марта 1799 года надсмотрщикъ за малыми архіерейскими пѣвчими, ученикъ риторики, Иванъ Демченковъ доложилъ преосвященному: «Ваше высокопреосвященство повелѣли мнѣ надсматривать малыхъ пѣвчихъ и докладать о всемъ томъ, въ чемъ только ни будутъ они имѣть какую-либо нужду. Во исполненіе чего, зная ихъ скудости въ пищахъ и недостатки въ надлежащемъ, по словамъ вашего высокопреосвященства, количествѣ рубахъ, коихъ только по двѣ получили, симъ на

---

[1]) Изъ №№ 33 и 35 „Могил. Губ. Вѣд." 1903 г.

[32]) АМДК, 1799 г. св. №№ 180—314, д. № 185.

[33]) Тамъ же дѣло № 210.

[34]) АМДК, 1802 г. продл. 3-го дѣло № 127.

[35]) АМДК, 1803 г. продл. 3-го дѣло № 200.

[1]) Съ 1798 года на могилевскій архіерейскій хоръ отпускалось 804 рубля въ годъ. Полное собраніе законовъ. Томъ XLIII. Книга штатовъ; отдѣленіе третье: штаты духовные.

[2]) Арх. мог. дух. семинаріи, 1799 г. Опредѣленіе это приведено въ докладѣ отъ 17 февраля 1799 г.

[3]) Архивъ св. синода въ С.-Петербургѣ, 1798 г. д. № 27, л. 298 об.

[4]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1799 г., доклады.

благоусмотрѣніе вашему высокопреосвященству нижайше докладываю». Владыка въ отвѣтъ на докладъ Демченкова написалъ свое опредѣленіе о пѣвчихъ, для руководства семинарскаго правленія:

«1. Пѣвчимъ малымъ, кои уже научились пѣть концерты, производить въ годъ вмѣсто жалованья по четыры рубашекъ, по три пары сапоговъ и по столько-же чулокъ лѣтнихъ да зимнихъ по одной парѣ, по два галстуха.

2. На два года нижнее платье: для зимы суконные кальсоны и штаны, а для лѣта изъ другой матеріи, какая будетъ куплена; такъ же поясъ, рукавицы, шапка, шляпа, халатъ.

3. На три года шенель суконная, зимные сертуки, лѣтные казакины или черкески.

4. Кровать, одѣяло, туфякъ и прочее должно быть одинаковое съ казенными воспитанниками.

5. Пища та же, что и казеннымъ воспитанникамъ. За лакомство наказывать, ибо малые пѣвчіе обыкновенно лакомствуютъ, покамѣстъ научатся панствовать.

Почему правленію семинарскому велѣть представить намъ: кто? и что изъ пѣвчихъ имѣетъ» [5]).

Чрезъ нѣкоторое время преосвященнымъ Анастасіемъ объявлено было слѣдующее «положеніе для пѣвчихъ, не получающихъ жалованья, а живущихъ наряду съ казенными воспитанниками:

«1. Хлѣбъ и столъ обще съ казенными воспитанниками.

2. Верхнее и нижнее одѣяніе, зимнее и лѣтнее, обувь изъ суммы, на содержаніе пѣвчихъ положенной. Чему и весть пѣвческому инспектору записную тетрадь, въ кою нынѣ и внести: что, кто и съ котораго времени имѣетъ? О надобностяхъ долженъ докладывать префекту, а сей мнѣ.

3. Что, когда и для кого будетъ сдѣлано? записывать въ ту-же книгу.

4. О цѣлости или о потерѣ данныхъ пѣвчимъ вещей инспекторъ репортуетъ префекту каждую треть года.

5. Свѣчи и бумагу покупать не на штатную сумму, но на неокладную, каковая можетъ накопиться, оставляя четвертую часть отъ слѣдуемой въ раздѣлъ. Сія сумма будетъ храниться у префекта.

6. Свѣчи и бумагу выдавать инспектору: бумагу тетрадями въ три листа, съ запискою: когда, кому и сколько дано? И вновь давать не прежде, какъ по осмотрѣніи: на что и вся-ли употреблена данная прежде.

7. Касательно-же свѣчъ, то оныя выдавать, смотря, 1-е, по числу учащихся за столомъ; 2-е, смотря по времени. По числу учащихся: на пятерыхъ по одной свѣчѣ. Смотря по времени: отъ 1 октября по 20 ноября по одной, отъ 20 ноября по 10 генваря по полторы, отъ 10 генваря по 10 марта по одной» [6]).

Какъ видно, скудно содержались пѣвчіе, да и прочіе семинаристы тоже. Но что-же было дѣлать? На содержаніе казеннаго воспитанника полагалось двѣнадцать рублей въ годъ, или четвертакъ въ недѣлю. Да и эти ничтожныя средства приходилось зорко оберегать. Такъ въ 1803 году обнаружилось, что восемь казенныхъ семинаристовъ, будучи архіерейскими пѣвчими, содержались на счетъ спеціально семинарскихъ суммъ, между тѣмъ какъ имѣли право на стипендію архіерейскаго дома. Правленіе семинаріи 26 мая (1803 г.) доложило объ этомъ владыкѣ. Преосвященный отвѣтилъ: «конечно, семинарія не обязана пѣвчихъ каѳедральныхъ ни кормить, ни одѣвать: для того ихъ особенно и отдѣлить. И сколько таковыхъ будутъ заимствовать пищу отъ семинаріи, столько и денегъ взносить изъ штатной суммы, то есть по 12 рублей за каждаго. Касательно-же одѣянія и обуви: о семъ долженъ пѣвческій директоръ [7]) доносить правленію семинарскому, а сіе докладываетъ мнѣ,—и тогда сумма отпустится. Но чтобъ пѣвчихъ не было безъ голосныхъ. Такъ-же сіе не идетъ и на тѣхъ, кои полное по штату получаютъ жалованье» [8]).

Резолюціею преосвященнаго Анастасія положено было для пѣвчихъ на говядину и рыбу въ годъ шестидесятъ рублей, что составитъ въ мѣсяцъ пять рублей, а въ день $16\frac{1}{2}$ копеекъ. Положеніе, очевидно, было скудное, недаромъ

[5]) Тамъ-же.

[6]) Далѣе слѣдуетъ «Реестръ расходкій свѣчамъ. Генварь 2 дня. Двѣ свѣчи взято для пробы въ домѣ архіерейскомъ: одна большая, а другая меньшая. 3 д. Степанъ занялъ десять свѣчей большихъ». Архивъ мог. д. семинаріи, 1802 г.

[7]) Громкій титулъ „директора" носилъ одинъ изъ пѣвчихъ-же.

[8]) Въ 1802 г. на счетъ семинаріи содержались девять пѣвчихъ. По 12 р. за каждаго было уплачено семинаріи, по докладу отъ 5 іюня 1803 г. Архивъ мог. дух. семинаріи, 1803 г.

въ 1806 году пѣвчіе жаловались на это новому преосвященному, Варлааму. Впрочемъ, архіерейская экономія, сверхъ положеннаго для пѣвчихъ, всегда издерживала болѣе; такъ какъ для нихъ во всякіе дни, кромѣ праздничныхъ, употреблялось говядины на два кушанья фунтовъ по шести, кромѣ третьяго кушанья; въ праздничные-же дни на три кушанья по десяти фунтовъ и болѣе; а фунтъ мяса въ среднемъ стоитъ пять копеекъ [9]).

Опредѣленіе пѣвчихъ въ архіерейскій хоръ зависѣло отъ преосвященнаго. Владыка Анастасій поступалъ при этомъ съ свойственной ему осторожностью. Такъ, на прошеніи отставного прапорщика Вонифатія Залѣскаго о принятіи его въ число пѣвчихъ владыка написалъ: «1798 года марта 19 дня. О принятіи просителя въ пѣвческую капелію и о положеніи ему жалованья разсмотрѣть отцу ректору игумену Іоасафу, взявъ во вниманіе, не католикъ ли онъ» [10]). Резолюція преосвященнаго на прошеніи дворянки Акилины Галицкой, отъ 11 марта 1799 г., о принятіи въ хоръ сына ея Ивана: «Принять въ пѣвческое содержаніе прежде пищею и квартирою, а когда достойнымъ окажется, то и одѣяніемъ. О чемъ къ отцу ректору». Владыка заботился о полнотѣ состава хора. На докладѣ регента Василія Нельговскаго, отъ 30 мая 1799 г., объ опредѣленіи въ хоръ теноромъ студента философіи Андрея Смоляка, читаемъ: «Опредѣляется. Еще выбрать дишкантовъ и альтовъ» [11]).

Начальство заботилось о должной дисциплинѣ въ средѣ пѣвчихъ. Второй басъ Трофимъ Пособлевскій пьянствовалъ. Пропивъ свое жалованье, онъ позакладывалъ, что могъ захватить у своихъ товарищей, и тѣмъ всей пѣвческой порокъ и соблазнъ дѣлалъ. На рапортѣ объ этомъ регента, діакона Вуса, преосвященный Анастасій написалъ: «На основаніи указномъ, [12]) пѣвчаго Трофима Пособлевскаго, ежели онъ изъ подлежащихъ по разбору, то есть нашей епархіи, отослать, куда слѣдуетъ, къ поверстанію въ воинскую службу, не дожидаясь очереди прочихъ. А по сему поводу и всѣмъ его-же званія людямъ объявить, что, въ случаѣ подобнаго по страсти пьянственной безобразія, та-же участь послѣдовать имѣетъ. 1798 года февраля 15 дня» [13]).

22 іюня 1803 года префектъ семинаріи, игуменъ Ѳеофанъ распорядился: «1. Пѣвчихъ малыхъ, замѣченныхъ въ употребленіи горячихъ напитковъ, въ отвращеніе таковаго несоразмѣрнаго ихъ лѣтамъ, предосудительнаго пристрастія, наказать тѣлесно, давъ каждому по пяти ударовъ лозою непремѣнно. 2. Бывшему смотрителю пѣвчихъ Послaвскому, за худое, какъ видно, и оплошное за ними смотрѣніе, дается выговоръ и таковой поступокъ его берется въ замѣчаніе начальничее,—что ему и объявить. 3. Ивану Стефановичу, мѣшающемуся не въ свое дѣло и, вмѣсто воздержанія низшихъ себе отъ вышеупомянутаго постыднаго дѣянія, подающему поводъ къ большему разврату, положить въ общей трапезѣ 25 поклоновъ, въ присутствіи всѣхъ и сеніора» [14]).

Наказывая проступки, владыка Анастасій въ то-же время былъ снисходителенъ къ слабостямъ и внимателенъ къ инвалидамъ. Пѣвчій вокальной музыки Стефанъ Просоловичъ подалъ преосвященному прошеніе: «Находясь я нижайшій съ 1784 года въ пѣвческой, пѣлъ съ начала дышканта, потомъ тенора, а нынѣ не могу уже по неспособности голоса, исправлять пѣвческой должности. Почему, повергнувъ себя къ стопамъ вашего преосвященства, всенижайше прошу благопромыслительной резолюціи, касательно помѣщенія меня, по благоразсмотрѣнію архипастырскому, чтобы могъ я, хотя малое, вдовствующей матери моей съ двома малолѣтными сестрами оказывать пособіе». Владыка положилъ резолюцію: «1798 года апрѣля 8 дня. Стефану Просоловичу доканчивать ученіе и жить ему въ бурсѣ на казенномъ содержаніи. Для пропитанія матери опредѣляется онъ къ собору нашему псаломщикомъ, по какой должности жалованье предоставляется матери» [15]). 4 декабря 1798 г. регентъ Вусъ рапортовалъ о неспособности дисканта Филиппа Ковалевскаго. Резолюція послѣдовала: «Исключить изъ пѣвческаго хора и, ежели онъ

---

[9]) Архивъ мог. дух. консисторіи, 1806 г. предмета 12-го дѣло 183.

[10]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1798 г.

[11]) Тамъ-же, дѣло 1799 г.

[12]) Полное собраніе законовъ №№ 17. 675 и 17. 728.

[13]) Архивъ мог. дух. консисторіи, 1798 г. д. № 48.

[14]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1802 г.

[15]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1798 г. Жалованья соборному псаломщику полагалось въ годъ 20 рублей.

способенъ къ наукамъ, то оставить на казенномъ въ бурсѣ воспитаніи, а ежели неспособенъ, то выслать его къ отцу». Пѣвчій этотъ былъ шалунъ. Съ перемѣной регента, онъ снова просился въ хоръ. На докладѣ объ этомъ регента Нельговскаго, отъ 2 мая 1799 г., преосвященный написалъ: «принимается паки съ тѣмъ, чтобъ подъ смотрѣніемъ внимательнымъ былъ благонравнѣе.[16])

Регентами были большею частію самоучки; тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ занимались не только обученіемъ пѣвчихъ и управленіемъ хоромъ, но и композиціей: сочиняли музыку для разныхъ пѣснопѣній. Преосвященный Анастасій, кромѣ того, завелъ оркестръ въ своемъ хорѣ; «инструментальной музыкѣ» обучалъ особый учитель. Въ 1798—1805 гг. смѣнилось четыре регента.

1. Діаконъ Б у с ъ. Регентъ и композиторъ.

2. Діаконъ Василій Н е л ь г о в с к і й, 1799—1803 гг. Нельговскій былъ казакъ изъ малороссійской губерніи, въ 1788—1797 гг. состоялъ придворнымъ пѣвчимъ. По увольненіи изъ Государевой пѣвческой, Нельговскій подалъ преосвященному Анастасію прошеніе о причисленіи его въ церковный причтъ [17]). Владыка положилъ резолюцію: «1899 года апрѣля 2 дня. Проситель Василій Нельговскій въ епархію нашу принимается. По желанію его въ духовное званіе, опредѣляется при нашемъ каѳедральномъ (Спасо-Преображенскомъ) соборѣ на діаконское вакансовое мѣсто, впредь до усмотрѣнія, если онъ того достоинъ будетъ. По практикованной-же его въ лучшемъ вкусѣ способности къ пѣвчеству, быть ему на первой случай о б р а з о в а т е л е м ъ н а ш е г о п ѣ в ч е с к а г о х о р а. Убо и жалованье извѣстно; была бы на то похвальная заслуга. Копію изъ атестата [18]) выдать за скрѣпою секретаря». [19]) Въ слѣдующемъ году Нельговскій женился на дочери протодіакона, Ульянѣ Семеновнѣ Ноздровской [20]), и затѣмъ былъ рукоположенъ въ діакона. Къ дѣлу своему Нельговскій относился, повидимому, усердно. Въ мартѣ 1801 г. онъ рапортовалъ семинарскому правленію, что изъ семинаристовъ въ хорѣ 13 пѣвчихъ; концертовъ, нѣсколько даже осьмиголосныхъ, разучено было имъ 57 номеровъ. Но преосвященный всегда требовалъ новинокъ. На отчетномъ рапортѣ Нельговскаго за апрѣль 1801 г. владыка написалъ: «А новаго концерта развѣ за празднованіемъ праздника нельзя было выучить?» Нельговскому приходилось, повидимому, много заниматься композиціей. Работа эта иногда и оплачивалась. Такъ, по докладу семинарскаго правленія отъ 8 іюня 1801 г., преосвященный велѣлъ дать Нельговскому десять рублей «въ награжденіе за труды, употребленные имъ в ъ с о ч и н е н і и н о т ъ п о д ъ к а н т ы, дѣланные отъ семинаріи на разные случаи». Въ началѣ октября 1801 г. Нельговскій рапортовалъ въ правленіе семинаріи: «прошлаго мѣсяца сентября (1801 г.) эдѣлано мною четыреголосное «милость мира» и кантъ на случай поздравленія его высокопреосвященства (Анастасія) съ полученіемъ архіепископа». Владыка на рапортѣ написалъ: «За новосочиненныя пѣнія объявить мое удовольствіе. За успѣхъ въ обученіи новоизбранныхъ послѣдуетъ вниманіе къ лучшему». Ободренный милостивой резолюціей, Нельговскій въ декабрѣ 1801 г. подалъ прошеніе объ увеличеніи для него порціи пищи; но архипастырь отвѣтилъ довольно сурово: «Что положено, тѣмъ и довольствоваться долженъ: прихотямъ не удовлетворить. Тѣмъ паче, что отъ семинаріи бываетъ и денежное воздаяніе, смотря по услугамъ, оказываемымъ для нея. Да и положенная провизія единственно отъ милости, а не по долгу».[21])

Архіерейскіе пѣвчіе имѣли д о х о д ы. 8 апрѣля 1800 г. преосвященнымъ дано было имъ праздничнаго десять рублей.[22]) 25 ноября 1801 г. Нельговскій доложилъ владыкѣ: «При поздравленіи днемъ тезоименитства его высокоблагородія Александра Яковлевича г. Янчена получили мы п я т ь д е с я т ъ р у б л е й денегъ, которыя раздѣливъ, подносимъ на благоразсмотрѣніе вашему высокопреосвященству съ росписаніемъ на оборотѣ. Регенту діакону Василію Нельговскому—13 рублей, діакону Стефану Пузыревскому—8 р. 75 к.,

[16]) Архивъ мог. дух. семинаріи, папки бумагъ 1798 и 1799 г.

[17]) Вѣроятно, Нельговскій былъ лично извѣстенъ Анастасію, въ 1790—1797 гг. жившему въ С.-Петербургѣ.

[18]) Нельговскому изъ придворной капеллы.

[19]) Архивъ мог. дух. консисторіи, 1799 г. связка №№ 3—180, д. № 76.

[20]) Тамъ-же, 1806 г. предм. 2-го д. № 322. Тесть Нельговскаго скончался 1 января 1806 г.

[21]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1801 г.

[22]) Тамъ же, въ папкѣ 1800 г. докладная экономическая книга.

Артемону Пославскому—5 р. 75 к., Ивану Демченкову—5 р. 75 к., Герасиму Летягину—4 р., Максиму Піючевскому—2 р. 25 к., Өеодору Демяновичу—2 р. 25 к., Григорію Кустынскому—1 р. 75 к., Павлу Синяковскому—1 р., Ермолаю Дюбановичу—1 р. 50 к., Антонію Мижурскому—1 р. 50 к., Іосифу Комаровскому—1 р. 50 к., Ивану Смоляку—1 р., Григорію Слижику—1 р.» Владыка положилъ резолюцію: «Раздѣлить по сему съ росписаніемъ каждаго о полученіи и потомъ сіе отдать въ правленіе семинарское».[23])

16 января 1803 г. регентъ пѣвческаго хора, могилевскаго каѳедральнаго Іосифовскаго собора діаконъ Василій Нельговскій скончался, оставивъ по себѣ вдову. 17-го того-же января состоялось погребеніе[24]). 6 февраля 1803 г. правленіе семинаріи доложило архіепископу Анастасію: «По смерти бывшаго при пѣвческомъ вашего высокопреосвященства хорѣ регентомъ діакона Василія доселѣ нѣтъ настоящаго регента. А таковый для лучшаго благоустройства и въ пѣніи нотномъ малолѣтныхъ надлежащаго образованія необходимо потребенъ. Семинарское правленіе судитъ быть достойнымъ къ заступленію таковыя должности діакона Стефана Пузыревскаго, и по инструментальному хору семинариста Ивана Добровольскаго, коимъ и жалованье по архипастырскому благоусмотрѣнію изъ суммы пѣвческой опредѣлить можно». Преосвященный отвѣтилъ: «И того тѣмъ, и того тѣмъ».[25])

3. Діаконъ Стефанъ Пузыревскій, 1803—1804 гг. Въ ноябрѣ 1803 г. преосвященный распорядился: «Строжайше подтвердить (семинарскому регенту) Герасиму Летягину и (регенту музыкальнаго хора) Ивану Добровольскому, чтобы пѣвчіе были обучаемы непремѣнно. А чтобъ послѣдній не развлекался шатаніемъ, то жить ему въ пѣвческой»[26]). Ученики Добровольскаго играли на скрипицахъ, кларнетахъ, флейтахъ, віолончеляхъ и валторнахъ. Разучивали они большею частію танцы: полонезы, марши, кадрили, контрдансы, англезы, вальсы и канты. На отчетномъ рапортѣ Добровольскаго за январь 1804 года архіепископъ Анастасій написалъ: «Должно всѣхъ, какъ пѣвческихъ голосомъ, такъ и на инструментахъ, книгъ, а въ нихъ концертовъ и другихъ піесъ,—имѣть пренумерованный реестръ, по которому бы извѣстно было: что когда вычать вновь? какой когда пѣть концертъ, (а для сего подать мнѣ всѣхъ концертовъ конспектъ) и какія новыя—и отъ кого—прибудутъ піесы»[27]).

Стефанъ Пузыревскій, поступивъ во священники могилевскаго Іосифовскаго собора, отказался отъ регентства. Вмѣсто него, по докладу семинарскаго правленія, отъ 2 февраля 1804 г., регентомъ архіерейскаго пѣвческаго хора опредѣленъ былъ студентъ богословія Максимъ Піючевскій, «яко въ нотномъ пѣніи болѣе прочихъ опытно свѣдущій», съ жалованьемъ—пятьдесятъ рублей въ годъ. Въ помощь ему для обученія новыхъ пѣвчихъ, а паче по инструментальной музыкѣ, опредѣленъ былъ числившійся въ пѣвческомъ хорѣ Иванъ Добровольскій[28]).

4. Максимъ Піючевскій, 1804—1805 гг. Въ мартѣ 1804 г. архіерейскихъ пѣвчихъ съ регентомъ было двадцать два[29]). Докладомъ отъ 30 октября 1805 г. правленіе семинаріи представило преосвященному Анастасію, что М. Піючевскій, поступивъ священникомъ къ Іосифовскому собору, отказывается отъ регентства; кандидатомъ на его мѣсто правленіе рекомендовало протодіакона Артемія Пославскаго. Владыка положилъ резолюцію: Подумать о искуснѣйшемъ, чтобы прямо могъ быть регентомъ; и до времени пусть будетъ и протодіаконъ Пославскій»[30]).

---

[23]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1801 г.

[24]) Архивъ мог. дух. консисторіи, 1803 г. предм. 2-го д. № 145.

[25]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1803 г. № 3.

[26]) Тамъ же, № 4. Резолюція на рапортѣ за октябрь 1803 г.

[27]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1804 г.

[28]) Тамъ-же. Въ 1804 г. Добровольскому было всего 15 лѣтъ Съ 2 сент. 1806 г. онъ служилъ въ Астрахани. Пл. Горючко „Анастасій Братановскій, архіеп. астрах.“, стр. 54 56 (изъ „Астр. Еп. Вѣд.“ 1902 г.).

[29]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1804 г. № 5. При рапортѣ за февраль 1804 г. Піючевскимъ приложенъ былъ требованный преосвященнымъ реестръ концертовъ и другихъ пьесъ. Здѣсь указаны произведенія и могилевскихъ композиторовъ: Вуса (Уса тожъ), Нельговскаго, Добровольскаго и др.

[30]) Архивъ мог. дух. семинаріи, 1805 г. № 4. А. Пославскій назначенъ былъ протодіакономъ въ маѣ 1803 г. Заслуженный предшественникъ его, С. Ноздровскій тесть Нельговскаго, вызванный въ 1777 г. еп. Георгіемъ изъ смоленской епархіи, по прошенію, оставленъ былъ Анастасіемъ при своей должности. Такимъ образомъ, на лицо было два протодіакона. Пославскій считался на вакансіи третьяго священника. Архивъ мог. дух. конс., 1803 г. пр. 1-го д. № 855.

Повидимому, архіерейскій хоръ при Анастасіи стоялъ высоко. Професоръ могилевской семинаріи С. И. Соколовъ въ біографіи владыки, написанной лѣтъ 45—50 по кончинѣ его, замѣчаетъ: «Многіе изъ могилевцевъ помнятъ преосв. Анастасія и съ восторгомъ вспоминаютъ объ оркестрѣ, который онъ образовалъ въ хорѣ своихъ пѣвчихъ. Нѣкоторые изъ музыкальныхъ инструментовъ того оркестра и до сихъ поръ хранятся въ библіотекѣ дух. семинаріи»[21]). М. Фурсовъ въ 1882 году писалъ: «Есть преданіе, что епископъ Анастасій весьма любилъ „хоровое пѣніе" и прилежно старался поддерживать [illegible]скіе хоры... Почти при каждой [illegible] могилевской церкви употреблялось истинно [illegible] служенія пѣніе, и нѣкоторые хоры приходскіе славились своимъ строемъ»[22]).

Платонъ Г[illegible].

Изъ области Бѣлорусской народной медицины

Народная медицина обращаетъ на себя въ послѣднее время все болѣе и болѣе вниманія какъ со стороны патентованныхъ медиковъ, такъ и этнографовъ.

Располагая нѣкоторыми данными по этому вопросу, основанными на собственныхъ наблюденіяхъ и на современныхъ записяхъ нашихъ кореспондентовъ, въ особенности гг. Онуфріева и Барташевича, а также на сообщеніяхъ имѣющихся у насъ рукописныхъ народныхъ лѣчебниковъ XVII в., дѣлаемъ здѣсь попытку освѣтить нѣсколько эту темную область.

Всякій, кто дастъ себѣ трудъ ознакомиться съ народными «медикаментами», легко убѣдится въ томъ, что большинство ихъ не только не выдерживаютъ ни малѣйшей критики, но являются положительно нелѣпыми. Особенно это надо сказать о лѣкарствахъ минералогическихъ и приготовляемыхъ изъ животныхъ отбросовъ. Употребленіе ихъ можетъ быть объяснено съ одной стороны пословицей: «утопающій и за соломинку хватается», а съ другой—обычнымъ народнымъ консерватизмомъ: что употреблялъ знахарь—дѣдъ, то должны употреблять и его внуки. Въ этомъ отношеніи многія изъ современныхъ средствъ какъ бы цѣликомъ выхвачены изъ лѣчебниковъ XVII вѣка и имѣютъ для современнаго темнаго селянина ту же обаятельную цѣлебную силу, какую въ нихъ видѣли образованные классы въ средніе вѣка.

Во всякомъ случаѣ, желательно, чтобы на дѣло изученія народной медицины нашъ ученый медицинскій міръ обратилъ болѣе серьезное вниманіе. Если среди массы нелѣпостей онъ найдетъ здѣсь только единичныя полезныя средства благодѣтельныя для человѣчества, его заслуга уже будетъ безконечно велика.

Цѣль настоящей статьи—помимо задачъ этнографическихъ—оказать также посильную помощь и накопленію необходимаго матеріала.

Всѣ приводимыя здѣсь данныя относятся къ могилевской губерніи. Медикаменты представлены въ русскій музей Императора Александра III.

Современныя записи.

Антоновъ огонь.

Если ушибленное мѣсто или простреленную и порубленную рану «ньвиело пухлиной» и она сильно болитъ, такъ что «няможне [illegible]» и пухлина красная и «троху ужо синѣитъ» то значитъ, что въ рану вошелъ антоновъ огонь.

Чтобы его вылѣчить, надо «якъ ня можна скорѣй» здоровыя части тѣла, окружающія посинѣвшую опухоль, перевязать шнуркомъ или совсѣмъ веревкой, а на самую рану класть намоченную въ капустный разсолъ тряпку; если же такого разсола нѣтъ, то надо наложить въ тряпку «сырокваши» и приложить ее къ ранѣ. Мѣнять этотъ компрессъ надо какъ можно чаще.

Потеря апетита.

Всаучаѣ «ни синь пороха ѣсти не хочется и животъ подвело», то «выбязпримѣнно» надо пить отваръ изъ мяты; по осени можно пить

---

[21]) Вильна. Публичная библіотека. Рукопись № 296.

[22]) А. С. Дембовецкаго: „Опытъ описанія могилевской губерніи". Книга 1-я. 1882. Стр. 124.

брусничный сокъ; весною надо прибавлять «къ зареву» «агристу» (крыжовнику) зеленаго, ѣсть щавель. Передъ обѣдомъ полезно пить по рюмкѣ водки, настоенной на еловыхъ, сосновыхъ или березовыхъ «пупрахъ» (почкахъ). Также—пить настой центавры.

Безсонница.

Когда ты лежишь «заплющувши вочи», а спать тебѣ сряду «ночей скольки» не хочется, то надо пить холодную воду ложась спать.

Если не даетъ спать сильный кашель, то надо ноги, держа противъ огня, мазать щучьимъ жиромъ, пока не впитается.

Если больной ночью вздрагиваетъ, то ему надо пить по стакану сыворотки. Онъ вспотѣетъ и «цоспокойнѣитъ».

Пьютъ также отваръ изъ «ноготковъ». Дѣтей купаютъ въ ноготкахъ. Даютъ отваръ травы «сонъ», Иванъ-да-Марья. Также отваръ полевого хмеля.

Беременность.

Если беременной женщинѣ «ня можитца», то полезно давать молоко изъ конопляного сѣмени. Для этого сѣмена надо растереть съ водою. Тогда животъ «будитъ слабѣй и бабѣ лягчѣй». Если же часто слабитъ, то надо давать отваръ изъ мяты. «А коли у живота колитъ», надо смочить въ теплой водѣ тряпку, положить на животъ и держать, пока станетъ холоднымъ.

Блѣдная немочь.

Когда у человѣка лицо блѣдное, щеки впалыя, носъ заостренный и голова кружится, и силъ мало, а если руки часто холодѣютъ, и выступаетъ холодный липкій потъ, то это малокровіе. Эту болѣзнь у дѣвушекъ называютъ блѣдою немочью.

Когда заведется эта немочь, надо пить отваръ изъ мяты.—«бalазѣ, мята крѣпитъ животъ и што въ яго тяжолое попадетъ—раскрышиваитъ». Кромѣ отвара изъ мяты надо передъ обѣдомъ и ужиномъ пить холодный отваръ изъ корней болотнаго бобовника. Съ этою же цѣлью пьютъ и сокъ рѣдьки.

Бѣльмо.

Если на око «натянитъ бѣльмо», то можно его согнать, впустивъ въ самомъ началѣ болѣзни въ глазъ желчи щуки или заячьяго жира.

Болѣе дѣйствительнымъ средствомъ считается засушенная гвоздика. Ее жуютъ и потомъ изо рта, наполненнаго разжеванной гвоздикой, дуютъ въ больной глазъ.

Бѣшенство.

Когда собака «утикаитъ» отъ своего хозяина и бродитъ съ мѣста на мѣсто «безперестанку», хвостъ поджала и пустила слюну изо рта, то она бѣшеная. Если такая собака укуситъ человѣка, то сейчасъ же бѣгутъ къ знахарю «наговорить хлѣба», который и надо «зъѣсть на вулицы», а не подъ крышей. И такъ повторить три раза, «пакуль болѣсть станитъ не страшна». Необходимо прибавить, что въ хлѣбъ кладется трава «шаленецъ».

Веснушки.

Веснушки на лицѣ надо сгонять настойкой изъ бобовыхъ цвѣтовъ на водѣ. А также надо въ апрѣлѣ собрать «лягушечьяго квактовинья», положить его въ мѣшочекъ и мазать имъ лицо нѣсколько разъ въ день. Когда «квактовинье» начнетъ засыхать, оно уже теряетъ цѣлебную силу.

Водянка.

Водянка—когда у человѣка «пошла по ногамъ пухлина», и эта «пухлина» блеститъ, «якъ ба воды за кожу налито». «Пухлина ня кожный разъ бываитъ на ногахъ». Бываетъ, что «разбрузнитъ морда», либо грудь или руки.

Кто болѣетъ водянкой, тому надо побольше ѣсть съ мясомъ хрѣну, а пить щолокъ, сдѣланный изъ перепаленнаго добѣла голубинаго помету съ водою.

Волоса.

«Волосься у бабъ» должны быть густые; «хиба ужо у яе золотуха ѣсть», то они растутъ рѣдкими, а въ среднемъ возрастѣ сѣкутся. Въ та-

кахъ случаяхъ слѣдуетъ мазать голову керосиномъ, а когда керосинъ не помогаетъ, то надо сдѣлать мазь изъ голубинаго помета съ мукою и уксусомъ, и этой мазью натирать голову. Если же и эта мазь не поможетъ, то надо мазать голову свиною желчью.

Вывихъ.

«Бываить, нічаянно скыкаешъ откуль, али звалисься, ды звихнешъ ногу ти руку». Тогда скорѣй надо потянуть крѣпко вывихнутую ногу или руку, потомъ сейчасъ «драть» барана и «тепленькой шкурой» обвертѣть и завязать веревкой больное мѣсто. Отъ этого не будетъ «пухлины» и скоро «униматца» боль.

Воспаленіе глазъ.

«Бываить, хто простудить вочи, тады ему здаетца, бытцымъ у вочи насыпазъ хто песку, и ёнъ ихъ треть, покуль ужо ня можна вытерпѣть». Тогда сначала надо вымазать глаза яичнымъ бѣлкомъ, «а кыли ни полѣпшіить», то посыпать мелко истолченнымъ сахаромъ. Промывать глаза надо не холодной, а горячей водой — «якъ можна вытерпѣть». Если же глаза заболѣли послѣ бани, то надо въ нихъ «поплевать три разы въ день» да вымыть теплой водой.

Глисты.

Въ деревнѣ и дѣти и взрослые часто хвораютъ отъ глистовъ. У кого они завелись, скоро можно узнать по черным кругамъ подъ глазами; у больного также «въ носу свербить», болитъ подъ ложечкой, является блѣдность, «пузо дѣлается большое якъ бубинъ», появляется рвота и тошнота, а у малыхъ даже и «радимецъ». По народному мнѣнію, противъ глистовъ ничего сдѣлать нельзя, потому что ихъ заморить всѣхъ не заморишь, а только хужо раздразнишь. «Лацвѣй тому, хто ня любить меду» — у того глисты не водятся. Вообще же отъ глистовъ смѣшивается «глистникъ» съ медомъ, и дается три раза въ день, — «только не въ хатѣ, а на улицѣ — не подъ крышей». — Для того же, чтобы глисты не разводились у малыхъ дѣтей, ихъ поятъ сокомъ изъ моркови, или морковнымъ кофе съ молокомъ.

Отъ глистовъ же даютъ отваръ ..... употребляется и корень папоротника.

Головная боль.

Отъ сильной головной боли даютъ пить чай, а если чаю нѣтъ, то заваривають въ чайникѣ или въ глекѣ мяту и даютъ пить по стака[нчику] на каждый разъ. Если же и мята не поможетъ, то надо дать двѣ чарки горѣлки. Когда голова болитъ послѣ пьянства, то на голову кладутъ зеленые листья капусты, а зимою холодн[ую мок]рую тряпку. Это же средство и отъ угара.

Отъ головной боли употребляется еще чабер[ъ].

Головокруженіе.

Даютъ пить отваръ изъ цвѣтовъ «звоночковъ», колокольчиковъ, Божьихъ черевичковъ.

Геморой.

Болѣзнь эта проникла и въ деревн[ю] ... лѣютъ ею «шавцы» и «кравцы». Для лѣче[нія] ея деревня настаиваетъ на водкѣ или отварива[етъ] въ водѣ дростъ. Лѣкарство это дается утромъ «наща» и вечеромъ.

Горловыя болѣзни.

Для лѣченія ихъ употребляется настой н[а] корняхъ аира. Отваръ изъ нихъ въ холодномъ видѣ пьется послѣ болѣзни, какъ укрѣпляющее. Также чай изъ горлянки.

Грудныя болѣзни.

У кого «слабая грудь», надо настоять винныя ягоды на водкѣ и пить «нащо» каждый день. Также передъ обѣдомъ и вечерей надо пить холодный отваръ болотнаго бобовника и вообще для питья вмѣсто воды употреблять чай изъ брусничника и липоваго цвѣта или грудной чай изъ сѣнной трухи, которая образуется изъ разныхъ горькихъ цвѣтовъ и травъ. Пьютъ также отваръ изъ дубоваго мха.

Грыжа.

Для припарокъ употребляются стебли хмѣля.

Дикое мясо.

На ранахъ дикое мясо лѣчится порошкомъ изъ корня черники, которымъ присыпается больное мѣсто.

Желудокъ.

Для укрѣпленія желудка, «у кого ёнъ дрянный», надо пить ежедневно по рюмкѣ водки, настоенной на полыни, мятѣ или болотномъ бобовникѣ, или настой центавры съ подбѣломъ. Пьется также отваръ корней «раковой шейки».

Женскія болѣзни.

Бѣли перестаютъ, если пить отваръ тысячелистника, подбѣла, также—бѣлаго клевера.

При кровотеченіяхъ дается отваръ изъ звѣробоя, кровавца, свентоянскаго зелья. При остановкѣ очищеній пьется отваръ изъ «чирчиковъ», пѣтушьяго гребешка.

Для ускоренія родовъ даютъ отваръ травы «собачки» съ цвѣтами. Также спорынью, рожки.

Желтуха.

Больному даютъ отваръ безсмертника, сухоцвѣта, «тмена». И перестаетъ. Также купаютъ въ отварѣ полевого хмѣля.

Золотуха.

Дѣлается настой на травѣ «череда» и дается пить больному два раза въ день. Отъ золотухи также дѣтей купаютъ въ василькахъ и даютъ отваръ травы «Иванъ да Марья». Купаютъ въ отварѣ травы «братки», также—травы «собачки» въ полномъ цвѣту.

Запоръ.

При запорахъ дается стакана два или три сыворотки за разъ или стаканъ огуречнаго разсола. Кто расположенъ къ частымъ запорамъ, тѣ пьютъ чай изъ мяты и полыни. Хорошимъ средствомъ считается отваръ коры крушинника. Его употребляютъ и при тифозныхъ горячкахъ для очищенія желудка. При запорахъ употребляется также отваръ «прострѣла».

Зубная боль.

Заговариваютъ зубы у знахаря, а когда заговоръ не поможетъ, то заливаютъ больной зубъ крѣпкимъ спиртомъ. Также настаиваютъ на водкѣ шишки подорожника и наливаютъ на зубъ.

Чтобъ у дѣтей зубы легко и скоро прорѣзывались, мажутъ десны свинымъ мозгомъ.

Зубную боль лѣчатъ прикладываніемъ еловыхъ цвѣтовыхъ шишекъ.

Изжога-печея.

«Печея пячетъ» больше всего отъ нехорошаго «варева, ти отъ цыбули». Ее лѣчатъ чаемъ изъ мяты.

Испугъ.

Даютъ пить настой травы «сдрыжникъ». Знахари даютъ его въ хлѣбѣ.

Кашель.

Кашель—«хвороба докучливая. При ёмъ ни подъѣсть, ни выспатца спокойно ня можна».

Если кашель переходитъ въ «кохликъ» (коклюшъ), тогда, по народнымъ понятіямъ, его и лѣчить ничѣмъ не надо, только «якъ зайдесься дужа», надо пить холодную воду, «штобъ отлягнуло». Кашель же лѣчатъ большею частью тѣмъ, что, залѣзши на печь, ставятъ голыя пятки на горячій подъ. Какъ внутреннее средство, ѣдятъ испеченную на угляхъ «цыбулю».

Дается также отваръ травы «кошачьи лапки». Также—отваръ изъ бѣлокопытника, мать-мачихи; отваръ изъ корня буквицы. Также настой чабера.

Колтунъ.

Эта болѣзнь уже рѣдка въ могилевской губерніи. Отъ нея даютъ пить настой можжевельника.

Воспаленіе легкихъ.

Болѣзнь узнается по тому, что «боки болятъ», разомъ то въ холодъ, то въ жаръ бросаетъ, «хворысть зьнетійку подкипатца», такъ что и всѣ кости ломитъ и ноги «якъ утамамшись». Лѣчать эту болѣзнь, по мнѣнію народа, ничѣмъ не надо,

только надо поить больного чаемъ или отваромъ изъ липоваго цвѣта и на бока надо класть горчишники. Горчишники въ деревнѣ приготовляются такъ: берутъ простую горчицу, мелютъ ее обухомъ топора, разбавляютъ холодной водой тѣсто и намазываютъ одну половину тряпки, а потомъ ее прикрываютъ другой половинкой въ сыромъ видѣ и прикладываютъ къ больному боку.

Лихорадка.

Въ сѣнной трухѣ выбираютъ горькія травы, отвариваютъ и даютъ пить. «Дужа» помогаетъ и отваръ или настойка изъ корней «бобовника». Также—толкутъ полынь и пьютъ съ козьимъ молокомъ. Отъ лихорадки употребляется также сумочникъ, отваръ коры вербы и ромашки. Также настойка полыни на водкѣ.

Ломота-ревматизмъ.

«Рыматызъ» бываетъ въ ногахъ, рукахъ, въ спинѣ и даже въ затылкѣ. Для излѣченія больное мѣсто натираютъ спиртомъ, настоеннымъ на хрѣнѣ съ солью; если же эта «натирка» не помогаетъ, то надо натирать водкой, настоенной на березовыхъ пупрахъ, или отваромъ мухоморовъ. Но лучшимъ лѣкарствомъ считаются припарки и ванны изъ вереска. Также отваръ изъ брусничнаго листа. Послѣдній употребляется вообще при простудныхъ болѣзняхъ. Отъ ревматизма пьютъ еще настой ромашки.

Мочегонныя.

Хорошо помогаетъ отваръ уржи, толочанника. При слабости мочевого пузыря даютъ пить отваръ силены (спульки).

Нарывъ-чирей.

Нарывъ, окруженный краснотой и сильно болящій, надо «спалять». Чтобъ онъ скорѣе назрѣлъ, смазываютъ мазью, сдѣланною изъ «цыбули», меда и муки. Когда нарывъ созрѣетъ, надо наложить тѣсто изъ меда и пшеничной муки, либо мазь изъ коноплянаго цвѣта и несоленаго свиного сала, или мазь изъ 10 частей оливы на 4 части воску. Эта послѣдняя мазь не только тянетъ изъ раны, но и залѣчиваетъ ее. Нарывъ «волосень» лѣчится листьями чертополоха, который такъ и называется въ народѣ «волосникъ». Также прикладываютъ испеченный лукъ и присыпаютъ толченымъ льнянымъ сѣменемъ.

Отмороженныя мѣста.

Ихъ смазываютъ чистымъ льнянымъ масломъ.

Обжоги.

Печень птицъ и животныхъ сушатъ и толкутъ, затѣмъ порошкомъ присыпаютъ обжоги.

Падучая.

Для прекращенія ея у дѣтей, ихъ купаютъ въ тепломъ отварѣ «чернобыльника». Также—ландыша.

Параличъ.

Бываетъ только «у пановъ, а у нашего брата-мужика» его почти не бываетъ. Но если у кого случится, то хвораго тогда садятъ на скамейку и привязываютъ къ стѣнѣ; ноги ставятъ въ горячую воду, даютъ по 3 капли на рюмку воды анисоваго масла, которое дѣлается изъ анисовыхъ сѣмянъ. На голову больного надо класть тряпку, смоченную въ водѣ.

Поносъ-мытъ.

Лѣчить мытъ надо чаемъ изъ мяты и черники, а также настоемъ воды на корѣ черемухи. Сильный поносъ излѣчивается настоемъ сушонаго мухомора на водкѣ.

Прѣлость.

Для прекращенія прѣлости дѣтей купаютъ, вытирая потомъ сухою мягкою тряпкой, и присыпая прѣлыя мѣста древеснымъ порошкомъ изъ червоточины. Чаще собираютъ зерна можжевельника и растираютъ ихъ въ порошокъ, которымъ и присыпаютъ прѣлыя мѣста.

Порѣзъ.

Если случится кому порѣзать ногу или руку, то ее обмываютъ, а потомъ покрываютъ паутиной и обвязываютъ тряпкой. Присыпаютъ также порѣзы порошкомъ изъ медуницы или изъ пережженныхъ рѣчныхъ раковинъ. Перемѣняютъ присыпку до тѣхъ поръ, пока рана начнетъ заживать. Общеупотребительна также примочка изъ спирта, настоеннаго на березовыхъ почкахъ.

Простуда.

«Простуда не болѣсть», но отъ нея бываютъ разныя болѣзни. Первой помочи отъ простуды ищутъ въ банѣ; въ ней больного хорошо разогрѣваютъ и парятъ, а потомъ поятъ липовымъ цвѣтомъ и чаемъ,—также отваромъ малины, ромашки. Интересно, что больныхъ въ такихъ случаяхъ стараются кормить рѣпой и чеснокомъ.

Роды.

Больной даютъ во время родовъ рюмку водки: «тады яна повисялѣить». При трудныхъ родахъ даютъ «рожки», спорынью въ небольшомъ количествѣ. Также отваръ травы «собачки». Тотчасъ послѣ родовъ женщину надо вести въ баню и чисто вымыть, и затѣмъ водить три дня. Если нескоро выходитъ послѣдъ, отпапливаютъ, какъ чай, сосновый мохъ и даютъ отваръ пить. Этотъ же чай изъ сосноваго мха надо давать и дѣвушкамъ при слабыхъ очищеніяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ пьютъ и настой ромашки.

Болѣзни сердца.

«Коли у кого заболить подъ серцемъ, то пугатца ни надо», а скорѣй надо размѣшать з о л ы с ъ с о л ь ю и в о д о й и выпить. Считается полезной и настойка огуречнаго цвѣта на водкѣ. Также чай изъ сердечника, болотнаго золотничка—съ цвѣтами или даже изъ однихъ цвѣтовъ.

Скула.

«Посли бани, а коли и посли купаньня сядить скула, а то двѣ и три». «Скула садитца всюдыхъ: коли въ головѣ, коли въ грудяхъ, коли въ горли, коли въ животѣ, а коли и на ногахъ». «Отъ скулы ёсть заговоръ», но если онъ не подѣйствуетъ, то пригрѣваютъ скулу льнянымъ сѣменемъ, свареннымъ въ молокѣ. Прикладываютъ также мазь изъ конопляваго сѣмени съ несоленымъ свинымъ саломъ. При скулѣ хорошо помогаетъ и кора «ницой лозы». Также свѣжіе листья трипутника-подорожника.

Сухотка.

Для излѣченія отъ нея дѣтей купаютъ въ отварѣ изъ цвѣтовъ и листьевъ ландыша.

Ушибъ.

«Бываить, што объ вошта такъ двинишься, ажъ вытерпѣть ня можна, а другей разъ ето мѣсто и пожываить няскоро». Тогда надо прикладывать тряпку, намоченную въ холодной водѣ, а если это не поможетъ, то взять надо бураковый листъ, подпалить его немножко въ печи и прикладывать къ ударенному мѣсту.

Чахотка.

«Кыли хто дужа скоро схудаить, ды станить зябкимъ, кожа у яго сдѣлаетца потной, а при кашлѣ харковиньня съ кровью, по почамъ дужа потѣить, изъ носа часто тячеть кровь, часто бывають поносы, явитца удушша,—то ета значитца у яго завелась чахотка». Чахотку вылѣчить трудно, а всё таки «не надо надъ собой здикатца, а надо лѣчитца». Сперва надо пить «разовъ скольки у день» полынный чай и ѣсть побольше свиного сала; также пить молоко, отваръ бобовника болотнаго, грудной чай изъ «сѣнной трухи» и чай изъ сосновыхъ и еловыхъ почекъ и изъ сосновыхъ шишекъ—также настой корня девясила. Селедокъ ѣсть нельзя, копченаго мяса тоже нельзя.

Чесотка (короста).

Короста «докушная болѣсть»: все на себѣ «подярешь», а толку мало: «свярбить ды свярбить». Ее лѣчатъ мазью изъ чеснока, меду и коровьяго масла. Мазать надо передъ огнемъ, чтобы мазь лучше вбиралась.

Также моются отваромъ изъ борового хвоща.

Для очищенія тѣла вообще отъ всякихъ сыпей купаютъ дѣтей въ отварѣ травы чистика. Чесотку лѣчатъ также растертымъ свѣжимъ корнемъ конскаго щавеля, или присыпаютъ струпья растертыми въ порошокъ листьями межперстницы. Употребляется и настой корня девясила.

Шумъ въ ушахъ.

Если у кого шумитъ въ ушахъ, надо испечь «цыбули», выжать изъ нея сокъ и впускать его нѣсколько разъ въ недѣлю въ ухо.

ПО ЛѢЧЕБНИКАМЪ XVII-XVIII ВВ.

Лѣкарства изъ продуктовъ животныхъ.

Баранья желчь.

Полезна для очищенія глазныхъ ранокъ.

Воробьи.

«Ощипавъ воробьевъ, изъжечь ихъ въ покрытомъ горшкѣ. Сего пепѣла принимать отъ каменной болѣзни».

Бычья желчь.

«В бычьей желчѣ находится камень. Столочь (его) и пить тоже отъ каменной болѣзни и желтухи. Полезенъ и отъ поноса, падучей болѣзни. Желчь кладется въ клистиры отъ паралича. Принимать отъ густоты живота у младенцовъ. От шума и звона въ ушахъ, впускать въ уши, смѣшавъ с луковымъ сокомъ».

Зола изъ бычьихъ роговъ.

Принимать въ случаѣ припадковъ и подкуриваться ею.

Голубиный пометъ.

«Истолки, просѣй, съмешавъ съ семемъ кресъ-салаты: отъ подагры, мигрены, круженія головы, боли въ боку, въ хребтѣ, въ почкахъ. Естли тереть каломъ, съмешавъ съ ячменною мукою и уксусомъ, голову у кого волоса вылѣзутъ отъ боли, то скоро выростутъ.

Естли пережечь до бѣлизны и зделать щоловъ и пить, то гонитъ урину. Хорошо отъ водяной болѣзни.

Естли мыть руки и ноги, то не боятся мороза. Помоча перщатки и чулки, защищаютъ отъ великихъ морозовъ».

Голубиная кровь.

Голубиная кровь изъ подъ крыла самца есть «больсамъ» отъ свѣжихъ ранъ въ глазахъ.

Горлицы-птицы.

«Для остановленія кровавыхъ поносовъ и непомѣрнаго мѣсячнаго пепѣла, которой дѣлать (такъ): ощипавъ горлицу и вынотрешивъ, положи въ брюхо мастики, а потомъ жарить ее на вертелѣ. Когда поспѣетъ, то положа въ горщекъ и закрывъ плотно сушить до тѣхъ поръ, пока высохнетъ. Истолчи въ порошокъ и принимай порошки.

Жиръ, которой истекаетъ во время жаренія, полезенъ для тренія поясницы, живота, груди и вздоховъ».

Журавль.

Сало журавляное хорошо отъ глухоты, впуская въ уши. Голова, глаза и желудокъ высушить (?!) истолочь въ порошокъ—отъ фистулъ и ранъ. Молодаго журавля дѣлается масло (такъ): ощипавъ, вычистивъ изъ него внутренность и варить его въ деревянномъ маслѣ, пока мясо отъ костей отдѣлится. Потомъ столки мягко и варить его опять въ томъ же маслѣ. Наконецъ выжавъ, сохранить для употреблѣнія.

Когда человѣкъ охромѣетъ, или отымется членъ, то мазать масломъ два раза въ день противъ жара или теплой печи.

Вода, перегоненная чрезъ кубъ съ молодымъ журавлемъ, полезна отъ отнятія членовъ. Вымыть напередъ несоленою раковою водою.

Гуси.

Собравъ гусиную **к р о в ь** и высуша, въ порошкѣ принимать отъ унынія и тоски. **Ж и р о м ъ** мажутся руки и ноги отъ морозовъ, и позноблѣнныя части. Смѣшанный съ луковымъ сокомъ, каплями пускается въ уши, естли наберется воды.

Заяцъ.

По понятіямъ XVII вѣка, з о л а «сожженая въ попелъ заячьей головы, смѣшанная съ медомъ или медвѣжьимъ саломъ или съ уксусомъ—«разводи пожижа» полезна противъ вылѣзанія волосъ на головѣ.

Заячьей к р о в ь ю «ежели вымазать кожу на теле, то згоняетъ всякую нечистоту» и съ лица «веснухи» и пятна. «Ежели высуша принимать, то унимаетъ простые и кровавые поносы, также непомѣрнаго женскаво теченія.»

Совѣтуется и такъ: какъ скоро зайца затравятъ, заколоть его, и намочевъ въ кровь кусокъ холста, «который только-бъ изъ стана кросенъ, небѣленой и не мыть», высушить и «вслучаѣ мѣсячнова крепкова положа» въ рюмку виноградънаго вона величиною въ деньгу сего холста и настоять, чтобъ было красно и дать пить.

Заячье л е г к о е мочатъ въ водѣ соленой, прибавя нѣсколько мирры и даютъ страждущимъ удушьемъ и л и падучей болѣзнью ѣсть понемногу цѣлый мѣсяцъ всякой день въ мартѣ мѣсяцѣ

Поимать зайца и гонять его въ такомъ мѣстѣ, чтобы не ушолъ, потомъ, какъ утомится, заколоть, и собравъ к р о в ь, высушить и столочь въ порошокъ. «Страждующему младенцу родимцомъ» давать ежедневно порошка въ водѣ или грудномъ молокѣ по двѣ ложки, по возрасту дитяти, чрезъ нѣсколько дней. Впрочемъ, помогаетъ и взрослымъ людямъ,—только побольше принимать.

Заячій м о з г ъ «ежели пить въ винѣ иля зжаря ѣсть, то от дрожанія членовъ».

Изъ затравленнаго зайца с е р д ц е разрѣзавъ на четыре части и высуша, вслучаѣ четыродневной лихорадки передъ трясеніемъ принимать сего порошка.

«Заячьи п о ч к и засуша принимать порошки, то отъ камене, плодородію, а особливо, когда не держится моча». «Ядра заячьи отъ всякихъ немочей въ пузырѣ, женщинамъ къ плодородію». Пометъ заячій сожгя въ пепелъ—гонитъ камень; отъ поноса смѣшанный съ уксусомъ; отъ старыхъ болячекъ полезно и полезно отъ антонова огня.

«Заячья ж е л ч ь, смѣшавъ съ сахаромъ и пускаемая въ глаза, сгоняя (южно-бѣлор. говоръ) пятна. И отъ глухоты полезно».

«Заднія п о з в о н к и съ составы изъ хвоста, перетолченные въ порошокъ, принимать отъ колики».

«Заячье с а л о къ скорѣйшему созрѣнію нарывовъ и вытягиванію занозы (служитъ). Ежели мазать позади ушей, то унимаетъ зубную боль и разбиваетъ опухоль въ деснахъ. И отъ бѣльма».

Кабанъ, вепрь и дикая свинья.

Ж и р ъ кабаній полезно отъ боли въ боку. Если пить его съ виномъ или уксусомъ—отъ кровохарканія. Смѣшанный съ деревяннымъ масломъ и настоенный съ розовыми цвѣтами—«отъ вывихнутыхъ членовъ».

Ж е л ч ь полезна «отъ зубовъ и золотухи».

П у з ы р ь, въ которомъ остается моча, смѣшавъ съ нею деревяннаго масла, повѣсить въ дымъ. Когда сдѣлается на подобіе патоки, то хоронить и принимать понемногу внутрь отъ каменной болѣзни. И тереть у младенцевъ пупокъ для умерщвленія глистовъ.

Козелъ.

Козлиная к р о в ь, а особливо которая извлечена изъ ядеръ и высушена на солнцѣ, производитъ потъ, гонитъ мочу и мѣсячныя. Помогаетъ отъ колотья, отъ скипѣвшейся крови.

Дикая козлятина. ж е л ч ь полезна отъ звона и шума въ ушахъ, и зубной болѣзни, отъ темноты глазъ. И сгоняетъ пятна съ лица.

«Кокушка».

«Сжечь въ пепелъ и принимать отъ каменной болѣзни и боли въ животѣ. Тоже и отъ лихорадокъ.

Курица.

Выбирается бѣлый пометъ и принимается по утрамъ и вечорамъ четыре или шесть дней сряду съ ягодникомъ или напиткомъ отъ колики. Пережженный сей пометъ для посыпки на головѣ отъ шолудей—скоро высыхаетъ.

Русскую курицу взявъ, которая не несетъ, отвернуть ей голову, «но только чтобъ не прочь, а толькобъ она оттого околѣла, и чтобъ крови не оказалось». Сію курицу, не ощипавая и не потроша положить въ горшокъ, налить кипяткомъ водою половины ведра, и покрывъ крышкою и вомазавъ тѣстомъ, поставить въ печь къ огню, когда топится. На другой день поставить ин

шесткѣ, чтобъ не простывало. А когда печь не-топится, то поставить подлѣ устья. И такъ продолжать становить въ печь двѣнадцать дней сряду, не открывая горшка. Тогда сдѣлается «студень», который въ простудѣ давать больному по ложечкѣ три раза въ день, полагая въ рюмку и доливая краснымъ или простымъ слабымъ виномъ. Но какъ «сія студень» скоро портится, то по открытіи горшка лучше влить простого слабаго вина бутылки двѣ и размѣшавъ гораздо чтобы соединилось, разложить по бутылкамъ. Во время принятія поболтать и въ рюмку налить. «Превосходно отъ тяжелыхъ чахотокъ, съ коими боль въ боку». Яйца куриныя—желтокъ приводитъ къ созрѣнію чирьевъ; сырой бѣлокъ, сбитый съ ладономъ, мастикою, чернильнымъ орѣшкомъ, прикладывается ко лбу для унятія крови изъ носу.

Лось.

«Копытье лосиное отъ падучей болѣзни принимать внутрь».

Дождевые черви.

«Назберавъ въ маіи м[illegible]це», отрѣзавъ голову, положить въ банку; наливъ деревяннымъ масломъ, дать постоять на солнцѣ; сохранять во весь годъ «для мазанія отъ лому и боли въ составахъ».

Лягушка.

Въ мартѣ «естли собирать лѣгушечный клѣкъ» и перегонять воду, полезно отъ горячекъ.

Коровье масло.

«Растопя на горячей золѣ, снимать пѣну, когда оно закипитъ. Потомъ влить ровную часть крѣпкаго вина, зажечь, а какъ водка выгоритъ, мазать отъ холодной подагры и всякаго лома «коло печи».

«Двоенное масляное масло. Положа самаго свѣжаго масла въ стеклянный сосудъ и умазавъ его плотнѣе, поставьте двоить». Изъ него выйдетъ три разныя жидкости, то отдѣлить одну отъ другой, то отъ подагры; «и мазать лице и руки—придаетъ красоты. А отъ простуднаго насморку выпить масла сего».

Молоко.

Молоко женское полезно отъ чахотки. Лучше всего, когда сосать оное у женщины. А козье ѣсть. Молоко кобылье, бываетъ, что излѣчиваетъ чахотку. Масло оное сгоняетъ бородавки.

Налимъ рыба.

«Взявъ налимовыхъ печенокъ, и положа въ стаканъ, повѣсить на солнцѣ. Для мазанія глазъ, мутныхъ и тусклыхъ».

Вѣроятно, отдаленное заимствованіе изъ исторіи Товита, затѣмъ изъ народныхъ сказаній, гдѣ такое лѣченіе встрѣчается довольно часто.

Окуни.

У нихъ находятся въ головѣ маленькіе камушки. Ихъ принимать отъ каменной болѣзни. «А наружно—присыпать къ ранамъ въ деснахъ».

Олень.

Жиръ и мозгъ изъ костей прикладываются «отъ ромотизмы или простудного лома». Кровь оленья, высушенная на солнцѣ, отъ колотья въ боку и подагры. Жженый рогъ отъ кроваваго поноса.

Свинья.

«Сожженной въ порошокъ свиной пометъ принимать по щепоти въ водѣ или красномъ винѣ три раза въ день отъ кроваваго [illegible]

Желчь свиная роститъ волоса, [illegible] и заживляетъ раны въ ушахъ.

«У свининой головѣ близъ ушей находятся бѣлыя и мягкія косточки въ заднемъ нижнемъ углу въ черепѣ подъ кожицей. Изсуша на печи, изстолочь въ порошокъ, три косточки раздѣляются на девять частей и дитяти отъ 4 недѣль и до 3 мѣсяцевъ и всякое утро дается по три части въ какомъ нибудь напиткѣ отъ падучей болѣзни. Ежели болѣзнь старая, то берется пять косточекъ, при множайшихъ лѣтахъ больше: 7 и 9, 13, 15 и до 17. Пережженыя придаютъ болѣе силы.

«Ежели кости изъ свиныхъ ногъ зжечь добѣла—отъ лютова запора». «Копыты жженые» чистить зубы для укрѣпленія, а внутрь принимаемые въ красномъ винѣ—отъ поноса кроваваго.

«Студень свиной змѣшая въ напиткѣ», отъ колотья въ бокахъ пить. «Кровь свиная, перегоняли въ кубикъ съ улитками и раками, съ увлажающими травами—то отъ сухотки и отъ чахотки».

«Въ юдѣ мѣсяцѣ воздержаться отъ свиного маса. Впрочемъ, совсѣмъ не ѣсть».

Угорь рыба.

Жиръ угриной сгоняетъ съ лица оспенныя пятна и роститъ волоса. Въ уши впускается отъ глухоты. Кожа варится, чрезъ что дѣлается клей, кость и прикладывается къ опухолямъ. И отъ грыжи.

Муравьи.

«Уксусъ муравлиной. Для дѣланія онаго весною взявъ хорошую чашку и раскопавъ муравейникъ, поставить чашку ровно зъ берегами, потомъ наливъ горячія третяну воды». Какъ наползутъ, сдѣлается кислота. Какъ можно крѣпче тогда процѣдя, злить въ бутылки, прибавя зеленыхъ листочковъ зміовки или дракуча (artemissa dracunculius). То лучше отъ лома въ составахъ и отъ цынги дѣлать питье изъ сего уксуса. «Весною берется сочныхъ иглъ еловыхъ. Помочивъ симъ уксусомъ довольно и потолкъ мелко и восемь лотовъ изъ крышенново мелко хрѣну, полфунта раздавленныхъ можжевельныхъ ягодъ—на все сіе наливъ 4 штофа воды колодезной, заткнувъ хорошенько, поставить на двѣ недѣли. Потомъ принимать сцѣдивши цѣлой мѣсяцъ по утру рюмки по двѣ, по три при употребленіи пищи. Отъ угара и боля въ головѣ, намоча полотенце (въ уксусѣ), прикладывать. Отъ красноты и нечистоты лица хорошо утираться. Также отъ заразы влить сего уксуса въ бутыль 1 штофъ и положить туда горсть «скрыша» руты, мяты, полыни, шалфея да канфоры, закубря, поставить на печи горячей чтобъ недѣлю прѣло, потомъ слить въ бутылки и употреблять при заразительныхъ болѣзняхъ, то есть, полоскать ротъ, нюхать почаще или помоча губку носить при себѣ и нюхать, курить въ горницахъ. Также для разбиванія твердыхъ опухолей, застоянія крови послѣ ушиба или удара, прибавя водки, онымъ мазать и припаривать. Муравьиныя яица желтыя, на подобіе пшеницы, изсуша истолочь и пить съ медомъ или сахаромъ для очищенія лица.

Щука.

Ловимая въ чистыхъ водахъ. Взять щечныхъ косточекъ съ зубами, высуша въ порошокъ, столчь—отъ колотья, только изъ свѣжихъ. Находящіеся бѣлые камушки въ головѣ отъ каменной болѣзни, падучей или родимца принимать.

Желчь щучья отъ бѣльма, также и отъ лихорадки—принять въ теплой жадкости. Жиръ щучій отъ простуды и насморку; мазать у дѣтей подошвы противъ огня, которыя страдаютъ кашлемъ и не спятъ.

Ягненокъ.

«Желчь ягненкова» принимается въ похлебкахъ или въ чемъ нибудь отъ 4 до 8 капель отъ падучей болѣзни.

Лекарства изъ продуктовъ растительныхъ.

Абрикосъ.

Масло изъ ядръ полезно отъ шума въ ушахъ и глухоты. Также—ядра толкутъ, мѣшая съ водою или мясною похлебкою, и даютъ пить родильницамъ, когда рѣзь въ животѣ.

Ананасъ.

«Облупя кожу прикладывается на десну, которая подвержена цынгѣ и производитъ кровотеченіе. А сердце его полезно въ сахарѣ или виноградномъ винѣ для здоровья. Явянцы ѣдятъ натощакъ, нѣсколько недозрѣлые ананасы отъ глистовъ и отъ внутреннихъ завалов (cachectidnes)».

Анисъ.

Такое же универсальное средство въ глазахъ нашихъ предковъ, какъ заяцъ.

Такъ, если ѣсть анисъ послѣ обѣда, то онъ «уничтожаетъ рѣзь и ворчаніе въ животѣ и унимаетъ рвоту, отрыжку и икоту. И у кого изъ роту дурной запахъ. Чтобы въ лицѣ былъ хорошой цвѣтъ. Анисъ унимаетъ простой и кровавый поносъ. утоляетъ жажду, остритъ зрѣніе и умножаетъ въ женщинахъ молоко. Къ сому если настоять съ александрійскимъ листомъ анисъ

пить яко чай—вмѣсто слабительнаго, для унятія рѣза и колики. Ежели изъ аниса произвесть дымъ и впускать в носъ, то помогаетъ у коихъ опухоль въ лицѣ, отъ боли в голове и круженія. Ежели попадетъ въ глазъ корочка, то приложить вмѣсто пластыря аниса—вытянетъ. Ежели варить анисъ смѣшавши съ медомъ и исопомъ въ ренскомъ уксусѣ и сдѣлавъ полосканье полоскать горло,—заживляетъ болячки и нарывы.

Анисное рвотное употребляется отъ горячекъ и желтухи. Масло анисное отъ колотья, отъ вѣтровъ; полезно и отъ судороги, падучей болѣзни, паралича, гонитъ мочу и камень изъ почекъ и изъ пузыря; помогаетъ отъ водяной болѣзни. Естли въ параличѣ отымется языкъ, то мазаніемъ онаго получитъ свободу; также дѣти, которыя получаютъ ушибы на лбу, шишки, лѣчатся масломъ. На случай „въ желудкѣ щемитъ сердце и тоскуютъ", мазать оное масломъ. Ежели вымазать сундуки, то не будетъ въ нихъ моли и червей. Анисное масло помогаетъ отъ перхоти, водяной болѣзни, засоренія и запора мочи. Анисное масло пользуетъ чахотку, даже природную, и грудь. Можно принимать ежедневно на сахарѣ отъ двухъ до десяти и до двадцати капель и наблюдать діету. „Когда в младенцовъ въ животѣ сильной рѣзъ, то взять одну скриполу толченыхъ въ порошокъ и дать принять въ молокѣ".

Словомъ, анисъ являлся въ старину средствомъ отъ всѣхъ болѣзней.

Апельсинъ.

«Апельсинной сыропъ употребляется отъ цынги. Кожа полезна отъ лихорадки, желтухи и цынготныхъ припадковъ».

Арбузы.

«Срѣзавъ тонко кожу, высушить въ печи, и сдѣлавъ порошокъ давать отъ кроваваго поноса; сперва давать по двѣ ложки подожженаго ревеню, а на третій день арбузнова порошку».

Артишоки.

Артишочный корень варить въ виноградномъ винѣ—полезно отъ запора мочи и водяной болѣзни. „Листье толченое" прикладываютъ къ пупу младенцовъ для умерщвленія глистовъ.

Бедренецъ.

«Сокъ сея травы, принятый внутрь—отъ кроваваго поноса и излишнева мѣсячныхъ. Изъ листьевъ дѣлается припарка для осушенія ранъ: они кладутся въ мази отъ ранъ на головѣ и венерическихъ ранокъ. Листъ настаиваютъ въ водѣ или виноградномъ винѣ и пьютъ отъ каменной болѣзни и запора мочи. Корень, столкши въ порошокъ, хорошо отъ кровохарканія».

Бобы.

«Пепелъ изъ стволовъ и шолухи положа [illegible] бутылку воды и вскипить процѣживаютъ и [illegible] пить отъ водяной болѣзни. Настой шолухи и кожи въ стаканѣ воды —отъ запора мочи. Воду, которая варена съ бобами, пить отъ каменной болѣзни. Изсуша бобовъ и столча на муку, присыпать, если кто будетъ прободенъ шпагою, отъ поруба или порѣза, просѣявши. На случай вѣту, то можно свѣжева, сдѣлавъ на подобіе кофію употреблять для присыпанья и не отвязывать, пока заскорупнетъ и струпъ свалится».

Брусника.

Сушеная брусника, столченная въ [illegible] отъ поноса простого и кроваваго и отъ каменной болѣзни.

Виноградъ.

«Золы з виноградныхъ лозъ щепоть всыпать въ стаканъ и налить питьемъ больного, прибавя щелочной соли, пока сія зола осядетъ на дно, тогда давать больному пить. Отъ водяной болѣзни полезно.

Виноградная водка или французская, естли зимою принимать по утру по рюмкѣ, умерщвляетъ глистовъ, утоляетъ зубную боль. Естли короста—мыть почаще сею водкою. Естли у кого геморроида распухнетъ, здѣлается въ нихъ воспаленіе, то приложить припарку изъ печенаго лука съ сею водкою».

Вишня.

Распуская въ винѣ бѣломъ вишневый клей, принимать отъ каменной болѣзни. Хорошо пить и вишневку.

Гвоздика.

«Хорошо класть отъ болѣнія зубовъ. Въ порошкѣ принимается отъ сонной немощи, паралича, сильныхъ обмороковъ, разслабленія желудка, судорожныхъ припадковъ и рвоты. Масло, употребляемое съ другими, выбиваемыми изъ мушкатныхъ орѣшковъ, пальмовыхъ, розмариновъ и шалфейнымъ, смѣшавъ все оныя, составляютъ мазь, которою натираютъ члены отъ паралича, простудныхъ, мокрыхъ опухолей, онѣмѣнія членовъ: полезно натирать около пупка и ниже во время коляки. Распустить онаго масла въ винномъ спиртѣ, обмакивая корпію, класть въ рану антонова огня или на зараженныя части отъ гніенія костей и отъ зубной болѣзни, помоча хлопчатой бумаги».

Горохъ.

Гороховой мукой присыпать когда кто опалитъ себя порохомъ.

Горчица.

«Сдѣлать припарку—вытягиваетъ изъ грудей подагру. Принимать цѣльную горчицу отъ четверодневной лихорадки. Принимаютъ въ винѣ отъ ядовитыхъ грибовъ. Естли ее жевать—отъ зубной боли. Разведенная съ водой, сгоняетъ пятна з лица и прочіи сыпи, ежели почаще мыть или обтирать ихъ онымъ. И превосходно отъ цынготной болѣзни. Истолочь и прикладывать с медомъ отъ прыщей и отъ коросты. Изрубивъ луковицъ, изжарить ихъ въ хорошемъ уксусѣ, смѣшая хорошева толченова сѣмени горчичнова, прикладывать отъ простудной ломоты и затвердѣлой опухоли. Взять по равной части овсяной муки и горчицы, смѣшавъ съ уксусомъ, прикладывать къ подагрѣ (прежде кровопусканіемъ и слабительнымъ). Ежели горчичныхъ сѣмянъ принять въ теплой водѣ, то вмѣсто рвотнаго».

Грибы ядовитые.

„Отъ сихъ грибовъ пить молоко, масло, теплую воду. Въ случаѣ непользы, прибѣгать къ другимъ лѣкарствамъ: смѣшавъ три части уксуса съ частію меда,—пить сколь можно болѣе. Примѣчанія сей болѣзни: когда рвота, потъ, дыханіе тяжело, въ горлѣ какъ веревкою перетянуто".

Груши или дули.

Сокъ изъ лѣсныхъ или дикорастущихъ употреблять для унятія поноса. Печеныя или вареныя прикладывать на подобіе пластыря къ женскимъ грудямъ отъ лому и отъ скипѣвшагося молока.

Эстрагонъ.

Настоять въ стаканѣ воды отъ слабости въ животѣ, отъ рвоты; гонятъ мочу, прогоняютъ вѣтры. Хорошо для апетиту и хорошо отъ цынги.

Трава шалотъ.

„Растетъ между луку и чесноку, вкусомъ и запахомъ но менѣе чего отъ луку и чесноку и пріятнѣе онаго.

Сокомъ его полезно тереть отъ жабы, сильно поспѣшествуетъ теченію кровей. Ежели въ сокѣ распустить поваренной соли нѣсколько и обтирать симъ лицо, то загладитъ рябины и всякія иныя на лицѣ бывающія пятна. Съ куринымъ саломъ сдѣлать мазь и мазать голову для выращенія волосъ. Хорошо отъ мозолей, запора, мочи, каменной болѣзни".

Земляника.

„Вода, выдвоенная изъ земляники—отъ проказы, укрѣпляетъ сердце, чиститъ легкое, полезна отъ разлитія желчи. Принимать по три ложки въ день. Выварка изъ корня всего растенія—отъ заваловъ въ селезенкѣ и въ почечкѣ, отъ желтухи. Пить поутру нѣсколько дней. Корень земляничный весьма употребителенъ въ декоктъ вмѣсто питья отъ болѣзни въ печенкѣ. Уваря крѣпко, примѣшать крессу, солодкова корня и корицы—отъ удушья и застарѣлаго кашля. Сокъ выжатый хорошо для „згоненія" красноты и прыщей съ лица и отъ красноты глазъ".

Имбирь.

Укрѣпляетъ желудокъ, отъ ворчанія въ животѣ, унимаетъ кровохарканіе. Масло имбирное полезно „отъ внутренной болѣзни". Мазать ноздри—вычищаетъ мозгъ, мазать виски—помогаетъ въ глазныхъ недугахъ. Полезно отъ болячекъ во рту и горлѣ и разбиваетъ молоко въ женскихъ грудяхъ.

Исопъ трава.

«Дѣлать полосканье отъ болѣнья горла, тѣсноты въ груди, удушья и звона въ ушахъ, очищаетъ матку, укрѣпляетъ желудокъ. Въ августѣ мѣсяцѣ гнать изъ цвѣтовъ и листьевъ сокъ и принимать поутру и вечеру—полезно «отъ всѣхъ болѣзней». Ежели ея травы, помѣшавъ съ укропнымъ сѣменемъ, сухую или свѣжую, положить въ вино и то вино пить—очищаетъ грудь, питва съ лица. Настоять исопу въ уксусѣ и оной держать во рту, унимаетъ боль зубовъ; залѣчиваетъ раны».

Кервель-трава.

«Выжатый изъ нея сокъ съ раковою похлебкою—отъ заваловъ. Пригодна отъ тѣсноты въ груди и потаенной лихорадки. Сокъ съ козьимъ молокомъ или съ похлебкою—отъ чахотки. Отъ чирьевъ на грудяхъ прикладывать теплую припарку изъ сваренного на подобіе каши льняного сѣмени съ кервелемъ. Также и при геморойныхъ шишкахъ. Ежели сокъ смѣшать съ селитрой и сиропомъ „изъ пяти пропускныхъ корней“—скорѣйшимъ образомъ отъ водяной болѣзни. Сокъ, выжатый изъ кервелю, съ деревяннымъ масломъ,—„отъ почечуевъ“, какъ равно и «выдвоенная настойка».

Конопля.

«Смѣшавъ сѣмена съ воскемъ—мазь отъ ожеги. Очень полезна. Если мазать однимъ масломъ крестецъ—утишаетъ геморой. Декоктъ изъ сѣмени пить отъ заваловъ и желтухи. Также: варить въ козьемъ молокѣ, пока перелопается и сего взвара пить нѣсколько дней отъ желтухи».

Корица.

«Истолченная въ порошокъ укрѣпляетъ желудокъ, изгоняетъ вѣтры. Можно и отъ лихорадокъ. Масло такъ же, яко и гвоздичное, отъ антонова огня и зубной боли. Вода, выдвоенная изъ корицы—отъ внутреннихъ болѣзней. «Во аптекахъ aqua cinnamonii cum cino называется вода».

Крапива.

„Гонитъ камень и мочу, корень ея отъ желтухи, а трава излѣчаетъ антоновъ огонь, слабитъ на низъ и выгоняетъ корь и оспу, сокъ же изъ нея залѣчиваетъ нарывы и раны «въ груди чахотныхъ». Сѣмя крапивное отъ всякихъ недуговъ въ почкахъ и пузырѣ. Пить на подобіе чаю. Также и отъ кашля, удушья, тѣсноты груди, колотья въ бокахъ, отъ кровохарканія или у кого кровь пойдетъ горломъ и всякое кровотеченіе; также отъ воспаленія язычка. Жигучка толченая пользуетъ отъ антонова огня; стреканіе крапивы всѣмъ онѣмѣвшимъ и отнявшимся членамъ“.

Кофія.

Смѣшать „съ лимоновымъ сокомъ“ и пить отъ лихорадки, не болѣе какъ полчашки.

Кресъ-трава.

„Чиститъ кровь. Отъ пьяготной болѣзни ѣсть сію траву съ масломъ и хлѣбомъ въ весеннее время ежедневно. Такожде мѣсячныя и гнать мертваго ребенка. Естли ѣсть вмѣсто салата—отъ сонныхъ немощей. Ежели сѣмянъ «столчь» въ порошокъ и принять въ цыкорной водѣ—умерщвляетъ глистовъ; также отъ битья, отъ упаденія спекшейся крови“.

Кресъ-трава.

Если отъ паралича отнялся языкъ, то держать во рту сего сѣмя. Какъ старые такъ и молодые могутъ употреблять его отъ глистовъ. Стертое з деревяннымъ масломъ причиняетъ потъ. Листье срубленное, съ дрожжами,—для приведенія къ гноеспусканію нарывовъ и ранъ, также отъ лома. Сокъ впускать въ ухо—исцѣляетъ простудную зубную боль. Кресъ ключевой имѣетъ то же свойство, какъ и садовой. Варить его въ молокѣ и пить отъ грудной чахотки.

Лавровый листъ.

Прогоняетъ вѣтры, способствуетъ очищеніямъ. Масло—отъ отнятія членовъ и судорогъ мажется, внутрь принимается отъ колики—до 12 капель.

Латукъ-трава садовая.

Выжатый сокъ почитается противоцынготнымъ; смѣшанный съ деревяннымъ масломъ и настоемъ розовыхъ цвѣтовъ—отъ головной боли; для сего тереть лобъ и виски. Сѣмя растолченное, въ во-

[illegible] стороя раскола стам, погасить. Примѣненіе немного слоновой кости—отъ бѣлей. Лакуетъ кладется въ клистиры. Смѣшанный съ уксусомъ или одинъ—отъ болѣнія головы.

Лебеда бѣлая.

Цѣлыя сѣмена производятъ рвоту. Онаго даютъ отъ желтухи. Листья прикладываютъ къ чирьямъ и другимъ затвердѣлостямъ. Сгоняютъ испорченныя кости. Выварка отъ истерическихъ припадковъ. Лебеда затягиваетъ занозы; нужно только [illegible].

Лимонъ.

Лимонный сокъ съ мелкимъ сахаромъ [illegible] нокаменной солью перемѣшать и въ ту же минуту дать поиеять—отъ гнилой горячки превосходное лѣкарство. И повторять оное черезъ два часа. Между пріемами взваръ ячменный по стакану, съ купоросным маслом. За неимѣніемъ лимона можно употреблять сокъ клюквенный.

Лимонъ въ старину былъ и косметическимъ средствомъ. Въ этомъ отношеніи лѣчебники даютъ такой рецептъ: въ свѣжемъ лимонѣ прорѣзать дыру и наполнить сахаромъ леденцомъ съ листовымъ червоннымъ золотомъ; затѣмъ закрывъ отрѣзаннымъ кусочкомъ, спечь на золѣ. Затѣмъ выжимать сокъ на полотенце и тереть лицо. «И дѣлается, говорятъ лѣчебники, лицо чисто и пріемчиво».

Лукъ.

Отъ цынги—ѣсть лукъ съ капустою. Луковой сокъ способствуетъ рощенію волосъ, если мазать голову; а если съ ватой положить въ уши—исцѣляютъ звонъ; смѣшанный съ крѣпкимъ уксусомъ впускать въ носъ—отъ кровотеченія.

Маеранъ.

Двѣ щепоти съ бѣлой чемерицей варить въ водѣ, пока третья часть «укипитъ» и втягивать въ носъ отъ насморка. Истертые въ порошокъ цвѣты и выварка гонятъ мѣсячныя и утоляютъ боли отъ колики.

Макъ.

Выварка бѣлаго маку—отъ острыхъ флюсовъ, отъ кашля, [illegible] въ чахоткахъ и отъ горячки. „Для скорѣйшаго сну" истолочь и съ розовою водою и яичнымъ бѣлкомъ прикладывать къ вискамъ и подошвамъ. Вода и сиропъ изъ цвѣтовъ [illegible]—отъ жара въ горячкахъ, безсонницы, [illegible], колотья въ бокахъ. Въ наружности: отъ воспаленія глазъ, отъ жабы, отъ загара на лицѣ.

Малина.

Налить крѣпкимъ виноградным уксусомъ и настоять на солнцѣ [illegible] силы, повторяя насыпать ягоды. Употреблять отъ обмороковъ, подогрѣвая и намачивая платокъ, прикладывать къ пульсамъ.

Чистецъ трава.

Выварка отъ несваренія желудка, отъ колотья, отъ засоренія въ легкихъ. Гонитъ вѣтры, утишаетъ волненіе крови. «Духъ корня на подобіе гвоздики». Порошокъ его отъ кровохарканія и поносовъ. Въ шкафы кладется отъ заплесненія, а въ сундуки отъ моли.

Миндаль.

Перемѣшать масла изъ сладкого миндаля съ леденцомъ и принять—утоляетъ рѣзь у родильницъ и младенцевъ. Горькій миндаль чиститъ почки и селезенку, гонитъ мочу и мѣсячныя; приложенный ко [illegible]—отъ [illegible] головы; превращенный въ тѣсто—чиститъ лицо и руки. «Свѣжій миндаль положить въ холодную воду, чтобы кожа отстала; облупя, положить подъ салфетку, чтобы обсохъ, потомъ сбить деревяннымъ пестикомъ на подобіе тѣста и положа въ рѣдкотканистый мѣшокъ, вытаскивать въ чистый стеклянный сосудъ. Также и горькой, только по истолченіи ставится въ муравленой плошкѣ на огонь. Масло оное употребляется отъ всякихъ болѣзней».

Можжевельникъ.

Ягоды, въ сентябрѣ собранныя, поджарить на подобіе кофія и пить съ сахаромъ отъ лихорадки. Также отъ заразительныхъ болѣзней и гнилого воздуха. Чиститъ кровь. И пить въ зимнее время.

Рута.

Заживляетъ внутреннія болѣзни и отъ цынги; умерщвляетъ глистовъ. Отъ остановленія мѣсячныхъ настоять щепоть въ рюмкѣ бѣлаго вина и выпить. Съ ячной мукой приложенная къ глазамъ, утоляетъ боль. «Прикладенная къ чирьямъ, вытягиваетъ ядъ». «Изящное» лѣкарство отъ грудной чахотки: взявъ въ мѣд. м-цѣ двѣ горсти руты, налить на все 5 бутылокъ рѣчной воды и варить, пока половина выкипитъ, потомъ руту выжать, а въ отваръ положить сабуру и положить туда полуветхую салфетку на сутки и потомъ носить ее на грудяхъ пока клочками обвалится. Должно иметь двѣ салфетки: какъ воспотѣетъ, приложи другую.

Чаберъ-трава.

Полезенъ отъ всякихъ недуговъ желудка, подкрѣпляетъ зрѣніе, унимаетъ рвоту, прогоняетъ сонную немощь и круженіе головы; разводитъ шишки и опухоли. Эссенція изъ него - вѣрнѣйшее средство отъ зубной болѣзни; впустя каплю въ ухо —отъ боли онаго. Брызгать въ комнатахъ отъ блохъ и другихъ насѣкомыхъ.

Черника.

Порошокъ изъ корня посыпается на раны, съѣдаетъ дикое мясо и заживляетъ оныя. Изъ ягодъ выгоняется вода „отъ горляныхъ и шейныхъ болѣзней и отъ горячекъ“. Сиропъ унимаетъ кровотеченія и дается дѣтямъ въ оспѣ и кори. Унимаетъ поносы. Ягоды, ежели ѣсть, —отъ каменной болѣзни.

Чернобыль.

„Растеніе сіе полезно послѣ родовъ женщинамъ и для утоленія боли въ животѣ и очищенія онаго: снаружи прикладывается, а внутрь вмѣсто чаю: унимаетъ матку, гонитъ крови, выгоняетъ мѣсто; наслучай несчастья, выгоняетъ мертваго младенца: гонитъ мочу и камень изъ почекъ; пользуетъ отъ ранъ и ожога. Естли кто раненъ пулею, то натолочь сей травы съ виномъ и выжавъ соку давать раненому по двѣ ложки въ день и въ рану подогрѣвъ влить. Эссенція сей травы поспѣшествуетъ родамъ.“

Чеснокъ.

Толченый прикладываютъ къ пульсу, чтобы уменьшить лихорадочный ознобъ. Истолченную чесноковку принять въ рюмкѣ бѣлаго вина съ мирроей—отъ лихорадки исцѣляетъ. Съ уксусомъ унимаетъ зубную боль. Мазь изъ чесноку, меду и коровья масла—отъ коросты. Мазь изъ чесноку и дер. масла отъ мозолей, простудной опухоли и лома. Три чесноковины въ стаканѣ бѣлаго вина или молока—отъ рѣзи въ животѣ и вѣтреной колики.

Шалфей.

На подобіе чаю пить: отъ дрожанія членовъ, насморка, падучей, удушья. Для очищенія мозга курить вмѣсто табаку. «Женщины, которыя не донашиваютъ дѣтей, выкидываютъ оныхъ, то имъ ѣсть шалфейные листочки или глотать онаго сока. Отваръ—отъ четверодневной лихорадки. Куреніе шалфея женщинами останавливаетъ мѣсячныя.»

Шафранъ.

Припарка изъ шафрана, бѣлаго хлѣба и молока къ опухолямъ отъ воспаленія. Примочка изъ шафрана отъ глазной болѣзни. Жевать или пить шафрана—гонитъ мочу и мѣсячныя. Но много употреблять и часто—вредно.

Шпинатъ.

Двойная вода изъ шпината на компресы отъ рожи, ядовитыхъ или гнилыхъ ранъ.

Щавель.

Съ кресомъ и ложечною травою—отъ цынги; съ розовымъ масломъ или шафраномъ—къ созрѣнію нарывовъ и чирьевъ. Испеченные листья приводятъ къ гноенію ѣдкія мокроты. Также къ глазамъ дѣлается припарка съ свинымъ саломъ. Толченые листья съ медомъ—отъ летучаго огня и воспаленія. Одни листья къ пульсамъ—умѣряется жаръ. Сѣмя въ порошкѣ отъ поноса.

Рѣдька.

Сокъ рѣдьки съ медомъ, перцемъ и гвоздикой (по 17 зеренъ) вмѣстѣ положа съ гвоздикой ѣсть

теплое отъ боления сердца. Рѣдечныя сѣмена выгоняютъ у [illegible] всю наружу. Рѣдечный уваръ пить отъ простуды и насморка. Выдвоенная вода изъ [illegible] рѣдьки — отъ рѣжи. «Вырѣзавъ изъ рѣдьки средину, наполнять [illegible]комъ и растопить на горячей золѣ и прикладывать къ стертымъ (обувью) пяткамъ или водянымъ пузырямъ, кои дѣлаются отъ ходьбы». Полезно пить сокъ рѣдечныя по утрамъ: разрѣшаетъ сгустившіяся мокроты, обструкціи и внутренніе завалы. Масло рѣдечное скоро выгоняетъ камень изъ почекъ и песокъ.» «Во время ковки [illegible] и пр. помочать въ рѣдечномъ соку, [illegible] или сока изъ навозныхъ червей: [illegible] не ржавѣть желѣзо».

Ячмень.

Отваръ ячменя отъ желчныхъ болѣзней; умножаетъ молоко у кормилицъ «и вельми хорошъ въ чахоткѣ». Припарки изъ муки ячменной—къ созрѣнію нарывовъ. Ячменное питье съ пырейнымъ корнемъ—отъ боли въ горлѣ; отваръ перловыхъ крупъ, съ сахаромъ и молокомъ, прохлаждаетъ грудь въ случаѣ воспаленія. «Яч. кофе здоровъ для груди и не принимая иныхъ лѣкарствъ, лѣчитъ чахотныхъ людей». Ячмень вмѣстѣ съ угольями ѣсть отъ кроваваго поноса. Въ яч. пластырь также прибавлять уголья.

Морковь.

Сокъ выжатый вареный пить отъ начинающагося кашля чахотки; сырой отъ глистовъ пить по утрамъ. Истертая морковь прикладывается въ видѣ пластыря на членъ, пораженный ракомъ, и мѣняются черезъ 12 часовъ.

Мускатъ.

Орѣхъ—отъ кроваваго поноса; цвѣтъ, настоянный въ бѣломъ винѣ съ сахаромъ, гонитъ мѣсячныя.

Мята.

«Передвоенная мятная вода и масло—обѣ сіи вещи разгоняютъ вѣтры, укрѣпляютъ нервы и желудокъ и мѣсячному поспѣшествуютъ, особливо когда въ нихъ распущены горькія экстракты. Смѣшанныя съ разсоломъ винноуксусной соли, лѣчатъ истерическихъ, ипохондрическихъ, чахотныхъ и сохнущихъ людей, а масло—въ дѣвичьихъ немощахъ. Мята пьется въ настойкахъ въ водахъ и винѣ отъ недостатка движенія крови. Укрѣпляетъ желудокъ, прогоняетъ изжогу, укрѣпляетъ мозгъ, помогаетъ апетиту, унимаетъ поносъ отъ заразы, помогаетъ отъ бѣлп, отъ почечуя, отъ дурноты въ головѣ, отъ желтухи, умерщвляетъ глистовъ, разгоняетъ скипѣвшееся молоко, чиститъ матку, споспѣшествуетъ родамъ. Отъ кровотеченія кладется въ носъ. Ежели есть черви въ ушахъ, то съ медомъ кладется зелень въ мѣшечекъ въ уши; приложенная ко лбу исцѣляетъ головную боль: пить на подобіе чаю отъ трепетанія сердца—лучшее средство». Мяту надо рвать руками, а не срѣзывать ножемъ.

Овесъ.

Толокно овсяное вылѣчиваетъ чахотку безъ всякой пищи; варить на подобіе каши и прикладывать къ нарывамъ, тугимъ опухолямъ, шишкамъ, фистуламъ. Если смѣшать съ бѣлилами и мыться почаще, то дѣлаетъ лицо чистымъ и пригожимъ. Жженый и смѣшанный съ сытою—отъ безпрерывнаго кашля; сваренный съ алтейнымъ корнемъ—отъ коросты и отъ ногтоѣда; нагрѣтый съ тминомъ—прикладывается къ животу отъ колики и болей матки. Дается лошадямъ отъ запора сваренный въ виноградномъ винѣ.

Пастернакъ.

Гонитъ мочу и мѣсячныя. Листья прикладываютъ къ ранамъ на ногахъ.

Перецъ.

«Ежели у кого опадетъ язычокъ, посыпавъ на ручку ложки и дотыкивая до онаго, то пройдетъ».

Петрушка.

Сырая и вареная гонитъ мочу; такожде и сѣмя. Припарка съ бѣлымъ хлѣбомъ разводитъ опухоль въ женскихъ грудяхъ и прогоняетъ молоко у родильницъ. Сокъ выжатый—отъ лишаевъ. Сокъ съ уксусомъ и солью—«къ скорѣйшему во время родинъ». Коренья въ декоктахъ. Листья толченые—къ пришибамъ, къ прищемленіямъ. Выварка изъ кореньевъ и немного водки—въ оспѣ и злыхъ горячкахъ.

Полынь.

На водѣ—укрѣпляетъ желудокъ, разгоняетъ вѣтры; полезно отъ мокроты и цынготной болѣзни. Выжатый сокъ въ винной настойкѣ - для подкрѣпленія, отъ подагры и глистовъ. Для сна прикладывается къ вискамъ. «Стертый съ довольнымъ количествомъ перебитаго яичнаго бѣлка сгоняетъ синія пятна съ тѣла и лица, ежели мазать». Масло сгоняетъ бородавки и рубцы отъ ранъ, чищаетъ раны отъ гнилости и вылѣчиваетъ оныя. Мазать животъ—отъ порчанія желудка и умерщвляетъ глистовъ.

Портулакъ.

Пользуетъ отъ воспаленія желудка, печени и почекъ, красной мочи, кровотеченія и горячекъ; отъ рожи, отъ антонова огня; ежели жевать, лѣчитъ ранки во рту, отъ опухоли десенъ и оскомины. Отваръ въ клистирѣ—отъ кроваваго поноса. Сокъ съ сахаромъ—отъ кровохарканія и неумѣрнаго теченія мѣсячныхъ. Портулакъ, приложенный ко лбу, утоляетъ боли головы, а къ пупу младенцовъ—умерщвляетъ глистовъ. Одинъ листокъ—отъ жажды. Припарка изъ портулака и ячменной муки, приложенная къ правому боку,—отъ лихорадокъ и горячекъ; портулакъ съ деревяннымъ масломъ, приложенный къ вискамъ и пульсу, производитъ сонъ. Сѣмена въ патокѣ—отъ удушья и одышки.

Розы.

Если съѣсть 20 или 25 цвѣтковъ бѣлой или желтой розы—превосходное слабительное. Губка розовая полезна отъ каменной болѣзни и цынги. Корень розовый въ порошкѣ, съ виномъ и „сердцекрѣпительной водою“—отъ укушенія бѣшеныхъ животныхъ. «Масло розовое: полфунта выжатаго изъ розъ соку, 5 ф. дер. масла, 2 ф. толченыхъ цвѣтовъ положить въ муравленый кувшинъ и поставить на полдневное солнцѣ или въ вольной духъ въ печь на часъ, потомъ выцѣдивъ влить опять въ кувшинъ прибавя розоваго сока, какъ сначала, и дѣлать три раза. Помогаетъ отъ простудныхъ опухолей, тушитъ воспаленіе, отъ головные боли и бреда, мазать ушибленныя мѣста. Внутрь—отъ кроваваго поноса и глистовъ».

Розмаринъ.

Порошокъ изъ розмарина принимать въ винѣ «отъ холодныхъ припадковъ желудка», отъ боли въ селезенкѣ и печенкѣ, отъ головнаго простуднаго лома, падучей болѣзни, головокруженія, судорожныхъ припадковъ, отнятія членовъ, истерики и отъ глистовъ. Выварка—отъ бѣли, укрѣпляетъ младенца, отъ выкидыванія, отъ золотухи. Хорошо куриться отъ насморка. «Также и для скрѣпленія матки курить куда слѣдуетъ». Ѣсть съ хлѣбомъ цвѣты или листья—отъ застарѣлыхъ головныхъ болей, а натощакъ—острится зрѣніе. Сѣмена съ перцемъ и бѣлымъ виномъ—отъ желтухи. Держать дерево во рту—производитъ слюнотеченіе.

Яблоки.

Раздавленные яблоки хорошо отъ ожога. Отваръ сладкихъ яблокъ отъ кашля.

Гречиха.

Изъ муки припарки отъ опухоли груди у родильницъ.

Огурцы.

„Облупя и прохлаждены льдомъ, прикладываются къ обритой головѣ въ бѣшеныхъ горячкахъ“. Огуречный корень производитъ рвоту. Сокъ огуречный съ сѣменами и мукою—притирать и чистить кожу. Эмульсія изъ сѣмянъ—гонитъ мочу, утоляетъ жажду въ горячкахъ.

Отдѣльные рецепты.

О бородавицахъ.

Сжечь вязоваго корня и смѣшавъ съ виномъ мазать.

Очищеніе лица.

Взять муравьиныхъ яицъ, взсушить, истолочь и пить съ медомъ, или сахаромъ.

О вычищеніи нутръ.

Отваръ дягильный пить въ теплѣ поутру: вычищаетъ отъ всѣхъ нутренныхъ болѣзней.

О грыжѣ.

„Попутниковое кореньѳ столечь въ порошокъ, смѣшавъ съ пропускнымъ медомъ. И мазать ядра полезно. При болѣзни ядръ пить отваръ попутникова семя“.

О шолудѣхъ.

„Зжечь мышью голову и ящерицу, зъмѣшавъ съ медомъ или съ медвѣжьимъ саломъ, и тѣмъ мазать“.

О темнотѣ глазъ.

Изъ смородиннаго листа, столкши и выжавъ сокъ, смѣшать съ ячной мукой и мазать глаза. При бѣльмѣ въ глазѣ полезно мазать совиною желчью. Или: проверти куриное яйцо и выпустя бѣлокъ всыпать соли, обмазать глиною и сжечь въ пеплъ, затѣмъ, просѣявши, всыпать въ бѣльмо. «А вѣчки мазать желчью совиною».

О гноеніи ногъ.

„Сжечь собачьи ребра и присыпать, а зверхъ прикладывать листъ капустный или попутниковый, перемѣняючи. Полезно, и заговаривають“.

О лихорадкѣ.

Коры еловой или ольховой въ маѣ мѣсяцѣ наскребать, изсушить въ порошокъ и дать принять предъ ознобомъ.

Мы пользовались главнымъ образомъ лѣчебникомъ XVIII в., переписаннымъ, очевидно съ болѣе древняго, въ им. Гайдуковкѣ могилевской губерніи. Лѣчебникъ даетъ богатый матеріалъ для исторіи народной фармакопеи и дѣло нашихъ медиковъ, отвергнувъ явно нелѣпыя средства, высказать авторитетное мнѣніе о средствахъ, доселѣ неизвѣстныхъ ученому медицинскому міру, не имѣющихъ широкое примѣненіе въ медицинѣ народной.

Е. Романовъ.

Двѣ археологическія развѣдки.

На минувшей недѣлѣ мнѣ случайно удалось произвести двѣ археологическія развѣдки. Подробное описаніе поѣздокъ будетъ напечатано уже въ другомъ мѣстѣ, здѣсь же я сообщу только главнѣйшіе результаты развѣдокъ.

Первая поѣздка была совершена въ область радимичей, въ окрестности столицы ихъ Радомля, туда, гдѣ въ р. Тросливку (притокъ Прони) впадаетъ р. Рудея. Здѣсь на возвышенномъ берегу названныхъ рѣчекъ находится курганное кладбище, заключающее въ себѣ болѣе 150 насыпей и свидѣтельствующее о величинѣ радимицкихъ поселеній въ ту отдаленную эпоху. Насыпи расположены тѣсной группой, нерѣдко вплотную примыкая другъ къ другу, и по величинѣ принадлежатъ къ числу среднихъ (1—4 ар. высоты). Крупнѣйшія окружены канавами, съ тремя всходами на насыпь. Форма насыпей—скорѣе конусъ, нежели полушаръ. На вершинѣ всѣхъ безъ исключенія кургановъ имѣются углубленія, вырытыя, какъ оказалось впослѣдствіи, много лѣтъ тому назадъ кладоискателями. Еще пятнадцать лѣтъ назадъ здѣсь былъ дремучій боръ, но затѣмъ, съ покупкою земли мелкими землевладѣльцами, лѣсъ былъ вырубленъ и кладбище-сѳ-гдѣ начало распахиваться.

Какъ водныя урочища, такъ и окрестные населенные пункты носятъ исключительно славянскія названія.

Раскопкѣ подверглись три насыпи: одна мелкая, высотою 1 ар. и окружностью въ 4 с., и двѣ среднихъ, высотою 2 ар., въ окружности 11—12 саж. Раскопка производилась послойно.

Въ первой насыпи, въ первомъ же слоѣ, на глубинѣ двухъ четвертей, обнаружены кости отъ трупосожженія, лежавшія полосою въ $2^1/_4$ арш. по направленію С—Ю, и подъ ними кострище съ мелкими сосновыми углями, занимавшее всю площадь кургана. Въ центрѣ ея ложе изъ крупныхъ полѣньевъ. Кости черепа находились въ сѣверной части насыпи, ногъ—въ южной. При разборкѣ, кромѣ костей здѣсь найденъ у ногъ обожженный конецъ лезвія косы и черепки глиняного горшка, бока котораго крупно орнаменти-

рованы неправильными волнистыми линіями въ два ряда.

Во второй насыпи на материкѣ оказалась зола и угелья отъ мелкаго хвороста, на нихъ песчаное ложе и на немъ костякъ. Погребенъ покойникъ головою къ В. нѣсколько бокомъ, лицомъ къ Ю, руки сложены на животѣ. Длина костяка до конца берцовыхъ 2 ар. 6 в. Изъ предметовъ культа здѣсь найденъ глиняный горшокъ, стоявшій у правой голени, безъ прикрытія, на жирной черной землѣ. Внутри горшка была повидимому пища, такъ какъ дно и бока его усѣяны корешками. Вышина горшка $2^{5}/_{8}$ в., окружность раструба 9 в., наибольшей выпуклости 9 вер. діаметръ раструба $2^{7}/_{8}$ в., діам. дна $1^{3}/_{4}$ вер. По выпуклости орнаментированъ неправильною волнистою линіею и подъ нею двумя паралельными кривыми, окружающими весь сосудъ. Работа грубая, но кружальная. Сосудъ подъ давленіемъ земли надтреснулся, но, вовремя связанный, уцѣлѣлъ. Другихъ предметовъ не найдено.

Третій курганъ по конструкціи оказался совершенно подобнымъ второму: на материкѣ кострище изъ мелкихъ сосновыхъ вѣтокъ, на немъ ложе изъ бѣлаго песку и поверхъ его костякъ, лежавшій головою къ З, нѣсколько бокомъ, лицомъ къ С (на лѣвомъ боку, какъ и предыдущій). Подъ головою находилась подстилка изъ толстой дубовой доски. Длина костяка до конца берцовыхъ 2 аршина 4 верш. Руки повидимому были сложены на животѣ, но кладоискателемъ, яма котораго проникла до костяка, средина его—руки, тазъ и правое бедро были сдвинуты и перерыты. Только пальцы рукъ оказались на тазу. Изъ предметовъ здѣсь найдены два горшка, разбитые при самомъ сооруженіи насыпи; одинъ изъ нихъ, меньшій и выпуклый, находился у лѣваго плеча выше головы, а другой большой и прямой слѣва у таза. Затѣмъ, на шеѣ найдены бусы—сердоликовыя, каменныя, стеклянныя и изъ композиціи; между бусами были пронизаны 30 бронзовыхъ подвѣсокъ, въ видѣ челночковъ, а на груди найдена бронзовая фибула въ видѣ звѣздочки съ восемью лучами. На язычкѣ фибулы сохранилась часть льняной полосатой ткани. На доскѣ подъ головою сохранились волоса, мягкіе, русые, но темные тамъ, гдѣ они прикасались къ доскѣ или къ бронзовымъ предметамъ. Другихъ предметовъ здѣсь не было и они вѣроятно унесены кладоискателемъ, судя по тому, что пальцы рукъ были зеленаго цвѣта отъ окиси бронзы, колецъ же на нихъ уже не оказалось.

Такимъ образомъ, во всѣхъ трехъ курганахъ были различныя находки. Два погребенія было мужскихъ, одно женское. Судя по уцѣлѣвшимъ зубамъ, всѣ погребенные были немолоды.

Невозможно судить по тремъ насыпямъ обо всемъ кладбищѣ и оно требуетъ дальнѣйшаго изслѣдованія, но уже и теперь можно утвердительно сказать, что могильникъ относится къ позднѣйшему времени (X—XI вѣку) и принадлежитъ жившему здѣсь сравнительно культурному земледѣльческому племени.

Такимъ племенемъ, какъ мы знаемъ, были радимичи, еще въ VII вѣкѣ платившіе дань хозарамъ, имѣвшіе слѣдовательно сношенія съ востокомъ и югомъ, и впослѣдствіи упорно отстаивавшіе свою независимость и свою языческую вѣру отъ князей кіевскихъ, пока роковая битва подъ Пропойскомъ не подчинила ихъ в. к. Владиміру.

Другая археологическая развѣдка произведена мною на правомъ берегу Днѣпра, у Новаго Быхова.

Здѣсь, какъ извѣстно, имѣется обширная площадь песковъ, начинающаяся узкою полосою за три версты отъ Быхова и расширяющаяся по мѣрѣ приближенія къ мѣстечку.

Насколько вредны песчаныя обнаженія для земледѣльца, настолько интересны и поучительны они для археолога. И это понятно: археологу здѣсь почти не приходится заниматься раскопками; услужливый вѣтеръ дѣлаетъ это за него, сдувая верхніе слои почвы и обнажая тѣ, которые были заселены въ отдаленнѣйшія эпохи и которыя представляютъ, поэтому, высокій научный археологическій интересъ.

Таковъ и Быховъ. Песчаныя обнаженія начали здѣсь первоначально образовываться на скатахъ берега, затѣмъ перешли на поверхность его и теперь вѣтеръ бушуетъ въ песчаной сахарѣ на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ, перенося съ мѣста на мѣсто песчаныя массы, обнажая новыя мѣста и засыпая тѣ, которыя были уже обнажены раньше. Вотъ почему посѣ-

[illegible] этихъ пустынь интересно послѣ каждаго [illegible].

Важнѣйшею причиною моей поѣздки туда было желаніе крестьянъ засѣять пески шелюгою и тѣмъ прекратить дальнѣйшее ихъ распространеніе. Такимъ образомъ, тѣ памятники сѣдой старины, которые теперь свободно лежатъ на поверхности, будутъ снова погребены и сдѣлаются недоступными для изслѣдователя.

Теперь этотъ пунктъ представляетъ изъ себя море движущихся къ востоку песковъ, среди которыхъ мѣстами виднѣются обнаженныя площади чернозема.

Эти то площади и имѣютъ наибольшій интересъ.

При ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ вы увидите, что эти подземныя площади идутъ на значительномъ пространствѣ и представляютъ изъ себя мѣста бывшихъ доисторическихъ поселеній. Въ однихъ мѣстахъ эти селища засыпаны еще съ древности только на глубину двухъ четвертой, въ другихъ толщина верхняго слоя достигаетъ двухъ аршинъ. Во многихъ мѣстахъ вы здѣсь найдете слѣды пожарищъ. Но были ли это случайные пожары или какая либо всеобщая катастрофа, повлекшая за собою удаленіе отсюда человѣка,— сказать невозможно. По окраинамъ площади песковъ расположены курганы (теперь 30 насыпей) и обыкновенныя могилы, безъ насыпей.

Подъ вліяніемъ вѣтра могилы обнажаются и любознательному посѣтителю предоставляется возможность видѣть всѣ типы погребенія.

Перечисляя находки въ хронологическомъ порядкѣ, я долженъ на первомъ мѣстѣ поставить кремневыя орудія—ножи, стрѣлы, пилы и т. п. Такихъ орудій здѣсь множество, особенно въ сѣверной окраинѣ и южной. Всѣ они отбивныя, безъ шлифовки, многія съ слѣдами употребленія. Здѣсь же найдены двѣ мастерскія, гдѣ эти орудія изготовлялись изъ большихъ кусковъ разноцвѣтнаго кремня. Орудій этихъ найдено мною за два часа пребыванія на селищѣ болѣе сотни.

Къ этой же эпохѣ каменнаго вѣка относятся осколки глиняной посуды, массивной, лѣпной, необожженной, съ большою примѣсью толченаго гранита и безъ всякаго орнамента. Предметы эти относятся къ отдаленнѣйшимъ доисторическимъ временамъ, когда человѣкъ находился на самой низкой степени развитія.

Рядомъ съ этими предметами находятся погребальныя урны.

Это большіе глиняные сосуды, наполненные пережженными костями, среди которыхъ иногда попадаются и обожженные предметы обихода, желѣзные ножи, расплавленныя бронзовыя кольца, перегорѣвшіе куски метала и т. п. Осколковъ этихъ урнъ можно набрать нѣсколько пудовъ.

Къ этому трупосожженію примыкаетъ иной типъ погребенія: сожженіе трупа на кострѣ, который потомъ засыпался землею. Такихъ погребеній мною найдено четыре (въ западной части площади, близъ дороги, и въ сѣверной).

Наконецъ, безпощадный вѣтеръ обнажилъ и нѣсколько могилъ сравнительно позднѣйшихъ, съ обыкновеннымъ погребеніемъ.

Предметы, находившіеся въ такихъ могилахъ, похищены подпасками, ежедневно прогоняющими здѣсь стадо, и мнѣ по окраскѣ костей рукъ и челюстей пришлось только констатировать, что на погребенныхъ были гривны, браслеты, кольца и т. п. Крупныхъ предметовъ въ такихъ разбитыхъ могилахъ мною уже не найдено, но въ женскихъ могилахъ я все же нашелъ нѣсколько стеклянныхъ и сердоликовыхъ бусъ, бронзовыхъ колецъ и сережекъ, шиферныхъ пряслицъ и серпъ. Въ мужскихъ уцѣлѣли только ножи. Монетъ не найдено, можетъ быть за краткостью времени, которое я провелъ на селищѣ, но найдены куски янтаря и пломба съ греческой надписью и изображеніемъ женской головки—что доказываетъ сношенія населенія и съ варягами и съ греками. По всему селищу разбросаны массы черепковъ отъ сосудовъ такъ называемаго курганнаго типа, со всевозможнымъ орнаментомъ, и довольно много желѣзной изгари, свидѣтельствовавшей о присутствіи въ древнемъ поселкѣ кузницъ.

Что касается кургановъ, то въ нихъ тоже наблюдено два типа погребенія: трупосожженіе и обыкновенное погребеніе.

Всего вывезено мною съ селища около пуда разнаго рода предметовъ и среди нихъ—ни одного предмета христіанскаго культа.

На основаніи изученія находокъ и мѣстности, можно установить, что берегъ Днѣпра былъ за-

селенъ здѣсь въ эпоху палеолитическую; затѣмъ населеніе смѣнялось или культивировалось, благодаря пролегавшему здѣсь пути изъ варягъ въ греки, а къ концу существованія поселка занималось земледѣліемъ и ремеслами. Какая-то катастрофа уничтожила поселокъ до введенія христіанства и на томъ мѣстѣ, гдѣ тысячу лѣтъ назадъ кипѣла жизнь, теперь свободно гуляетъ вѣторъ и поетъ посѣтителю печальныя пѣсни о минувшихъ дняхъ и выдуваетъ къ его услугамъ предметы той отдаленной эпохи.

Жаль, что быховская интелигенція ничего не дѣлаетъ для изученія селища: наблюденія, веденныя систематически, могли бы дать массу находокъ, которыя ярко представили бы намъ жизнь, кипѣвшую здѣсь на зарѣ нашей исторіи.

Е. Романовъ.